

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского
МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ
им. Вселенских Учителей и Святителей
Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста

Г.Э. Щеглов

***Степан Григорьевич Рункевич
(1867-1924)***

***ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ***

МИНСК
«ВРАТА»
2008

УДК 271.22

ББК 86.37

Щ 33

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси*

Рецензенты:

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор
С.-Петербургского государственного университета;

Черепица Валерий Николаевич, кандидат исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории славянских государств
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы.

Щ 33 **Щеглов, Г. Э.**

Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924) : Жизнь и служение на
переломе эпох / Г. Э. Щеглов. – Минск : ВРАТА, 2008. – 436 с., ил.

ISBN 978-985-6912-02-6

Монография посвящена жизни и трудам крупнейшего церковного деятеля и ученого Степана Григорьевича Рункевича (1867–1924). Это глубокая и сложная фигура, ознакомление с которой дает возможность проследить не только судьбу отдельного человека, формирование его мировоззрения, становления С.Г. Рункевича как ученого, но и позволяет через него проследить судьбу Русской Православной Церкви в ее наиболее сложный период – конец XIX–начало XX века, вплоть до революционных потрясений и начала гонений на Церковь. Книга написана главным образом на основе многочисленных архивных и опубликованных источников.

Для специалистов-историков и всех интересующихся отечественной церковной историей.

УДК 271.22

ББК 86.37

ISBN 978-985-6912-02-6

© Щеглов Г. Э., 2008

C. P. ...

К ЧИТАТЕЛЮ

Настоящая книга посвящена жизни и трудам крупнейшего церковного деятеля и ученого конца XIX – начала XX века Степана Григорьевича Рункевича (1867–1924). К сожалению, имя его до недавнего времени относилось к числу забытых, известных лишь ограниченному кругу специалистов, между тем как научно-литературное наследие, служебная деятельность и личность С.Г. Рункевича весьма замечательны во многих отношениях.

Прежде всего, он представляет интерес как выдающийся церковный деятель того времени, когда Русская Православная Церковь находилась на одном из труднейших этапов ее бытия. Это глубокая и сложная фигура, изучение жизни которой дает возможность проследить не только судьбу отдельного человека, формирование его мировоззрения, становления как ученого, но и позволяет через него проследить судьбу Русской Церкви в ее наиболее сложный период – конец XIX–начало XX века, вплоть до революционных потрясений и начала гонений на Церковь.

Сын сельского священника, С.Г. Рункевич получил классическое для выходцев из духовного сословия духовное образование – училище, семинария, академия. Благодаря своей даровитости и трудолюбию, он уже студентом обратил на себя внимание, и после окончания духовной академии был приглашен сотрудником в архив Святейшего Синода. Со временем Рункевич вырос в крупного ученого, получив в достаточно еще молодом возрасте степень доктора церковной истории. В служебном отношении он занимал перед революцией 1917 года должность помощника управляющего Синодальной канцелярией, дослужившись до чина действительного статского советника. С именем С.Г. Рункевича связаны такие известные исследования, как «История Минской архиепископии

(1793–1832)» (1893); «Описание документов архива западно-русских униатских митрополитов», т. I (1897) и т. II (1907); «Петербургская приходская благотворительность» (1900); «Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода» (1900); «Русская церковь в XIX веке» (1901); «О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого» (1906); «Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим» (1906); «Александроневская лавра (1713–1913)» (1913); «Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг.» (1916) и др. Помимо отдельных книг С.Г. Рункевичем было опубликовано множество очерков, статей, заметок, рецензий, помещенных в «Церковном Вестнике», «Христианском Чтении», «Страннике», «Историческом Вестнике», «Церковных Ведомостях», «Новом Времени» и других периодических изданиях. Все литературное наследие ученого измеряется сотнями наименований, более сорока из которых вышло отдельными изданиями.

Большой интерес представляет не только сама личность С.Г. Рункевича, но и время, в которое ему выпало жить и трудиться. Бесспорно, это любопытнейший и вместе с тем один из наиболее трагических периодов русской истории. Историки пристально всматриваются в это время, пытаются уловить и осмыслить причины, так круто и бескомпромиссно повернувшие в 1917 году русскую историю. Это время, невероятно динамичное, было вместе с тем временем крайне противоречивым. С одной стороны, Российское государство переживало необычайный подъем буквально во всех сферах жизни, с другой – скатывалось к неминуемой катастрофе. «Как?» и «Почему?» – вот вопросы, неотступно возникающие буквально на каждом шагу, когда соприкасаешься с этим временем.

Вместе с тем названное время представляет один из самых динамичных и оживленных периодов в жизни Русской Православной Церкви. Именно на конец XIX и первые десятилетия

XX столетия приходится заметное оживление церковного самосознания. В то же время в связи с социальными катаклизмами резко обнажились и проблемы церковной жизни, для разрешения которых возникла неотложная потребность реформ, и в связи с этим встал вопрос о созыве Поместного Собора Русской Православной Церкви. Важнейшими вехами на пути к церковным реформам стали Предсоборное Присутствие 1906 года, учрежденное в 1912 году Предсоборное Совецание, Предсоборный Совет и, наконец, сам Поместный Собор 1917–1918 годов – главное событие церковной жизни той эпохи. Ко всем этим эпохальным событиям был непосредственно причастен С.Г. Рункевич. В 1906 году он состоял делопроизводителем III отдела Предсоборного Присутствия, занимавшегося вопросами преобразования церковного суда. С 1912 года был членом-делопроизводителем Предсоборного Совецания, а с июня 1917 года – членом Предсоборного Совета.

Совершенно особый период жизни С.Г. Рункевича представляют 1917–1923 годы – время его деятельности в Москве. В 1917–1918 годах Рункевич принимает участие в работе Поместного Всероссийского Собора в качестве члена Собора и председателя его Редакционного отдела. В то же время он участвует в работе специальной делегации Высшего церковного управления, образованной для защиты перед советским правительством имущественных и иных прав Церкви, пораженных после объявления Декрета об отделении Церкви от государства. На фоне ряда неудачных попыток делегации построить конструктивный диалог с новой властью и защитить имущественные права Церкви, особое значение приобретает единственный вопрос, нашедший сочувствие в советском правительстве. Это вопрос об охране церковных библиотек и архивов, оказавшихся в годы революции в бедственном, катастрофическом положении. Решением именно этого вопроса и занимался С.Г. Рункевич, сыграв исключительную роль в

проблеме охраны церковных архивов. Ему же принадлежит и выдающаяся заслуга охраны и приведения в порядок соборного и других архивов Высшего церковного управления, оставшихся на его единоличном попечении после прекращения деятельности Поместного Собора.

Посмертная безвестность С.Г. Рункевича была вполне закономерной для того времени. В хаосе, вызванном революционным разломом русской истории, память о нем быстро затерлась, и это было немудрено, когда среди бурлящего моря гражданской смуты, в водовороте тех страшных событий гибли миллионы. В годы развернувшихся гонений на Церковь, когда планомерно и систематично разрушались духовные и культурные ценности, на грани гибели оказалась и церковная наука. В скорбях и лишениях один за другим уходили из жизни ее представители. О тех, кто остался в России, вскоре забывали. Да и удивительно ли это, когда само существование церковной организации стояло под вопросом.

Так случилось со многими, и казалось, история навсегда потеряла их из виду. Однако след, оставленный такими людьми, как С.Г. Рункевич, не может затеряться во времени, такие люди свидетельствуют о себе и после смерти. Их образы, их дела проступают сквозь завесу времени, только нужно пристальней взглянуть в их лица. Нельзя сказать, что это легко, ведь сегодня приходится среди развалин и обломков прошлого отыскивать осколки разбитого образа, восстанавливая целостную картину жизни человека, его деятельности, интересов, взглядов. Именно такую попытку и представляет предлагаемое вниманию читателя исследование.

К сожалению, до настоящего времени сколько-нибудь серьезной реконструкции жизни и деятельности ученого не предпринималось. Биографические очерки, помещенные в биографическом словаре Н.И. Афанасьева «Современники»¹ и юбилейном издании «Пятидесятилетие высочайше учреж-

¹ *Афанасьев Н.И.* Современники. Т. II. – СПб., 1910. – С. 364–366.

денной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915»², да небольшая заметка в «Энциклопедии» Брокгауза и Ефрона исчерпывают информацию о С.Г. Рункевиче. Это весь круг сведений о блестящем историке, мыслителе и церковном деятеле.

В основу настоящего исследования положены материалы, почерпнутые главным образом из фондов различных библиотек и архивов.

Автор выражает искреннюю благодарность за оказанную поддержку во время работы над книгой профессору Валентине Анатольевне Тепловой (Минск), Александру Викторовичу Артюховичу (Минск), Владимиру Егоровичу Самохину (Москва), священнику Александру Ионову (Москва) и всем, кто в какой-либо мере оказал содействие или поддержку в написании настоящего исследования.

² Пятидесятилетие высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. – Пг.: Синод. тип., 1915. – С. 373–385.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив РАН (СПб.) – Архив Российской академии наук (С.-Петербург).

ВЦУ – Высшее церковное управление.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГУАД – Главное управление архивным делом.

ЕВ – Епархиальные Ведомости.

ЕГАФ – Единый государственный архивный фонд.

ИВ – Исторический Вестник.

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук (С.-Петербург).

КА – Красный архив.

НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

ПБЭ – Православная Богословская Энциклопедия.

РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

ХЧ – Христианское чтение.

ЦВ – Церковный Вестник.

Ц Вед – Церковные Ведомости.

ЦГАК СПб. – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов С.-Петербурга.

ЦГАЛИ СПб. – Центральный государственный архив литературы и искусства С.-Петербурга.

ЦГИА СПб. – Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга.

ГЛАВА 1

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1867–1899)

1.1. Детство и годы учебы

Стефан Григорьевич Рункевич родился 11 января 1867 года в семье священника Григория Рункевича, служившего в то время настоятелем Свято-Васильевской церкви села Корытно (Корытно) Бобруйского уезда Минской губернии. В восьмой день после рождения, 18 января, он был крещен. Восприемниками его были известный в Минской губернии благотворитель – помещик Слуцкого уезда Константин Ксавериевич Войнилович³ и дочь священника Кличевской церкви Игуменского уезда Иоанна Костки – Евгения, родная сестра матери младенца, Пелагии Ивановны. Крещение, по просьбе отца, совершил настоятель Голынской Покровской церкви, духовник благочиния Илья Андреевский (†1886)⁴. Кроме Стефана в семье Рункевичей были еще старшие дети Михаил (род. 15 ноября 1862 г.) и Мария.

Летом 1868 года ввиду крайне неблагоприятных обстоятельств, возникших вследствие интриг Бобруйской уездной администрации против священника Григория, семья Рункевичей вынуждена была оставить Корытнянский приход и переехать на новое место. Григорий Рункевич со своей семьей оказался заложником давнишних болезненных проблем Белорусского

³ Помещик имения Шостаки Слуцкого у. Минской губ., действительный статский советник, известный жертвователь, член Минского православного Николаевского братства.

⁴ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 18. Д. 51. Л. 367–368 об.

края. Он стал одной из многочисленных жертв произвола и фанатизма местных польских помещиков и чиновничества, имевших в то время здесь огромное влияние.

Отец Стефана, священник Григорий, происходил из семьи дьячка Стефана и Феклы Рункевичей. Образование он получил в Пинском духовном училище и Минской духовной семинарии. Во время учебы в семинарии Григорий Рункевич в течение пяти лет (с 1 октября 1855 г. по 1 октября 1861 г.) занимал должность штатного письмоводителя семинарского Правления, а также около трех лет исполнял обязанности секретаря Комитета по строительству семинарского корпуса и архиерейского дома⁵. После окончания семинарии женился на дочери священника Кличевской церкви Пелагии Ивановне Костко. 1 января 1862 года Григорий Рункевич был рукоположен архиепископом Минским и Бобруйским Михаилом (Голубовичем) в сан священника и назначен настоятелем на Корытнянский приход⁶.

Первые годы его пастырского служения пришлись на очень беспокойное и бурное время, ознаменованное яркими и весьма трагическими событиями.

В начале 1860-х годов польская шляхта и магнаты уже активно готовились к национально-освободительному восстанию, начавшемуся открыто в январе 1863 года, сначала в Царстве Польском, а затем охватившему и Западные губернии⁷ Российской империи. Поднятое здесь высшим польско-шляхетским сословием и католическим духовенством, восстание не получило поддержки простого народа, однако внесло большую смуту в край, вписав очередную трагическую страницу в его историю.

Предотвратить восстание не смогла даже примирительная по отношению к Царству Польскому политика императора

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36111. Л. 131.

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40884. Л. 120 об.–122.

⁷ Под Западными губерниями, или Западным краем, в литературе, как правило, именовались губернии Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская и Витебская.

Александра II. Поляки давно мечтали о восстановлении своей утраченной государственности и никакие мероприятия российского правительства не могли остановить этого стремления. Однако большие заблуждения поляков были в том, что весь Западный край они считали своим, а политические их амбиции простирались до восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года. Но именно в этом коренился залог неуспеха польских начинаний. Само восстание, имевшее значение для польской аристократии, шляхты, ксендзов и вообще для коренной Польши, не имело никакого смысла для православного белорусско-литовского населения Западных губерний. Поэтому, оторванные от жизненных реалий, польские политические устремления с самого начала были обречены на провал.

Серьезные волнения в Царстве Польском начались уже в 1860 году и политическая обстановка там постепенно стала накаляться все более. Мощным толчком к восстанию послужил и манифест 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права, так как он с сокрушительной силой ударял по материальному благосостоянию польской знати, столетиями строившемуся на безжалостной эксплуатации крепостного крестьянства.

Несмотря на нарастающее политическое напряжение в Польше, император Александр II все же продолжал политику примирения и уступок. В марте 1861 года появился указ, даровавший Царству Польскому автономию. Создавался Государственный совет Царства – высший совещательный и контрольный орган, формировалась польская гражданская администрация и выборное местное самоуправление – губернские, уездные и городские советы⁸. Однако надежды Российского правительства на водворение порядка примирительной политикой и реформами не давали желаемого результата, а все возраставшие волнения требовали более решительных мер.

С целью изолировать опасные элементы, по решению вице-председателя Государственного совета Царства, маркиза

⁸ Воронин В.Е. Польское восстание 1863–1864 гг. – <http://www.portal-slovo.ru>

А. Велепольского, на 3 января 1863 года был объявлен рекрутский набор, причем в списки призывников были внесены большей частью участники политических манифестаций. Но эта мера оказалась крайне недальновидной и, по сути, спровоцировала начало вооруженного восстания. Уклонившиеся от набора лица вышли из Варшавы и составили первые повстанческие отряды. Общее руководство восстанием взяло на себя так называемое временное народное правительство – «жонд народowy». На территории Белоруссии и Литвы восстание поддержал местный польский элемент в лице шляхты, ксендзов, мелких чиновников и гимназистов.

Говоря о состоянии Западных губерний, и в частности Белоруссии, накануне восстания, нужно отметить, что здесь вся гражданская власть практически целиком находилась в руках польского чиновничества, относившегося с нескрываемой ненавистью и презрением к русской власти и правительству. Если в Царстве Польском, с преобладающим польским населением, революционные идеи находили относительно широкое сочувствие, то в Белоруссии и Литве оппозицию русскому правительству в основном составляли польское дворянство – шляхта и католическое духовенство. Эти два сословия, имевшие огромное влияние и значение во времена Речи Посполитой, пользовавшиеся привилегиями и обладая большими богатствами, не могли забыть своих прежних вольностей и всеми мерами стремились к их возвращению – к «отбудованию» старой вольной Польши. При этом надо отметить, что шляхта здесь имела исключительное влияние на материальные и культурные стороны общественной жизни. Почти три четверти земельного, то есть главного богатства края принадлежало помещикам польского происхождения. О культурном же польском преобладании нечего и говорить. В то время как русские школы только начинали появляться, в крае царил польский язык, польская газета, польская наука, разговорным языком был польский, на котором велась часто и официальная переписка.

Начав восстание, повстанцы, впрочем, не имели достаточных сил, чтобы вступать в открытые столкновения с правительственными войсками, и потому большей частью их отряды действовали методами партизанской войны. Между тем руководители восстания всячески старались привлечь на свою сторону простой народ: то заигрывая с ним и суля разные льготы, то запугивая и открыто угрожая. Однако народ не только не поддержал восстания, но с каждым днем все больше и больше проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими по всему краю. Их отряды, бродившие по лесам, приносили с собой только горе, страдания и страх. Сотни ни в чем не повинных людей – стариков, женщин, детей – были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей были поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения⁹.

Во время восстания сильно пострадало и местное православно-духовное сословие. Чего только не пришлось вынести православному духовенству от польских повстанцев – угрозы, издевательства, побои и грабежи претерпело оно. Совершались и убийства. Буквально всю Россию облетели известия о зверских убийствах священников Даниила Конопасевича, Романа Рапацкого, Константина Прокоповича, дьячка Федора Юзефовича¹⁰. Многим священникам, чтобы избежать насилия, приходилось прятаться¹¹. Некоторых из них, приговоренных повстанцами к смерти, спасла лишь охрана русских военных¹².

⁹ Щеглов Г.Э. 1863-й. Забытые страницы. – Мн.: Православное Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске, 2005. – С.12–13.

¹⁰ Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России, 1863. – Т. II. – С. 91–93; Т. IV. – С. 56–58.

¹¹ Там же. Т. IV. – С. 56.

¹² И[оанн] П[ашин], священник. Протоиерей Василий Иоаннович Завитневич (некролог) // Минские ЕВ. – 1817. – №19–20.

Вспоминая те тревожные дни, священник Григорий Рункевич писал: «Кроме убиенных и повешенных православных священников, было множество в крае таких мучеников священников, которые хотя и спасли свою голову от виселицы, но не менее пострадали от варварских козней нравственно»¹³. К числу последних отец Григорий причислял и себя.

Корытнянский приход, на котором он служил, находился в то время во владении четырех польских помещиков. Все они были активными сторонниками восстания, а состоятельнейший из них, владелец имения Корытное и др. пан Иосиф Войнилович, участвовал в нем открыто¹⁴. Находясь в таком месте, отец Григорий волей неволей оказался вовлеченным в открытое противостояние. Следуя своему пастырскому и патриотическому долгу, молодой священник мужественно противостал на своем приходе мятежному духу, разгоравшемуся в крае. Несмотря на грозящие опасности, он «искренно и прямодушно, с полным усердием и ревностью старался словом и примером охранить вверенную ему паству, как от случайных волнений, так и от увлечения кого-либо из своих в ряды польско-революционной банды»¹⁵. И в его лице повстанцы действительно встретили нравственную силу, противостоящую их замыслам. Как правило, в то время священникам приходилось разъяснять своим прихожанам истинные причины и цели восстания, ободрять малодушных, рассеивать ложные слухи, организовывать дозоры для охраны селений и многое другое. И люди действительно не только переставали бояться польской пропаганды и запугиваний, прятаться от повстанцев, но и сами активно начинали противодействовать повстанческому движению.

Очень красноречиво о народных настроениях во время восстания свидетельствует писатель-историк В.В. Крестовский:

¹³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35071. Л. 35.

¹⁴ Там же. Л. 35–35 об.

¹⁵ Там же. Л. 35 об.

«От разных сельских обществ и приходов <...> посыпались благодарственные письма Монарху и заявления военным властям о готовности задавить “панское рúшенье”, помогать войскам, составлять из себя партизанские отряды и сельские караулы. В самой Польше было то же самое. <...> Военным властям нередко с трудом надо было сдерживать крестьянскую злобу на панов, – злобу, накопившуюся веками и которая особенно сильно сказалась на литовской Руси, где с именем поляка невольно связывалась мысль о прошедшем гнете во всех его разнообразных проявлениях, потому что литовский поляк – это не только даже помещик (между помещиками были и русские), сколько его управляющий-шляхтич; поляк – это не всегда губернатор, но наверное чиновник его канцелярии, письмоводитель станowego; поляк на литовской Руси – это все то, что стояло в непосредственном столкновении с народом, что росло на нем гнилым паразитным грибом и постоянно давило его в течение нескольких веков. И замечателен факт, что панская Вильна, Гродна, равно как и Варшава, впервые облеклись в глубокий траур в самый день 19 февраля 1861 года»¹⁶.

Уже к осени 1863 года, благодаря решительным действиям генерал-губернатора М.Н. Муравьева и российским войскам, восстание было практически подавлено, а к началу 1864 года исчезли последние его очаги. Некоторые наиболее активные участники восстания, а также совершившие особо тяжкие преступления, были казнены, других сослали в Сибирь или во внутренние губернии России. Тем не менее многим польским помещикам и чиновникам, так или иначе имевшим отношение к восстанию, удалось остаться при своих имениях и должностях. Один из активных участников восстания, действовавший в районе Корытнянского прихода, Людвиг Шомчик, по представлению прихожан, конфирмацией Минского временного

¹⁶ *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. Кн. 2. – М.: Современный писатель, 1995. – С. 458.

военного губернатора В.И. Заболоцкого¹⁷ был сослан на поселение в Сибирь. Между тем помещик Иосиф Войнилович «отделался лишь шестимесячным домашним арестом в городе Слуцке»¹⁸. Видя в священнике Григории своего обличителя и противника, испытывая к нему крайнюю неприязнь, местные помещики-поляки решили выместить на нем свою злобу и по возможности убрать с прихода. Пан Иосиф Войнилович сумел вооружить против отца Григория уездную бобруйскую администрацию, и вскоре против него составила́ся целая враждебная коалиция. С этого времени на священника Григория Рункевича посыпались бесконечные клеветы, доносы и вымышленные обвинения начальству. Наконец, воспользовавшись законом о невмешательстве духовных лиц в гражданские дела, враждующая сторона обвинила отца Григория в таковом вмешательстве. Интрига возымела успех, и в середине 1868 года он «был сужден Епархиальным Начальством за мнимое вмешательство не в свои дела к временному лишению прихода и месячной монастырской епитимии»¹⁹.

В ту пору умер тесть отца Григория – священник Иоанн Костко, настоятель Кличевского прихода в Игуменском уезде Минской губернии. С одной стороны, эта утрата усугубила душевные страдания семьи Рункевичей, с другой – к ним переходил по наследству Кличевский приход, уже более ста лет являвшийся наследственным в их роду по женской линии²⁰. Это обстоятельство в столь трудную минуту было воспринято отцом Григорием как явный Промысел Божий.

Не радостно было покидать Григорию Рункевичу Корытнянский приход, на устройство которого им было потрачено немало сил и средств. За семь лет своего служения он построил

¹⁷ Заболоцкий Василий Иванович – генерал-лейтенант, Минский временный военный губернатор в период польского восстания 1863–1864 гг., с 1866 г. главный начальник Варшавской полиции.

¹⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 18. Д. 35071. Л. 35 об.

¹⁹ Там же. Л. 36.

²⁰ Там же. Л. 11.

на приходе две приписные церкви, устроил в приходском храме новый иконостас, через имеющих в Москве знакомых обогатил церковную ризницу, перестроил дом священника, потратив на то 500 рублей собственных денег, возвратил 105 десятин церковной земли, захваченной при прежнем священнике помещиком Иосифом Войниловичем²¹. Кличевский же приход хотя и был не лучший в материальном обеспечении, однако желанный для Рункевичей по родственным впечатлениям. На смертном одре священник Иоанн Костко убедительно просил отца Григория, чтобы он не переуступал прихода в чужие руки и не переставал бы совершать поминовение на могилах своих предков и то же бы завещал своим наследникам²².

Получив назначение к Кличевской Свято-Троицкой церкви, Рункевичи в июне 1868 года переехали на новое место.

Стефан, будучи тогда еще младенцем, конечно, далек был от тех проблем, которыми жила семья. Однако описанные события имели последствия, которые непосредственно коснулись его сознания, запечатлевшись в детских воспоминаниях.

Григорий Рункевич надеялся, что на новом месте жизнь его будет более покойной и мирной, но ожиданиям его не суждено было сбыться. Кличевский приход частью входил в состав имений польского магната графа Маврикия Потоцкого²³ и принадлежал Игуменскому уезду, но частично относился и к Бобруйскому уезду, надлежа надзору той же бобруйской администрации²⁴. Враждебная отцу Григорию коалиция, вновь видя его в своих владениях и окрыленная прежним успехом, опять начала его преследовать. Со временем она пополнила свои ряды, найдя сторонников среди чиновников Игуменского уезда и хозяйственной администрации графа Потоцкого. Ввиду этого, вокруг отца Григория создалась такая обстановка, что

²¹ Там же. Л. 36 об.

²² Там же. Л. 11.

²³ Потоцкий Маврикий Александрович – граф, камергер Императорского Двора, проживал в Варшаве.

²⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 18. Д. 35071. Л. 36 об.

он встречал в своей приходской и хозяйственной деятельности препятствия буквально во всем, так что ему, по собственному его свидетельству, приходилось «силою брать для питания своего даже воздух»²⁵.

12 июля 1870 года в семье Рункевичей родился четвертый ребенок Николай. Но в следующем году их постигла тяжелая утрата: скончалась супруга отца Григория Пелагия Ивановна, горячо и нежно любимая всем семейством. По ее смерти отец Григорий остался «с четырьмя малолетними детьми и тремя сиротами отца своего»²⁶. Кроме пастырских обязанностей на него одного теперь ложилась забота о воспитании четырех «безматерних сирот». Часто в минуты усталости от непосильных трудов и горькой печали он ходил на могилу жены, где «у гроба своей милой подруги изливал свои чувства в молитвах и слезах», находя отраду своему «страждущему сердцу и изнывающему духу»²⁷.

Трудным и скорбным оказался жизненный крест священника Григория. Обиды и огорчения не переставали преследовать его. Враждебная клика пронесла его имя по уезду «как прокаженного, с самыми язвительными колкостями и насмешками, обнесла клеветой, всевозможными интригами в доносах по Начальству, стараясь повредить ему существенно, или сместить с прихода»²⁸. На плечи отца Григория в то время свалилась «целая бездна доносов и по ним следственных процессов от разных лиц и по разным инстанциям»²⁹.

Испытывая на себе и видя бесчисленные беззакония, бесчинства и открытый грабеж в отношении крестьян со стороны панской хозяйственной администрации, а также бездействие или откровенное покровительство со стороны уездных чиновников, отец Григорий глубоко скорбел о бесправии и забитости

²⁵ Там же. Л. 37.

²⁶ Там же. Л. 11 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 43 об.

²⁹ Там же.

народа. Прихожане часто жаловались ему на горькую свою судьбу, изливая в сердцах свои скорби. Как мог отец Григорий утешал их добрым словом. Наконец, крайне бедственное положение простого люда и чувство самосохранения заставили его взяться за перо. В начале 1874 года он опубликовал в столичной газете «Современность»³⁰ статью «Рекрутский набор в Минской губернии Игуменского уезда», где открыто затронул еврейский вопрос и коррумпированность местных чиновников. В том же году он написал в Варшаву графу М.А. Потоцкому письмо, жалуясь на вопиющие злоупотребления его хозяйственной администрации и взывая к его христианской совести, просил принять соответствующие меры. В следующем, 1875 году он написал подобные письма мировому посреднику Н.Е. Раковичу и председателю Бобруйского съезда мировых посредников А.П. Воронцову-Вельяминову³¹. Однако письма никаких положительных последствий не принесли. Ничего не добившись частной перепиской, отец Григорий в феврале 1876 года опубликовал в «Современности» еще одну обличительную статью, где описывал как в Игуменском уезде грабят крестьян, упомянув имена Потоцкого, Раковича и др. И хотя под статьей стояла подпись «Белорусский священник», нетрудно было догадаться кто ее автор. Тучи над Григорием Рункевичем сгустились, напряжение стало критическим и вскоре разразилось для него новой бурей.

В начале лета возникло дело по обвинению священника Григория Рункевича в оскорблении и неблагоприятных поступках в отношении представителей гражданской власти: станového пристава Орла и жандармского унтер-офицера Астапченко.

³⁰ «Современность» – политическая, общественная и литературная газета. Издавалась с 1871 г. два раза в неделю при журнале «Странник», вместо приостановившегося «Современного Листка», под редакцией протоиерея В.В. Гречулевича. Издание было посвящено преимущественно интересам церкви и духовенства. В 80-х гг. газета была возобновлена и выходила под редакторством А. Старчевского с приложением «Семейное Чтение». Последний номер вышел 3 мая 1881 г.

³¹ Воронцов-Вельяминов Аркадий Павлович – владелец имения Плёсы Бобруйского уезда, предводитель дворянства Бобруйского уезда и председатель Бобруйского съезда мировых посредников.

Также ему приписывали возмущение крестьян против местного помещика. Хотя обвинения, как и прежде, были вымышленными, но дело на этот раз приняло серьезный оборот. Враги его решили действовать теперь через Петербург. Жалоба на отца Григория была передана в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода. 3 июля 1876 года в Минскую духовную консисторию из обер-прокуратуры поступила официальная бумага на имя Преосвященного Александра (Добрынина), епископа Минского, с просьбой разрешить ситуацию. Видя, что дело дошло до столицы и, не желая обострять обстановку, владыка Александр счел за лучшее переместить «беспокойного» священника на другой приход³². К тому же и Минский вице-губернатор И.П. Альбединский, в неофициальном письме советовал Преосвященному как можно скорее удалить Григория Рункевича с прихода. «При этом считаю долгом присовокупить, – писал вице-губернатор, – что в ином случае я буду поставлен в необходимость донести Г[осподину] Управляющему Министерством Внутренних дел, что за пребыванием Рункевича на месте я слагаю с себя всякую ответственность за могущие произойти беспорядки в среде крестьян всех окрестных волостей»³³.

Отец Григорий, сознавая свою невиновность, просил Преосвященного Александра назначить следствие. Благодетельный, священник Иоанн Еремич, рекомендовал владыке иерея Григория как «человека вполне нравственного, рассудительного, ко всему доброму стремящегося и преисполненного любовью к ближним». «Видя в нем примерного священника, отличающегося как трезвою жизнью, так и домостроительством и сверх сего, имея в виду то, что Рункевичем на Кличевском приходе понесено много убытков на устройство своего двора и <...> частным образом много средств (до 700 рублей) к возведению нового храма», просил не лишать его прихода³⁴. Прихожане

³² НИАБ. Ф. 136. Оп. 18. Д. 35071. Л. 1–1 об.

³³ Там же. Л. 14 об.

³⁴ Там же. Л. 4.

со своей стороны также направили Преосвященному ходатайство об оставлении отца Григория настоятелем, характеризуя его как «в здешнем крае единственного доброго Пастыря и Наставника, просвещающего их в истинных обязанностях к Богу и Государю»³⁵. Однако ни просьба самого отца Григория, ни ходатайства благочинного и прихожан не смогли изменить решения архиерея, не желавшего, видимо, обострять отношения с гражданской и духовной властями.

4 августа 1876 года священник Григорий Рункевич был назначен настоятелем Спасо-Преображенской церкви в местечко Заславль Минского уезда. Очень поспешно, едва успев собрать свои небогатые пожитки, Рункевичи выехали на новое место. Для их семейства все случившееся было настоящим бедствием. Расточив в течение 15 лет все свои сбережения на устройство двух приходов, семья оказалась практически разоренной.

На Кличевском, как и на прежнем приходе, отец Григорий, несмотря на бесчисленные препятствия и слабое здоровье, успел довольно много сделать. Он построил в деревне Сушь приписную церковь, обогатил вкладами ризницу главной церкви и библиотеку, составил проект на постройку нового храма и уже собрал на оный 2000 рублей пожертвований. В Кличеве им было открыто приходское училище. Кроме того, он на собственные деньги полностью перестроил хозяйственные постройки и дом священника, израсходовав более 1200 рублей, так никем ему и не возмещенных³⁶. Но делать ничего не оставалось, как только покориться обстоятельствам.

В этом году Стефан Рункевич должен был поступать в подготовительное отделение Минского духовного училища. Однако происшедшие события вынуждали его остаться рядом с отцом. Так целый год он вместе со своим страдальцем-родителем прожил в Заславле. Условия для жизни там оказались не самые лучшие. Квартира для священника, в которой они поселились, была «устроена посреди базарной площади, у самых дверей

³⁵ Там же. Л. 5 об.

³⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36111. Л. 143.

грязного кабака», где от шума проходящих и проезжающих не было покоя «ни днем, ни ночью»³⁷. Нравственная атмосфера на приходе также была не утешительная. Приход совсем недавно был присоединен к православию из латинства. Паства его, по словам отца Григория, была «крайне офанатизированная и развращенная, каждая личность дышала ультрамонтанским духом, а племенная вражда и ненависть ежедневно угрожали взрывом!»³⁸

Душа отца Григория страдала безмерно. Ему трудно было примириться со столь неожиданной и стремительной переменой. Перемещение это он воспринимал не иначе как временную ссылку и, помня завещание своего тестя, в глубине сердца надеялся вернуться на Кличевский приход. В начале лета 1877 года он написал письмо прибывшему на Минскую кафедру новому архиерею – Преосвященному Евгению (Шерешилову), с просьбой пересмотреть дело о его перемещении. К письму он прилагал краткое описание своей священнической жизни, где изложил печальную историю своих злоключений. Но и новый владыка не удовлетворил просьбу отца Григория. Так и пришлось ему остаться еще на многие годы нести свой нелегкий пастырский крест в местечке Заславль³⁹.

К осени Григорий Рункевич хлопотал о поступлении Стефана в Минское духовное училище. Туда принимали мальчиков из семей священно-церковнослужителей с девятилетнего возраста. Учебный курс был рассчитан на пять лет и состоял из подготовительного отделения и четырех классов. Однако благодаря подготовке, полученной в родительском доме, и учитывая семейные обстоятельства, Стефан Рункевич, минуя подготовительное отделение, был сразу зачислен в первый класс⁴⁰.

³⁷ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35071. Л. 34.

³⁸ Там же.

³⁹ В 1883 г. на Кличевский приход был назначен родной младший брат отца Григория священник Максим Рункевич.

⁴⁰ Извлечение из журнала Правления Минского Духовного Училища // Минские Ев. – 1877. – №14. – С. 368; №19. – С. 505–513.

Духовное училище располагалось в лучшем месте города – на Соборной площади, где его четырехэтажные здания величественно возвышались над находящимися по соседству казенной палатой и казначейством⁴¹.

Старшие дети уже учились в Минске. Михаил перешел в этом году в четвертый класс духовного, Мария в третий класс женского духовного училища. Стефан, как и они, в силу трудного семейного их положения был принят в училище на полное епархиальное содержание. Так начались годы учебы.

Уже в училище Стефан Рункевич проявил блестящие способности. На протяжении четырех лет он неизменно возглавлял разрядный список успеваемости учеников. Старший брат его Михаил также был весьма способным ребенком, и после окончания училища продолжил учебу в Минской духовной семинарии. Дети немало утешали страдальца-отца своими успехами, а когда наступали каникулы – вся семья собиралась вместе в родительском доме.

В 1881 году Стефан Рункевич с отличием окончил духовное училище и был принят в первый класс Минской духовной семинарии.

На Григории Рункевиче лежала теперь забота о материальном обеспечении сыновей. В семинарии оба они обучались уже на собственный кошт. Хотя это и составляло определенную трудность, но не отягощало отца. Оба сына были лучшими учениками на своих курсах. В семинарии, как и в училище, Стефан Рункевич всегда был первым по успеваемости. Так Бог подавал отраду отцу Григорию в его детях.

В августе 1884 года Учебным комитетом при Святейшем Синоде была произведена реформа духовных учебных заведений. В семинариях в учебном отношении произошел ряд положительных изменений. К семинарскому курсу наук были прибавлены библейская история, сравнительное богословие,

⁴¹ *Рункевич С.Г.* Краткий исторический очерк столетия Минской епархии. – С. 104.

история и обличение раскола, сделано обязательным церковное пение, прежде совершенно пренебрегаемое и существовавшее лишь для обладавших хорошим голосом. Было усилено преподавание богословских предметов и ослаблено преподавание небогословских: классических и новых языков, математики, философии. Было уничтожено прежнее разделение семинарского курса на общеобразовательный и богословский, и богословские предметы преподавались уже с младших классов. Для содействия религиозно-нравственному воспитанию учащихся была учреждена специальная должность духовника. Вообще, стремление было усилить в духовных школах церковность и патриотизм.

Незаметно пролетели ученические годы Стефана в Минске. Наступил 1886/87 учебный год – последний год учебы в семинарии.

26 сентября 1886 года в стенах Минской духовной семинарии проходило торжественное открытие новоучрежденного Кирилло-Мефодиевского братства. Это событие было значимым не только для самой семинарии, но и для духовенства Минской епархии. Братство должно было взять на себя заботу «об увеличении учебных и нравственно-воспитательных средств обучающихся в Семинарии воспитанников и доставлении беднейшим из них средств к удовлетворению их крайних нужд или жизненных потребностей»⁴². При общей бедности белорусского православного духовенства появление такого попечительного органа о воспитанниках семинарии было крайне желанным. Устав братства утвердили еще в мае 1885 года, но акт открытия был отложен к началу настоящего учебного года и приурочен к 26 сентября – дню памяти Св. Апостола и Евангелиста Иоанна-Богослова – храмовому празднику семинарской церкви. Праздничное богослужение в сослужении всего высшего минского духовенства совершил

⁴² Рункевич С.Г. Кирилло-Мефодиевское Братство при Иоанно-Богословской церкви Минской Духовной Семинарии // Минские ЕВ. – 1886. – №18. – С. 472.

Преосвященный Варлаам (Чернявский), епископ Минский и Туровский. Торжественное открытие братства происходило в актовом зале семинарии и началось молебном перед большой иконой Свв. Кирилла и Мефодия. На акте присутствовали: начальник губернии князь Н.Н. Трубецкой, вице-губернатор И.П. Альбединский, многие высшие гражданские чины, начальствующие и преподаватели учебных заведений и другие лица. По окончании молебна Преосвященный произнес речь, после которой был прочитан устав братства. Все присутствующие согласились быть его членами. Тогда же были избраны Совет братства, казначей, делопроизводитель и члены Ревизионной комиссии. Уже таковое начало дела вселяло надежду на успех всего предприятия.

Событие это было описано в статье «Кирилло-Мефодиевское Братство при Иоанно-Богословской церкви Минской Духовной Семинарии» и опубликовано в «Минских Епархиальных Ведомостях»⁴³. Автором материала был воспитанник шестого класса семинарии Стефан Рункевич. Это была его первая публикация, ставшая прологом ко всей дальнейшей научно-публицистической деятельности будущего историка и церковного деятеля.

В 1887 году в июне Стефан Рункевич окончил Минскую духовную семинарию вторым по успеваемости⁴⁴. Как способный ученик он был рекомендован Правлением семинарии в числе еще нескольких выпускников к поступлению в Санкт-Петербургскую духовную академию. Приемные испытания в нее должны были состояться во второй половине августа. Стефану предстояло сдать семь экзаменов: три письменных и четыре устных, и все оставшееся время он посвятил подготовке к ним.

⁴³ Там же. – С. 472–477.

⁴⁴ Разрядный список учеников Минской Духовной Семинарии, окончивших курс учения в 1887 году // Минские Ев. – 1887. – №12. – С. 274–275.

К назначенному сроку абитуриенты съехались в академию. Прибывших и заявивших желание подвергнуться «поверочным испытаниям» было 78 человек. Сначала сдавали письменные экзамены. Для письменной работы по Священному Писанию Нового Завета поступающим была предложена тема: «Справедливо ли мнение, будто бы Христос Спаситель словами: «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1) воспрещает всякого рода общественные суды?» Тема эта была выбрана не случайно. В обществе в то время распространялись «толстовские» идеи, и сочинение должно было носить своего рода полемический характер. По истории философии профессор М.И. Каринский предложил тему общего характера, не требующую каких-либо специальных знаний. Она звучала так: «Если не может быть сомнения в том, что нравственные требования согласны с разумом, то как объяснить тот факт, что сравнительное достоинство людей по нравственной жизни часто не совпадает с сравнительной степенью их умственной зрелости». Темой для сочинения по латинскому языку послужили слова Цицерона в его «Тускуланских рассуждениях» о познании Бога из дел Его. За письменными экзаменами следовали устные: по догматическому богословию, общей церковной истории, греческому языку и одному из новых языков – немецкому или французскому. Воспитанники Минской духовной семинарии сдавали немецкий⁴⁵.

По итогам экзаменационной комиссии Стефан Рункевич оказался в числе лучших абитуриентов, благополучно выдержавших вступительные экзамены, и был принят в академию на казенное содержание. Один из товарищей Рункевича, приехавших с ним из Минской семинарии, не сумел сдать экзамены на должном уровне и возвратился домой. Другой, Иван Новицкий, был принят в академию в числе своекоштных студентов⁴⁶.

⁴⁵ Журналы заседаний Совета Академии за 1887–1888 год. – С. 31–37.

⁴⁶ Там же. – С. 39.

Всего на первый курс С.-Петербургской духовной академии было зачислено 54 человека: А. Бриллиантов, Н. Добронравов, Д. Миртов, С. Смирнов, П. Тимофеев, А. Фаворский, С. Успенский, Ф. Мегорский, Д. Станиславский, С. Рункевич, С. Ситкевич, В. Парфинский, Ф. Яхонтов, М. Быстров, Л. Шавельский, В. Иванов, Н. Малыгин, Н. Диковский, Д. Казанский, Г. Зверев, С. Околович, П. Вознесенский, Н. Петровский, М. Остроумов, Г. Петров, В. Попов, А. Канавин, П. Лахостский, П. Колоколов, А. Гапетский, М. Добровольский, Н. Аквилонов, М. Хволынский, П. Ильменский, Н. Успенский, Н. Спиранский, П. Опекаловский, В. Белогостицкий, А. Белавин, З. Курдиновский, А. Светлов, А. Благодатов, А. Белоликов, Л. Лозанов, И. Новицкий, А. Канаровский, А. Азиатский, Н. Огнев, Н. Образцов, А. Тихомиров, В. Нестеров, И.Д. Ненарокомов, Н. Князев и П. Поспелов⁴⁷.

Поступившим было предложено собственноручно заявить, кто из них какую параллельную группу предметов желает слушать и какой из древних и какой из новых языков хотел бы изучать⁴⁸. По новым академическим уставам, введенным в 1884 году, часть предметов носила общеобязательный характер, в том числе богословие и философия, остальные же распределялись по двум параллельным отделениям: словесному и историческому⁴⁹. Стефан Рункевич избрал для себя историческое отделение, определив тем самым область своих будущих научных интересов. Любопытно, что на историческое отделение предпочитали записываться наиболее даровитые студенты⁵⁰.

⁴⁷ Там же. – С. 38–39.

⁴⁸ Там же. – С. 39–40.

⁴⁹ Первая группа: 1) теория словесности и история иностранной литературы, 2) русский язык и церковно-славянский (с палеографией) и история русской литературы, 3) еврейский язык и библейская археология. Вторая группа: 1) история и разбор западных исповеданий, 2) история и обличение русского раскола, 3) общая гражданская история, 4) русская гражданская история.

⁵⁰ Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 г.) // ХЧ. – 1916. – Ч. I. – С. 284.

1.2. Санкт-Петербургская духовная академия и первые научные труды

1 сентября начались занятия в академии. Вместе с тем для Стефана Рункевича начиналась совершенно новая жизнь. Столица открывала пытливому юноше обширные возможности и горизонты. Общее настроение его было светлым и радостным. Радостно было и оттого, что рядом с ним были теперь милые его сердцу родные братья. Старший брат Михаил учился здесь же на четвертом курсе академии, а Николай – в четвертом классе С.-Петербургской духовной семинарии, переведенный в нее стараниями отца этим летом из Минска. Академия и семинария находились рядом и размещались на территории Александро-Невской Лавры.

Условия для учебы и проживания в Петербургской духовной академии были, можно сказать, замечательными. В бытовом отношении студенты академии были обеспечены несравненно лучше студентов других учебных заведений, вынужденных ютиться по частным квартирам, обедать в столовых и т.п. Здесь было все под руками к услугам студентов. Большие и светлые жилые комнаты, хороший стол, одежды достаточное количество, громадная библиотека, большой сад для прогулок. Можно было целиком отдаться занятиям, никакие посторонние заботы не отвлекали студента.

Помещения для занятий учащихся находились в верхнем третьем этаже академического корпуса, в стороне, которая окнами выходила на Лавру. Спальни располагались в той же стороне здания этажом ниже. В комнатах для занятий каждый имел определенное место за одним из двух больших столов, рассчитанных на шесть человек. Тут же стояли два платяных шкафа для одежды, две большие этажерки для книг, два дивана и стулья. В одной комнате занималось 12 человек, сидевших за столами в алфавитном порядке. Для обеда и чаепития студенты

спускались в столовую на первый этаж. Здесь же была студенческая библиотека и приемная для гостей, а также находились кабинеты инспектора, двух его помощников и эконома.

Академическая церковь размещалась на втором этаже. Там же располагались аудитории, актовъ зал, Церковно-археологический музей и студенческая читальня, куда поступало большое количество периодической литературы. Академическая библиотека находилась в отдельном здании в саду. В том же здании были квартиры ректора, библиотекаря, помощника библиотекаря и секретаря Совета академии.

Как и везде, к лекциям на первых порах студенты относились очень внимательно и посещали их аккуратно. Но постепенно энтузиазм проходил, и только некоторые профессора привлекали массы студентов; у других лекции посещались средне, а у иных и совсем мало, особенно, когда приходило время подачи семестровых сочинений, и студенты усиленно занимались ими у себя, в свободных аудиториях или в Публичной библиотеке.

В системе академического курса семестровым сочинениям придавалось большое значение. Наряду с серьезным и глубоким изучением темы студенты учились методике научно-исследовательской работы, поэтому и балл по сочинению при общем годовом зачете экзаменационных оценок принимался в удвоенном значении. Студенты в большинстве случаев относились к работе над семестровыми сочинениями серьезно. Из нескольких предложенных тем выбирали наиболее для себя интересные, подбирали по ним необходимый материал, много читали, делая выписки, советовались друг с другом, проверяя свои взгляды и выводы⁵¹.

Впрочем, упадок интереса студентов к лекциям и сосредоточение их внимания главным образом на семестровых сочинениях заставляли преподавателей прибегать к разного рода

⁵¹ Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. – СПб.: Борей, 1994. – С. 9–11.

мерам. Например, при выведении общего годового балла старались определить «удельный вес» баллов по устным экзаменам и по сочинениям так, чтобы не уронить значения первых и не слишком повысить вес последних. Ввиду этого, при выводе общего балла была принята система, выработанная профессором В.В. Болотовым, «обладавшим большими математическими способностями». Обыкновенно, по окончании экзаменов, он вместе с профессором Т.А. Налимовым занимался сводом или, лучше сказать, проверкой свода (сделанного канцелярией) баллов экзаменационных и по сочинениям. «Но как ни ухищрялись они, – писал в своих воспоминаниях профессор А.Л. Катанский, – сделать так, чтобы и овцы были целы и волки сыты, сила вещей, однако брала свое и было очень заметно, что дело клонится к восстановлению дореформенного (до 1869 г.) склада академической учебной жизни: лекции и их слушание, а вместе с тем отчасти и экзаменские испытания отходили на второй план»⁵².

Надо отметить, что студенты старших курсов с заботой и вниманием относились к вновь поступившим, помогали конкретными делами и моральной поддержкой, столь необходимой на первых порах⁵³.

Ректором академии в это время был Преосвященный Антоний (Вадковский), человек замечательных внутренних качеств и культуры. В 1885 году, будучи еще архимандритом, он был переведен из Казанской духовной академии в Петербургскую на должность инспектора. Очень скоро он снискал к себе уважение и любовь как преподавательской корпорации и студентов, к которым поставил себя в чисто отеческие отношения, так и в духовном и светском обществе. 15 апреля 1887 года архимандрит Антоний был назначен ректором академии, а 3 мая состоялась его хиротония в епископа Выборгского, викария

⁵² Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // ХЧ. – 1917 (январь – февраль). – С. 84–85.

⁵³ Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. – СПб.: Борей, 1994. – С. 9–11.

Санкт-Петербургской епархии. Академия радостно приветствовала своего нового ректора в полной уверенности, что он своей опытной рукой установит те научно-воспитательные идеалы, к которым должны были быть направляемы питомцы духовной академии как будущие руководители юношества в духовно-учебных заведениях и пастыри Церкви. Один из профессоров академии впоследствии вспоминал, что владыка Антоний отличался «преданностью научным интересам, в высшей степени благородным, симпатичным характером и немалым административным тактом»⁵⁴.

В этом же году в преподавательской корпорации академии появилась новая яркая личность, внесшая живую струю в академическую жизнь. Это был молодой, энергичный и талантливый иеромонах Антоний (Храповицкий), будущий Киевский митрополит. В 1887 году он был назначен в С.-Петербургскую духовную академию доцентом на кафедру Священного Писания Ветхого Завета. В академической среде его прозвали «малым Антонием» в отличие от ректора, которого называли «Антонием великим»⁵⁵.

Как владыка ректор, так и отец Антоний (Храповицкий) были известными в Петербурге проповедниками. Под их влиянием среди студентов академии стало заметно развиваться стремление и любовь к проповеди. Всякое выдающееся явление – из общественной или академической жизни – немедленно подвергалось пастырскому обсуждению в речах Преосвященного ректора, которые «он так любил держать перед студентами иногда и за богослужением, а чаще всего во время ежедневных собраний студентов для утренней и вечерней общей молитвы», и в душевной беседе отца Антония, который жил в здании академии и вел со студентами самое широкое знакомство⁵⁶.

⁵⁴ Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // ХЧ. – 1917 (январь – февраль). – С. 61.

⁵⁵ Там же. – С. 74.

⁵⁶ С[тепан] Г[ригорьевич] Р[ункевич]. Студенты-проповедники // ЦВ. – 1892. – №1. – С. 6.

Своим живым словом они умели направить молодые сердца к самым высоким идеалам и благородным устремлениям. Замечательно, что именно этот учебный год и следующий дали необычайно высокое число студентов, принявших монашеский постриг⁵⁷.

В академии Степан⁵⁸ Рункевич, как уроженец белорусской земли, очень скоро сблизился со своим знаменитым соотечественником, профессором Михаилом Осиповичем Кояловичем. Здесь, в академии, М.О. Коялович преподавал русскую гражданскую историю. У него на родине его имя уже давно пользовалось самой широкой известностью. Его знали и как ученого исследователя, и как неутомимого вдохновителя и борца за православно-русское дело в Белоруссии.

Свою педагогическую деятельность в С.-Петербургской духовной академии М.О. Коялович начал в 1856 году с преподавания сравнительного богословия. В 1857 году он занял кафедру Русской истории, которая тогда объединяла обе половины этой истории – церковную и гражданскую. После реорганизации академии в 1869 году М.О. Коялович стал преподавать только русскую гражданскую историю.

Это был один из тех профессоров, чьи лекции привлекали к себе массы учащихся. Искренний, прямой, всей душой преданный науке человек, он «производил неотразимое влияние на своих постоянных слушателей своими речами и силой своей обаятельной личности»⁵⁹. Глубокое, всестороннее знание предмета, ясное и живое изложение, соединенные с ознакомлением и оценкой существующих в науке разнообразных взглядов по общественным и историческим вопросам – все это производило на студентов сильное впечатление и уберегало их от увлечения модными, часто неосновательными мнениями и взглядами⁶⁰. На его лекциях царил живое общение между

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Имя Стефан, согласно российской традиции, производилось как Степан.

⁵⁹ Речи при погребении профессора М.О. Кояловича / Речь студента Н. Красковского // ЦВ. – 1891. – №35. – С. 560.

⁶⁰ Там же. Речь профессора, прот. П.Ф. Николаевского. – С. 559.

профессором и учениками. С интересом слушая его чтение, студенты всегда удивлялись свежести и живой отзывчивости его ума на многие исторические и современные вопросы русской жизни⁶¹. Но самое главное, чем был известен профессор М.О. Коялович, это его глубокое знание истории и проблематики Западной России, где русская православная стихия на протяжении многих веков соприкасалась с западным католическим миром. Это соприкосновение порождало сложные исторические процессы и явления, носившие зачастую весьма трагический характер. Именно там была масса «застарелых проблем», к разрешению которых могло привести только правильное понимание сути происходивших событий.

М.О. Коялович не отделял судьбу горячо любимой им Белоруссии от общей судьбы России. Он рассматривал историю и Белоруссии, и России, и всего славянского мира с позиций славянофилов. М.О. Коялович не уставал повторять о единстве исторической и культурной миссии славян, объединенных кирилло-мефодиевской идеей. Его искренне волновали и тревожили судьбы славянства в целом, разъединенного не только территориально, но и конфессионально. По мнению М.О. Кояловича, стремление к объединению славян не должно было закрывать путь к пониманию своеобразия и особенностей развития отдельных славянских народов. Ввиду этого он всегда обращал внимание на исторические, этнографические и культурные особенности родной ему Белоруссии⁶².

М.О. Коялович не был сугубо кабинетным ученым. Его научная работа историка-исследователя была тесно связана с публицистической деятельностью и определяла ее характер. Публицистике М.О. Коялович отдавался столь же беззаветно и горячо, как и науке. В своих многочисленных статьях и речах, бесчисленных письмах к близким и единомышленникам он

⁶¹ Там же. Речь Н. Красковского. – С. 560.

⁶² Теплова В.А. М.О. Коялович и русская православная историография / М.О. Коялович. История воссоединения западнорусских униатов. – Минск: Лучи Софии, 1999. – С. 394–395.

был проводником одной идеи – единой и неделимой России. Убеждение это возникло вследствие кропотливых научных изысканий и долгих размышлений⁶³.

Преподавательская и научная деятельность профессора Кояловича составляли одно неразрывное целое. Высказывая свои взгляды как ученого и гражданина с профессорской кафедры, М.О. Коялович особенно живо делился ими со студентами-земляками. С некоторыми из них он входил в более тесное общение, стараясь «под своим непосредственным руководством воспитывать... молодые силы на защиту русских интересов и доблестную борьбу с наплывом» в белорусский край «разных инородных и иноверных сил»⁶⁴. Более двадцати лет тому назад он образовал среди своих земляков, воспитанников академии, целую научно-историческую школу, ставившую себе задачей углубленную разработку истории Белоруссии и большего упрочнения в ней общего православно-русского дела⁶⁵. Среди представителей этой школы можно назвать имена О.В. Щербицкого, Н.П. Жуковича, Ю.Ф. Крачковского, П.А. Червяковского, И.Я. Киприановича, А.И. Шавельского, А.Б. Белецкого, Е.Ф. Орловского, А.С. Будиловича, Л.С. Паевского, А.В. Ярушевича, К.Н. Харламповича, Н.И. Теодоровича, Л.М. Солоневича и многих других историков, общественно-политических и церковных деятелей.

У профессора довольно часто собирался небольшой кружок его земляков для бесед и поучения. Во время этих встреч М.О. Коялович, не стесняемый рамками классного чтения, спокойно и обстоятельно раскрывал своим слушателям много новых сторон в исторических судьбах Белоруссии. Он указывал «прямой царский путь» ее исторического развития, побуждал молодых людей как можно больше трудиться на «пользу и славу общерусского дела», остерегаясь при этом «льстивых,

⁶³ Там же. – С. 394.

⁶⁴ Речи при погребении профессора М.О. Кояловича / Речь студента Н. Красковского // ЦВ. – 1891. – №35. – С. 560.

⁶⁵ Там же. Речь профессора, прот. П.Ф. Николаевского. – С. 559.

очаровывающих, усыпляющих слов волков, приходящих в овечьих шкурах»⁶⁶. Его глубокое всестороннее знание истории родного края делало для него ясным и легкоразрешимым многое, что другим казалось таким темным и запутанным. При этом он часто передавал эпизоды из своей обильной поучительными событиями жизни. Во время этих бесед студенты «затаив дыхание» внимали речам профессора, взирая на него как на «исполинский столетний дуб, как на живой исторический памятник, участника в великом русском деле, защитника и предстателя интересов родины...»⁶⁷.

Еще у себя дома Степан Рункевич был наслышан о профессоре Кояловиче. В семье Рункевичей, как, впрочем, и во многих белорусских священнических семьях, к нему давно относились с глубоким почитанием. Сохранилось письмо, написанное в 1881 году священником Григорием Рункевичем профессору М.О. Кояловичу в Петербург о тревожных событиях, происходивших тогда в Белоруссии после убийства императора Александра II. В то время по всей Белоруссии прокатилась волна страшных пожаров. От огня сильно пострадали Минск и уездные города. В народе распространялись слухи, что Петербург и Москва якобы не приняли нового императора, и он бежал в Варшаву, что уже и сам Антихрист объявился в столице. Говорили, «что все мятежники 60-х годов вернулись в край, что им возвращены конфискованные имения, что велено строить повсюду новые костелы, что предадут суду тех католиков, которые перешли в православие, а русских и совсем изгонят отсюда», у мужиков отнимут землю и вернут панщину⁶⁸. И вот, тревожась за судьбу края и вообще России, отец Григорий сообщал о том М.О. Кояловичу, делаясь с ним своими думами и патриотическими переживаниями. «Наш народ западно-русский, – писал он, – приписывает убиение

⁶⁶ Там же. Речь Н. Красковского. – С. 560.

⁶⁷ Там же. – С. 560.

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 244 (Десянов И.Д.). Д. 91.

Императора Александра Николаевича крамольной руке поляков; если этот факт подтвердит история, то нет сомнения, что мы переживаем новый исторический бунт поляков против России.

Господи, Боже наш! да когда это Россия избавится от поляков, от этих исконных демонов террористов?! Боже праведный! сколько уже эти выродки из славян чрез ряд веков наделали бед нам западно-русским! Неужели мы и теперь так слабы, что дадим им возможность снова нас вешать, разрывать на части наших жен и детей, и вообще делать смуту в крае!?

Бедная Россия со своим предательским дворянством! Наши добродетельные Цари возлагают всю надежду на дворян, представляют в их руки кормило правления, – а они безнаказанно и свободно периодически предают отечество в руки врагов. Так было всегда в России с древних времен, так делалось и за нашей памятью и делается теперь. Восстали было два-три человека в 60-х годах против врагов отечества, спугнули вражью силу с руля правления года на два на три, затем опять все пошло по старому порядку, – Россия опять пригнула свою шею, и по старому запряглась в ярмо польско-жидовской пропаганды. Бог свидетель, что со смертью Муравьева и с удалением Кауфмана мы не видели в своем крае ни одного администратора из чистых и разумных патриотов православно-русских!?

Простите меня великодушно, Высокоуважаемый Михаил Осипович, за откровенное изложение пред Вами личных моих патриотических чувств и ощущений! Скажу прямо, что я считал бы великим грехом с своей стороны, если бы в настоящую минуту не сообщил Вам о столь бедственном политическом состоянии родного мне края. Вы пишете историю отечества, пусть бы хотя на страницы правдивой истории попали эти горько-слезные строки мои, если уж они своевременно не могут оказать существенной помощи нашему злосчастному отечеству России!»⁶⁹

⁶⁹ Там же.

Теперь, в стенах академии, Степан Рункевич имел возможность непосредственно общаться с профессором М.О. Кояловичем, проникаясь духом и опытом этого выдающегося человека.

С первого же года учебы в Петербурге Рункевич начал литературную деятельность, публикуя небольшие рассказы и сценки в одном из популярных в то время юмористических журналов «Стрекоза»⁷⁰.

На третьем курсе ректор академии владыка Антоний поручил Степану Рункевичу заведование церковным чтением в академическом храме⁷¹. С того же времени Рункевич стал принимать участие в деятельности академического кружка студентов-проповедников, проводившего религиозно-нравственные чтения в храмах, школах, общественных помещениях, ночлежных домах и других местах Петербурга. Кружок этот начал свою деятельность в начале 1887/88 учебного года, как раз в то время, когда стал учиться в академии Степан Рункевич. Организован он был по замыслу отца Антония (Храповицкого), непосредственно руководившего его работой, и находился под покровительством ректора академии. Целью его было дать студентам возможность реализовать свои богословские знания в свободной, нестесненной богослужебными рамками проповеди, направленной к простому народу, «внести светозарный луч божественного учения в темную житейскую массу»⁷².

Внебогослужебная проповедь в Петербурге была делом не новым. Своей организацией и широким развитием она была обязана петербургскому «Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви», организованному в 1881 году протоиереем

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 903.

⁷¹ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. – Пг.: Синод. Тип., 1915. – С. 373.

⁷² С[тепан] Г[ригорьевич] Р[ункевич]. Студенты-проповедники. – С. 6.

Казанского собора Михаилом Ильичем Соколовым⁷³. Тем не менее деятельность студентов-проповедников встретила самые искренние симпатии и одобрение в среде простого народа. Интерес к студенческой проповеди был неподдельным. Везде, где появлялись студенты-проповедники, они встречали горячую признательность и благодарность.

С каждым новым учебным годом кружок пополнялся новыми молодыми силами и все более расширял свою деятельность.

Работа проповеднического кружка заинтересовала Степана Рункевича еще в начале второго курса. В то время отец Антоний (Храповицкий) стал устраивать у себя собрания студентов-проповедников, «чтобы поменяться мыслями и поделиться впечатлениями», вынесенными из проповеднической практики. Собрания эти были открыты для всех желающих. Первое собрание состоялось в октябре 1888 года. Проходили они в квартире отца Антония, которая находилась в здании главного академического корпуса. Это была большая комната, служившая прежде залом квартиры инспектора академии. Простая, более чем скромная обстановка квартиры Храповицкого с ее неуклюжим письменным столом и двумя лампами, из которых одна не имела абажура, хорошо была знакома каждому студенту. Перед собранием комнату почти целиком загромождали приносимыми из актового зала стульями.

Большая часть собраний проводилась у отца Антония, но иногда, когда ожидалось много слушателей, собрание переносилось в просторную 3-ю аудиторию. Собрания проходили по определенному, установившемуся еще с первых встреч, плану. Сначала читалось несколько подготовленных кем-либо из членов кружка рефератов на волновавшие их темы, а затем проходило общее их обсуждение. Так как рефераты писались не «по заказу», они носили вполне искренний характер: каждый писал только о том, что ему было хорошо известно и в

⁷³ Там же. – С. 6.

чем он был убежден. Постоянным участником этих встреч с самого их начала стал и Степан Рункевич.

С каждым новым собранием молодой академический проповеднический кружок все теснее сближался как между собой, так и со своим руководителем – отцом Антонием. Всякая «официальность» была изгнана из этих собраний, и чем дальше, тем более и более они получали характер семейных, простых, искренних, душевных бесед. Много места было отдано и мечтам: говорили о проповеднической газете, об издании литературы для народа. Не раз отец Антоний читал интереснейшие письма к нему известного издателя «Троицких Листков» народного учителя С.А. Рачинского, который в один из своих приездов в Петербург был представлен Преосвященным ректором студентам и был дорогим гостем в академии.

Иногда студенческие собрания посещал и сам ректор владыка Антоний. После прослушивания рефератов он обыкновенно обращался к студентам с душевной речью. Владыка выказывал свою радость по поводу стремлений проповеднического кружка, вспоминал свои студенческие годы. «Ваш возраст, господа, – говорил владыка Антоний, – счастливый возраст. Вы еще не успели окунуться в житейскую тину, не успели изведать представляемых жизнью на каждом шагу разочарований, верите в свои светлые идеалы и стремитесь к ним, не желая знать никаких условий и компромиссов. Со временем вы увидите, что жизнь разобьет многие ваши мечтания, но все же они навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями вашей жизни. Когдаходишь в такой кружок, в среду этих светлых идеалов и беззаветных стремлений, – как-то молодеешь душой...»⁷⁴.

Не желая оставаться лишь сторонним наблюдателем, Степан Рункевич на третьем курсе сам активно включился в работу проповеднического кружка. Это был уже третий «проповеднический» год. В этом году число мест, где велись студенческие

⁷⁴ С[тепан] Г[ригорьевич] Р[ункевич]. Студенты-проповедники – С. 259–261.

религиозно-нравственные чтения, устроилось. Студенты-проповедники появлялись не только в самых захолустных уголках Петербурга, но перешли городскую черту и несли свою проповедь на пригородные фабрики и заводы⁷⁵.

С начала 1889/90 учебного года Антоний (Храповицкий) состоял уже инспектором академии. Однако должность эта не изменила его характер и не поколебала сердечных и близких отношений, какие сложились между ним и студентами. По-прежнему студенты-проповедники собирались в квартире отца Антония потолковать о назревших вопросах из проповеднической и пастырской деятельности. Правда, в этом учебном году состоялось всего четыре собрания: в сентябре, ноябре, январе и феврале. К этому времени собрания приобрели такую популярность, что посещались почти всеми студентами академии. На последнем, февральском, собрании свой реферат читал Степан Рункевич.

Размышляя над причинами не вполне достаточного влияния духовенства на современное общество, он увидел корень зла в «чрезвычайно неудобном строении быта нашего духовенства». Предложением его было полное и коренное переустройство последнего. Хотя предложения Рункевича по большей части были проникнуты мечтательным идеализмом, одна мысль была вполне зрелой и, в общем, могла бы иметь применение. Он считал, что в заботе об улучшении быта духовенства следует обращать первое внимание не на увеличение денежного содержания священника, а на полное, по возможности, обеспечение образования детей священнослужителей и безбедной жизни сирот⁷⁶. В этой мысли Степан Рункевич выражал то, что сам видел, прочувствовал и пережил на собственном детском опыте.

С началом следующего 1890/91 учебного года студенты не без сожаления узнали, что отец Антоний (Храповицкий)

⁷⁵ Там же. – С. 278.

⁷⁶ Там же. – С. 293–294.

покинул стены академии, получив назначение на должность ректора С.-Петербургской духовной семинарии. Особенно остро почувствовал урон кружок студентов-проповедников. Хотя отец Антоний жил отделенный от академии одним только забором и его по-прежнему часто навещали студенты, участия в академической жизни он уже не принимал.

С уходом отца Антония из академии кружок студентов-проповедников лишился своего основателя и постоянного вдохновителя. Антонию (Храповицкому) одному принадлежит первая мысль о студенческих религиозно-нравственных чтениях в той форме и в тех размерах, в каких эти чтения велись три предшествовавших года, ему же принадлежало и практическое осуществление этой мысли. Студенческий проповеднический кружок так тесно группировался вокруг отца Антония, что люди скептического склада предсказывали с выходом Храповицкого из академии совершенное исчезновение проповеднического кружка и самого студенческого проповедничества. Однако зловещие предсказания не сбылись. Это доброе дело в себе самом носило задатки своей жизнеспособности⁷⁷. В тех местах, где религиозно-нравственные чтения велись регулярно и более или менее продолжительное время, они успели настолько привиться, что о возможности их прекращения никто не допускал и мысли. И как только новый академический год вступил в обычную колею, студенческие чтения возобновились снова. В одни из прежних мест студенты пошли сами, из других студентам-проповедникам поступили настойчивые приглашения. И дело пошло установившимся порядком, хотя отсутствие объединяющего центра сказывалось не раз⁷⁸.

⁷⁷ Проповедническая деятельность студентов С.-Петербургской духовной академии продолжалась практически до 1917 г. Кроме того, после первых лет деятельности кружка студентов-проповедников их примеру последовали и студенты Московской, Казанской, а впоследствии и Киевской духовных академий.

⁷⁸ *С[тепан] Г[ригорьевич] Р[ункевич]*. Студенты-проповедники. – С. 307.

Несмотря на то что Степан Рункевич был уже на четвертом курсе и много времени уделял работе над кандидатским сочинением, он, как и ранее, принимал самое живое участие в работе проповеднического кружка. Им была составлена целая программа чтений для Князь-Владимирской школы у Новодевичьего монастыря, находившейся под покровительством Петербургского епархиального братства во имя Пресвятой Богородицы. Чтения там возобновились 27 января и были посвящены объяснению воскресных и праздничных Евангелий, а открыл их сам ректор академии⁷⁹.

Для написания диссертации на ученую степень кандидата богословия Степан Рункевич избрал тему по истории Минской епархии. Согласно академическим правилам студенты на третьем курсе представляли избранные ими темы кандидатских сочинений в Совет академии на утверждение. Рункевич сформулировал название своей работы как: «История Минской епископии до учреждения Полоцкой епископии»⁸⁰. Исследование должно было охватывать период существования Минской епархии от начала ее учреждения в 1793 году до 1833 года – восстановления Полоцкой кафедры. Минская епархия в своем историческом развитии представляла много особенностей в сравнении с другими епархиями. Учрежденная именным указом императрицы Екатерины II 13 апреля 1793 года для областей, присоединенных к России по второму разделу Речи Посполитой, Минская епархия вскоре включила в себя и другие обширные территории, отошедшие к России по третьему, окончательному разделу Речи Посполитой. Так Минская епархия оказалась самой большой по размерам из всех епархий, когда-либо существовавших в России. Воссоединение с Православной Церковью полутора миллиона западнорусских униатов, происшедшее в 1794–1795 годах, сделало епархию еще

⁷⁹ Там же. – С. 308.

⁸⁰ Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1890 г. // ХЧ. – 1891. – Ч. I. – С. 333–335.

большей и по числу приходов и по числу прихожан. Уже в 1795 году возникла необходимость выделить из Минской епархии одну епархию самостоятельную – Брацлавскую (впоследствии Подольскую) и одну викарную – Житомирскую (Волынскую), которая в 1799 году также стала самостоятельной. А в 1833 году с восстановлением Полоцкой кафедры от Минской епархии была отделена, в состав вновь учрежденной, Виленская губерния. Вот именно этот исторический отрезок времени и положил Рункевич в основу своего исследования. Период этот был еще совсем мало изучен, а между тем по своей оживленности и насыщенности историческими событиями представлялся весьма интересным и важным для истории Русской Церкви. М.О. Коялович как научный руководитель одобрил решение своего воспитанника. Он высказал пожелание о более тщательной и широкой разработке этой темы в дальнейшем, выразив готовность оказывать со своей стороны внимание и помощь. Заявленная тема была утверждена Советом академии.

Тогда же на третьем курсе Рункевич начал подготавливать научные материалы для своей диссертации, для чего ему приходилось проводить много времени в библиотеке и архиве Святейшего Синода, занимаясь, в частности, с архивом греко-униатских митрополитов⁸¹.

Учеба в академии приближалась к концу. Рункевич готовился к выпускным экзаменам, усиленно работая над кандидатским сочинением. Профессор М.О. Коялович в это время серьезно болел. С января 1891 года он сильно занемог, врачи долгое время не могли поставить верный диагноз, но со временем обнаружилась опасная болезнь почек⁸². Степан Рункевич часто навещал своего руководителя. Кояловичу понравился этот простой, скромный, вдумчивый молодой человек. Он уже успел оценить его трудолюбие, серьезное отношение ко всякому делу, основательность. Старый профессор видел в

⁸¹ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 374.

⁸² Профессор М.О. Коялович (некролог) // ЦВ. – 1891. – №35. – С. 556.

Рункевиче живой неподдельный интерес к истории Церкви и Отечества, видел в нем настоящего исследователя. Научной работой его он был доволен, но из-за болезни все же не мог уделять достаточного внимания.

Надо сказать, что за годы учебы в Петербурге Степан Рункевич и сам уже внутренне значительно возрос, возмужал, стал самостоятельным. Академия сильно повлияла на него и много ему дала. Александро-Невская Лавра, преподаватели, друзья студенты – все здесь стало родным, близким.

В начале июня проходила защита кандидатских сочинений. Профессор М.О. Коялович на защите отсутствовал. Состояние здоровья его было совсем плохое. Несмотря на старательное лечение, для которого обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым были исходатайствованы необходимые средства, положение не менялось⁸³. Из-за болезни М.О. Коялович не смог представить свой отзыв на диссертацию Рункевича, написав лишь краткую записку, что сочинение его «вполне заслуживает степени кандидата богословия, особого внимания Совета и денежной награды»⁸⁴. Подробный отзыв он намеревался представить после своего выздоровления.

Защита прошла успешно. 11 июня 1891 года Степан Рункевич Советом академии был удостоен степени кандидата богословия с правом получения степени магистра без нового устного испытания. «По обстоятельной полноте исследования и тщательной разработке предмета» работа Рункевича действительно обратила на себя, в числе еще нескольких диссертаций, особое внимание Совета. Заключение комиссии из наставников академии по присуждению денежных наград за курсовые сочинения, «Совет Академии удостоил кандидата богословия Рункевича Стефана денежной награды в количестве 50 рублей»⁸⁵.

⁸³ Там же. – С. 556.

⁸⁴ Журналы заседаний Совета Академии за 1890–1891 год. – С. 191–192.

⁸⁵ Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1891 год // ХЧ. – 1892. – Ч. I. – С. 311–312.

Прошел прощальный вечер в академии. Выпускники разъехались. С некоторыми еще в жизни предстояло встретиться, а с некоторыми уже никогда. На душе было и радостно и грустно. Радостно оттого, что закончилась учеба, и впереди предстояла самостоятельная жизнь; грустно оттого, что приходилось расставаться с большой и дружной академической семьей. Степан Рункевич ненадолго уехал домой навестить отца и вскоре снова вернулся в Петербург. Жизнь навсегда теперь связывала его с этим городом.

23 августа 1891 года на 63-м году жизни скончался профессор М.О. Коялович. В прошедшем году, 6 ноября, он праздновал 35-летие своей преподавательской деятельности и тогда был еще бодр, и никто не мог себе даже представить, что менее чем через год его не станет. Смерть его была тяжелым ударом не только для родных, но и для сослуживцев, студентов и многочисленных его почитателей. Из жизни ушел действительно большой человек, выдающийся ученый, педагог. 25 августа в академическом храме прошло отпевание почившего профессора. Заупокойную службу совершали викарные епископы Антоний Выборгский и Николай Ладожский в сослужении более чем 30 архимандритов, протоиереев и иереев. На отпевании присутствовало много высоких чинов. Академический храм не мог вместить всех желающих помолиться о упокоении души усопшего. Во время отпевания и погребения были сказаны речи: ректором академии Преосвященным Антонием, Преосвященным Николаем, профессором протоиереем П.Ф. Николаевским, преподавателем Литовской духовной семинарии П.Н. Жуковичем⁸⁶, учениками почившего – Степаном Рункевичем и студентом четвертого курса Н. Красковским.

У гроба своего учителя в академическом храме Рункевич говорил: «Пал столп науки; скончался народный борец; холодное

⁸⁶ Жукович Платон Николаевич (1857–1919) – профессор, доктор церковной истории. После смерти М.О. Кояловича переведен из Литовской дух. семинарии в С.-Петербургскую дух. академию доцентом на кафедру Русской гражданской истории на место почившего профессора.

дыхание смерти задуло светильник, горевший ярким пламенем деятельной любви к православной вере, престолу и народу. Если у гроба скончавшегося в расцвете лет многообещающего юноши льются обильные слезы родных и близких, оплакивающих в нем свои безвременно смертью разбитые надежды; если кончина зрелого мужа вызывает громкие рыдания осиротелой семьи, то какие потоки слез, какие вопли рыданий должны бы иметь место у гроба того, у кого семьей была вся образованная Россия, а родным и близким весь православный русский народ!?

Велико призвание – деятеля науки, деятеля общественного. Могучей силой труда и таланта он разрывает рамки тесного круга семьи, дружбы или знакомства; он словно возвышается над границами пространства и времени, которые для него как будто не существуют. Всякому деятелю на одном с ним поприще, всякому образованному человеку, – хотя бы отделенному от него целыми тысячами верст пространства и целыми сотнями лет, – он является отцом, братом, другом, учителем. И вот перед нами в гробу тот, кто с таким же правом носил почетное имя общественного деятеля, с каким он увенчан был и именем славного деятеля науки.

Но нет! Слезам и рыданиям у этого гроба не место. Слезы залечивают сердечные раны; рыдания заглушают горькую печаль. Но эта гнетущая скорбь мысли, которая охватывает всякого, до кого доходит печальная весть об этой безвременной кончине, ни слезами, ни рыданием не может быть вылечена, и ее печальный отзвук раздастся через столетие в устах нового историка, который скорбно пожалеет о ранней смерти того, каждый год жизни которого вносил столько света в жизнь и жизни в науку.

У свежего гроба не будем повторять, распространяться подведением итогов научной деятельности почившего: его исторические труды давно заняли почетное место в науке. Не будем заниматься и описанием значения его, как общественно-го деятеля, для западной России: будущий историк этого края

не забудет показать меру влияния того, кто лежит перед нами в гробу, на оздоровление и возрождение западной России в смутную для нее пору шестидесятых годов; а широкая и почетная известность покойного профессора по всей западной России, даже среди простого народа, та скорбь, которую вызвала там его кончина, и отзвуки которой уже доносятся сюда, – служат лучшим доказательством того, что почивший был для этого края России великим деятелем и родным человеком. У незакрытого гроба не будем касаться и замечательной личности почившего, производившей на всех, имевших счастье ее знать, неотразимое впечатление цельности, никогда не знавшей разлада между словом и делом.

Но здесь – и теперь, пока гробовая крышка еще не сокрыла от нас навсегда почтенный лик усопшего – мы вспомним о том знамени, которое всегда дороже было почившему, которого он до самой своей кончины не выпускал из рук и стойко и небоязненно его нес среди всех волнений и бурь многомятежной нашей жизни. На этом знамени яркими знаками начертано: честное служение православно-русской земле. Наш долг, его учеников, долг его почитателей, взять это знамя и своими руками держать его прямо и твердо, как прямо и твердо держали эти когда-то полные мощи, а ныне безжизненно опустившиеся руки. Наша забота, чтобы это высокое знамя не наклонилось под течением противного ветра, и чтобы оно было передано таким же, величественное и невредимое, и последующим поколениям. Наше дело удержать его прямо, а само оно не сломается, выдержит какой угодно напор противной бури. И когда весело и бодро будет развеваться в наших руках этот священный стяг, тогда мощный дух почившего будет жить с нами: и провозглашаемая ныне почившему вечная память будет в отношении к усопшему действительным провозглашением вечной памяти о нем, или лучше сказать, провозглашением начинающей жизни его “многая лета” в грядущих поколениях»⁸⁷.

⁸⁷ Речи при погребении профессора М.О. Кояловича / Речь кандидата богословия С.Г. Рункевича // ЦВ. – 1891. – №35. – С. 559–560.

Погребли профессора на новом Никольском кладбище Александро-Невской Лавры⁸⁸.

Тяжело, скорбно переживал Степан Рункевич смерть учителя. В душе были некоторое недоумение и осиротелость. Он ясно сознавал, какой значительный человек ушел из жизни и ушел, казалось, безвременно. Он чувствовал, что на нем, как на молодом историке, теперь лежит определенная ответственность преемственности той исторической школы, которую создал М.О. Коялович в С.-Петербургской духовной академии. Он стал последним, кем непосредственно руководил и кого наставлял профессор, он был рядом с ним последние месяцы его жизни и, наконец, проводил тело своего наставника в последний путь. Профессор М.О. Коялович умер, но не умерла его школа, не умерли его идеи. Они продолжали жить в его учениках.

1.3. Определение на службу и расширение церковно-общественной деятельности

По окончании академического курса С.Г. Рункевич остался в Петербурге, чтобы продолжить научные работы в синодальном архиве, подготавливая к печати свою диссертацию. Он намеревался переработать и расширить ее, чтобы после публикации представить на соискание магистерской степени. Это была обычная академическая практика, когда «выдающееся по достоинствам кандидатское сочинение» рекомендовалось профессором переработать автору в магистерское⁸⁹.

К этому времени в архиве уже обратили внимание на серьезного и трудолюбивого молодого человека. Слышали о нем положительные отзывы профессора М.О. Кояловича, мнение

⁸⁸ Через четыре года после кончины профессора М.О. Кояловича на его могиле был воздвигнут достойный памятник, сооруженный на средства, собранные его почитателями и освященный в день Ангела покойного, 8 ноября 1895 г.

⁸⁹ *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // ХЧ. – 1916. – Ч. I. – С. 288.

которого в архиве было весьма весомым. М.О. Коялович при жизни состоял членом специальной высочайше учрежденной Комиссии для разбора и приведения в порядок дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. Комиссия эта, созданная в 1865 году по инициативе Н.И. Григоровича⁹⁰, имела своей задачей разобрать и описать находившийся в совершенно неподобающем состоянии синодальный архив⁹¹. Кояловичу был поручен разбор документов архива западнорусских униатских митрополитов, хранившихся в архиве Синода. Он занимался разбором униатского архива сколько находил возможным, но, несмотря на его посильные многолетние труды, архив по-прежнему оставался до конца не разобранным. По смерти М.О. Кояловича начальник синодального архива А.Н. Львов⁹² решил передать это дело С.Г. Рункевичу, видя в нем достойного преемника почившего профессора. Для этого Рункевич был приглашен на службу в архив Святейшего Синода⁹³. К осени он уже приступил к работе, а 24 октября 1891 года, по принятому служебному порядку для обеспечения служебных прав, С.Г. Рункевич получил звание причисленного к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сверх штата⁹⁴.

Вместе с тем С.Г. Рункевич обязан был по существующим правилам после окончания академии отслужить определенный срок учителем – по полтора года за каждый год обучения.

⁹⁰ Григорович Николай Иванович (1835–1889) – начальник архива и библиотеки Св. Синода. Сын известного археографа и историка, прот. Иоанна Григоровича.

⁹¹ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 10–13.

⁹² Львов Аполлинарий Николаевич (1848–1901) – начальник архива и библиотеки Св. Синода, писатель. Сын новгородского протоиерея. Выпускник Новгородской дух. семинарии и С.-Петербургской дух. академии (1873), кандидат богословия. Около восьми лет преподавал в одной из московских гимназий, затем поступил на службу в Св. Синод. В 1882 г. окончил курс С.-Петербургского археологического института. С 1880 г. член Комиссии для разбора синодального архива, а с 1881 г. ее делопроизводитель. С 1883 г. помощник начальника архива и библиотеки Св. Синода, с 1889 г. – начальник. С 1885 по 1893 г. вел в «Церковном Вестнике» отдел «Мнения печати по церковным вопросам». Составил «Описание храма Христа Спасителя в Москве»; печатался в «Археологическом сборнике», «Вестнике археологии и истории» и «Христианском чтении». Издал: «Письма духовных и светских лиц к митр. Московскому Филарету» (СПб., 1900).

⁹³ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 68, 207.

⁹⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 5.

В 1870 году Святейшим Синодом было предписано, чтобы в аттестатах студентов, обучавшихся на казенном содержании в духовных академиях, ставились пометки об обязательной выслуге определенного срока по духовному ведомству, положенного за воспитание в академии. Таким образом, каждый студент, окончивший курс обучения в академии, обязан был отрабатывать свое казеннокоштное содержание. Причем никто не мог уволиться до выслуги этого срока без особого разрешения Святейшего Синода⁹⁵. В удовлетворение этого требования Рункевич с этого же года начал преподавать Закон Божий в городских начальных училищах, занимаясь в них преподаванием в течение последующих семи лет.

Архив западнорусских униатских митрополитов, разбор которого был поручен С.Г. Рункевичу, содержал в себе огромное количество документов, имеющих важное историческое значение. Большинство из них было ценным материалом для истории православия, римо-католичества и унии на территории бывших Великого княжества Литовского, Польши, Речи Посполитой и нынешних Украины, Литвы, Белоруссии. Документы, хранившиеся в архиве, охватывали период с 1470 по 1839 год и давали исследователю богатейший исторический материал.

Во времена унии архив западнорусских униатских митрополитов назывался «митрополитанским», или «митрополитальным» архивом. В 1829 году по распоряжению Греко-униатской духовной коллегии он был доставлен из Полоцка в Петербург, вернее одна его часть, так называемый Виленский митрополитальный архив. В 1841 году в Белорусско-Литовскую коллегию, управлявшую делами бывших униатов⁹⁶, была прислана другая часть митрополитального архива из Радомысля. После

⁹⁵ Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // ХЧ. – 1916. – Ч. I. – С. 251.

⁹⁶ 12 февраля 1839 г. в г. Полоцке состоялся униатский Собор, принявший решение о воссоединении униатской церкви в Белоруссии и Литве с Православной Церковью.

закрытия Белорусско-Литовской коллегии 1 сентября 1843 года постановлением Святейшего Синода 31 декабря 1843 года акты архива бывших униатских митрополитов было велено передать в синодальный архив «для надлежащего хранения», но «с тем, чтобы все акты приведены были в возможный систематический и хронологический порядок и имели по каждому роду общую и частную описи», а из важнейших должны быть сделаны «краткие выписи». Но передача архива замедлилась и была окончательно произведена лишь в 1847 году.

Еще в 1844 году к осмотру документов униатского архива был допущен редактор Археографической комиссии протоиерей Иоанн Григорович. Он обнаружил довольно значительное собрание актов (XV–XVII вв.), как исторического, так и юридического содержания, о событиях в Православной западно-русской Церкви, множество документов, которые вовсе не были известны ни Н.Н. Бантыш-Каменскому, ни митрополиту Евгению (Болховитинову). Эти документы потом и были напечатаны в изданиях названной комиссии.

С марта 1861 года разбором архива униатских митрополитов около года занимался прикомандированный к синодальному архиву преподаватель Могилевской духовной семинарии К.А. Говорский⁹⁷. Уже к июню дела (6748(от сотворения

⁹⁷ Говорский Ксенофонт Антонович (1811–1871) – педагог, археолог, историк, издатель и журналист. Сын униатского священника. Образование получил в Белорусской греко-униатской дух. семинарии в Полоцке и С.-Петербургской дух. академии (1836). Служил преподавателем в Белорусской греко-униатской дух. семинарии, а после воссоединения белорусских униатов в 1839 г. – Полоцкой дух. семинарии. С 1852 г. член-корр. РАО. В 1857–1858 гг. редактор неофициальной части «Витебских Губернских Ведомостей», где напечатал ряд актов и документов XVI и XVII вв. из правительственных и частных архивов, по истории Западного края со своими примечаниями и объяснениями. Также публиковал статьи церковно-исторического содержания, преимущественно по истории Полоцкой епархии. В 1861 г. получил место преподавателя Могилевской дух. семинарии и вскоре был прикомандирован к архиву Св. Синода, где занимался разбором архива западнорусских униатских митрополитов. С июля 1862 г. начал издавать в Киеве свой журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России», посвященный борьбе с полонизмом и католицизмом и защите Православия и русской народности. В нем печатались архивные документы и статьи по церковной и гражданской истории Западного края, статьи полемиического характера, повести, романы, стихотворения, современная хроника и др. В 1864 г. издание журнала было перенесено в Вильно, а сам журнал переименован

мира)–1819 гг.), находившиеся в связках, им были разобраны, приведены в систематический порядок и составлена опись тем из них, которые имели историческое, юридическое и па-леографическое значение. Кроме того, К.А. Говорский отде-лил принадлежавшие униатскому архиву печатные брошю-ры и рукописные книги или сборники разных официальных и частных бумаг, сделав им особую опись. Он же составил список пожертвованных им 14-ти рукописных документов за 1506–1626 годы, относящихся к истории западнорусской Церкви⁹⁸. В 1864 году помощником начальника синодального архива Н.И. Григоровичем были сняты копии с древних доку-ментов униатского архива (около 289 листов) для печатания их в «Вестнике Юго-Западной и Западной России»⁹⁹, издаваемом К.А. Говорским¹⁰⁰.

В 1863–1864 годах «для приведения греко-униатского Ар-хива в порядок, соответственно его важности», был принят ряд мер для обеспечения его дальнейшей сохранности. Тогда же документы разместили в одной из комнат синодальной канце-лярии, где воздух был гораздо суше, чем в архиве.

В 1865 году, незадолго до открытия Комиссии по описанию и приведению в порядок дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода, будущий ее член Н.И. Григорович составил «Проект описания Архива бывших греко-униатских митрополитов», предлагая в нем «распределить и описывать все рукописи в хронологическом порядке, без подразделения на более или

в «Вестник Западной России». В Вильно Говорский принимал активное участие в преобразовании Виленского археологического музея, в издании «Книги для чтения на простонародном наречии». Являлся одним из инициаторов и идеологов расширения русского землевладения в Белоруссии как средства борьбы с польским элементом. Одним из первых сумел исторически показать, что польское землевла-дение в Белоруссии не было исконным, а явилось следствием федеративной унии Великого княжества Литовского с Польшей.

⁹⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138. Л. 2–2 об., 16–16 об.

⁹⁹ «Вестник Юго-Западной и Западной России» – ежемесячный литературно-исторический журнал, основан К.А. Говорским. Начал издаваться в Киеве с июля 1862 г. С 1864 г. издавался в Вильно и был переименован в «Вестник Западной России». В 1871 г. со смертью К.А. Говорского издание прекратилось.

¹⁰⁰ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 203–205.

менее важные». В 1866 году разбирать униатский архив, как уже говорилось, Комиссия поручила М.О. Кояловичу¹⁰¹. Но необходимость продолжительной, сложной и чрезвычайно утомительной предварительной работы разбора архива, которой не мог посвятить свои немногие досуги покойный профессор сам лично, привела к тому, что предпринятый опыт не имел сколько-нибудь значительных результатов, хотя и стоил немалых трудов. Теперь эту работу на себя принимал С.Г. Рункевич.

Незадолго до этого вокруг униатского архива возникла некоторая интрига со стороны ведомства духовных дел иностранных исповеданий. Представители ведомства решили предложить для разбора архива западнорусских униатских митрополитов своих специалистов. Архив этот естественно очень интересовал католиков, потому они и хотели взять разбор этого важного для церковной истории архивного комплекса в свои руки. 31 января 1891 года должно было состояться очередное заседание Комиссии по описанию синодального архива, на котором, между прочим, предполагалось и обсуждение этого вопроса. На заседании должен был присутствовать профессор М.О. Коялович, но в это время он уже серьезно болел и не имел сил прибыть в архив. Зная о том, что в заседании будет поднят вопрос о возможности передачи архива западнорусских униатских митрополитов для разбора в руки представителей ведомства иностранных исповеданий, он писал накануне председателю синодальной архивной Комиссии академику А.Ф. Бычкову: «К великому моему прискорбию я не могу быть завтра в заседании Архивной Синодальной Комиссии, на которой, без сомнения, будет присутствовать князь Кантакузен¹⁰²

¹⁰¹ Там же. – С. 206–207.

¹⁰² Кантакузен Михаил Родионович (князь Кантакузен – граф Сперанский Михаил Родионович) (1848–1894) – директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, правнук графа М.М. Сперанского. Окончил юридический ф-т Новороссийского университета; в своей магистерской диссертации «Опыт определения понятия военной контрабанды» (Одесса, 1875) выступил сторонником своевременности кодификации международного права и приверженцем международного суда.

и будет излагать, конечно, несознательно планы Гезена¹⁰³, как изучать и <неразборчиво> для папских целей содержание униатского архива. <...> Уповаю на Ваше, Афанасий Феодорович, стоятельство против польских и иезуитских злоумышлений на униатский архив.

Мне кажется, обидно не для меня одного, а и для Комиссии, что после того, как обдуманы правила для описания этого архива и назначено лицо, которое ведает это дело и немало уже сделало, является новый член, заявляющий претензию взять это дело в свое распоряжение и вести его неизвестно как. Я претендую, чтобы всякие предположения князя Кантакузена были мне сообщены и было бы известно мне <неразборчиво> подобно тому, как это было, когда более сведущий ученый <Голубев> предлагал свой список описания униатского архива.

Считаю нужным сообщить еще, что в униатском архиве всех его отделов есть немало трактатов, проектов, грамот, писем, позорящих русскую православную церковь и только весьма опытный ученый сумеет найти в том же архиве документы и

Служил в Министерстве народного просвещения (во время управления этим ведомством графом Д.А. Толстым), затем в Министерстве государственных имуществ и в 1882 г. (когда граф Толстой вступил в управление Министерством внутренних дел) до самой смерти состоял директором департамента иностранных исповеданий. С 1890 г. член синодальной архивной комиссии.

¹⁰³ Гезен Август Матвеевич (1841–1892) – чиновник Министерства народного просвещения, писатель. Родом из прусских подданных (католик). Окончил курс медицинского ф-та Московского университета. Служил преподавателем в различных московских учебных заведениях. В 1849 г. принял русское подданство. В 60-е гг. состоял при Министерстве внутренних дел и занимался по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. Перейдя на службу в Министерство народного просвещения, был деятельным участником реформы графа Д.А. Толстого. Как заведующий реальными и техническими училищами неоднократно был командирован гр. Толстым за границу для изучения устройства тамошних подобных училищ. Назначенный в 1877 г. членом Совета министра народного просвещения, участвовал в комиссии, выработавшей новый университетский устав. Кроме того, работал в Министерстве внутренних дел по делам иностранных исповеданий. Состоя в дружеских отношениях с М.Н. Катковым, сотрудничал в «Московских Ведомостях» и «Русском Вестнике». В «Современной Летописи» напечатаны его статьи: «Русские церковные песни, употреблявшиеся у римских католиков в половине XVIII в.» (1870, №3) и «Добросовестность и ученость некоторых из наших реалистов в споре о классическом и реальном образовании» (1871, №18, 19). Его перу принадлежит обширный труд «История славянского перевода символа веры», удостоенный Уваровской премии.

факты, ниспровергающие этот позор; а как легко ошибиться при недостатке этой опытности и наделать чудовищных выводов, это можно видеть в сочинениях генерала Бобровского¹⁰⁴. Нет основания думать, чтобы чиновники такого ведомства, в котором значится г[осподин] Гезен, имеют больше этой опытности и менее способны были делать ошибки при разборе этих памятников. Имеющиеся у меня опыты их разбора документов и бумаг по делам латинства отнимают всякую уверенность, что они способны описывать униатские документы, как следует; а так как в их среде находится г[осподин] Гезен, то может возникать опасение, что более важные из этих документов раньше будут <означены> в Кракове или Риме, чем в России.

Смею надеяться, Афанасий Феодорович, что Вы постоянно Вашею заботливостью о <неразборчиво> благе и свойственную Вам проницательностью оградите униатский архив от влияния латинопольских злоумышлений!»¹⁰⁵

Действительно, намерение чиновников департамента духовных дел иностранных исповеданий взять на себя разбор униатского архива вызывало недоумение. В синодальном архиве уже не первый десяток лет работала специальная Комиссия из ученых специалистов, занимавшаяся разбором и описанием хранившихся в нем документов, и вдруг, кто-то со стороны предлагает свои услуги. Само такое предложение выглядело довольно странным, не говоря уж о том, с чьей стороны исходила его инициатива.

¹⁰⁴ Бобровский Павел Осипович (1832 – 1905) – писатель, сенатор, генерал от инфантерии. Выпускник Полоцкого кадетского корпуса и Военной академии. Служа в Вильно, составил статистическое описание Гродненской губ. С 1875 г. начальник Военно-юридической академии. Написал множество сочинений по военному праву, военной статистике и истории и по церковной истории: «Юнкерские училища» (СПб., 1872–76); «Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по уставу воинскому в 1716 г.» (СПб., 1881); «Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский» (СПб., 1882–98); «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I» (СПб., 1889); «Михаил Кириллович Бобровский» («Русская Старина», 1889) и др.

¹⁰⁵ Архив РАН (СПб.). Ф. 764. (Бычков А.Ф.) Оп. 2. Д. 384. Л. 5–5 об.

Униатский архив не был передан для разбора специалистам, рекомендуемым представителями департамента духовных дел иностранных исповеданий. По настоянию и ходатайству А.Н. Львова¹⁰⁶ обер-прокурор К.П. Победоносцев, «всегда с особой заботливостью относившийся к охранению и обнаружению памятников нашей родной церковной старины и в частности к синодальному архиву», предоставил возможность специальных занятий по разбору архива западнорусских униатских митрополитов. Профессор М.О. Коялович, понимая, что сам уже не сможет больше заниматься его разбором, предложил в Комиссии для этого дела кандидатуру своего воспитанника С.Г. Рункевича, которому доверял и верил в то, что он сможет осуществить предстоящий труд достойно.

Приступив к занятиям по разбору униатского архива, С.Г. Рункевич продолжал готовить к публикации свою кандидатскую диссертацию. Обнаруживаемый новый материал, относящийся к теме его сочинения, он включал в работу, значительно обогащая ее содержание. Став сотрудником синодального архива, С.Г. Рункевич как исследователь оказался в исключительно благоприятных условиях, получив широкий доступ к источникам. В его распоряжении оказалась огромная масса исторического материала во многом еще мало исследованного и почти неизвестного.

Постепенно архивный материал сам повел за собой молодого исследователя, так что ему пришлось значительно расширять предполагаемый план и программу своего сочинения. Все более кандидатская диссертация выливалась в качественно иное, более фундаментальное и солидное исследование. С.Г. Рункевич видел теперь свою задачу в максимально полном, по возможности, освещении того исторического периода бытия Минской епархии, исследованием которого занимался.

Здесь в Петербурге, кроме архива и библиотеки Святейшего Синода, С.Г. Рункевич, для уяснения некоторых военных и

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 778. Л. 106 об.

политических событий изучаемой им эпохи, работал с документами военно-научного архива Главного штаба и сенатского архива. В исследовательских целях он предпринял поездку в Киев, где изучал документы архива, библиотеки и церковно-археологического музея Киевской духовной академии, а также документы Киевской духовной консистории. Кроме того, он побывал в Чернигове и Могилеве на Днестре для ознакомления с архивами местных духовных консисторий. В Минске он исследовал архивы Минской духовной консистории, духовной семинарии и архив Минского архиерейского дома¹⁰⁷. Неразобранность и беспорядочность архивного материала, с которым ему пришлось столкнуться, в особенности консисторских архивов, требовали много усидчивости, терпения и внимательности.

Постепенно в руках у историка стал накапливаться обширный архивный материал. Зачастую он выходил за хронологические рамки исследования и поэтому не вся масса документов могла быть целиком включена в сочинение. Между тем возникало желание ввести собранные исторические материалы в научный оборот. С этой целью С.Г. Рункевич обратился в редакцию «Минских Епархиальных Ведомостей» с предложением начать в них публикацию документов, касающихся истории Минской архиепископии, причем материалы брался предоставлять бесплатно, без всякого гонорара¹⁰⁸. Тогдашний редактор «Ведомостей», инспектор Минской духовной семинарии А.И. Черницын¹⁰⁹, охотно откликнулся на предложение С.Г. Рункевича.

С декабря 1891 года в «Минских Епархиальных Ведомостях» началось печатание присылаемых С.Г. Рункевичем

¹⁰⁷ *Рункевич С.Г.* История Минской архиепископии (1793–1832): С подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг. – СПб.: Тип. А. Катанского и К., 1893. – С. XIV.

¹⁰⁸ Минские Ев. – 1893. – №18. – С. 379.

¹⁰⁹ *Чистяков П.* Минские Епархиальные Ведомости конца XIX – начала XX столетия как источник по церковному краеведению Беларуси // Минские Ев. – 2003. – №1. – С. 52.

документов под общим заглавием «Материалы для истории Минской епархии». В предисловии к публикации молодой историк писал: «Тринадцатого апреля 1893 года исполнится только столетие со дня учреждения Минской епархии, а между тем и за этот, сравнительно недолгий, период своего существования Минская епархия представляет такое богатство исторической жизни, что в этом отношении едва ли может сравниться с нею какая-либо другая из российских епархий, кроме разве Киевской. Довольно сказать, что Минская епархия успела выделить из себя такие три громадные епархии, как Волынская, Подольская и Литовская; кроме того, ее части отошли к епархиям: Киевской, Екатеринославской, Подольской и др.

Таким образом, история Минской епархии тесно связана с церковной историей всего западнорусского края. Между тем, для истории Минской епархии, собственно в ее нынешних пределах, сделано очень мало, а это в то время, когда для отошедших от нее окраин сделано довольно значительно. В Вильне, том за томом, выходят в свет «Акты Виленской Археографической Комиссии» и «Археографический Сборник»; в Киеве – «Архив юго-западной России»; в Витебске – «Витебская Старина»: во всех этих исторических сборниках местной церковной истории отведено видное место. Кроме того, на страницах киевских, литовских, волыньских и других епархиальных ведомостей то и дело появляются различные исторические документы – то в целом виде, то в большей или меньшей обработке. Только в Минске местной истории как-то несчастливилось. После издания в 1848 году «Собрания древних грамот и актов городов в Минской губернии» в Минске не было обнародовано в печати из исторических документов почти ничего, так что в чужеместных изданиях можно найти гораздо более материалов для минской истории, нежели в изданиях минских»¹¹⁰.

¹¹⁰ Материалы для истории Минской епархии. Материалы к биографии Преосвященного Виктора Садковского // Минские Ев. – 1891. – №23. – С. 692–693.

Публикацию исторических документов С.Г. Рункевич начал с материалов для биографии Преосвященного Виктора (Садковского), первого Минского архиепископа, продолжив ее затем опубликованием писем Преосвященного. Всего было предложено к напечатанию 150 писем с примечаниями и комментариями С.Г. Рункевича, а также составленными к ним алфавитным именованным и тематическим указателями¹¹¹.

В начале 1892 года С.Г. Рункевич поместил в «Церковном Вестнике» ряд очерков о Петербургской религиозно-просветительной благотворительности под заглавием «Студенты-проповедники». Очерки были посвящены описанию деятельности студенческого проповеднического кружка при С.-Петербургской духовной академии, членом которого он сам еще не так давно был. Очерки привлекли к себе внимание и вскоре были изданы отдельной книжкой с одноименным названием, ставшей первой отдельно изданной литературной работой С.Г. Рункевича. Впрочем, еще ранее была издана в отдельной книжке написанная им народная лекция «Преподобные отцы Сергей и Герман, Валаамские чудотворцы, основатели Валаамской обители» (СПб., 1890). В этой книжке к тексту лекции иеромонаха Климент (Верниковский)¹¹², впоследствии епископ, добавил церковные песнопения и одно стихотворение, посвященное Валааму, поэтому книжка была означена «составленной» иеромонахом Климентом¹¹³.

С поступлением на службу С.Г. Рункевич не прервал своей религиозно-просветительской деятельности, начатой

¹¹¹ Материалы для истории Минской епархии. Письма к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа // Минские Ев. – 1891. – №24; 1892. – №1–12, 15–24.

¹¹² Климент (в миру Константин Александрович Верниковский), епископ (1863–1909). Сын дьячка Минской епархии. Выпускник Минской дух. семинарии (1886) и С.-Петербургской дух. академии (1890), кандидат богословия. Студентом принял монашеский постриг (1889) и сан иеромонаха. После окончания академии назначен инспектором, а затем ректором Холмской дух. семинарии. С 1892 г. в сане архимандрита ректор Московской дух. семинарии, а с 1897 г. священник посольской церкви в Риме. В 1902 г. рукоположен во епископа Уфимского, с 1903 г. епископ Подольский и Брацлавский, с 1904 г. епископ Винницкий. В 1905 г. уволен на покой.

¹¹³ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 375.

в академическом кружке студентов-проповедников. Теперь он продолжал ее в качестве члена «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви».

Свое официальное существование «Общество» начало, получив высочайшее утверждение, с 4 апреля 1881 года. Время, когда оно зарождалось, было ознаменовано в России особенным наплывом и распространением различных новых идей, зачастую чуждых русскому духу и сердцу. Вместе с походом против государственных устоев начался поход и против Православной Церкви. Все эти веяния и движения нигде так сильно не ощущались как в Петербурге.

Водворившаяся в русских умах смута постепенно разлагала русское общество, ведя его к безбожию и расцерковлению. Это обстоятельство давно уже обращало на себя внимание православного духовенства, но, к сожалению, ему долго не хотели придавать серьезного значения. Наконец, необходимость решительной борьбы с надвигающейся опасностью стала ощущаться с очевидной определенностью и вызывала к этой борьбе лучшие церковные силы. Главнейшее же оружие борьбы Церкви с ее врагами, как известно, – это открытое возвещение истины отступившим от нее.

7 апреля 1880 года в квартире одного сановного ревнителя православия из петербургских мирян состоялось собрание двадцати пяти «ревностнейших» столичных пастырей – первое заседание нарождающегося «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения». Первым вопросом, поставленным тогда на разрешение в заседании, был: «Не благовременно ли открыть в Петербурге религиозно-нравственные чтения и беседы в храмах, общественных залах, в тюрьмах и частных домах?» И собрание, и вопрос являлись результатом «давно сознаваемой в кругу православных потребности установить более

живое общение между пастырями и пасомыми, разрешить с христианской точки зрения множество накопившихся жгучих вопросов современной жизни»¹¹⁴. Как известно, богослужебная проповедь всегда ограничивается определенными условиями и рамками, внебогослужебная же беседа, не лишенная и пастырского авторитета, позволяет входить в самую гущу будничной жизни и разрешать любые, даже самые незначительные вопросы. С целью более успешного ведения в столице религиозно-нравственных чтений и бесед и было решено основать из ревнителей православия общество для распространения религиозно-нравственного просвещения.

Ни один из проповедников, членов «Общества», с первых же дней не мог пожаловаться на недостаток слушателей. Как выяснилось, народ действительно нуждался в живом пастырском слове и вскоре это слово уже звучало во многих уголках Петербурга, охватив практически все его слои. Беседы проводились и в среде простого рабочего люда, и в торговой среде, проникали и в среду «великосветскую». Были места, например, где собиралась исключительно интеллигенция. Кроме того, велись специальные беседы со старообрядцами и пашковцами¹¹⁵. В 1887 году «Обществом» были открыты бесплатная духовная библиотека и читальня.

¹¹⁴ *С[тепан] Г[ригорьевич] Р[ункевич]*. Студенты-проповедники. – №16. – С. 246.

¹¹⁵ Пашковцы – одно из названий секты евангельских христиан в России. Секта появилась в Петербурге, получив название по имени руководителя В.А. Пашкова. В 1876 г. Пашков учредил «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», занимавшееся изданием литературы для народа. Основой пашковского учения являлось протестантское положение об оправдании верой. В 1877 г. Пашкову было запрещено устраивать религиозно-назидательные беседы; в 1878 г. церковной власти поручено было увещевать Пашкова и его единомышленников оставить свое заблуждение и вернуться в лоно Православной Церкви. Лишенный возможности действовать в Петербурге, Пашков перенес свою проповедь во внутренние губернии, главным образом – в с. Крекшино Звенигородского у. Московской губ. В других местностях работали его приверженцы. В 1883 г. Пашков вновь поселился в Петербурге и в апреле 1884 г. устроил вместе с графом М. Корфом съезд из представителей штундистов, баптистов и молокан. Заседания съезда были прекращены распоряжением правительства, а 24 мая 1884 г. «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» было закрыто. Вслед за тем Синод предписал

Членами «Общества» в свое время были такие замечательные личности, как протоиереи И.В. Васильев, С.Н. Ставровский, И.Н. Полисадов, И.Г. Заркевич, В.Я. Михайловский, ректор С.-Петербургской духовной академии протоиерей И.Л. Янышев, священник М.И. Соколов, профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский и многие, многие другие.

В 1888 году в состав «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» официально вошел кружок студентов-проповедников С.-Петербургской духовной академии. Став в свое время членом проповеднического кружка, С.Г. Рункевич вскоре стал и членом самого «Общества», где продолжал свою проповедническую деятельность.

Так, в 1892 году по субботам Великого поста он вел в Свято-Троицкой церкви «Общества» систематические чтения из истории первенствующей церкви – «О святых женах» и «О святых мучениках» II и III веков¹¹⁶. Кроме того, им были проведены в зале Педагогического музея две беседы на тему «О святом Игнатии Богоносце и святом Иустине Философе», несколько бесед «О святых женах» в помещении Городских скотобоен (на Петербургском скотопригонном дворе на Забалканском проспекте (ныне Московский))¹¹⁷.

1.4. Магистерская диссертация

Наконец была завершена работа над сочинением по истории Минской архиепископии. Исследование, начатое на студенческой скамье, теперь представляло собой солидную монографию

епархиальным архиереям, а Министерство внутренних дел – губернаторам следить за распространением пашковского учения. Сам Пашков уехал за границу, но распространение секты продолжалось еще до конца XIX в.

¹¹⁶ Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1892–1893 г. – СПб., 1893. – С. 95, 99.

¹¹⁷ Там же. – С. 44.

(в 600 страниц), принесшую в скором времени ее автору немало похвал, научное признание и известность.

6 ноября 1892 года С.Г. Рункевич представил в Совет С.-Петербургской духовной академии на соискание степени магистра рукописное сочинение под заглавием: «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.), с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью». Совет назначил двух рецензентов для ознакомления с сочинением и написания о нем отзывов: экстраординарного профессора академии протоиерея П.Ф. Николаевского и доцента кафедры Русской гражданской истории П.Н. Жуковича¹¹⁸.

Исследование С.Г. Рункевича представляло собой сочинение, состоящее из двух частей, разделенных на девять «книг». В небольшом предисловии к работе автор мотивировал принятое им деление истории Минской архиепископии на три периода, определял задачи исследования и сообщал краткие сведения об использованных им рукописных и печатных источниках. Гранью между первым периодом истории Минской епархии, которому посвящалось исследование, и последующим служил 1832 год, когда на Минскую кафедру был назначен епископ Евгений (Божанов).

Поставив себе задачу написать историю первого периода жизни Минской епархии, С.Г. Рункевич прежде всего «имел в виду выдвинуть на первый план прогрессивный рост епархиальной жизни и тот особенный характер, ту специфическую окраску, которая отличала жизнь Минской епархии, во всякий данный ее момент, как от жизни других епархий, так и от различных периодов ее прошлого»¹¹⁹. Так была определена главная цель исследования.

Первая часть исследования, очень короткая по времени, но богатая по содержанию, заключала в себе первые три года

¹¹⁸ Там же. – С. 123.

¹¹⁹ Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832). – С. IX–XI.

жизни Минской епархии. Совершившееся в эти годы воссоединение с Православной Церковью западнорусских униатов, отстранило собой на второй план все другие стороны церковной жизни и явилось главным, господствующим событием этого времени. Необходимость обрисовать состояние православия в Речи Посполитой в эпоху предшествующую учреждению Минской епархии и воссоединения униатов заставила С.Г. Рункевича значительно отодвинуть хронологические рамки этой части исследования в глубь прошлого.

Вторая часть рассказывала об упорной и медленной работе постепенного приспособления западнорусских областей к формам церковной жизни, выработанным Русской Церковью. Так как Минская епархия состояла из областей, долгое время находившихся в составе Речи Посполитой, то она в этом отношении требовала особенно много труда и усилий со стороны своих архипастырей. Если епархиальная жизнь этого периода имела те или иные специфические оттенки в тот или другой момент своей истории, то это всецело зависело от личных свойств стоявшего во главе епархии архиерея. Поэтому в этой части своего сочинения С.Г. Рункевич на первый план выдвинул биографии епархиальных Преосвященных и все исследование посвятил тем средствам, какими располагала епархия в это время для нового движения церковной жизни вперед.

Нужно отметить, что при написании этой работы С.Г. Рункевич сравнительно немного имел в своем распоряжении печатных источников. Большую часть материалов он заимствовал непосредственно из архивов. Обилие собранного архивного материала дало ему возможность обставить свое историческое повествование целым рядом точных, часто малоизвестных или совсем неизвестных фактов, сообщило всему исследованию большую хронологическую точность, помогло успешно разобраться в ряде запутанных вопросов прошлого. Заслуживает внимания и то, с какой тщательностью отнесся С.Г. Рункевич ко всей предыдущей печатной отечественной литературе,

имевшей какое-либо отношение к предмету его исследования. Это и крупные сочинения, такие, как «История воссоединения западнорусских униатов старых времен» М.О. Кояловича, «Последние годы Речи Посполитой» Н.И. Костомарова, и отдельные публикации, рассыпанные по разным провинциальным, преимущественно епархиальным, изданиям¹²⁰.

В отношении польской исторической литературы С.Г. Рункевич воспользовался лишь более важными напечатанными церковно-историческими материалами, насколько они могли быть ему полезны. У Рункевича был на руках настолько богатый архивный материал, что польская церковно-историческая литература и даже польские архивы не могли дать ему по истории Минской епархии исследуемого периода чего-либо нового и важного. Вообще с фактической стороны сочинение представляло собой образец полноты¹²¹.

Одновременно с этой крупной работой С.Г. Рункевич составил еще одно исследование, специально посвященное столетнему юбилею Минской архиепископии: «Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля – 1893)»¹²². Оно было гораздо меньше по объему, но зато освещало всю прошедшую историю епархии.

В очерке последовательно были отображены все основные события, происшедшие в жизни Минской епархии, а также даны биографии и краткие характеристики деятельности ее архиереев. Последние значимые события епархиальной жизни, сообщаемые в исследовании, относились к августу 1892 года.

К началу 1893 года очерк был завершен. В кратком предисловии С.Г. Рункевич сообщал, откуда им были почерпнуты

¹²⁰ Там же. – С. XV.

¹²¹ *Жукович П.Н.* Отзыв о сочинении г. Рункевича: «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.), с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг.». СПб., 1893. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. – С. 3.

¹²² *Рункевич С.Г.* Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793–13 апр. – 1893). – Минск: Типо-лит. Б. И. Соломонова, 1893. – 127, IV с.

сведения для исследования. «Для Введения и первого отдела настоящего Очерка составитель воспользовался собственным исследованием, пока еще не напечатанным: “История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)”. Для второго отдела материалами послужили главным образом записки деятелей воссоединения 1839 года и изданные по случаю исполнения пятидесятилетия со времени этого события статьи и документы (в их числе брошюры И.А. Чистовича, И.И. Малышевского, священника П. Афонского, статьи М.О. Кояловича), а также документы, хранящиеся в архиве Святейшего Синода, и известия современным событиям периодической печати. Третий отдел был написан на основе материалов, напечатанных в “Минских Епархиальных Ведомостях” за все время их издания, причем некоторые сведения проверены и дополнены на основании документов, хранящихся в архиве Св. Синода». Внизу стояла подпись: «11 января 1893 г., С.Петербург»¹²³. Это был день рождения С.Г. Рункевича. Тогда ему исполнилось 26 лет.

Представленный в Петербургский духовный цензурный комитет «Очерк» 22 января 1893 года был дозволен к опубликованию и в скором времени отпечатан в Минске в частной типографии Б.И. Соломонова.

11 апреля 1893 года в Минской епархии начались торжества, посвященные ее столетнему юбилею. Во всех церквях епархии за богослужением торжественно читалось архипастырское послание Преосвященного Симеона (Линькова), епископа Минского и Туровского. Вечером того же дня во всех минских храмах были совершены заупокойные всенощные бдения, а на следующий день заупокойные литургии, после которых были отслужены панихиды по императрице Екатерине II, императорам: Павле I, Александре I, Николае I, Александре II и по почившим Минским архиереям. Вечером 12 апреля, на кануне самого юбилея, в минских храмах совершалось все-нощное бдение. 13 апреля, после литургии, возглавляемой

¹²³ Там же. «От составителя».

Преосвященным Симеоном, из кафедрального собора был совершен торжественный крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери «Крупецкая» к реке Свислоч. В крестном ходе принимали участие все городское духовенство, воспитанники и воспитанницы духовных учебных заведений Минска, многочисленные богомольцы, а также местные войска, придавшие праздничной процессии особую торжественность. Во время водоосвящения при погружении святого креста в воду был произведен праздничный пушечный салют¹²⁴. Так был отмечен столетний юбилей Минской архиепископии. Наиболее значимым литературным вкладом в празднование юбилея стали публикации С.Г. Рункевича, начатые в «Минских Епархиальных Ведомостях», и изданный им «Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля – 1893)».

8 июля 1893 года Совет академии слушал представленные П.Н. Жуковичем и протоиереем П.Ф. Николаевским отзывы о сочинении С.Г. Рункевича «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.), с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг.». Отзывы носили самый благоприятный характер, и Совет «разрешил это сочинение к напечатанию на счет сумм, ассигнуемых на печатание протоколов и магистерских диссертаций, поручив цензуру оною» ректору академии архимандриту Борису (Плотникову). Дальнейшее же суждение о допущении сочинения на магистерский диспут было решено вынести после его напечатания¹²⁵.

6 ноября, ровно через год после подачи сочинения в Совет академии, С.Г. Рункевич написал ее ректору, архимандриту Борису, письмо, в котором обращался с просьбой о назначении срока защиты. По-видимому, сочинение его к этому времени уже было напечатано. «Я хотел бы почтительнейше просить

¹²⁴ *С[вященник] П[авел] А[фонский]*. Торжественное празднование в г. Минске столетия со времен учреждения самостоятельной Минской епархии (1793 – 13 апреля – 1893) // *Минские Ев.* – 1893. – №9–10. – С. 247–256.

¹²⁵ Журналы заседаний Совета Академии за 1893–1894 год. – С. 100–101.

Вас, Высокочтимый Отец Ректор, – писал он, – назначить мой коллоквиум в один из воскресных или праздничных дней второй половины ноября; и если бы это назначение зависело от Митрополита, то и пред Его Высокопреосвященством повергнуть эту мою просьбу. Причина та, что в будни и я, и мои все знакомые, которые желали бы присутствовать на диспуте, заняты службой или уроками. Что же касается краткости срока, то Пл[атон] Ник[олаевич] Жукович сказал мне, что для него совершенно безразлично, когда будет назначен диспут, а о[тец] Павел Федорович Николаевский тоже обещал, что и с его стороны не будет задержки. Для меня же самое удобное время было бы воскресенье 28 ноября»¹²⁶. Однако просьба эта удовлетворена не была, и защита магистерской диссертации состоялась лишь в феврале следующего года.

2 декабря 1893 года проходило очередное заседание Комиссии по описанию дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода. На нем С.Г. Рункевич докладывал о проделанной им работе по описанию архива униатских митрополитов, представив «Записку», в которой излагался весь ход работы.

Приступая в 1891 году к разбору униатского архива, Рункевич, по собственному выражению, застал его с внешней стороны в состоянии превосходном. И это было не только его личное мнение, но и мнения, слышанные им «от компетентных в археографическом деле лиц»¹²⁷. Архив имел для своего хранения особое помещение, все бумаги, если не были переплетены в книги, то обернуты чистыми обложками и помещены в закрытых коробках. Но с внутренней стороны, относительно возможности пользоваться архивом в научных или справочных целях, он имел «печальное положение». 1018 документов были выделены под названием «важнейшие документы» в особый отдел, для которого в 1860-е годы была составлена краткая опись. Хотя точность этой описи оставляла

¹²⁶ ОР РНБ. Ф. 91. Д. 496. Л. 1–1 об.

¹²⁷ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191. Л. 120 об.

желать лучшего, тем не менее, она все же давала возможность «с большим или меньшим усилием ориентироваться в сумме обнятых ею документов». Остальные же бумаги архива, превышающие число охваченных описью по меньшей мере в 20 раз, оставались неописанными, частью сгруппированные в особые «книги», большей же частью собранные в «связки». И «книги», и «связки» имели свои особые надписи, о которых С.Г. Рункевич замечал, что «они тогда наиболее отвечали действительности, когда носили такой широкий характер, как например надписи: “Бумаги XVI и XVII столетий” и т.п.»¹²⁸. «Книг» считалось 114, «связок» – 467, кроме того, 14 номеров документов, пожертвованных в архив К.А. Говорским, и 97 номеров «печатных книг, брошюр и разных листов», как они названы были в указанной выше описи. «Книги» представляли собой сборники переплетенных вместе документов, составленных без хронологического порядка, но большей частью следуя какой-либо системе – например, по предметам или лицам, к которым относились собранные документы, или по характеру самих документов – «сборник переписки архиепископа Лисовского», черновые отпуски из канцелярии митрополита, метрики ставленников за известный период времени и т.п. Что касалось «связок», то они, имея вполне приличный внешний вид, по своему содержанию представляли полнейший хаос, в котором большей частью не возможно было найти даже признаков какой-либо системы или порядка. Очень часто рядом с документом XV столетия находился документ XIX столетия, рядом с королевским повелением или папской буллой на пергаменте – ненужный конверт или черновая заметка на лоскуте, – и все это нисколько не связанное между собой по содержанию.

В свое время профессор М.О. Коялович, занимаясь разбором униатского архива, за недостатком времени поручал частью это дело студентам духовной академии, которые и

¹²⁸ Там же. Л. 121 об.

составили описание около тысячи документов. Однако полезная для студентов работа не много принесла пользы архиву. К тому же различные лица-описатели, не будучи ознакомлены с трудами своих предшественников, нередко составляли по два и даже по пять описаний одного и того же документа – по подлиннику и по спискам, которые, как правило, имелись для всех древних документов XV и XVI столетий, делая тем самым лишнюю работу. Просмотрев эти студенческие описания, С.Г. Рункевич не счит возможным воспользоваться ими в какой-либо степени¹²⁹.

Приступая к разбору архива, С.Г. Рункевич со своей стороны принял следующую систему. Прежде всего он решил установить точную хронологическую дату каждого отдельного документа, или, вернее, каждого листа, так как почти все бумаги XV–XVII столетий были разбиты по листам. Это было необходимо, во-первых, потому, что само описание предположено было составить в строго хронологическом порядке, а затем, во избежание вторичных описаний документов, по спискам после описания их по подлиннику. Работа была начата с последней связки. И этот, «противный всем логическим требованиям прием, оказался наиболее практичным». Последние связки, несмотря на неоднородность заключающихся в них документов, представляли собой в значительной степени документы позднейшего времени сравнительно с первыми по нумерации связками. И так, постепенно идя от недавнего к древнейшему, без особого труда и ущерба для хода работы, шло ознакомление с новым характером древнейших документов: с особенностями их языка, письма, формы.

Работа над разбором архива продолжалась целый год. Все связки были разобраны Рункевичем в пять и одну четвертую номеров. Каждый номер был заключен в занумерованную обложку из листа белой бумаги и был снабжен отдельной

¹²⁹ Там же. Л. 123 об.

карточкой, показывающей его точную хронологическую дату и в некоторой степени его содержание. Если справедливо было заключение относительно описания документов XV и XVI столетий, что в этого рода описаниях самое важное – хронологическая дата документа, то в этом случае годовая исключительно подготовительная работа могла в некоторой своей части иметь и прямой практический результат.

После такого разбора «связок» С.Г. Рункевичу нетрудно было уже соотнести бывшие в них документы с тысячей уже описанных студентами и заняться подробным описанием всего архива в хронологическом порядке. Образцом для самого описания послужили издания Комиссии: «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода». Причем в своем описании С.Г. Рункевич решил идти в сторону более краткого изложения, руководствуясь следующими правилами: а) описания ведутся в строго хронологическом порядке, причем документы, имеющие отношение к одному и тому же предмету и непосредственно связанные между собой, группируются в «дела»; б) переписка разных лиц выделяется в особый отдел под названием «Письма» с расположением бумаг по авторам (мотивами для выделения этого рода документов в особый отдел послужило: неудобство расположения писем в хронологическом порядке, особый характер их содержания и особый их формат); в) особый отдел под названием «Сборники» составляют книги, содержащие в себе разнообразные материалы, расположенные без соблюдения хронологического порядка. Невозможность ввести этого рода документы в хронологическое описание, по мнению С.Г. Рункевича, была очевидной. А касательно предложения со стороны некоторых лиц разрывать «книги», он отвечал: «Помимо того, что разрушать древние сооружения, хотя бы и для возведения новых, не дело археографического учреждения, – против разрывания книг были

доложены Комиссии и научные основания покойным М.О. Кояловичем, – и этот вопрос тогда же был решен Комиссией»¹³⁰.

Ко времени настоящего заседания С.Г. Рункевичем уже была сделана часть описания униатского архива по указанному образцу. Описание было доведено до 1736 года и состояло из 1289 номеров документов, охватывая период времени в 265 лет.

Особое внимание Комиссии С.Г. Рункевич обратил на документы XV и XVI столетий, сгруппированные в 245 номеров: во-первых, потому что это были «документы чисто русские и православные» и, во-вторых, потому что «документы этого времени вообще очень редки и <...> ценятся на вес золота»¹³¹. Из их числа 87 документов уже были напечатаны в различных археографических изданиях. Из напечатанных наибольшее количество документов имело то или иное отношение к различным церковным земельным делам преимущественно Киевских митрополитов и Киево-Печерского монастыря. Постоянно встречающиеся в этих документах упоминания о различных местных церквях, духовных лицах и т.п. сообщали им, помимо их юридического и географического интереса, высокий церковно-исторический интерес. Между ними два документа относились к князю К.И. Острожскому; один представлял собой обширное завещание отца митрополита Михаила Рогозы, в котором сообщались неизвестные до того сведения о юности митрополита; несколько документов на пергаменте; не мало королевских и митрополичьих автографов и др. Составленные описания этих документов, а также и всех остальных по 1736 год, Рункевич и представил на рассмотрение Комиссии¹³².

Выслушав доклад С.Г. Рункевича и рассмотрев представленную им часть описания, Комиссия со своей стороны сделала лишь некоторые замечания, в целом положительно оценив саму работу. Ввиду исторической важности и значения, ка-

¹³⁰ Там же. Л. 125–125 об.

¹³¹ Там же. Л. 125 об.–126.

¹³² Там же. Л. 126–126 об.

кое имели описанные документы униатского архива вообще и главным образом в виду того, что многие из этих документов не были изданы и никому неизвестны, Комиссия признала не только полезным, но и необходимым в интересах развития исторической науки напечатать составленное С.Г. Рункевичем описание архива униатских митрополитов, о чем и постановила представить на утверждение обер-прокурора Святейшего Синода¹³³.

Комиссия высоко оценила работу молодого ученого. На этом же заседании С.Г. Рункевич был избран в члены Комиссии по описанию синодального архива, став теперь полноправным ее сотрудником¹³⁴.

Вскоре было утверждено и решение Комиссии о печатании первого тома «Описания», а наблюдение за его изданием было поручено председателю Комиссии академику А.Ф. Бычкову.

21 декабря 1893 года Совет С.-Петербургской духовной академии рассматривал уже изданное сочинение С.Г. Рункевича «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)». Его члены единодушно согласились с представленными ранее отзывами рецензентов, и сочинение было допущено на магистерский коллоквиум для защиты. Официальными оппонентами были назначены прежние рецензенты: профессор протоиерей П.Ф. Николаевский и доцент П.Н. Жукович. Время защиты Совет предоставил назначить новому ректору академии Пресвященному Никандру (Молчанову), епископу Нарвскому, «по соглашению с оппонентами и с магистрантом»¹³⁵.

Магистерский диспут состоялся 20 февраля 1894 года. Проходил он в воскресный день в актовом зале С.-Петербургской духовной академии. На диспуте присутствовали ректор и профессора академии, студенты, друзья и близкие С.Г. Рункевича. Посторонних слушателей почти не было.

¹³³ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 68.

¹³⁴ Там же. – С. 385.

¹³⁵ Журналы заседаний Совета Академии за 1893–1894 год. – С. 101.

Перед началом диспута секретарь академии прочитал небольшой *curriculum vitae* диспутанта. После этого на кафедре поднялся сам С.Г. Рункевич. Он произнес речь, в которой красноречиво и обстоятельно изъяснил те побуждения, цели и средства, которые он имел и которыми руководствовался при написании своего исторического исследования. В конце речи он искренно поблагодарил всех тех, кто своим вниманием и содействием облегчили трудности его работы. В заключение С.Г. Рункевич указал на то, что его труд и по новизне своего предмета, и по причине тех трудностей, которые ему пришлось преодолевать, не может быть назван вполне совершенным в своей области¹³⁶.

Первым начал оппонировать профессор протоиерей П.Ф. Николаевский. Указав существенные достоинства диссертации и выразив весьма сочувственное отношение к сочинению, он отметил и следующие недостатки: «а) то обстоятельство, что для характеристики положения православия в западной России перед временем учреждения Слуцкой епископии магистрант мало пользуется фактическими данными эпохи после первого раздела Польши, предпочитая данные более отдаленного времени; б) недостаточное внимание к некоторым новым данным о происхождении Виктора Садковского; в) то, что автором недостаточно выясняется связь воссоединения униатов минских с белорусскими; г) то, что для характеристики белорусского архиепископа Афанасия Вальховского он не воспользовался некоторыми печатными материалами (Записками Добрынина); д) то, что он не выяснил отношений архиепископа Иова Потемкина к светлейшему князю Потемкину, а также религиозных взглядов этого последнего, имевших некоторое влияние на положение тогдашних западнорусских церковных дел; е) то, что не попытался выяснить отношений Императора

¹³⁶ Магистерский диспут в С.-Петербургской Духовной Академии по поводу сочинения С.Г. Рункевича, под заглавием: «История Минской Архиепископии (1793–1832), с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с православной церковью в 1794–1796 гг.» // Минские Ев. – 1894. – №12. – С. 122–123.

Александра I к делам православной Минской архиепископии; ж) то, наконец, что он игнорировал вопрос о первых предположениях открыть православную епархию в пределах Польши не в Слуцке, а в самой Варшаве»¹³⁷.

После П.Ф. Николаевского свои замечания по поводу диссертации сделал П.Н. Жукович. «Во-первых, поставив в особую заслугу магистранту то, что он первый обратил внимание на внутреннюю жизнь православной Минской архиепископии после воссоединения», Жукович «отметил в его обозрении внутренней жизни Минской епархии пропуск прихожан, или того народа, который и образовал Минскую архиепископию». Затем он указал «на противоречивость во взглядах магистранта на отношения Екатерины II и Павла Петровича к польским судебнo-административным порядкам, происшедшую вследствие пропуска им позднейших, относящихся сюда, указов Екатерины». Фактическую скудость епархиальной жизни позднейшего периода (1812–1832), по мнению оппонента, С.Г. Рункевич «мог бы несколько восполнить указанием фактов религиозно-просветительной, в частности законоучительской, деятельности православного духовенства Минской архиепископии, тем более, что вопрос о преподавании закона Божия православного исповедания, имевший в тогдашних западно-русских учебных заведениях своеобразную постановку, тесно связан был с вопросом об открытии православных приходов в уездных городах литовских губерний». П.Н. Жукович указал также на неверное утверждение магистрантом принадлежности базилианам некоторых учебных заведений, которые после изгнания иезуитов перешли к разным католическим монашеским орденам. И, наконец, признал неверной ссылку С.Г. Рункевича на «Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западного края» (№160), в доказательство той мысли, что в 1807 году по всем уездным городам

¹³⁷ Магистерский коллоквиум // ЦВ. – 1894. – №8. – С. 123.

Литовско-Виленской губернии учреждены были православные приходские церкви¹³⁸.

С.Г. Рункевич со своей стороны дал вполне удовлетворительные ответы и разъяснения на делавшиеся ему вопросы и замечания. По окончании защиты ректор академии, владыка Никандр, собрав голоса членов академического Совета, объявил, что Совет признает защиту диссертации удовлетворительной и будет ходатайствовать перед Святейшим Синодом об утверждении С.Г. Рункевича в степени магистра богословия¹³⁹.

Члены Совета, братья, товарищи и знакомые С.Г. Рункевича поздравляли его с успешной защитой. Были высказаны пожелания «и дальше работать на избранном им, еще почти совсем не тронутом поприще научно-исторического исследования»¹⁴⁰.

Любопытную запись по поводу проходившей защиты оставил в своем дневнике начальник архива и библиотеки Святейшего Синода А.Н. Львов: «Сегодня был диспут С.Г. Рункевича, защищавшего свою “Историю Минской архиепископии”. Народу буквально ни души. Ни один даже архиерей не приехал. Опытные люди говорят, что теперь в академии – раз ректор архиерей – то публика состоит только из дам. А так как последних на коллоквиумы не допускают, то в зале пустота. Характерный признак! Диспут прошел без всякого впечатления, п[ри] ч[ем] оппоненты – П.Ф. Николаевский и Жукович не специалисты этого вопроса и ограничились чисто формальными похвалами и замечаниями. Тут нужен был Коялович»¹⁴¹.

Конечно, с замечанием А.Н. Львова о том, что оппоненты были «не специалистами этого вопроса» согласиться трудно. По крайней мере, протоиерей П.Ф. Николаевский не только прекрасно ориентировался в литературе рассматриваемой эпохи, но и сам занимался научными изысканиями, имеющими непосредственное отношение к предмету исследования

¹³⁸ Там же. – С. 123.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 778. Л. 140.

С.Г. Рункевича. Буквально за года полтора до этого он опубликовал в «Христианском чтении» «Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского в польских тюрьмах»¹⁴². Кроме того, в свое время он лично содействовал Рункевичу в собирании материалов по истории Минской архиепископии. Это видно из дарственной надписи на экземпляре «Писем к разным лицам Преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа», подаренного Рункевичем Николаевскому в 1893 году. Нельзя сказать, чтобы и для П.Н. Жуковича эта тема была незнакома.

Относительно замечания, что тут «нужен был Коялович», можно сказать, что исследование Рункевича было вполне зрелой самостоятельной работой, в которой он достаточно серьезно обосновывал свои взгляды на исторические события. Это можно видеть, например, в оценке Рункевичем личности первого Минского архиепископа Виктора (Садковского), не совпадавшей с взглядом покойного профессора.

В исследовательской литературе к тому времени сложились две точки зрения на личность и деятельность архиепископа Виктора (Садковского). Одна принадлежала исключительно М.О. Кояловичу, высказанная им в его сочинении «История воссоединения западнорусских униатов»¹⁴³. Согласно его оценке, Преосвященный Виктор представлялся человеком нерешительным, слабым и даже недалеким, как будто не понимающим и не дорожающим тем великим делом, во главе которого ему пришлось стать (воссоединение униатов. – *Г.Щ.*). Другой взгляд, противоположный, напротив, рисовал Преосвященного Виктора человеком в высшей степени энергичным, полным апостольской ревности и непоколебимой воли, способным

¹⁴² Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского в польских тюрьмах / П.Ф. Николаевский // Христианское чтение. – 1892. – Ч. 2. – С. 165–201.

¹⁴³ Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов. – Минск: Лучи Софии, 1999. – 399 с.

затмить славу даже самого Георгия (Конисского)¹⁴⁴. А близкие к этому суждению польские историки готовы были даже признать Садковского «каким-то черным гением, исполненным фанатизма и коварной изобретательности», «смелым агентом русской политики, ревностным прозелитом Православия»¹⁴⁵. С.Г. Рункевич не соглашался ни с той и ни с другой позицией. В его изложении жизни Преосвященного Виктора заметна незримая полемика с М.О. Кояловичем, который не совсем верно понимал эту личность и с мнением которого Рункевич решительно не соглашался. В своем сочинении он особенно подробно рассматривал те эпизоды деятельности Преосвященного, которые негативно оценивал Коялович. В этом смысле Рункевич заметно очистил и возвысил личность Садковского, и, притом, не в ущерб исторической правде. Возражая ошибочным выводам своего учителя, он выдвинул многочисленные достоверные факты, доказывающие, что Преосвященный Виктор если и не был энергичным народным борцом, то, по меньшей мере, был усердным и преданным делу работником.

Насколько основательны были выводы С.Г. Рункевича можно судить по тому, какой круг источников он привлек при изучении личности архиепископа Виктора. Имея в своем распоряжении совсем немного опубликованных источников, Рункевич большую часть материала почерпнул из архивов Святейшего Синода, Минской, Киевской, Могилевской, Черниговской консисторий, архивов Киевской духовной академии, Минской духовной семинарии¹⁴⁶. Обилие архивного материала, оказавшегося в его руках, дало возможность обогатить свое исследование целым рядом точных исторических дат, малоизвестных или совсем неизвестных фактов, воспроизвести максимально точную хронологию многих событий. Он смог восполнить обширные пробелы, устранить и исправить многие

¹⁴⁴ *Рункевич С.Г.* История Минской архиепископии (1793–1832). – С. 351.

¹⁴⁵ *Жукович П.Н.* Отзыв о сочинении г. Рункевича: «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)». – С. 5.

¹⁴⁶ Там же. – С. 2.

неточности в биографии Преосвященного Виктора, а следовательно, имел право на более объективные выводы.

На следующий день после защиты, 21 февраля, ходатайство Совета академии об утверждении С.Г. Рункевича в ученой степени было передано в Святейший Синод. Согласно поданному ходатайству и отзыву присутствующего в Синоде бывшего Полоцкого епископа Преосвященного Маркелла (Попеля), Святейший Синод указом от 21 марта 1894 года утвердил С.Г. Рункевича в степени магистра богословия¹⁴⁷.

После выхода в свет книга «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)» сразу же привлекла к себе внимание. В периодической печати на нее появилось немало рецензий и заметок. Наиболее оригинальная из них, если не сказать даже курьезная, была напечатана в журнале «Kwartalnik Historychny» за 1894 год (вып. I). Польский критик, некий Modest Michnowiecki, высказав сперва в своей заметке в адрес труда С.Г. Рункевича ряд сумбурных обвинений и то, что его историю Минской епархии вообще нельзя назвать историей и тому подобное, в конце все же сам признавал значительные и несомненные достоинства книги¹⁴⁸.

Экземпляр «Истории Минской архиепископии» С.Г. Рункевич отправил Минскому Преосвященному Симеону (Линькову) со словами благодарности за разрешение ознакомиться с документами Минской духовной консистории. В письме он замечал владыке, что его предшественники по Минской кафедре всегда встречали «благодарным вниманием научные труды, посвященные истории Минской епархии». Так, при архиепископе Михаиле (Голубовиче) было приобретено во все приходские библиотеки епархии сочинение архимандрита Николая (Трусковского)¹⁴⁹ «Историко-статистическое описание

¹⁴⁷ Журналы заседаний Совета Академии за 1893–1894 год. – С. 192–193.

¹⁴⁸ *Michnowiecki Modest*. Runkiewicz Stefan: Istorja minskoj archiepiskopii. Petersburg 1893 // *Kwartalnik Historychny*. – 1895. – S. 123–124.

¹⁴⁹ Николай (Трусковский), архимандрит – педагог, историк. Сын священника Минской епархии, выпускник Минской дух. семинарии, магистр Киевской дух.

Минской епархии»¹⁵⁰. Преосвященным Евгением (Шерешиловым) было признано в свое время необходимым приобретение для библиотек всех церквей епархии девятитомного «Описания церквей и приходов Минской епархии»¹⁵¹, а по распоряжению епископа Варлаама (Чернявского) выписано сочинение М.О. Кояловича «Чтения по истории западной России»¹⁵².

«Вашему Преосвященству ведомо, – писал С.Г. Рункевич, – что вверенная Вашему Преосвященству епархия представляет собою арену еще не вполне угасшей борьбы между православием и латинством, между русскою силой и польщицкой. И если конечный исход этой борьбы, при блестящем расцвете церковно-народного образования в Минской епархии, не представляется уже ни для кого загадкой, то все же позволительно надеяться, что всякое средство, могущее ускорить достижение благоприятной Церкви и Отечеству цели, будет принято с готовностью. Осмелюсь думать, что научное сочинение, посвященное прошлому православно-русского дела во вверенной Вашему Преосвященству епархии, может оказаться небезполезным и для епархии деятелей настоящего времени»¹⁵³. Далее Рункевич просил Преосвященного рассмотреть возможность рекомендовать его книгу «для приобретения во все церковные библиотеки» епархии. Условия предлагались такие: «Цена книги 4 рубля. Выписывающие непосредственно от меня (по адресу: С.-Петербург, Святейший Синод. Стефану Григорьевичу Рункевичу) за пересылку не платят. При одно-

академии. Служил профессором в Новгородской дух. семинарии, в 1848 г. переведен инспектором и профессором церковной истории в Минскую семинарию. С 1852 г. – архимандрит, с 1853 г. – ректор Минской дух. семинарии и профессор богословских наук. С 1854 г. благочинный монастырей Минской епархии, а с 1856 г. – настоятель Лядинского монастыря. С декабря 1863 г. по январь 1865 г. служил очередным архимандритом в Петербурге, до назначения ректором Псковской дух. семинарии. Умер в 1870-х гг. в Минске настоятелем одного из монастырей.

¹⁵⁰ *Николай (Трусковский)*, архим. Историко-статистическое описание Минской епархии. – СПб., 1864.

¹⁵¹ Описание церквей и приходов Минской епархии. Т. 1–9. – Минск, 1879.

¹⁵² Коялович М., проф. Чтения по истории западной России. – СПб., 1884.

¹⁵³ Копия письма Ст. Рункевича на имя Его Преосвященства // Минские Епархиальные Ведомости. – 1894. – №8–9. – С. 182.

временной выписке значительного числа экземпляров можно воспользоваться значительной уступкой».

Преосвященный Симеон (Линьков) благосклонно отозвался на просьбу. Постановлением Минской духовной консистории книга С.Г. Рункевича «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)» была рекомендована духовенству для приобретения в церковные библиотеки епархии туда, «где позволяют средства»¹⁵⁴.

1.5. Последние труды по истории православия на Беларуси

11 мая 1894 года, причисленный к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сверх штата, коллежский секретарь С.Г. Рункевич был назначен младшим секретарем Святейшего Синода по делопроизводству о принятии, обмене и отчуждении недвижимых имуществ¹⁵⁵. Указом Правительствующего Сената от 22 декабря 1894 года за выслугу лет он был произведен из коллежских секретарей в титулярные советники¹⁵⁶. В следующем, 1895 году, его перевели младшим секретарем в делопроизводство церковного суда¹⁵⁷.

В седьмом номере «Исторического Вестника» за 1894 год была напечатана статья С.Г. Рункевича «Протоиерей Трофим Егорович Куцинский, первый из духовных кавалер Георгиевской ленты»¹⁵⁸.

Публикация в таком солидном журнале было делом довольно престижным. Еще в первой половине минувшего года Рункевич стал предлагать редактору «Исторического Вестника» С.Н. Шубинскому свои статьи¹⁵⁹. Кроме них, по предварительной

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Ц Вед. – 1894. – №23. – С. 244.

¹⁵⁶ Ц Вед. – 1895. – №6. – С. 43.

¹⁵⁷ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 376.

¹⁵⁸ Рункевич С.Г. Протоиерей Трофим Егорович Куцинский, первый из духовных кавалер Георгиевской ленты // ИВ. – 1894. – №7. – С. 134–152.

¹⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинского). Оп. 1. Д. 56.

договоренности с редактором, он писал рецензии и заметки на некоторые новоизданные книги и брошюры исторического содержания, которые и публиковались в «Вестнике»¹⁶⁰.

Во время одной из бесед с С.Н. Шубинским Рункевич предложил ему ознакомиться с имеющимися у него любопытными документами – военными дневниками. Дневники эти принадлежали скончавшемуся в Петербурге 7 августа 1893 года капитану артиллерии Бобруйского крепостного гарнизона Михаилу Алексеевичу Вержболовичу, участнику русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Сын дворянина Минской губернии капитан М.А. Вержболович был достаточно неординарной личностью: художник-самоучка, поэт, прекрасный танцор, душа общества, глубоко правдивый и честный человек, он имел привычку вести дневник. Назначенный в действующую армию, М.А. Вержболович пользовался всяким удобным моментом, чтобы записать свои впечатления во время похода. Кроме того, к своим записям он, хотя и не совсем профессионально, но с большим старанием делал рисунки. Среди зарисовок были бытовые сценки, виды городов, местности, планы боевых позиций и прочее. Записи передавали личные впечатления и переживания происходящего. Написанные простым безыскусным языком, они дышали правдивостью и реализмом. С.Г. Рункевич надеялся, что дневники заинтересуют редактора «Исторического Вестника». Он написал краткое предисловие к ним и, несколько обработав записи, подготовил к публикации две небольшие главы¹⁶¹.

«По-моему, – писал С.Г. Рункевич, препровождая дневники С.Н. Шубинскому, – они интересны, будучи более похожи на путевые заметки. Надеюсь, и Вы согласитесь, что некоторые страницы заслуживают бесспорного одобрения по своей правдивости и непосредственности впечатлений»¹⁶². В том же

¹⁶⁰ Там же. Д. 62. Л. 244–248; Критика и библиография // ИВ. – 1895. – №2. – С. 639–651.

¹⁶¹ НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевича). К. 12. Д. 20.

¹⁶² ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинского). Оп. 1. Д. 62. Л. 247–248.

письме он просил редактора сообщить, годен ли будет дневник для «Исторического Вестника», чтобы знать, работать ли над ним далее.

По всей видимости, дневник капитана М.А. Вержболовича не вызвал к себе большого интереса, потому как остался недоработанным и неопубликованным¹⁶³.

В свое время любопытную статью «Когда настанет конец века, с каких пор начались новогодние визиты и откуда ведет начало обычай встречать новый год в церкви» С.Г. Рункевич поместил в «Новом Времени»¹⁶⁴. В ней он высказал довольно новые и оригинальные мысли по поводу встречи нового года в Церкви.

В августе 1894 года Учебный комитет при Святейшем Синоде определил книгу С.Г. Рункевича «Краткий исторический очерк столетия Минской епархии» допустить в библиотеки церковно-приходских школ Минской, Волынской, Подольской, Литовской и Холмско-Варшавской епархий¹⁶⁵.

В это время в Вильно самостоятельным изданием вышла опубликованная ранее С.Г. Рункевичем в «Литовских Епархиальных Ведомостях» статья «Епархиальное управление православными монастырями и церквами нынешней Литовской епархии до учреждения православной литовской кафедры»¹⁶⁶. В Минске в «Епархиальных Ведомостях» продолжали публиковаться присланные им материалы по истории епархии. Отдельными оттисками из них были изданы: «Письма к разным лицам преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа (I–CL)»¹⁶⁷; «Дело об арестовании

¹⁶³ Дневники капитана М.А. Вержболовича хранятся в НИОР РГБ в фонде Рункевича (Ф. 257) и, несомненно, представляют интерес для военных историков.

¹⁶⁴ *Рункевич С.Г.* Когда настанет конец века, с каких пор начались новогодние визиты и откуда ведет начало обычай встречать новый год в церкви // Новое Время. – 1894. – №6409.

¹⁶⁵ От Училищного Совета при Св. Синоде // Ц Вест. – 1894. – №35. – С. 299.

¹⁶⁶ *Рункевич С.Г.* Епархиальное управление православными монастырями и церквами нынешней Литовской епархии до учреждения православной литовской кафедры. – Вильно: Губ. Тип., 1894. – 16 с.

¹⁶⁷ Письма к разным лицам преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа (I–CL) / Собр. и объясн. С.Г. Рункевичем. – Минск: Типо-лит. Б.И.

преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 г.»¹⁶⁸; «Материалы для истории Минской епархии»¹⁶⁹; «К истории Минского кафедрального собора»¹⁷⁰; «К истории монастырей Минской епархии»¹⁷¹; «Служебный путь преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа»¹⁷².

В предисловии к публикации писем Преосвященного Виктора (Садковского) С.Г. Рункевич писал, что считает своим «священным долгом засвидетельствовать свою почтительную и глубокую благодарность» товарищу обер-прокурора В.К. Саблеру, «содействию которого настоящее собрание, главным образом, и обязано своим существованием». Далее он указывал, что второй выпуск «Писем преосвященного Виктора» будет начат печатанием «не ранее конца будущего года». Однако второй выпуск издан не был.

Надо отметить, что это были последние печатные труды С.Г. Рункевича, посвященные родной Минской епархии. К этому времени литературно-научное внимание историка стало переходить с предметов местного значения на предметы значения общего.

1.6. «Народная Академия»

В середине 1895 года вышла редактированная и снабженная примечаниями С.Г. Рункевича «Переписка Филарета, митрополита Московского с С.Д. Нечаевым»¹⁷³, изданная сыновьями

Соломонова, 1892. – 201, XVI с., алф. указ. 16 с.

¹⁶⁸ Дело об арестовании преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 г. – Минск, 1892. – 22 с.

¹⁶⁹ Материалы для истории Минской епархии / Собр. и объясн. С.Г. Рункевичем. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1892.

¹⁷⁰ К истории Минского кафедрального собора. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1893. – 12 с.

¹⁷¹ К истории монастырей Минской епархии. – Вып. 1: Описание монастырских земельных владений и угодий, составленное в 1800 году. – 1894. – 25 с.

¹⁷² Служебный путь преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа. – Минск, 1895. – 23 с.

¹⁷³ Рункевич С.Г. Переписка Филарета, митрополита Московского, с С.Д. Нечаевым. – СПб., 1895. – VI, 288 с.

бывшего обер-прокурора – Д.С. Нечаевым и Ю.С. Нечаевым-Мальцовым. Это были 242 письма, собранные, приведенные в порядок и снабженные Рункевичем на основании архивных изысканий комментариями.

Степан Дмитриевич Нечаев, состоял обер-прокурором Святейшего Синода с 6 апреля 1833 по 25 июня 1836 года. Переписка с ним Московского митрополита Филарета (Дроздова) имела почти исключительно деловое значение, но при этом письма носили достаточно интимный характер. Для Московского святителя С.Д. Нечаев был близкий – «свой» человек. Митрополит Филарет не стеснялся перед ним в суждении о текущих делах Синода, о лицах соприкосновенных с ним. Многие письма имели вид записок и в виду своего откровенного и доверительного характера были очень интересны. Публикуя письма, С.Г. Рункевич снабдил их множеством примечаний об упоминаемых в них лицах и обстоятельствах тех дел, которых они касались.

Письма святителя Филарета С.Г. Рункевич получил из семейного архива Нечаевых. Из того же архива он почерпнул материал и для изданных им книжек: «Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия Брянчанинова с С.Д. Нечаевым»¹⁷⁴ и «Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия. Письма к бывшему Обер-прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву А.С. Стурдзы, Ф.А. Голубинского, архимандрита Фотия и А.С. Пушкина»¹⁷⁵. Обе книги были отдельными оттисками из журнала «Христианское чтение». Надо отметить, что публикация некоторых писем А.С. Пушкина¹⁷⁶ представляет сегодня особую ценность, так как в настоящее время

¹⁷⁴ *Рункевич С.Г.* Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия (Брянчанинова) с С.Д. Нечаевым. – СПб., 1895. – 45 с.

¹⁷⁵ Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия. Письма к бывшему Обер-Прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву А.С. Стурдзы, Ф.А. Голубинского, архимандрита Фотия и С.А. Пушкина. – СПб.: Печатня Яковлева, 1896. – 38 с.

¹⁷⁶ Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия // ХЧ. – 1896. – Ч. I. – С. 154.

местонахождение подлинников этих писем неизвестно. В собраниях сочинений поэта они приводятся как раз именно по тексту, данному Рункевичем¹⁷⁷.

Не ослабевала деятельность С.Г. Рункевича и в качестве члена «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения». Для него эта деятельность давно уже стала частью жизни, душевной потребностью. В ней он реализовал себя исключительно как христианин. Своим внутренним идеалом он видел то, чтобы по возможности нести свет христианского просвещения и культуры в среду простого народа. Здесь в Петербурге, начиная со студенческой скамьи, он встретил массу ярких примеров самоотверженного служения ближним, как в лице духовенства, так и в лице мирян. Нужно сказать, что Петербург вообще в то время отличался большой активностью и разнообразием форм христианского служения. Множество благотворительных организаций, обществ, церковных братств, частных лиц самым активным образом искали и находили более совершенные и продуктивные формы служения ближним. Процесс этот отличался динамикой и творчеством. Многочисленные примеры, которые видел С.Г. Рункевич вокруг, вдохновляли и его самого искать более полной личной реализации на этом поприще.

С 1 января 1895 года «Общество распространения религиозно-нравственного просвещения» начало издание еженедельного журнала «С.-Петербургский Духовный Вестник», посвящавшийся обозрению столичной и епархиальной жизни в Петербурге.

По задумке организаторов, журнал должен был служить органом Санкт-Петербургской епархии и самого «Общества», ставя себе целью – дать возможность духовенству епархии обмениваться между собой плодами своей проповеднической, просветительской и благотворительной деятельности,

¹⁷⁷ Мухина С.Л. Архивы С.Д. Нечаева, поэта, писателя, историка и археолога. – <http://www.lipetsk.ru>

а светским читателям – назидательное чтение, как в статьях богословского характера, так и в словах, поучениях и беседах, которые должны были печататься в журнале применительно к переживаемым церковным событиям.

В обсуждении программы журнала принимали участие члены «Общества» протоиереи: И.Г. Покровский, Л.П. Петров, А.С. Лебедев, священники: А.И. Сперанский, П.Д. Городцов, В.Н. Велтистов, П.Н. Лахостский и светские лица: Я.И. Зарницкий, А.А. Завьялов, С.Г. Рункевич и др.¹⁷⁸.

30 апреля 1895 года на торжественном годичном собрании «Общества» С.Г. Рункевич был в числе еще нескольких лиц включен в кандидаты членов Совета¹⁷⁹.

В 1894/95 отчетном году С.Г. Рункевич дважды участвовал в проведении в вечернее время духовных беседах, организованных в Троицкой церкви «Общества». Здесь же провел одну беседу и его младший брат Николай, в то время студент четвертого курса духовной академии и член академического кружка студентов-проповедников¹⁸⁰. В следующем году С.Г. Рункевич принимал участие в научно-популярных чтениях, проводимых «Обществом» в зале Педагогического музея.

Но этого казалось мало, возникало желание сделать нечто большее. Забота о религиозно-нравственном просвещении народа, поиск новых путей благотворительности возобновили в памяти давнюю академическую мечту об издании народной литературы. То, о чем говорилось некогда в задушевной атмосфере студенческих собраний у отца Антония (Храповицкого), теперь захотелось воплотить в жизнь, воплотить в виде доступного и по содержанию и по цене народного издания.

Первые крупные народные издания были организованы во второй половине XIX века в Москве, преимущественно издательскими фирмами И.Д. Сытина, Е. Губанова, Е. Абрамова, И.

¹⁷⁸ Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1894–1895 г. – СПб., 1895. – С. 27–28.

¹⁷⁹ Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1895–1896 г. СПб., 1896. – С. 3.

¹⁸⁰ Там же. – С. 44.

Морозова, А.А. Холмушина и др., выпускавшими так называемую лубочную литературу. С быстрым развитием грамотности среди народа, особенно вследствие широкого распространения повсюду в 1880-е годы церковно-приходских и начальных школ, запрос народа на книжное чтение необычайно вырос. Тогда со стороны некоторых общественных учреждений и частных издательских фирм стали появляться попытки дать народу соответствующее его развитию и потребностям полезное и дешевое издание, но уже не лубочного, а более серьезного характера. В свет выходят такие периодические народные издания, как «Сельский Вестник», «Чтение для народа», «Воскресенье», «Сотрудник», «Читальня народной школы» и др. Редакции народных журналов начинают издавать и отдельные книжки для народного чтения. Однако первый систематический опыт издания народно-просветительных книжек принадлежал Московскому комитету грамотности, за которым затем был основан аналогичный комитет в Петербурге, проявивший себя особенно энергично в последние годы своего существования (1894–1895). Не сочиняя специально беллетристических книг для народа, С.-Петербургский комитет подбирал доступные из произведений крупных писателей, отечественных и иностранных (Гюго, Доде, Золя, Уайльда) и издавал их полностью, без сокращений. Комитетом были изданы и научные книжки, написанные уже специально для народа.

По своей энергии замечателен был опыт В.Н. Маракуева, издававшего с 1882 года «Народную Библиотеку», также выпустившую массу книжек с произведениями отечественных и иностранных писателей (Плутарха, Шекспира, Диккенса, Флобера, Ожешко). Широкою известность в деле издания народной литературы приобрело издательство «Посредник», издававшее жития святых, «полезные книги», беллетристические произведения (в особенности рассказы графа Л.Н. Толстого), или произведения, специально написанные для «Посредника». Для своих изданий издательство усвоило и оформление, и цену

лубочной литературы, а для их распространения пользовалось услугами книгонош, действуя через И.Д. Сытина, которому передало и всю хозяйственную сторону дела. Благодаря этому издательство очень быстро расширило в народной среде круг своих книг. Деятельность «Посредника» возбудила в просвещенном обществе интерес к народной литературе и вызвала к жизни ряд новых издательских предприятий. Так возникла серия книжек, изданных журналом «Русское Богатство», по направлению своему близких к изданиям «Посредника», и серия народных книжек, выпущенных редакцией «Русской Мысли». В качестве издателей народных книг выступали также А.Г. Коваленская, А.М. Калмыкова, М.М. Ледерле, И.В. Жирков и др.

Параллельно с упомянутыми изданиями появлялись и народные издания духовно-просветительного характера. Примечателен один из наиболее ранних опытов издания подобной литературы – опыт пашковцев. Осуществлен он был «Обществом поощрения духовно-нравственного чтения», открытым В.А. Пашковым в Петербурге в 1876 году. За время своего существования «Общество» выпустило более 200 брошюр ценой от 1/2 до 6 копеек; некоторые брошюры раздавались даром. Для распространения брошюр в деревнях общество снаряжало особых книгонош. Брошюры были частью переводные с английского и немецкого языков, частью оригинальные. Содержанием их служили беседы о предметах веры и христианской нравственности, разъяснения текстов Св. Писания, библейские тексты, выдержки из сочинений свт. Тихона Воронежского и бесед С.-Петербургского митрополита Михаила (Десницкого). Сами по себе брошюры в отдельности не представляли сектантского направления, но в совокупности обнаруживали явную сектантскую направленность. Позднее Святейшим Синодом был определен даже целый ряд брошюр, подлежащих изъятию и запрещению («Что такое христианин?», «Радостная весть», «Путь к спасению», «Пастухи и овцы», «Христос все во всем»),

«Встревожился Иерусалим» и др.). В том же направлении, как и пашковские брошюры, действовал журнал «Русский рабочий», основанный в Петербурге М.Г. Пейкер в 1875 году и прекратившийся в 1886 году. Но это были издания так называемого сектантского толка. В 1887 году в Москве священником С.Я. Уваровым был организован еженедельный иллюстрированный журнал «для чтения в христианской семье» – «Воскресный День». Вскоре в приложении к нему стали выходить «Воскресные Листки», содержащие историю и объяснение церковных праздников, жизнеописания святых, описания чудотворных икон, а в 1893 году начало выходить бесплатное ежемесячное приложение «Воскресный Собеседник», содержащее систематические внебогослужебные беседы. В 1888 году московскими священниками С. Ляпидевским и И. Бухаревым начал издаваться иллюстрированный духовно-нравственный воскресный народный листок «Кормчий». Известными духовными изданиями для народа были: «Троицкие листки», книжки Братства Пресвятой Богородицы в Санкт-Петербурге и др. Однако все эти издания, несмотря на значительную пользу, приносимую ими, конечно были еще очень далеки от того, чтобы всецело удовлетворить народную потребность в чтении. Касаясь в основном религиозно-нравственной стороны жизни и рассуждая о предметах высшего духовного порядка, они оставляли в стороне предметы будничные, проблемы повседневной жизни. Все эти издания, хотя и читались народом, и нередко с большим интересом и пользой, все же не достигали цели нормального развития народного мировоззрения и улучшения нравов.

В 1895 году С.Г. Рункевич сам решил выступить в роли издателя. Замысел его состоял в том, чтобы дать народу по доступной «копеечной» цене, покрывающей лишь расходы по изданию, классическую богословскую библиотеку в извлечениях из современных и древних церковных писателей. Именно в таком виде по его представлению и могла сочетаться

одновременно просветительская и благотворительная деятельность, ведь заповедь Спасителя накормить и напоить алчущего и жаждущего относится не только к материальной, но и к духовной, словесной пище. Именно в этом возвышенном смысле и постарался реализовать ее С.Г. Рункевич.

Основанное С.Г. Рункевичем издательство было названо соответственно идее – «Народная Академия». Зарегистрировано оно было по адресу, где снимал квартиру сам Рункевич: улица Гороховая 36, квартира 24¹⁸¹. Был собран первоначальный издательский капитал из пожертвований некоторых лиц, выразивших сочувствие задуманному предприятию, и личных накоплений молодого ученого. Незадолго до этого за свою «Историю Минской архиепископии (1793–1832 гг.)» он получил солидную денежную премию. Книга была предложена на соискание премии графа Уварова и по отзыву профессора П.Н. Жуковича¹⁸² императорская Академия Наук удостоила ее денежной награды¹⁸³.

В изданиях «Народная Академия» С.Г. Рункевич ставил своей задачей осветить с высшей, христианской точки зрения по возможности все стороны жизни. Все издание предполагало включить в себя несколько серий или отделов. Каждая серия должна была быть посвящена особому предмету: уроки христианской жизни из поучений современных проповедников; избранные места из святоотеческих творений; религиозные мотивы у русских писателей и поэтов; царство природы, которая непрестанно воспевает славу Божию и при правильном, внимательном изучении приводит к познанию бесконечного величия Творца.

¹⁸¹ Несколько лет Рункевич снимал квартиру на улице Казанской 39, квартира 6, а затем переехал на улицу Гороховую.

¹⁸² *Жукович П.Н.* Отзыв о сочинении г. Рункевича «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)», с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православною Церковью в 1794–1796 гг.» СПб., 1893. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1896. – 10 с.

¹⁸³ Отчет о тридцать седьмом присуждении наград графа Уварова // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1895. – Т. 2. – №1.

Первая серия книжек, «Доброе слово», посвящалась исключительно избранным статьям из поучений наиболее выдающихся современных проповедников. «Проповедники – архипастыри и пастыри, – писал С.Г. Рункевич в обращении к читателям, – в своих многочисленных проповедях касаются, можно сказать, всех сторон общественной, семейной и личной жизни, и на многообразные жизненные вопросы дают свои мудрые христианско-пастырские ответы, наставления, советы. Но, конечно, нет возможности перечитать все поучения, хотя бы только выдающихся по своим дарованиям и духовной опытности проповедников. Избирая из поучений наиболее замечательное, оригинальное, ясное и издавая по возможно доступной цене, Народная Академия в “Добром слове” открывает доступ народу к неисчерпаемой сокровищнице христианского пастырского слова».

Первая книга «Доброго слова» вышла в ноябре 1895 года. Она содержала в себе избранные проповеди из поучений митрополита С.-Петербургского и Ладожского Палладия (Раева) – 32 беседы на различные темы и, кроме того, биографию с портретом владыки¹⁸⁴. Цена книжки в 160 страниц была всего 10 копеек, а при оптовой закупке более 100 экземпляров – 7 копеек.

В декабре вышла вторая книга «Доброго слова» – «Из поучений Высокопреосвященного Антония, архиепископа Финляндского и Выборгского». Кроме 44 статей она также содержала биографию и портрет архипастыря¹⁸⁵. Тираж книги составил 10 000 экземпляров.

Материал для книжек подбирался мастерски и со знанием дела. Издание С.Г. Рункевича было сразу же воспринято с большим одобрением. Оно встретило высокие отзывы со стороны духовной печати и благодарные отклики многочисленных

¹⁸⁴ Доброе слово. Кн. 1-я. Из поучений Высокопреосвященнейшего Палладия, митрополита С.-Петербургского и Ладожского / Изд. Народная Академия, С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Яковлева, 1895. – 160 с.

¹⁸⁵ Доброе слово. Кн. 2-я. Из поучений Высокопреосвященного Антония, архиепископа Финляндского и Выборгского / Изд. Народная Академия, С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Яковлева, 1895. – 144 с.

читателей. Кроме народного чтения такие книги становились отличным подспорьем и для священников многочисленных небогатых сельских приходов. Для любого сельского пастыря, даже при большом желании, при множестве изданных проповедей и некотором их однообразии ознакомиться со всеми напечатанными творениями современных проповедников было делом непосильным. Избрать же из всей массы проповеднической литературы наиболее существенное и интересное также было задачей весьма нелегкой. «Народная Академия» в «Добром слове» как раз и ставила себе задачу помочь в этом простому, неискушенному читателю.

Книжки «Народной Академии» можно было приобрести в церкви «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения», на углу улиц Николаевской и Стремянной; на складе братства Пресвятой Богородицы в воротах Александроневской Лавры; в книжном магазине известного книгопродавца И.Л. Тузова в Гостином дворе и у самого издателя. Кроме того, книги выписывались по почте.

Успешное начало задуманного предприятия вдохновляло и самого С.Г. Рункевича и лиц, сочувствующих изданию. Было даже предположено, что издание «Народная Академия» в непродолжительном времени будет преобразовано в периодическое¹⁸⁶.

Для издаваемой серии С.Г. Рункевичу пришлось перечитать многие «собрания слов и речей» более или менее выдающихся современных проповедников. Отсутствие в печати критических статей о проповедниках того времени, кроме мелких рецензионных заметок, а также желание поделиться своими мыслями и впечатлениями подвигли его написать ряд критических очерков. Так, в первых номерах «Церковного Вестника» за 1896 год появилась статья С.Г. Рункевича «Современные проповедники»¹⁸⁷. Первые очерки были посвящены

¹⁸⁶ Почтовый ящик редакции // ЦВ. – 1895. – №51–52. – С. 1691.

¹⁸⁷ Рункевич С.Г. Современные проповедники // ЦВ. – 1896. – №2, 3, 6, 7.

проповеднической деятельности отца Иоанна Кронштадтского и Московского митрополита Сергия (Ляпидевского).

В феврале 1896 года вышла третья книга «Доброго слова» – «Беседы на семь слов Спасителя со креста, Высокопреосвященного Владимира, архиепископа Карталинского и Кахетинского, экзарха Грузии»¹⁸⁸. Объем ее составлял 80 страниц, а цена – 8 копеек. В марте вышла четвертая книга – «Из поучений протоиерея Иоанна Ильича Сергиева»¹⁸⁹ – 68 статей с биографией и портретом отца Иоанна. В апреле вышла пятая книга – «Из поучений Преосвященного Макария, епископа Томского и Барнаульского»¹⁹⁰.

Тогда же в апреле С.Г. Рункевич получил за книгу «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.)» Макарьевскую премию. Премия покойного митрополита Московского Макария (Булгакова) присуждалась Святейшим Синодом за сочинения по предметам богословских наук и вообще духовного образования¹⁹¹. Представленная на седьмое присуждение, книга по отзыву профессора И.И. Малышевского была удостоена неполной премии в 1000 рублей¹⁹². Это было значительным подспорьем для нового издания.

В конце пятой книги «Доброго слова» С.Г. Рункевич сообщил, что в непродолжительном времени издатель имеет намерение начать второй отдел «Народной Академии», под названием «Библиотека Святых Отцов». В этот отдел должны будут

¹⁸⁸ Доброе слово. Кн. 3-я. Из поучений Высокопреосвященного Владимира, экзарха Грузии. Вып. 2-й / Изд. Народная Академия, С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 75 с. Тираж 5000 экз.

¹⁸⁹ Доброе слово. Кн. 4-я. Из поучений прот. И. И. Сергиева / Изд. Народная Академия, С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 144 с. Тираж 6000 экз.

¹⁹⁰ Доброе слово. Кн. 5-я. Из поучений Преосвященного Макария, епископа Томского и Барнаульского / Изд. Народная Академия, С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 64 с. Тираж 5000 экз.

¹⁹¹ Премия митрополита Макария (Булгакова) была учреждена в 1867 г. на основе собранного им от издания своих сочинений капитала в 120 000 руб. для выдачи премий на проценты с основного капитала. Один год премии выдавались за богословские сочинения, и проценты отпускались в распоряжение Синода, другой год – за светские сочинения, и распорядителем в распределении премий была Академия Наук.

¹⁹² От Учебного Комитета при Св. Синоде // Ц Введ. – 1896. – №19–20. – С. 210.

войти жизнеописания и избранные творения отцов Церкви в новом переводе. Он также обращался к читателям: «Издатель просит лиц сочувствующих его изданию, распространять сведения о “Народной Академии” между своими знакомыми, так как, при дешевизне издания, нет возможности делать о нем объявления в газетах. В настоящее время издание окупается при расчете по десяти печатных страниц на одну копейку; при большей распространенности издания можно было бы еще более удешевить его».

К печати уже готовилась шестая книга «Доброго слова» – «Из поучений протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева» и др. Однако неожиданно «по сложившимся независящим обстоятельствам»¹⁹³, издание «Народной Академии» и очерки были прекращены. Что именно послужило причиной этому сегодня с достоверностью сказать трудно. Возможно, это было связано с каким-то разногласием, возникшим у С.Г. Рункевича с кем-то из членов или руководителей «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения», так как именно с этого времени Рункевич вышел из его состава.

Отлично отредактированные и оформленные книги «Народной Академии» выходили многотысячными тиражами, и почти каждая из них имела несколько выпусков, очерки «Современные проповедники» были изданы отдельным оттиском¹⁹⁴. Но, к сожалению, так успешно и с таким вдохновением и энтузиазмом начатое предприятие вдруг было прервано в самом начале.

6 мая 1897 года С.Г. Рункевичу «за отлично-усердную службу» был высочайше пожалован орден Св. Анны 3-й степени¹⁹⁵.

В конце мая он уехал на два месяца в командировку за границу¹⁹⁶, предположительно в Вену. По возвращении в Петербург

¹⁹³ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 377.

¹⁹⁴ Рункевич С.Г. Современные проповедники / Крит. очерки. – СПб.: Тип. Глав. Упр. Уделов, 1896. – 14 с.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 7 об.

¹⁹⁶ Там же. Л. 7; Ц Вед. – 1896. – №30. – С. 310.

его внимание было сосредоточено главным образом на служебной деятельности по должности секретаря.

Вскоре в свет вышел подготовленный С.Г. Рункевичем первый том «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов», содержащий в себе 1065 документов с 1470 по 1700 годы. На обложке имелся эпиграф – «Отторгнутые насилеи (1595) воссоединены любовью (1839)»¹⁹⁷.

Том «Описания» содержал в себе источники самого разнообразного характера. Среди них по своей исторической важности выделялись следующие группы памятников: во-первых, сношения королевской и папской власти с представителями униатской иерархии: королевские подтверждения прав, привилегии, презенты, универсалы, фондации, папские буллы, бреве, индульгенции; во-вторых, документы, касающиеся введения унии, распространения ее и борьбы с ней; в-третьих, документы, касающиеся собственно униатской иерархии и монастырей; в-четвертых, разного рода имущественные дела, главным образом земельные, об архиерейских, монастырских и церковных имениях. К последнему разделу преимущественно относились и сохранившиеся в архиве документы за время, предшествовавшее унии. Замечательно, что «земельное право», основывающееся на давности и подлинных владетельных документах, заставило унию, так старательно истреблявшую памятники православия в районе своего распространения, наперекор своему желанию сохранить этого рода документы, заключающие в себе «неоспоримую историю последовательного насильственного захвата латинством в западной России православного достояния»¹⁹⁸.

Описание документов было сделано в строго хронологическом порядке, притом так, что древний документ стоял под своей датой, а, например, позднейшая копия его значилась датой

¹⁹⁷ Такая надпись была выбита на медали в память воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1839 году.

¹⁹⁸ Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1: (1470–1700). – СПб.: Синод. Тип., 1897. – С. III–IV.

позднейшей, дело же датировалось датой первого документа. За датой следовало название документа, затем указание языка (русский, латинский, польский, итальянский, французский) и количество листов документа, изложение его содержания, а также палеографические и библиографические сведения. В основе изложения стояло, главным образом, полное указание содержания документов, с возможным перечислением лиц, мест и предметов. Для документов и однородных дел были даны подробные описания образцов. Документы, имеющие прямое отношение к Православной Церкви, приводились в существенных выдержках, иногда и полностью. Важные, характерные места документа нередко приводились на языке оригинала, с сохранением его особенностей.

При составлении описания С.Г. Рункевичем было принято за правило заносить все без исключения сведения, касающиеся церковной жизни и просвещения: духовенства, церковей, монастырей, благотворительных учреждений, школ, типографий, учителей. По возможности отмечались все указания, дающие свидетельство об экономическом состоянии в данной местности в известное время, именно: о дорогах, мостах, мельницах, садах, огородах и т.п. Из множества имен обязательно упоминались имена лиц духовных и учителей, прочие же лишь по мере необходимости. В изложении событий на первом плане было поставлено требование краткости, насколько она не препятствовала полноте указаний содержания документов, причем имелось в виду, что «вслед за выходом их описания издание полного их текста явится научной необходимостью и вопросом не очень отдаленного будущего»¹⁹⁹.

При «Описании» имелись три указателя: именной, населенных пунктов и предметный. В конце тома помещались на четырех листах фотообразцы старинного русского, латинского и польского письма. Присоединение образцов было сделано специально по желанию С.Г. Рункевича. По его мнению, это было

¹⁹⁹ Там же. – С. VIII.

не только превосходной иллюстрацией к «Описанию», но имело и практический характер для лиц, желающих ознакомиться с подлинниками, но не знакомых предварительно со свойством документов. Ему уже были известны случаи, когда исследователи, «желавшие познакомиться с документами униатского архива, прибыв в архив, не могли их прочитать»²⁰⁰.

Цена одного тома составляла три рубля, но в свободную продажу книга не поступала²⁰¹.

Для русской исторической науки документы униатского архива впервые стали известны с середины XIX столетия, когда значительное их число было издано Археографической комиссией в первых трех томах «Актов, относящихся к истории Западной России»²⁰² и первых двух томах «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России»²⁰³. Эти документы в свое время сослужили немаловажную службу не только для науки, но и для государства, «способствуя установлению и в научных сочинениях, и у высшего правительства реалистичных и твердых взглядов на обострившийся в те годы вопрос о русско-польских отношениях в западном крае». В то же время некоторое число документов униатского архива, преимущественно из изданных Археографической комиссией, перепечатал К.А. Говорский в своем журнале «Вестник Юго-Западной и Западной России», а позднее, в 1883 году, несколько документов были изданы С.Т. Голубевым в приложении к первому тому его сочинения «Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники»²⁰⁴. Для своих ученых трудов униатским архивом в разное время пользовались: митрополит Макарий (Булга-

²⁰⁰ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191. Л. 245–245 об.

²⁰¹ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 209.

²⁰² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 1. 1340–1506. – СПб., 1846; Т. 2. 1506–1544. – СПб., 1848; Т. 3. 1544–1587. – СПб., 1848.

²⁰³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. 1361–1598. – СПб., 1863; Т. 2. 1599–1637. – СПб., 1865.

²⁰⁴ Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. – Киев, 1883.

ков), М.О. Коялович, И.А. Чистович²⁰⁵, П.О. Бобровский, С.Т. Голубев²⁰⁶. Но только М.О. Коялович и С.Т. Голубев решились выйти за пределы имевшейся описи и ознакомиться с документами архива, в нее не вошедшими. «Вообще же архив, в своем полном объеме, оставался недоступным для работников науки, так как при отсутствии описи и неразобранности архива, пользование им требовало затраты значительного времени и труда, а между тем в научных работах²⁰⁷ приходилось рассчитывать лишь на материал случайный»²⁰⁸.

Выход в свет первого тома «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов» явился результатом кропотливейшей шестилетней работы С.Г. Рункевича. Работа действительно была проделана колоссальная. Как уже говорилось, целый год ушел исключительно только на разбор находящихся в большом беспорядке документов архива. Сколько труда затем пришлось положить на разбор древних почерков, часто в плохом состоянии, документов, писанных большей частью не на русском языке, описать и классифицировать их.

Научная важность этого труда была огромна. При оценке обстоятельств, составляющих церковную историю и особенно историю церковной унии на территории Украины, Литвы, Белоруссии и Польши, существовало и существуют два основных взгляда: православный и католический. «Описание», содержащее ценнейшие исторические документы, начиная с 1470 года, еще задолго до возникновения самой унии, открывало

²⁰⁵ Чистович Илларион Алексеевич (1828–1893) – историк, чиновник синодального ведомства, автор трудов по истории церковного образования, философии, психологии, западнорусской Церкви, член-корр. АН.

²⁰⁶ Голубев Степан Тимофеевич (1849–1920) – историк, биограф, профессор Киевской дух. академии, член-корр. АН.

²⁰⁷ В 1890 и 1891 гг. материалами униатского архива пользовались для своих кандидатских диссертаций студенты С.-Петербургской дух. академии Н.Р. Диковский и А.И. Ситкевич; также С.Г. Рункевич для своей магистерской диссертации; наконец, во время разбора архива пользовались им при пособии типографских корректур: доктор русской истории Н.П. Лихачев, профессор П.Н. Жукович, К.В. Харлампович и А. Ярушевич.

²⁰⁸ Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1. – С. V–VI.

историкам доступ к такому источнику для изучения церковной истории, который чужд всякого пристрастия и преувеличения и проливает свет истины на межконфессиональные споры.

За труды по составлению первого тома «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов» С.Г. Рункевичу 27 февраля 1898 года была объявлена «благодарность Высочайшего Его Императорского имени»²⁰⁹.

18 марта 1898 года он был произведен из титулярного советника в коллежские асессоры²¹⁰.

В 1898 году С.Г. Рункевич подготовил и издал еще одну книжку, принадлежавшую к серии предпринятого им несколько лет назад народного издания – «Из творений святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподакийской. Правила богоугодной жизни (Ἐπιτομὴ τῶν ἡθικῶν)»²¹¹, в новом переводе с греческого, с приложением краткого жизнеописания святителя Василия.

1899 год в культурной России был ознаменован столетним юбилеем со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Повсюду проходили юбилейные литературные вечера. В печати появились многочисленные публикации, посвященные памяти русского гения. Не остался безучастным к этому событию и С.Г. Рункевич. В пятом выпуске «Христианского чтения» за 1899 год была опубликована его статья «Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина»²¹². Тема религиозных мотивов в творчестве русских писателей и поэтов заинтересовала его еще в период издания им книг «Народной Академии» и предполагала реализоваться в отдельной серии выпусков.

Чтобы понять общее духовное настроение поэта, С.Г. Рункевич внимательно изучил не только литературное, но и

²⁰⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 8.

²¹⁰ Ц Введ. – 1898. – №2. – С. 10.

²¹¹ Из творений святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподакийской. Правила богоугодной жизни. Изд. 1. – СПб.: Изд. Училищного Совета при Св. Синоде, 1898. – VIII, 152 с.

²¹² Рункевич С.Г. Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина // ХЧ. – 1899. – Ч. I. – С. 968–994.

эпистолярное наследие А.С. Пушкина. Отметив в его сочинениях те места, где так или иначе затрагивались религиозные понятия, Рункевич пришел к выводу – «религиозные мотивы не нашли для себя широкого применения в поэзии Пушкина»²¹³. Но он видел достоинства поэта в другом. Ранние увлечения А.С. Пушкина, затемнившие в нем религиозные начала, были неизбежной данью времени и обществу, среди которого жил поэт. Пушкин запечатлел в себе дух современного ему общества с его достоинствами и недостатками, и в этом смысле был дитя своего времени. Но главное то, что в длительном напряжении творческих усилий он сумел прозреть красоту духовных ценностей. «В своей личности, в своем развитии, в своей жизни, и в своей поэзии, – писал С.Г. Рункевич, – он силой своего поэтического гения воплотил целый период нашей культурной жизни, оставив его потомству как бы отлитым из металла, и этим соорудил для последующих поколений целую ступень в той труднодоступной скале, которая отделяет истину чистого и “совершенного познания” от тьмы людского неведения и умственного сна, облегчив, таким образом, путь к достижению высшей ее точки – области разума, к которой медленно и с великим трудом идет в своем вечном к ней стремлении человечество. В этом великая заслуга Пушкина»²¹⁴. «Гений Пушкина уже провидел вершины, к которым стремится ошупью все человечество, красоту Разума, красоту Безграничности, красоту Духа <...>. На струнах пушкинской лиры прорывались уже звуки гимнов этой вечно новой Красоте»²¹⁵. По мысли Рункевича, А.С. Пушкин, выразив в совершенстве то, чем жило современное ему общество, его идеалы, заботы, стремления, «остановился на вершине самосознания этого периода, на том моменте, когда почувствовалось, что идеалы

²¹³ Рункевич С.Г. Религиозные мотивы в сочинениях А.-Пушкина. – СПб.: Тип. Лопухина, 1899. – С. 26.

²¹⁴ Там же. – С. 27.

²¹⁵ Там же. – С. 28.

эти не выдерживают критики, заботы ничтожны, стремления напрасны. Сознание такое уже явилось, но силы порвать с прежним не было»²¹⁶.

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю²¹⁷.

«С этим разрывом, – писал С.Г. Рункевич, – начинался уже другой период, которому дано олицетвориться в другой жизни, в другой личности»²¹⁸. А в этой жизни А.С. Пушкин явился одним из тех, «кто своей жизненной работой облегчают человечеству его трудный и долгий путь самосознания и познания»²¹⁹.

Статья «Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина» вскоре после публикации была отпечатана отдельной книжкой²²⁰ в типографии А.П. Лопухина²²¹. Профессор С.-Петербургской духовной академии А.П. Лопухин был широко известен в духовной литературной среде как редактор журналов «Церковный Вестник» и «Христианское чтение».

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1974. – С. 137.

²¹⁸ *Рункевич С.Г.* Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина. – С. 28.

²¹⁹ Там же. – С. 29.

²²⁰ *Рункевич С.Г.* Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина. – СПб.: Тип. Лопухина, 1899. – 29 с.

²²¹ Лопухин Александр Павлович, профессор (1852–1904) – библиист, переводчик, издатель. Сын священника Саратовской епархии. Образование получил в Саратовской дух. семинарии и С.-Петербургской дух. академии (1875–1879). Еще студентом поместил в «Христианском чтении» крупный труд о «Ветхозаветных пророках». В 1879–1882 гг. псаломщик-миссионер при новооткрытой русской церкви в Нью-Йорке, где статьями в «Oriental Magazine» знакомил американцев с русской церковно-религиозной жизнью. В это же время в «Церковном Вестнике» публикуются его письма под названием «Жизнь за океаном». В 1882 г. вернулся в Петербург и защитил магистерскую диссертацию: «Римский католицизм в Сев. Америке» (СПб., 1881). За неимением в академии свободной кафедры остался в ней секретарем Правления и Совета. С 1883 г. читал сравнительное богословие, а с 1885 г. занял кафедру древней общей гражданской истории. Осуществил переводы нескольких сочинений Фаррара и др. западноевропейских писателей. Издал ряд трудов по библейской истории. Ему принадлежит осуществление мысли об издании полного собрания творений свт. Иоанна Златоуста. С 1892 г. редактировал «Церковный Вестник» и «Христианское чтение».

Это был человек выдающихся публицистических способностей, изумительной энергии и инициативы. В свое время он не только спас академические издания («Церковный Вестник» и «Христианское чтение») от казавшегося неминуемого краха, но сумел поднять их на прежнюю высоту и увеличить подписку. Сделано это было благодаря задуманному им изданию перевода на русский язык полного собрания творений святителя Иоанна Златоуста – в виде ежегодных премий (по 1 книге) подписчикам академических изданий. Дело в том, что «Церковный Вестник», будучи академическим журналом, в то же время до 1888 года являлся и официальным органом Святейшего Синода. С учреждением в этом году уже специально синодального печатного органа – «Церковных Ведомостей», с обязательной подпиской для всех российских приходов, от «Церковного Вестника» отошла официальная часть, что привело в результате к заметному падению подписки на оба академических издания. Подписка упала с шести-семи тысяч до двух. И вот благодаря редакторству А.П. Лопухина с 1893 года подписка постепенно стала расти, так что ко дню 25-летия журнала в 1899 году достигла более чем 7200 экземпляров²²².

Сближение С.Г. Рункевича с этим замечательным человеком привело к длительному их литературному сотрудничеству, вплоть до самой кончины профессора.

К этому времени Рункевич, будучи еще довольно молодым человеком, уже много добился: ученая степень магистра, членство в авторитетной архивной комиссии, перспективная служба, орден, дававший право личного дворянства, а главное, он приобрел известность как писатель. Об этом свидетельствует уже тот факт, что его имя, хотя еще совсем молодого человека, было включено в самую крупную дореволюционную рус-

²²² Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // ХЧ. – 1917 (январь–февраль). – С. 85–86.

скую универсальную энциклопедию – «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона²²³.

Приехав некогда в Петербург «скромным семинаристом», он за десять лет приобрел себе в научных кругах известность и авторитет, причем благодаря исключительно личным дарованиям и огромному трудолюбию.

Рункевич сознательно не заводил семью. Он целиком посвятил себя работе – служба, научные занятия и церковно-общественная деятельность поглощали все его время без остатка. При этом на первом месте стояла наука. Она была для него не просто предметом для интеллектуальной деятельности, но служением Церкви, обществу, человечеству. Его фундаментальный труд «История Минской архиепископии» раскрывал новую страницу в истории Русской Православной Церкви. Несмотря на то что к этому времени уже появились известные исследования митрополита Макария (Булгакова) и И.А. Чистовича, работа С.Г. Рункевича существенно дополняла и во многом конкретизировала в своей области труды этих ученых. Эта работа, имеющая на первый взгляд региональный характер, касалась на самом деле одной из самых сложных страниц общерусской истории.

Его занятия наукой совмещались с активной церковно-общественной деятельностью, результатом чего явились издания Народной Академии. Рункевич удивительным образом сохранял в себе приобретенные в юные годы возвышенный дух и возвышенные идеалы, которым старался следовать и осуществлять на деле. Это был церковный интеллигент в самом лучшем смысле этого слова.

²²³ Рункевич // Энциклопедический словарь. Т. 53 «Розавен – Репа». [Репринт. воспр. изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1890 г.]. – «ТЕРРА»-«TERRA», 1992. – С. 289–290.

ГЛАВА 2

НА ВЕРШИНЕ ТВОРЧЕСТВА

(1900–1907)

2.1. Большие замыслы и новые горизонты

В 1898 году редакция журнала «Странник» во главе с профессором А.П. Лопухиным приступила к новому крупному литературному проекту – изданию «Общедоступной Богословской Библиотеки». Целью ее было сделать для читателей более доступными лучшие произведения русской и иностранной богословской литературы. В «Богословскую Библиотеку» предполагалось включить сочинения по Священному Писанию, основному, догматическому и нравственному богословию, по библейской и церковной истории, проповедничеству и пр. Первую серию издания составляло «Православное Собеседовательное Богословие» покойного придворного протоиерея И.В. Толмачева²²⁴, издаваемое в течение первых двух лет. Ежегодно издавалось по два тома, до 1000 страниц в каждом. С 1900 года редакция планировала приступить к новой серии «Богословской Библиотеки». В нее должны были войти два издания. Первое – «История христианской церкви в XIX веке» в двух частях (православный Восток и инославный Запад).

²²⁴ Толмачев Иоанн Васильевич, протоиерей (†1897) – духовный писатель. Выпускник С.-Петербургской дух. академии, магистр богословия. Служил священником посольской церкви в Стокгольме, потом настоятелем придворной церкви в Висбадене, затем сакелларием собора Зимнего дворца. Кроме статей по обозрению церковной жизни и богословской науки на Западе, помещенных в «Страннике», «Православном Обозрении» и «Духе Христианина», ему принадлежит обширная книга «Православное Собеседовательное Богословие, или Практическая гомилетика» (СПб., 1868–1877). Редакцией журнала «Странник» это сочинение издано вновь, в исправленном и дополненном виде (в приложении к журналу – «Общедоступной Богословской Библиотеке», 1898 и 1899). Он написал также «Взаимные обязанности христианских супругов, или Руководство к временному и вечному благополучию в супружеской жизни» (СПб., 1860).

Второе – «Православная Богословская Энциклопедия», или «Богословский энциклопедический словарь», содержащий в себе сведения по всем предметам современного богословского и философского знания. Первоначально предполагалось, что «Энциклопедия» будет выпущена в трех больших томах с иллюстрациями²²⁵.

А.П. Лопухин пригласил С.Г. Рункевича принять участие в этом новом проекте. Рассмотрев в нем огромный творческий потенциал, он как издатель был рад иметь рядом такого сотрудника. С.Г. Рункевич в свою очередь с охотой откликнулся на предложение профессора и взялся написать для первого издания исторические наброски, посвященные жизни Русской Православной Церкви в XIX веке. А в начинаемом издании «Православной Богословской Энциклопедии» принял самое живое участие в выработке программы издания и подготовке для него материалов.

Надо сказать, что предпринимаемое издание «Православной Богословской Энциклопедии» было насущной потребностью времени. В России до этого еще не имелось ни одного специально богословского словаря, который мог бы служить справочным пособием по предметам богословско-философского характера. До этого были лишь попытки издания «Библейского словаря», но этого рода словари освещали только одну специальную область знания.

За образец для «Православной Богословской Энциклопедии» была взята немецкая «Реальная Энциклопедия» Герцога (в третьем издании). Немецкий прототип насчитывал почти двадцать томов. Издатели «Православной Богословской Энциклопедии» ввиду долговременности подобного рода изданий решили уложиться в десять томов, предполагая давать материал в более сжатом виде.

²²⁵ ЦВ. – 1899. – №43. – С. 154–155.

К участию в составлении «Богословской Энциклопедии» А.П. Лопухиным были привлечены более или менее известные представители отечественной богословской науки. Среди них были представители всех духовных академий, а также некоторых университетов. Та живая отзывчивость, с какой отнеслись приглашенные к участию в составлении «Энциклопедии», лишний раз доказывала, какая чувствовалась потребность в подобном издании. Даже сам А.П. Лопухин в начале не рассчитывал на такую деятельную поддержку представителей ученого мира. Именно это обстоятельство повлияло на качественное содержание «Богословской Энциклопедии». Первоначально предполагалось издать лишь краткий справочный словарь (в трех томах), в котором сообщались бы самые лаконичные энциклопедические сведения, необходимые для самых элементарных справок. Однако «заявления от многих подписчиков, чтобы предметы обрабатывались в Энциклопедии не кратко и сухо, а полно и обстоятельно», с одной стороны, а с другой – «характер статей, представлявшихся сотрудниками, которые, как бы идя навстречу заявлениям подписчиков, давали обстоятельные исследования по всем важнейшим предметам богословского знания, заставили редакцию изменить свой первоначальный план и сразу же приступить к изданию большей Энциклопедии в том объеме», в каком она и начала выходить в свет. Хотя при этом увеличивались труды и расходы редакции. Издание «Богословской Энциклопедии» предполагалось завершить в ближайшие пять лет: в 1905 году²²⁶.

В это же время С.Г. Рункевич начал принимать участие в журнале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» – «С.-Петербургский Духовный Вестник». По приглашению председателя «Общества» и редактора журнала протоиерея

²²⁶ Православная Богословская Энциклопедия. Т. I. – СПб.: Изд. А.П. Лопухина, 1900. – С. V–VI.

Философа Орнатского С.Г. Рункевичем велся в первые годы существования журнала обзор епархиальной жизни. В этом же журнале напечатаны были написанные им исторические очерки «Приходская благотворительность в Петербурге».

Как уже говорилось выше, Петербург отличался особой интенсивностью и разнообразием форм благотворительности. Среди общей благотворительности особое место занимала благотворительная деятельность двадцати девяти петербургских православных приходских обществ и братств. По сведениям на 1900 год, в их богадельнях находилось на полном содержании более 1000 престарелых женщин и 30 мужчин. Во временных приютах призревалося до 800 и в дневных приютах свыше 600 бедных детей, причем всем детям давалось начальное, а отчасти и ремесленное образование. 200 бедных женщин обеспечивались бесплатным помещением и для 250 помещения сдавались по удешевленной цене. Бедным выдавалось на руки свыше 40 000 ежемесячных и единовременных денежных пособий и до 200 000 порций пищи. Имелись два приюта для неизлечимо больных женщин, ясли, три дома трудолюбия для пятидесяти женщин, женская «рукодельня», профессиональная женская школа, контора труда, две дачи для детей, три двухклассных церковно-приходских школы, две воскресных, пять библиотек-читален, шесть небольших лазаретов и др.²²⁷

Менее чем за сорокалетний период своего существования петербургские приходские братства и общества накопили богатейший опыт благотворительной деятельности. Поэтому их история «с их практически выработанными мерами и формами благотворительности, приобретала особенное практическое значение как история благотворительной деятельности, в общем, весьма успешной, следовательно, поставленной вообще правильно и заслуживающей не только внимания, но и самого широкого подражания и покровительства»²²⁸. Значение такой

²²⁷ Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге. – С. IV–V.

²²⁸ Там же. – С. VI.

истории увеличивалось еще более оттого, что все приходские благотворительные общества и братства в Петербурге развивались и действовали независимо одно от другого и вырабатывали разные способы и формы благотворения самостоятельно, «по указанию практических потребностей». И если в главнейших способах и формах все пришли к относительному единству, то, в частности, представляли собой в этом отношении богатое и поучительное разнообразие.

В своей фактической части очерки были написаны С.Г. Рункевичем почти исключительно на основе печатных отчетов обществ и братств. Ему пришлось пересмотреть до 800 отчетов²²⁹, причем полного их собрания не имелось даже в императорской Публичной библиотеке²³⁰.

Опубликованные в «С.-Петербургском Духовном Вестнике» очерки вскоре были изданы отдельной книгой²³¹. Это был первый опыт подробной истории приходских благотворительных обществ в Петербурге за время с 1860 по 1900 годы. Книга, еще до выхода в свет²³², была представлена на первый конкурс сочинений о благотворительности и по отзыву профессора В.И. Герье удостоена премии в 750 рублей от императрицы Александры Феодоровны²³³.

В том же году Рункевичем был издан еще один очерк подобного рода: «Московские городские попечительства о бедных в Москве в 1898 г.»²³⁴.

Обстоятельное знакомство с архивами и исторической литературой по научным занятиям и с церковными делами

²²⁹ Там же. – С. VII.

²³⁰ Недостающие отчеты Рункевичу были любезно предоставлены начальником архива и библиотеки Св. Синода А.Н. Львовым.

²³¹ *Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге: Ист. очерк.* – СПб.: Тип. Глав. Упр. Уделов, 1900. – XVI, 313, VI с., 2 вкл. и табл.

²³² Книга «Приходская благотворительность в Петербурге» вышла в октябре 1900 г. тиражом 210 экз.

²³³ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 379.

²³⁴ Московские городские попечительства о бедных в Москве в 1898 г. – СПб., 1900.

по делопроизводству Святейшего Синода привело в свое время С.Г. Рункевича к мысли взяться за историю Русской Церкви синодального периода, еще никем, по его мнению, достаточно основательно не изложенную. Результатом научной работы в этом направлении стал выход первого тома задуманной им «Истории Русской Церкви под управлением Святейшего Синода» под названием «Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода» (1721–1725 гг.)²³⁵. С января 1900 года текст книги предварительно начал печататься в «Христианском чтении»²³⁶, редактируемом тогда профессором А.П. Лопухиным.

Первоначально историю Русской Церкви за время от учреждения Святейшего Синода до кончины императора Петра I С.Г. Рункевич предполагал написать в одном томе. Содержание тома должны были составлять шесть глав: I. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода; II. Дела веры; III. Образование и просвещение; IV. Епархиальная жизнь; V. Церковные имущества и VI. Духовный суд. Но оказавшаяся в его распоряжении масса исторического материала, не вполне обработанного, или вовсе не разобранного, или совсем до того времени неизвестного, повела к тому, что каждая глава выросла в целый том, и каждый том получил монографический характер²³⁷.

Хотя предмет исследования, которому С.Г. Рункевич посвятил свое сочинение, уже имел довольно обширную литературу, работа его отличалась заметной новизной по разнообразию и полноте сообщаемых в ней сведений. Сочинение было написано почти исключительно на основании материалов,

²³⁵ *Рункевич С.Г.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. – II, 429, II С. Книга вышла в сентябре тиражом 600 экз.

²³⁶ *Рункевич С.Г.* Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // ХЧ. – 1900.

²³⁷ *Рункевич С.Г.* Предисловие / История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1.

помещенных в «Полном Собрании Законов Российской империи» и в изданиях Комиссии по разбору дел синодального архива. Кроме того, немало сведений Рункевич почерпнул непосредственно из архивов Святейшего Синода, Государственного совета, Александро-Невской Лавры, С.-Петербургской духовной консистории, Министерства юстиции и иностранных дел в Москве. Среди периодических изданий, служивших ему пособием при написании работы, были: «Чтения Московского Общества Истории и Древностей», «Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения», «Русский Архив», «Русская Старина», «Сборник Императорского Исторического Общества» и др.

Обладая литературным талантом, С.Г. Рункевич сумел придать интерес даже наиболее сухим частям своего труда, как, например, отделу о синодальном делопроизводстве. Однако, видимо подчиняясь обилию находящегося в его руках материала, он все же вдавался в крайность слишком детальной разработки предмета.

К сожалению, книга С.Г. Рункевича кроме заслуженных похвал принесла ему в то же время немало нареканий, упреков и крайне недоброжелательных отзывов. Едва появившись на страницах «Христианского чтения», сочинение сразу же вызвало в печати неодобрительную критику. Нельзя сказать, что критика была совершенно беспочвенной, но она сыграла свою отрицательную роль, вызвав к научному предприятию историка заведомо отрицательное предубеждение. Первым камнем, брошенным в адрес начатой в «Христианском чтении» исторической публикации была заметка безымянного московского критика, напечатанная в мартовской книжке «Русского Вестника» за 1900 год²³⁸.

Заметка была написана в вызывающем и оскорбительном тоне. С первых же строк безымянный критик стал язвительно глумиться над историческим трудом С.Г. Рункевича, обзавав

²³⁸ Библиография // Русский Вестник. – 1900. – Т. 266 (март). – С. 256–261.

его не иначе как фельетонным чтением. «Легкое, так называемое фельетонное чтение, – писал автор заметки, – все более прокладывает себе дорогу в наших духовных журналах. Едва ли можно было бы сыскать уважительные основания в пользу его даже и в том случае, если бы духовные журналы в тон фельетонному чтению подбирали предметы и самое содержание статей назначенных служить такого рода чтению. Ничего не было бы удивительного в том, что такие статьи были бы признаны неуместными в духовных журналах: назначение и характер этих последних исключают всякую возможность ожидания найти в них статьи для легкого чтения. Но совсем необъяснима смелость некоторых “писателей”, избирающих в жертву своему фельетонному перу такие предметы, как, напр[имер], “История русской церкви!”»²³⁹. «Нечего сказать, – продолжал критик, – бойко и хлестко пишет г[осподин] Рункевич, только за “историю” его писание можно признать лишь в ироническом смысле». И все в подобном тоне...

Возмущенный столь вульгарной критикой С.Г. Рункевич, сдержанный и спокойный по натуре человек, вынужден был публично ответить автору заметки на страницах «Христианского чтения»²⁴⁰, причем ответить достаточно резко. «Я хотел бы обратить внимание современных читателей, – писал он, – на те условия, в которых приходится вести всякую новую работу. Литературная тля, невежественная, беззастенчивая и бездарная, неспособная подняться над пошлой условностью, господствующей в жизни, все более и более проникает в наши журналы, овладевает умственным рынком и предписывает свои законы. Усвоив в своем узком понимании шаблонные формулы, она с враждебностью встречает не только всякую новую мысль, но и каждую новую фразу, старается вылить пред глазами читателей целую уйму помоев, поселить в них

²³⁹ Там же. – С. 256.

²⁴⁰ Рункевич С.Г. PRO DOMO SUA (По адресу «безымянного» московского критика) // ХЧ. – 1900. – Ч. I. – С. 868–872.

предубеждение и, вероятно, находит себе сочувствие среди господства всевозможной пошлости. И рассматриваемая мною статья, тезисы которой, добросовестно извлеченные, в своем чистом виде оказываются только ничтожными и достойными смеха, переполнена ведь разными недомолвками и намеками скверного и подлого тона. Она идет против почтенной темы предпринятой мной работы, выставляя ее излишней, со злобой идет против тяжелого труда по первоисточникам (архивам), иронизируя, что я имею претензию рано стать российским историографом. Нет в работе, по счастливому случаю, возможной всегда какой-либо обмолвки, тля фальсифицирует, подделывает, как было указано. Не подо что подделать, – тля не задумывается перед чистой выдумкой. Вот пример. Мой критик говорит: “господин Рункевич осудил патриаршее управление русской церковью, и само патриаршество признал заслуживающим уничтожения безо всякого снисхождения”. Ссылки, конечно, никакой. Курьез здесь заключается в том, что в моей истории одна из дальнейших глав посвящена исключительно полемике с писателями, которые утверждали, что “патриаршество отжило свой век”, “оказалось несостоятельным” и т.п., причем я выясняю, что нестроения в русской церковной жизни Петровых времен не зависели от патриаршества, как формы управления русской Церковью, имели только временное значение. Эта мысль давно уже сложилась у меня в определенное научное убеждение, а поэтому в моей истории решительно не может быть ни малейшего основания к выводу, что я признаю патриаршество “заслуживающим уничтожения безо всякого снисхождения”»²⁴¹.

30 августа 1900 года С.Г. Рункевич представил ректору С.-Петербургской духовной академии Преосвященному Борису (Плотникову), епископу Ямбургскому, свое сочинение «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода»

²⁴¹ Там же. – С. 871–872.

(том I) на соискание степени доктора церковной истории. Преосвященный Борис передал сочинение Рункевича на рассмотрение и написание о нем отзывов заслуженному профессору Т.В. Барсову и профессору П.Н. Жуковичу. 28 ноября того же года профессор Т.В. Барсов представил ректору академии свой отзыв об этом исследовании, в котором высказался за присуждение автору степени доктора церковной истории.

Профессор П.Н. Жукович ввиду чрезвычайной занятости так и не смог взяться за написание отзыва. Вместо него «в исполнение резолюции» митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) от 4 декабря 1900 года, как сказано в справке журнала Совета академии²⁴², определением Совета от 21 декабря рецензентом сочинения С.Г. Рункевича был назначен профессор Н.К. Никольский²⁴³. Согласно той же справке, 4 июля 1901 года от митрополита Антония последовала другая резолюция, ввиду которой профессор Н.К. Никольский также был освобожден от чтения упомянутого исследования и его рассмотрение было поручено новому ректору академии – епископу Сергию (Страгородскому). По справке выходило, будто перемена рецензентов следовала по причине резолюций митрополита Антония. На самом же деле резолюции являлись завершением постановлений Совета академии, вызванных последовательными отказами профессоров П.Н. Жуковича и Н.К. Никольского от чтения сочинения, ввиду разных причин²⁴⁴.

Дело затягивалось.

10 мая 1900 года С.Г. Рункевич получил назначение на должность старшего секретаря Святейшего Синода. В июле того

²⁴² Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год. – С. 193–194.

²⁴³ Никольский Николай Константинович, академик (1863 – 1936) – историк книжности древней Руси. Выпускник С.-Петербургской дух. академии (1887). 1900 г. – член-корр. АН. 1916 г. – академик. 1917–1918 гг. – член Поместного Собора. 1920–1925 гг. – директор БАН и Книжной палаты.

²⁴⁴ Рункевич С. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903. – (апрель). – С. 632.

же года «по адресу исполняющего обязанности Управляющего Синодальной Канцелярией производил ревизию делопроизводства и общего состояния экспедиции Управляющего Канцелярией»²⁴⁵. По тому же ордеру ему было поручено провести исследование «по предмету неоднобразного составления ведомостей о движении делопроизводства по Отделениям Синодальной Канцелярии»²⁴⁶.

Еще в 1900 году С.Г. Рункевич начал хлопотать о преподавательском месте в С.-Петербургском университете. 22 ноября он подал прошение на имя ректора университета о разрешении ему читать курс по истории Русской церкви XVIII и XIX веков. В декабре прошение Рункевича было заслушано на заседании историко-филологического факультета и принято решение, что со стороны факультета «препятствий к удовлетворению ходатайства» не встречается. На запрос из университета, когда С.Г. Рункевич хотел бы приступить к чтению лекций, он ответил, что если ему будет позволено, то он хотел бы начать уже в первое ближайшее полугодие, и просил отвести ему один час в неделю. При этом он добавлял: «если нужно упомянуть о часах, то в субботу у меня свободны все часы, а в остальные дни – час до полудня»²⁴⁷.

Возможности преподавания в университете способствовало его знакомство с профессором С.Ф. Платоновым, занимавшим там должность декана историко-филологического факультета. В свое время С.Ф. Платонов по рекомендации С.Г. Рункевича был приглашен в состав Комиссии по описанию синодального архива²⁴⁸. Видимо во время занятий в архиве Рункевич сблизился с профессором. Благодаря С.Ф. Платонову вопрос о преподавании и зачислении в состав университета стал решаться в положительную сторону, однако и здесь не обошлось без шероховатостей и недоразумений. Вот свидетельство одного

²⁴⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3. Л. 3 об.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9540. Л. 1–3.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191. Л. 421 об.

из писем С.Г. Рункевича к С.Ф. Платонову: «Высокопочтимый Сергей Федорович. Случайное обстоятельство лишило меня возможности быть сегодня у Вас и лично принести некоторые объяснения. На Рождество я был в Риге. В это время в «России» от 28 декабря какой-то писака поместил возникшее, очевидно, на почве канцелярских сплетен сообщение, будто я приглашен историко-филологическим факультетом к занятию кафедры в Университете (не сказано какой) и начинаю чтение лекций с 20 января. Когда я вернулся в Петербург, мне казалось уже поздно писать опровержение сообщения, которое, как мне казалось, должно быть всеми забыто. Между тем сегодня, при первом в этом году докладе в Синод, мне пришлось по этому поводу давать объяснения К.П. Победоносцеву и В.К. Саблеру. Возможно, что и факультетом это сообщение не пропущено без внимания. Если бы я имел сообщение о допущении меня к приват-доцентуре, мне было бы легко написать поправку в газету. Теперь же я положительно затрудняюсь, как поступить. И так как своим возможным допущением в Университет я обязан Вам, высокопочтимый Сергей Федорович, то позвольте весь этот инцидент передать на Ваш снисходительный суд и надеяться, что Вы, если по Вашему рассуждению следует мне писать в газету поправку, не откажите дать мне указание и позволение явиться к вам в Университет в пятницу или субботу в Ваши приемные часы. Горячо прошу у Вас извинения, что надоедаю Вам своей особой. С глубоким почтением имею честь быть преданным Вашим слугой. С. Рункевич. 10 января 1901 <...>»²⁴⁹.

Впрочем, С.Г. Рункевичу, согласно правилам университетского устава, чтобы быть допущенным к чтению лекций в университете в звании приват-доцента, пришлось сдавать своеобразный экзамен. 13 января на историко-филологическом факультете им были прочитаны две пробные лекции: «Об изменениях в формуле присяги при Петре» и «Начало великого

²⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069.

раскола в Русской Церкви», после чего факультет принял решение допустить его «к лекциям в звании приват-доцента с осеннего полугодия 1901 года»²⁵⁰. Решение это было передано на рассмотрение в Министерство народного просвещения. Спустя несколько месяцев, после наведения разных необходимых справок, «предложением, за Министра, господина Товарища Министра Народного Просвещения, от 16 апреля 1901 года» С.Г. Рункевич был допущен к чтению лекций в императорском С.-Петербургском университете по кафедре церковной истории, с зачислением в приват-доценты университета с 1 июня 1901 года²⁵¹.

В том же году 6 мая ему был пожалован орден Св. Станислава 2 степени²⁵², а 2 июля за выслугу лет он был произведен в надворные советники²⁵³.

31 августа 1901 года Рункевич был назначен обер-секретарем Святейшего Синода²⁵⁴, и вместе с новой должностью, ему была предоставлена казенная квартира.

Последние пять лет С.Г. Рункевич снимал жилье недалеко от Синода на Адмиральской Набережной 6, квартира 29. Полученная им казенная квартира находилась на улице Кабинетская²⁵⁵ 17 (кв. 16), в Синодальном подворье. Просторная пятикомнатная меблированная квартира располагалась на четвертом этаже каменного дома. О таких условиях для спокойных ученых занятий можно было только мечтать. Весь сентябрь С.Г. Рункевич, разрушая «свое пятилетнее пепелище, в пыли и заботах» занимался переездом²⁵⁶. Одна собственная библиотека его в то время уже составляла около 2000 книг²⁵⁷, а кроме нее, надо полагать, имелся и достаточно большой архив.

²⁵⁰ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9540. Л. 9.

²⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 4.

²⁵² Там же. Д. 3. Л. 3 об.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же. Л. 4 об.

²⁵⁵ Улица Кабинетская – ныне улица Правды.

²⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069. Л. 5–6.

²⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 6. Д. 17.

9 октября С.Г. Рункевич прочел в университете свою первую, вступительную, лекцию. Лекции он стал читать, как и предполагал, один раз в неделю, по средам с 11 до 12²⁵⁸.

В одном из заседаний Комиссии для разбора и приведения в порядок дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода, в 1901 году по предложению С.Г. Рункевича обсуждался вопрос о внесении в программу «Описания» дел и документов синодального архива, «описание журналов и протоколов Св. Синода, реестров и других канцелярских книг, содержащих в себе, по наблюдению» Рункевича, «особенно за старые годы, много важных для науки сведений, не встречающихся вне этих книг нигде более». Дело в том, что по современному Рункевичу делопроизводству журналы, протоколы и другие канцелярские книги являлись только дубликатом важнейших частей дел. Все, что находилось в книгах протоколов и журналов, имелось и в делах. Но в прежнее время было не так, и пропуск описания канцелярских книг, по мнению С.Г. Рункевича, являлся «в работах и изданиях Комиссии неполнотой по существу, по содержанию». Приводя пример, он говорил: «1-й том Описания документов и дел за 1721 год заключает в себе описания многих сотен №№ дел; но в этот том не вошло описание лишь 6-ти книг журналов, протоколов и реестров, которые, таким образом, при обращающей на себя внимание полноте описаний дел являются навсегда погребенными в архиве». «Между тем, – продолжал С.Г. Рункевич, – совершенно без всякого права, только разве по недоразумению, эти книги исключены из числа архивного материала, воскрешенного из забвения и пущенного в обращение, потому что в этих книгах содержится немало материала, дополняющего и разъясняющего материал, заключающийся в делах и вошедший в Описание. Так в I томе нет никаких сведений о заседании членов еще не открытого официально Синода 9 февраля 1721 года, имеется только намек, что заседание было по некакому делу. В книге же журналов это

²⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069. Л. 9–10.

заседание описано со всей желательной полнотой. В журнале встречаются такие заметки: “советник, архимандрит Петр был послан к президенту, м[итрополиту] Стефану, дабы он, преосвященный митрополит, был в собрание; вернувшись, Петр объявил, что преосвященный в собрание не будет, а отговаривается, что немощен”²⁵⁹.

Значение и важность для исторической науки таких новых деталей, которые можно было извлечь только из книг журналов и протоколов, по мнению С.Г. Рункевича, было бесспорным. Он обращал внимание и на тот факт, что только по журналам можно было установить точные сведения о присутствии в Синоде его членов, а Комиссия действительно старалась давать такие сведения. В конце каждого тома «Собрания постановлений и распоряжений» делались указатели, какими членами подписаны напечатанные синодальные определения. И хотя этот указатель представлял лишь, так сказать, исторический интерес, однако, относясь к напечатанным определениям, не имел необходимой точности, и по нему нельзя было судить о времени присутствия того или иного члена в Синоде. С.Г. Рункевич замечал по этому поводу, что указатель при незнакомстве с книгой журналов может ввести в полное заблуждение даже самого добросовестного исследователя. «Например, известно, – говорил он, – что митрополит Стефан Яворский после первого синодального заседания 14 февраля 1721 года долго не являлся в заседания Синода. Между тем в указателе к 1-му тому Собрания синодальные определения значатся подписанными Яворским с апреля. Есть основания заключить, что с апреля же он начал посещать и синодальные заседания. Но в действительности, как совершенно точно отмечено в журнале, м[итрополит] Стефан стал являться на синодальные заседания только с конца июня, а с апреля он, правда, подписывал уже синодальные определения – но на дому»²⁶⁰.

²⁵⁹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191. Л. 425 об.–426.

²⁶⁰ Там же. Л. 427 об.–428.

Сводя все сказанное к практическому выводу, С.Г. Рункевич предложил Комиссии рассмотреть в качестве обязательных правил следующие предложения: 1) «Чтобы в тома Описания, печатание которых еще не закончено, введено было, на первый раз хотя бы в виде дополнения описание книг, журналов и протоколов с указателем в конце тома, к какому № описания в томе или предшествующих томах относится каждый журнал и протокол»; 2) «При Собрании настоящий указатель, какими членами подписано какое определение, заменить составленным по журналу точным указателем о присутствовании в Синоде членов»²⁶¹.

Выслушав доклад, члены Комиссии справедливо отдали должное ценным наблюдениям С.Г. Рункевича. Однако ввиду сложности описания громадных по размеру книг, Комиссия не приняла какого-либо обязательного постановления по этому предмету и ограничилась предложением членам, составляющим «Описания», продолжить наблюдения Рункевича, для установления пробелов в описываемых делах сравнительно с журналами и протоколами. Самого же С.Г. Рункевича просили к следующему заседанию приготовить образцы предлагаемых им указателей.

Со временем Комиссия приняла решение вносить в «Описания» краткие отметки о хранящихся в архиве протоколах, журналах, книгах сенатских ведений, входящих, исходящих и прочих канцелярских книгах за подлежащий описанию год²⁶².

Кроме того, С.Г. Рункевичем было предложено Комиссии помещать при «Полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания» вместо таблиц подписей членов под протоколами, составленных по книгам протоколов, «более полные и точные указатели о посещении членами заседаний Св. Синода, составленные по жур-

²⁶¹ Там же. Л. 428–428 об.

²⁶² Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 66.

налам этих заседаний». На что Комиссия также попросила представить ей образец указателя подобного рода²⁶³.

В 1901 году С.Г. Рункевич закончил для «Общедоступной Богословской Библиотеки» исторические наброски «Русская Церковь в XIX веке»²⁶⁴. Изданы они были в составе «Истории Христианской Церкви в XIX веке»²⁶⁵, вышедшей в качестве второго тома бесплатного приложения к журналу «Странник».

В своей книге С.Г. Рункевич дал обзор важнейших событий русской церковной истории только что минувшего XIX столетия и тех общих настроений, которые были характерны для каждого периода этой истории. Особенностью его исторических набросков было то, что события церковной жизни им изображались на фоне гражданской истории. «В России, где государство искони является не врагом, а покровителем Церкви, и где вера православная признается государственной религией, – писал Рункевич, – Церковь не может жить уединенно и обособленно от государства; напротив, живет неразрывно с ним, разделяя его печали и его радости своим благотворным влиянием, оказывая ему помощь и содействие в его великих и многосторонних целях и задачах, и сама, получая от него пособие для своих целей: счастливый союз на общую пользу без взаимного подчинения в принципе. Вот почему русская церковная история не отделима от русской государственной истории и вот почему события, волновавшие государство, волновали и Церковь, и наоборот, и те стороны жизни, которые выдвигались в данное время в силу исторических условий в государственной жизни, выдвигались и в церковной, и опять-таки наоборот. Все события русской церковной жизни, таким образом, рисуются на фоне русской гражданской истории,

²⁶³ Там же. – С. 72.

²⁶⁴ Русская Церковь в XIX веке. (Оттиск из изд. «История Христианской Церкви в XIX веке»). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – 232 с., 12 л. ил. Тираж 100 экз.

²⁶⁵ Русская Церковь в XIX веке // История Христианской Церкви в XIX веке / Под ред. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – Т. 2. – 232 с., 12 л. ил.

которая, главным образом, и сообщает первой тот или иной колорит»²⁶⁶.

В адрес исторического очерка С.Г. Рункевича вновь с отрицательной критикой обрушился «Русский Вестник». Делая обзор издания «Истории христианской Церкви в XIX веке» корреспондент «Русского Вестника» большую часть своей заметки посвятил критике именно сочинения С.Г. Рункевича. На этот раз обвинения в адрес историка прозвучали в основном в связи с его оценкой некоторых личностных сторон митрополита Московского Филарета (Дроздова). Рункевич имел неосторожность прямодушно высказать свое суждение или, правильнее сказать, впечатление о некоторых сторонах церковной политики святителя Филарета. «Представитель направления старого охранительного, – писал он, – великий московский владыка пред судом истории стоит в том счастливом положении, что его закрывает щит векового разума и опыта государственной и церковной жизни, щит твердый, основательный. Не было молодых, неокрепших порывов, тонких нитей новых идей. Все, что выходило из его головы, было проведено чрез вековой разум и опыт, и что проходило чрез критический аппарат Филарета, то было уже неуязвимо, гладкое, основательное, твердое, к чему невозможно было придраться. Но нет сомнения, что под острым критическим ножом московского владыки бесповоротно гибли все цветы, – не только надоедливые цветы красноречия и пустословия, но и дорогие цветы вдохновения, всякая живая зелень, молодые ростки, – оставались только твердые части, правила, но не призывы; и нет сомнения, что юность, мятущаяся и стремящаяся, никогда не будет в числе поклонников Филарета, неценимо дорогого для умудренной опытом и знанием, но за то несколько очерствевшей старости. И это во всем: в действиях, в резолюциях, в проповедях»²⁶⁷.

²⁶⁶ Русская Церковь в XIX веке // История Христианской Церкви в XIX веке / Под ред. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – Т. 2. – С. 500.

²⁶⁷ [Рункевич С.Г.]. Русская Церковь в XIX веке / История Православной Церкви в XIX веке (славянские церкви). – М.: Изд. Московского Подворья Свято-Троицкой

По поводу этих строк «Русский Вестник» писал: «Эта манера вскрывать отрицательные стороны событий и лиц нетерпима в истории, так как извращает лучшие страницы ее. Святитель Филарет не нуждается в защите, но нельзя позволять голословно хулить его блаженную память. Русский народ мнит его в сонме угодников Божиих, прибегает к нему за молитвенной помощью, поклоняется его могиле, а в истории русской церкви так дерзко и, повторяем, голословно выставляют его каким-то человеконенавистником, гонителем и тираном молодежи, и даже подвергают его осуждению “во всем: в действиях, в резолюциях, в проповедях”.

Книга, содержащая эти хулы, пойдет в духовно-учебные заведения, может быть принята руководством при изучении церковной истории нового времени с тем, чтобы наперед оттолкнуть духовное юношество от великих мужей прошлого, бывших правилами веры и образцами кротости. Да и много ли осталось в нашей истории не развенчанного, не разжалованного, не низведенного с высоты уважения и авторитета в низину заурядности, будничных страстей и волнений? Пора остановить это легкомысленное издевательство мелкоты над всем, что выше толпы, особенно в церковной истории и в духовноучебных заведениях.

Этот редакционный недосмотр с приправой критицизма на многих страницах “набросков” делает всю книгу ненужной в обиходе “общедоступной богословской библиотеки”»²⁶⁸. Вот такой безапелляционный «приговор» вынес историческим наброскам С.Г. Рункевича «Русский Вестник».

Примечательно, что, нападая на Рункевича по поводу оценки личности митрополита Филарета (Дроздова), автор критической заметки как будто не замечал настоящего отношения историка к Московскому святителю. Из контекста был взят лишь небольшой отрывок, но при этом остались

Лавры, 1998. – С. 674–675.

²⁶⁸ Библиография // Русский Вестник. – 1902. – Т. 277 (январь). – С. 246–250.

незамеченными возвышенными словами в адрес святителя и то, что он по признанию Рункевича «скончался неоспоримым столпом русской Церкви, отцом отцов и учителем учителей»²⁶⁹.

Для первых томов «Православной Богословской Энциклопедии», начавшей выходить с сентября 1900 года, С.Г. Рункевич подготовил целый ряд статей исторического содержания²⁷⁰. В это время он «один вел отдел русской церковной истории XVIII–XIX веков», вплоть до III тома, пока «оказался не в состоянии нести это бремя»²⁷¹. Наиболее крупными его статьями были исторические очерки епархий, составленные заново по неиспользованным до того времени источникам, и обзоры духовных журналов. Остальные статьи были исключительно биографического характера.

К этому времени в адрес «Православной Богословской Энциклопедии» в печати появилось уже большое количество рецензий, за небольшим исключением проникнутых самими доброжелательными отзывами и пожеланиями.

Выпуская в свет II том «Энциклопедии» редакция сообщала, что его пришлось значительно увеличить в сравнении с предполагаемым объемом (вместо 30–35 листов до 40). Редакция объясняла это важностью «тех предметов, которые вошли в его состав и которые требовали особенно обстоятельного изложения», а также тем, что со стороны читателей продолжали приходиться «заявления не только не противные такой широте постановки издания, а напротив даже прямо настаивающие на том, чтобы предметы в Энциклопедии излагались с возможно большею широтой и обстоятельностью»²⁷².

Появление «Богословской Энциклопедии» было встречено с большим сочувствием не только в России, но и среди

²⁶⁹ [Рункевич С.Г.]. Русская Церковь в XIX веке / История Православной Церкви в XIX веке (славянские церкви). – М., 1998. – С. 672.

²⁷⁰ Православная Богословская Энциклопедия. Т. 1. – СПб.: Изд. А.П. Лопухина, 1900.

²⁷¹ ОР РНБ. Ф. 194 (Глубоковский Н.Н.). Оп. 1. Д. 762.

²⁷² Предисловие // ПБЭ. – 1902. – С. III–IV.

православного славянства. В Болгарии образовался даже кружок из богословски образованных лиц, которые решили переиздать русскую энциклопедию на болгарском языке. Это обстоятельство в свою очередь побудило издателей «несколько более выдвинуть вселенский элемент, и придать большую обстоятельность изложению предметов, входящих в область славяноведения», что уже успело отразиться во втором томе на таких статьях, как Болгария, Босния, Буковина²⁷³.

Занимаясь в архиве Александро-Невской Лавры во время работы над «Историей Русской Церкви под управлением Святейшего Правительствующего Синода»²⁷⁴, С.Г. Рункевич пришел к мысли о необходимости описания лаврского архива. Это дело ему представлялось тем более важным, что хранившиеся в архиве документы были тесно связаны с церковной и гражданской историей времени становления Российского государства при Петре I и последующих ее периодов. Таким образом, содержание архива имело не только местное историческое значение в смысле материала для истории Лавры и Петербурга, но и общеисторический характер.

Такое убеждение подвигло С.Г. Рункевича подать Петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому) докладную записку о желательности описания лаврского архива за время царствования Петра I, а издание описания приурочить к предстоящему 200-летию юбилею Петербурга²⁷⁵.

Нужно отметить, что архив Лавры еще до этой записки уже был объектом внимания владыки Антония.

На рубеже XX столетия лаврский архив, как это часто можно было встретить во многих обителях, находился в заброшенном состоянии так, что от сырости в его помещении некоторые дела

²⁷³ Там же. – С. IV.

²⁷⁴ *Рункевич С.Г.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. I: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. – II, 429, II с.

²⁷⁵ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 381.

наполовину истлели. С вступлением в 1898 году на Петербургскую кафедру, владыка Антоний, как человек близкий науке (в прошлом профессор Казанской духовной академии), писавший в свое время исследования по рукописным источникам и занимавшийся описанием Соловецких рукописей, сразу же обратил внимание на плачевное состояние архива. Он распорядился о переводе его в сухое помещение и составлении описи. Так, к 1900 году архив был размещен в отапливаемых помещениях, и уже имел инвентарную опись²⁷⁶.

Вообще со святительством митрополита Антония связано возвращение Лавры после долгого перерыва на путь научно-просветительного служения Церкви. Найдя себе просвещенного помощника в лице архимандрита Феофана (Тулякова), митрополит Антоний оставил в Лавре после себя образцово устроенные богатое Древлехранилище и научно-оборудованный архив²⁷⁷.

Идея описания архива, предложенная С.Г. Рункевичем, митрополиту понравилась и была им поддержана. Решено было создать специальную комиссию для описания лаврского архива, и владыка поручил С.Г. Рункевичу подобрать специалистов для ее состава. Председательство предполагалось за самим митрополитом Антонием или его викарием, епископом Нарвским Иннокентием (Беляевым). По убедительной личной просьбе С.Г. Рункевича в составляемой комиссии среди других лиц согласился принять участие и профессор С.Ф. Платонов²⁷⁸.

Комиссия для описания лаврского архива официально была учреждена митрополитом 20 января 1902 года. Председателем ее был назначен Преосвященный Иннокентий (Беляев). В состав комиссии вошли: наместник Лавры архимандрит Корнилий (Смуров) и члены высочайше учрежденной Комиссии

²⁷⁶ Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Синод. тип., 1913. – С. 969–970.

²⁷⁷ Там же. – С. 969.

²⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069. Л. 7–8.

для описания синодального архива: управляющий синодальной типографией А.В. Гаврилов, помощник управляющего канцелярией Святейшего Синода С.П. Григоровский, начальник архива и библиотеки Святейшего Синода А.А. Завьялов, профессор С.-Петербургского университета С.Ф. Платонов и сам С.Г. Рункевич²⁷⁹. Из-за болезни митрополита Антония комиссия открылась и начала работу лишь во второй половине февраля.

Первое ее заседание проходило у митрополита Антония во внутренней гостиной его дома, где у владыки в те годы часто бывали полуофициальные заседания по разным предметам. «Владыка, – вспоминает Рункевич, – принимал живое участие в суждениях и, перелистывая опись, выразил, между прочим, сомнение, какое историческое значение может иметь дело №1 1715-го года, о выдаче монастырским ключником сапожного товара монастырским сапожникам. Было высказано, что опись подобного дела будет исчерпана его заголовком. Между тем это дело оказалось заключающим в себе весьма существенный материал для истории Лавры, так как только главным образом по его записям можно было с достоверностью установить, что начальный состав монашествующих в Александро-Невском Монастыре не исчерпывается лицами, внесенными в списки, начинающиеся с 1714-го года, слепое доверие к которым не может не ставить историка в крайне затруднительное положение. Точно также и другое подобное дело – о выдаче дров для отопления братских келий, 1763-го года №159-й, – заключает в себе единственный, пока известный, источник сведений о бывшей в Монастыре церкви святой великомученицы Варвары»²⁸⁰.

²⁷⁹ Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого. Т. 1: (1713–1716 гг.). – СПб., 1903. – С. V.

²⁸⁰ *Рункевич С.Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – С. 972–973.

2.2. Доктор церковной истории

21 января 1902 года в Совете Санкт-Петербургской духовной академии слушались отзывы Преосвященного Сергия, ректора академии, профессора Н.К. Никольского и заслуженного профессора Т.В. Барсова о сочинении С.Г. Рункевича «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода».

Преосвященный Сергий в представленном Совету отзыве довольно подробно высказал свои замечания по каждой главе рассматриваемого сочинения. Главной претензией с его стороны к исследованию было то, что в нем не было дано канонической оценки, проведенной Петром I церковной реформы, результатом которой стало учреждение Святейшего Правительствующего Синода. По его мнению, историк синодального периода Русской Церкви не мог оставить этот вопрос без надлежащего внимания и богословской оценки. Существенный недостаток сочинения он видел также и в умолчании о том, «как отнеслась в действительности, а не в официальных бумагах только, к новой реформе Русская Церковь в ее целом». Указывал на «тенденциозность автора по отношению к Петру Великому». Обращал также внимание на то, что сочинение изобилует множеством несущественных мелочей и подробностей, которые не представляют интереса для широкого читателя и делают книгу скучной. Критикуя С.Г. Рункевича, Преосвященный Сергий обвинял его в официозности, в том, что во многих местах его сочинения проскальзывает «исключительно светская, утилитарно-государственная точка зрения на вопросы церковные». Но притом, что его отзыв носил в целом негативный характер, на вопрос, можно ли считать сочинение С.Г. Рункевича заслуживающим докторской степени, он высказался положительно.

«Если бы дело шло о степени доктора чистого богословия или церковного права, – рассуждал Преосвященный Сергий, – тогда, несомненно, помянутый принципиальный промах

(отсутствие канонической оценки синодальной системы церковного управления. – *Г.Щ.*) был бы решающим. Но так как книга представлена на степень доктора церковной истории и так как в данном случае, можно допустить, мы имеем перед собой не столько неправомыслие, сколько ошибку в определении темы сочинения; то, мне думается, рецензент имеет право указанному недостатку книги г[осподина] Рункевича противопоставить достоинства, ей принадлежащие»²⁸¹.

Отзыв профессора Т.В. Барсова носил, как уже говорилось, положительный характер, хотя и был несколько общим (сам профессор в заседании не присутствовал. – *Г.Щ.*). В нем отмечалось, что особенное значение в научном отношении «сочинение приобретает вследствие того, что автор располагал гораздо большим, чем все его предшественники, материалом, черпал последние из разных официальных документов, хранящихся в разных архивах». В этом отношении, по мнению Т.В. Барсова, сочинение бесспорно получало «значение капитального труда, без знакомства с которым невозможна новая дальнейшая в этой области ученая работа». «При богатстве внесенного в общий ученый оборот достоверного материала, – писал он, – сочинение обращает внимание научными приемами исследования. Автор обнаружил способность к историческим работам; свободно ориентировавшись в массе архивного материала, автор сумел изложить его в стройной последовательности по принятому плану. Легкостью и плавностью изложения, постепенным и последовательным выяснением предмета, сочинение подкупает читателя, развивая и поддерживая его внимание. Рассыпанные по местам в сочинении детали могут, пожалуй, показаться излишними для обыкновенного читателя, но они получают надлежащее значение в глазах специалиста, для которого подробности являются пополнением существующих пробелов. Суждения и выводы автора вообще трезвы и убедительны; разбор и проверка мнений других документальны и

²⁸¹ Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год. – С. 224.

основательны»²⁸². В своем отзыве профессор Т.В. Барсов заявлял, что присуждение С.Г. Рункевичу ученой степени доктора церковной истории считает «делом справедливости».

Кроме того, Совету было зачитано переданное на имя ректора академии письмо Т.В. Барсова. В нем говорилось: «В дополнение представленного мною Совету Академии в ноябре 1900 года отзыва о докторском сочинении магистра богословия С.Г. Рункевича, долгом поставляю почтительнейше просить Ваше Преосвященство доложить Совету Академии, что и в настоящее время я остаюсь при прежнем мнении относительно ученых достоинств сочинения г[осподина] Рункевича и его права на получение степени доктора церковной истории. Выраженные в моем отзыве воззрения на труд г[осподина] Рункевича и суждение об ученых особенностях этого труда нашли подтверждение в появлявшихся после в печати рецензиях, и в частности профессора С.-Петербургского Университета протоиерея М.И. Горчакова²⁸³, Императорской Академии Наук – для присуждения г[осподину] Рункевичу Уваровской премии за его ученый труд. Настоящее мое письмо покорнейше прошу приложить к протоколу Совета Академии

²⁸² Там же. – С. 230.

²⁸³ Горчаков Михаил Иванович, протоиерей (1838 – 1911) – заслуженный профессор С.-Петербургского университета. Выпускник Костромской дух. семинарии и С.-Петербургской дух. академии (1861). Служил псаломщиком при русской церкви в Штутгарте и одновременно слушал лекции в Тюбингенском, Гейдельбергском и Страсбургском университетах (1862–1864). Вернувшись в Россию, поступил вольнослушателем на юридический ф-т С.-Петербургского университета. За свои научные труды удостоен шести ученых степеней в сфере богословских наук и права. С 1868 г. – доцент, а с 1871 г. – профессор С.-Петербургского университета по кафедре церковного права. Исполнял обязанности секретаря юридического ф-та, избирался деканом (1907–1910). В 1868–1892 гг. – директор С.-Петербургского тюремного комитета. С 1902 г. член-корр. по разряду историко-политических наук историко-филологического отделения АН. В 1906 г. – член Предсоборного присутствия, избран членом Государственного совета от белого духовенства. Как член Комиссии по описанию дел синодального архива принимал участие в составлении III и VI тт. «Полного собрания постановлений Св. Синода». Кроме научных трудов занимался публицистической и общественной деятельностью, печатался по церковным и церковно-общественным вопросам в «Вестнике Юго-Западной России», газете «Голос», «Журнале гражданского и уголовного права», «Юридической летописи», «Сборнике госуд. знаний», «Церковных Ведомостях» и др.

в качестве моего мнения»²⁸⁴. Надо отметить, что сам Т.В. Барсов был знатоком церковной истории синодального периода, и его перу принадлежали такие работы, как «Святейший Синод в его прошлом»²⁸⁵, «Синодальные учреждения прежнего времени»²⁸⁶.

Отзыв профессора Н.К. Никольского подробно разбирал лишь небольшую начальную часть сочинения С.Г. Рункевича и в отличие от отзыва профессора Т.В. Барсова носил резко отрицательный характер. С первых же слов профессор Никольский определил книгу Рункевича, как «принадлежащую не к числу строго научных работ, но к числу сочинений, в которых казовая ученость в виде цитат и изящное изложение прикрывают тенденциозные мысли, не мирящиеся с беспристрастным и правильным методом исторических изысканий». Н.К. Никольский сразу заявил о двух, на его взгляд, существенных недостатках книги: первый – «необоснованность темы, задач исследования и его плана», второй – «ненаучность приемов изысканий вместе с постоянным стремлением к преувеличениям и к эффектам изложения».

Профессор Н.К. Никольский обвинял С.Г. Рункевича в явной предвзятости и тенденциозности, с чем в какой-то мере конечно нельзя было не согласиться. Но вместе с тем он пытался убедить, что во всей книге Рункевича «не только отдельные страницы, а и целые главы не носят отпечатка работы по первоисточникам, а имеют характер компиляции при помощи пособий». В этом и во многих других высказываниях чувствовалась уже явная предвзятость самого Никольского к автору исследования. Свое заключение профессор Н.К. Никольский выразил однозначно: «Итак, повторяю, по моему мнению, сочинение г[осподина] Рункевича, как вследствие своей тенденциозности, ненаучности приемов изысканий и множества неправильных

²⁸⁴ Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год. – С. 194.

²⁸⁵ Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. – СПб., 1896.

²⁸⁶ Барсов Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. – СПб., 1897.

мыслей, так и вследствие несоответствия содержания книги с интересами православной церкви и предписаниями Св. Синода о сочинениях на ученые степени, несмотря на красивое изложение собранного материала, не может быть одобрено Советом в качестве диссертации, дающей право автору получить ученую степень доктора церковной истории»²⁸⁷.

Вообще самые большие нарекания со стороны рецензентов вызвали первые три главы книги: I. Преобразования Петра Великого в сфере государственной и состоянии церковной жизни в России накануне учреждения Святейшего Синода; II. Преобразования в строе церковной жизни в царствование Петра Великого за время до учреждения Святейшего Правительствующего Синода; III. Учреждение Святейшего Правительствующего Синода.

С.Г. Рункевич действительно представлял преобразования Петра I в восторженной форме. Видимо он искренне симпатизировал общегосударственным переменам Петровской эпохи и, чтобы подчеркнуть их значимость, он воспользовался контрастным приемом изображения. Рисуя эпоху, предшествующую реформам и учреждению Синода, он намеренно сгущал краски, а сами же преобразования представлял в позитивном радужном свете. Кроме того, Рункевичем высказывался ряд взглядов относительно некоторых лиц и событий, которые носили достаточно спорный характер. Такая тенденциозность и спорность некоторых суждений конечно же не могла не бросаться в глаза и не вызывать критических замечаний.

По прочтении отзывов и письма профессора Т.В. Барсова Преосвященный ректор предложил Совету академии на решение вопрос о присуждении С.Г. Рункевичу искомой им степени. Но профессор Н.К. Никольский попросил предварительно поставить на обсуждение вопрос: «исчерпывается или нет выслушанными отзывами необходимый для Совета материал для

²⁸⁷ Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год. – С. 253.

суждения о диссертации г[осподина] Рункевича, во первых, в виду того, что указом Св. Синода, от 23 февраля 1889 года за №633, требуется, чтобы представляемые на ученые степени диссертации были рассматриваемы прежде всего наставником, по предмету которого писано сочинение, во вторых, в виду того, что нам объявлена к исполнению резолюция Его Высокопреосвященства, положенная на особом мнении, представленном при журнале Совета от 4 декабря 1900 года, в силу которой прочтение книги должно быть поручено специалисту по русской церковной истории»²⁸⁸.

Присутствовавший на заседании Совета профессор протоиерей С.А. Соллертинский, высказав свое впечатление от выслушанных отзывов, которые оттеняли недостатки главным образом первоначальных глав сочинения, признавал необходимым «пролить свет» и на дальнейшее содержание исследования и для этого просить высказать свой взгляд на данную диссертацию исполняющего должность доцента А. В. Карташева²⁸⁹. Преосвященный Сергей ответил, что именно с этой целью им и был уже приглашен в настоящее заседание Совета А. В. Карташев.

Профессор Н.Н. Глубоковский, «имея ввиду заявление профессора Т.В. Барсова в предшествовавшие заседания Совета, когда была речь о диссертации Рункевича, – о том, что он специалист этого дела, а между тем письменный отзыв

²⁸⁸ Там же. – С. 194–195.

²⁸⁹ Карташев Антон Владимирович (1875 – 1960) – историк, педагог, церковно-общественный деятель. Выпускник Пермской дух. семинарии (1894) и С.-Петербургской дух. академии. 1900–1905 гг. – доцент кафедры истории Русской Церкви С.-Петербургской дух. академии. С 1905 г. работник Публичной библиотеки. 1906–1918 гг. – преподаватель истории Церкви на Высших женских (Бестужевских) курсах. Председатель Петербургского Религиозно-философского общества (1909). С 20 марта 1917 г. – товарищ обер-прокурора Св. Синода, с 25 июля 1917 г. – обер-прокурор, 5 августа – 25 октября 1917 г. – министр вероисповеданий Временного правительства. С июля 1917 г. – член конституционно-демократической партии. Член Предсоборного Совета и Поместного Собора 1917–1918 гг. 25 октября 1917 г. – 26 января 1918 г. находился в заключении. Один из руководителей организации «Национальный центр». В январе 1919 г. эмигрировал. С 1925 г. – профессор Богословского института в Париже. Автор большого числа научных публикаций.

его оказывается несколько общим, признавал необходимым лично услышать в Совете от Т.В. Барсова его отзыв о рассматриваемой диссертации и просить сделать разъяснения по каноническим вопросам, обсуждаемым в диссертации». Профессор И.С. Пальмов, констатируя факт, что все прочитанные отзывы согласны в том, что первоначальные главы диссертации С.Г. Рункевича тенденциозно освещают исторические события по исследуемым в них вопросам, «просил отложить окончательное суждение о рассматриваемой диссертации, чтобы члены Совета смогли самостоятельно проверить впечатление от чтений отзывов по самой книге»²⁹⁰.

На этом же заседании члены Совета, для составления более полного представления о рассматриваемой диссертации, просили А. В. Карташева устно высказать свой взгляд на работу С.Г. Рункевича, что тот и сделал, кратко изложив основные тезисы своего мнения. Тогда Преосвященный ректор предложил Карташеву представить свои замечания к следующему Совету письменно, а окончательное суждение о присвоении С.Г. Рункевичу докторской степени было отложено до следующего собрания.

Очередное заседание Совета академии состоялось 13 февраля. Приглашенный на него с правом совещательного голоса А. В. Карташев зачитал свой письменный отзыв о сочинении С.Г. Рункевича. Начиная критику, А. В. Карташев отметил, что хотя по избранной Рункевичем теме существует целый ряд специальных исследований и монографий, его работа «делает несомненную услугу исторической науке в том отношении, что представляет некоторые отделы трактуемого предмета с фактической подробностью, доселе еще никем из его предшественников не достигнутой». Однако, по мнению А. В. Карташева, Рункевич не раскрыл в своем исследовании главной проблемы – исторического генезиса и смысла Петровской реформы, не произвел «приличествующую доктору

²⁹⁰ Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год. – С. 195.

науки, анатомию факта синодального управления, не раскрыл его эмбриологию». Рункевич, по замечанию рецензента, обнаружил «несравненно большее желание рассказывать, чем исследовать» и это, по его мнению «наблюдается в тех местах, которые по преимуществу нуждаются в научном раскрытии». А. В. Карташев, так же как и Преосвященный Сергей, и профессор Н.К. Никольский, упрекал С.Г. Рункевича в отсутствии канонической оценки синодального управления и в тенденциозном освещении исторических лиц и событий. И хотя отзыв А. В. Карташева «имел случайное происхождение и представлял собой срочный ответ на экстренное поручение Совета», он, тем не менее, наружно выглядел вполне основательным²⁹¹.

Надо отметить, что рецензентами в адрес книги С.Г. Рункевича было сделано немало существенных и дельных замечаний, причем замечаний вполне обоснованных, с которыми нельзя было не согласиться. Но, к большому сожалению, отрицательные отзывы, преследуя очевидную цель, носили односторонний характер. Наряду с серьезными мыслями в них высказывались и замечания совершенно несерьезные, продиктованные скорее эмоциями, нежели разумом. Бесспорно, отрицательные отзывы были явно тенденциозны, и даже приписывали Рункевичу те мысли, которые он в своей книге не высказывал, и те выводы, которые он не делал. В этом смысле отзывы вводили Совет в заблуждение.

По прочтении А. В. Карташевым своего отзыва Совет приступил к суждению по вопросу о присвоении С.Г. Рункевичу искомой им степени доктора церковной истории. Профессор Т.В. Барсов, изложив кратко достоинства рассматриваемого сочинения и указав, что эти достоинства отмечены в богословской литературе в отзыве профессора протоиерея М.И. Горчакова, признал сочинение достаточным для присуждения автору степени доктора церковной истории. Профессор Н.В. Покровский находил, «что: 1) в отзыве Преосвященного ректора

²⁹¹ Там же. – С. 253–276.

заклучение, благоприятное для докторанта, не вполне согласно с главным содержанием отзыва, сосредоточенным на разборе одних недостатков сочинения г[осподина] Рункевича; 2) отзыв профессора Т.В. Барсова, вполне одобрительный, не заключает в себе точной мотивировки тезисов рецензента, существенно необходимой в виду других отзывов неодобрительных и старательно мотивированных; 3) отзыв профессора Н.К. Никольского, касающийся лишь одной части сочинения г[осподина] Рункевича, заключает в себе предостережение, стесняющее свободу действий Совета, и не разъясненное официальными рецензентами; 4) представитель кафедры церковной истории А. В. Карташев приглашен к участию в решении вопроса о диссертации г[осподина] Рункевича несвоевременно, – всего за несколько дней до заседания Совета»²⁹². Ввиду указанных противоречий в отзывах и недостаточной последовательности в ходе всего дела, «препятствующей его объективной постановке и решению», профессор Н.В. Покровский не нашел для себя возможным высказать то или иное мнение по вопросу о присвоении Рункевичу докторской степени.

В свою очередь профессор Н.Н. Глубоковский высказал следующее суждение: «При двух утвердительных официальных отзывах решение (почти) всегда бывает согласное с ними. Но в настоящем случае мне не дано пока возможности присоединиться к благоприятному для соискателя заключению официальных рецензентов единственно потому, что отзывы их – как мне кажется – не обосновывают этого заключения с достаточной научной принудительностью». Он также замечал, что ссылка профессора Барсова на внеакадемическое мнение профессора М.И. Горчакова не соответствует «достоинству академического Совета» и препятствует «нормальному течению советского обсуждения, которое должно идти вне всяких посторонних влияний и давлений, внушений и указаний». По его мнению, «ввиду такого необычного положения», дело о

²⁹² Там же. – С. 169.

соискании Рункевичем степени доктора церковной истории заслуживало «нового независимого пересмотра»²⁹³.

Профессор И.С. Пальмов обратился к А. В. Карташеву с вопросами: «Представляет ли сочинение С.Г. Рункевича что-либо существенное и важное в науке сравнительно с предшествующими исследованиями по тому же вопросу, или же оно, заключая в себе только некоторые новые частности или фактические подробности, не дает ничего существенно важного для науки и стоит ли оно вообще на уровне современных научных требований?»

Резюмируя выводы своего отзыва, Карташев обозначил следующие критические положения относительно недостатков и достоинств рассматриваемого исследования: «а) Рункевич, при написании своего сочинения не обладал полным знанием круга своих источников и пособий, при чем упустил даже несколько диссертаций, прямо и непосредственно трактующих о предмете его исследования. б) Может быть отчасти вследствие этого автор допустил обидную для предмета исследования узость его постановки в своем труде, поверхностность в раскрытии главных вопросов и историографическую отсталость. в) Не избежал в своем сочинении г[осподин] Рункевич и резких погрешностей против требований исторического метода исследования, фактических ошибок и неосторожного отношения к чужим мнениям. д) Положительное достоинство диссертации г[осподина] Рункевича, как мы уже сказали, заключается в том, что в ней мы имеем по некоторым пунктам гораздо более подробную историю Св. Синода, как правительственного учреждения, за 1721–25 гг., чем какую находим в трудах его предшественников»²⁹⁴.

Выслушав ответ А. В. Карташева, профессор И.С. Пальмов, обратив внимание и на некоторые научные достоинства сочинения С.Г. Рункевича, «отмеченные в отзывах рецензентов,

²⁹³ Там же. – С. 196–197.

²⁹⁴ Там же. – С. 277.

предложил мягче выразить отношение Совета к отрицательным сторонам» обсуждаемой диссертации. Он предложил вернуть ее автору «для исправлений применительно к выслушанным отзывам и письменным мнениям» рецензентов, не лишая автора возможности вновь представить свое сочинение на соискание ученой степени. Профессор протоиерей С.А. Соллертинский повторил мнение А.В. Карташева, что сочинение С.Г. Рункевича страдает «самым крупным недостатком в церковно-историческом отношении: оно, скользя только по рассказу событий, не раскрывает эмбриологии их, не раскрывает исторического генезиса Св. Синода». Однако он тоже поддержал мнение И.С. Пальмова о возврате сочинения на доработку. Ректор академии Преосвященный Сергей заявил, что он после обстоятельного отзыва А. В. Карташева «считает невозможным отстоять первый тезис своего отзыва и потому отказывается от него» и также присоединяется к мнению о возврате сочинения автору «для исправлений и дополнений».

При окончательном решении вопроса о присуждении С.Г. Рункевичу докторской степени одиннадцать членов Совета подали голос за возвращение автору диссертации для исправлений и дополнений, три члена – за присуждение Рункевичу искомой им степени, два члена – за невозможность присуждения ему таковой степени и три члена – уклонились от подачи голоса. Таким образом, Совет академии постановил вернуть Рункевичу его диссертацию для исправлений и дополнений²⁹⁵. Профессора Т.В. Барсов и А.П. Лопухин передали Совету в письменной форме свое «особое мнение» в защиту достоинств сочинения С.Г. Рункевича. Вот основные доводы, представленные ими Совету: «<...> Сочинение г[осподина] Рункевича представляет собой не диссертацию, написанную на особо избранную тему, а есть первый том, собственно начало задуманного им обширного труда: “История Русской Церкви под управлением Св. Синода”». Посему к этому сочинению

²⁹⁵ Там же. – С. 197–198.

надлежит, при рассмотрении, относиться не как к диссертации на специальную тему, а как к ученому труду, предъявляя не предвзятые, не имеющие почвы требования: почему автор не коснулся того или другого мнения и не процитовал той или другой книги, а оценивая достоинства по масштабу: правильно ли понял и надлежаще ли осветил свой предмет в объеме сведений, которые представляют принятые им в руководство источники.

Г[осподин] Рункевич в первом томе предпринятого им труда поставил задачей раскрыть и описать учреждение и первоначальное устройство Св. Правительствующего Синода по подлинным указаниям относящихся к сему предмету законодательных актов, а также и несомнительных свидетельств официальных документов, хранящихся в архивах разных учреждений. В кругу надлежащего использования этих источников и полноты извлеченных из архивов сведений и должны быть определяемы достоинства и недостатки рассматриваемого сочинения.

Между тем в прочитанном в настоящем заседании Совета докладе исправляющего должность доцента А. Карташева принята иная точка зрения, а потому предъявлены и неподлежащие требованиям. Прежде всего, в докладе проведена мысль, что автор написал свое исследование не по научному методу в том отношении, что не поставил его по выводам в связь существующими взглядами и не оправдал своего знакомства с литературой предмета. Подобное требование беспочвенно в данном случае потому, что автор писал свое сочинение не с целью разбирать и опровергать существующие воззрения, а с мыслью раскрыть и указать содержащиеся в официальных документах показания. Автору, занимавшемуся в своем исследовании изложением этих показаний, не было повода нарочито обращаться к существующим взглядам на реформу Петра I и открыто полемизировать против них по той причине, что эти взгляды недостаточно подрываются и опровергаются

прагматическим изложением подлинных сведений по первоисточникам. Сомнение на счет незнакомства автора с литературой предмета падает само собой ввиду того, что автор не начинающий писатель, а сочинитель разнообразных трудов и исследований, удостоенных похвалы и премиальных поощрений. При том упрек этот касается и таких сочинений, которые не имеют научного значения, а потому и обходятся молчанием автора.

Далее, те же источники и почерпаемые в них сведения не налагали на автора обязанности делать экскурсии в область гадательных предположений о том, что будто бы учреждение Св. Правительствующего Всероссийского Синода и по мыслям великого преобразователя и в сознании ближайшего его сподвижника по церковной реформе архиепископа Феофана Прокоповича было подражанием заграничным протестантским консисториям. Те же источники и содержащиеся в них сведения не требовали от автора и того, чтобы идти на восток и искать по православным автокефальным церквям первообраза и параллели учреждению в России Св. Синода, когда принятые автором в руководство источники прямо констатируют, что учреждение Св. Синода явилось проведением и в сферу церковных отношений уже принятого в государстве коллегиального строя.

Наконец, указание некоторых недочетов в книге г[осподина] Рункевича навеяно докладу забеганием вперед и отпадает само собой ввиду того, что рассматриваемая книга есть первый том задуманного автором труда, и что, следовательно, чего нет в этом томе, то по плану автора найдет место и будет рассмотрено в последующих томах.

Таким образом, предъявляемое, на основании изложенных претензий, требование г[осподину] Рункевичу исправить свое исследование по указанным недочетам, оказывается неуместным. Это требование и не выполнимо ввиду того, что соображения, в удовлетворение которых требуется это исправление,

собственно и осуждаются и опровергаются содержанием и направлением книги г[осподина] Рункевича, который на основании подлинных показаний официальных документов раскрыл, как в действительности была совершена реформа высшего церковного управления в России при Петре I, а не как она представляется в изысканиях других по их описаниям. Требование от автора исправления его сочинения по масштабу этих оснований равносильно предписанию, чтобы автор, так много потрудившийся в своих архивных изысканиях, положил решительный запрет на свои мнения и открыто отказался от предложенных им в своем исследовании выводов.

<...>

Если в книге г[осподина] Рункевича, как и в каждом ученом труде, можно находить недочеты и недосмотры ученого свойства, то они не таковы, чтобы из-за них отвергать достоинства ученой работы г[осподина] Рункевича.

На основании всего сказанного, признавая сочинение магистра богословия С. Рункевича заслуживающим присуждения ему степени доктора церковной истории, ввиду разделившихся мнений членов Совета, мы полагали бы: почтительнейше просить Его Высокопреосвященство дело о присуждении Рункевичу искомой им степени представить на благоусмотрение Св. Синода для окончательного решения»²⁹⁶.

Записка «особого мнения» была приложена к журналу Совета. 19 февраля 1902 года на журнале последовала резолюция митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского): «Ввиду отдельного мнения, с достаточной основательностью мотивированного, дело об удостоении С. Рункевича степени доктора церковной истории представить на благоусмотрение Св. Синода»²⁹⁷. И уже на следующий день, 20 февраля, определением Святейшего Синода С.Г. Рункевичу была присвоена степень доктора церковной истории²⁹⁸.

²⁹⁶ Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год. – С. 277–280.

²⁹⁷ Там же. – С. 198.

²⁹⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3.

Свою книгу «История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. I: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725)» С.Г. Рункевич в свое время представил в Святейший Синод на соискание премии митрополита Макария. Но она была возвращена ему «ввиду выхода ее в свет после установленного тогда Учебным Комитетом Святейшего Синода конкурсного срока». Ни ранее, ни после такой порядок не был применяем, как не предусмотренный положением о премии, устраняющим от конкурса лишь устаревшие книги²⁹⁹. К следующему конкурсу С.Г. Рункевич книгу уже не представлял. Однако по отзыву заслуженного профессора Петербургского университета протоиерея М.И. Горчакова книга была удостоена Академией Наук Уваровской премии³⁰⁰.

Рецензия профессора М.И. Горчакова на сочинение С.Г. Рункевича по своей научной обстоятельности была составлена настолько солидно, что и сама была удостоена Академией Наук золотой медали. И достоинства, и недостатки книги в ней излагались и объяснялись очень тщательно. Авторы отрицательных академических отзывов в сравнении с отзывом М.И. Горчакова в общем ничего существенного не сказали, вот почему профессор Т.В. Барсов так настойчиво и апеллировал к его рецензии. В отличие от академических рецензентов замечания М.И. Горчакова были высказаны в высшей степени корректно и достоинства книги нисколько не были умалены. Кроме действительно серьезных замечаний профессор М.И. Горчаков высказал в адрес С.Г. Рункевича и немало самых лестных слов. В частности, он отдал должное его «изумительному трудолюбию, его настойчивости и замечательным

²⁹⁹ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 380.

³⁰⁰ *Горчаков М.И.*, протоиерей. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Том первый. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). Сочинение С.Г. Рункевича. СПб. 1900. Стр. 429+III / Отчет о сорок третьем присуждении наград графа Уварова // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1902. – С. 15–62.

способностям в церковно-исторических исследованиях»³⁰¹. Вот еще одна любопытная характеристика, данная профессором: «Рункевич обладает особенным, им благоприобретенным, даром к успешным занятиям в архивах, благодаря тому, что он весьма хорошо изучил и понял канцелярское делопроизводство в русских правительственных и церковных учреждениях XVIII века. При знании этого предмета, он, при первом же обзоре состава взятого им в архиве какого угодно дела, сразу умеет определить каждую его часть, всякую бумагу в нем находящуюся, каждую канцелярскую отметку и весь ход всего дела. Поэтому г[осподин] Рункевич не затеряется в своих занятиях ни в каком архиве XVIII века, как бы этот архив не был сложен и в каком бы состоянии по своему устройству он не находился. Г[осподин] Рункевич – отличный архивист»³⁰².

В заключение своего отзыва профессор М.И. Горчаков писал: «После довольно подробного и внимательного рассмотрения монографии г[осподина] Рункевича мы находим в ней весьма ценный вклад в церковно-историческую литературу о Св. Синоде. Отличительные достоинства этого сочинения следующие: содержание в нем новых архивных изысканий, знакомство автора с литературой предмета, богатство сообщаемых сведений, живость и увлекающая читателя занимательность исторического изложения, многосторонность рассмотрения предмета, отношение монографии к обещаемым со стороны автора последующим его трудам, появление которых в высшей степени желательно, и самостоятельность в построении, исследовании и в разработке предмета. Довольно многочисленные наши замечания, возражения, споры с автором и упреки автору допущены нами в разборе монографии исключительно по глубокому уважению к ученому, его труду и к величайшей важности предмета его исследований. Рассмотренной нами

³⁰¹ Там же. – С. 16.

³⁰² Там же. – С. 19.

монографией, в случае продолжения автором ее в том же роде предположенных и обещаемых им исследований, полагается эпоха в учено-литературной разработке истории Св. Синода и истории Русской Церкви в синодальный период»³⁰³.

Вообще вся история с попыткой воспрепятствовать в Совете Петербургской духовной академии получению С.Г. Рункевичем степени доктора церковной истории выглядела достаточно неприглядно. Возможно, отчасти, вызвана она была чьим-то личным недоброжелательством, но во многом, конечно, была вызвана особенностями и настроениями того времени. Практически с самого начала своего существования синодальное управление Русской Православной Церковью стало субъективно восприниматься в церковной среде как что-то дефективное, неправильное, неканоническое. Переходя из поколения в поколение, это восприятие оформилось со временем в нечто само собой разумеющееся, а в отношении к синодальному периоду русской церковной истории стал преобладать преувеличенно-критический и отрицательный характер. К началу XX столетия чувство ненормальности состояния высшего церковного управления и необходимости церковных реформ заметно обострилось. На фоне нарастания таких настроений появление научной работы с кажущейся попыткой оправдания существующего церковного управления не могло не быть воспринято в штыки или, по меньшей мере, не вызвать к себе заведомо отрицательного отношения. Труд С.Г. Рункевича сразу же был заподозрен в намерении якобы оправдать существование Синода, научно обосновать его право на жизнь, почему в отзывах недвусмысленно делались намеки в адрес ее автора насчет «поручения» и «оправдания» – то есть на то, что Рункевичу едва ли не специально было поручено написать апологию Святейшего Синода. Но намеки эти были сколь оскорбительны, столь и нелепы. Рункевич был просто ученый и ничей заказ

³⁰³ Там же. – С. 61.

он, конечно же, не выполнял. Это ясно видно из содержания его книги. Его скорее можно заподозрить в некоторой наивности, но никак не в криводушии и угодливости перед начальством в ущерб научной совести. Как историк Рункевич видел объективно-положительные стороны синодального периода в жизни Русской Церкви и потому, не ставя перед собой задачу оправдывать или критиковать Синод, он писал его историю. Синодальное управление он воспринимал как уже существующую данность, и для него важно было по возможности беспристрастно и объективно воспроизвести историческую картину. Однако уже сама тема исследования, само название книги у кого-то, видимо, сразу же вызвали негативный рефлекс. По собственному свидетельству Рункевича, тема его сочинения им была избрана «совершенно самостоятельно и уже очень давно» и что никакого поручения писать «оправдание» Синода он не получал. Напротив, когда при исходатайствовании права на занятия в некоторых архивах Рункевичу пришлось сообщить о предмете своих научных занятий, ему было «мудро указано на неудобство» избранной им темы. Ему говорили, что «ведь все равно, что ни напишете, будут ругать», – либо та, либо другая сторона: или противники, или приверженцы синодального управления³⁰⁴. Так оно и вышло.

Спустя год после описанных событий С.Г. Рункевич опубликовал в «Страннике» свой ответ на отрицательные отзывы академических рецензентов³⁰⁵.

«Едва ли есть другое крупное явление в русской церковной жизни, – писал он на страницах журнала, – которое было бы так густо окутано пеленою всевозможных недоразумений, как реформа органов высшего церковного управления при Петре Великом, т.е. учреждение Св. Синода. Скоплению недоразумений вокруг имени Св. Синода способствовала в значительной

³⁰⁴ Рункевич С. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903 (апрель). – С. 626

³⁰⁵ Там же. – С. 619–632.

степени тяжелая историческая судьба этого учреждения: то, что было в действительности и в разные времена, – иногда случайное, чуждое, наносное, мимолетное, – принимается подчас за существенный неотъемлемый признак и порождает заблуждения. Этого рода заблуждения оставили, между прочим, весьма заметный след в некоторых из тех отзывов, которые были даны о моем сочинении: “История русской Церкви под управлением Св. Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода”, СПб. 1900»³⁰⁶.

Рункевич замечал, что противники синодального управления «доходят до отрицания канонического значения Святейшего Синода и признают реформу бедственной для Церкви». Защитники, наоборот, стараются уверить, будто Святейший Синод является прогрессивным фазисом в развитии форм церковного управления и будто в Синоде осуществилась идея соборного управления местной Церковью. «Серьезно ознакомившись с подобными взглядами, – писал он, – нельзя не заметить, что все они высказываются и развиваются не только без достаточного основания, но и, так сказать, прежде возможности, т.е. ранее, чем приведен в известность относящийся к предмету фактический материал. Занявшись историей русской Церкви под управлением Св. Синода, я не мог этого не заметить, и поэтому своей задачей поставил прежде всего изложение и обследование именно по возможности всего фактического материала, относящегося к церковной реформе, совершившейся при Петре Великом. И когда появился весь этот материал – не раздробленный, целостный, достаточно полный, когда история учреждения Св. Синода была обследована, можно сказать, не по дням, а по часам, вывод становился ясен сам собою. Мне не было никакой надобности прибавлять что-либо от себя, и, состоя на службе в Св. Синоде, я нисколько не чувствовал будто

³⁰⁶ Там же. – С. 619.

бы обязательной щекотливости положения при исследовании вопросов об учреждении, в котором служу, не чувствовал ни малейшей надобности и ни в какой будто бы обязательной тенденциозности, как подозревают мои рецензенты (Журн. 203, 230): говорил не я, а фактический материал; говорили документальные данные. Мне оставалось только подвести итог: “таким образом новая форма центрального управления русскою Церковью принята была всею русскою Церковью в лице ее представителей, не вызвав ни одного возражения, – и не много может история указать церковных установлений, которые были бы приняты таким абсолютным большинством” (История, 133). Итог оказывался, до очевидности неоспоримо верен. Это главнейшее положение моей книги обосновано с такую документальностью, что спор о нем с этой стороны, т.е. со стороны правильности итога, оказывался невозможным. В самом деле, Духовный Регламент написан архиереем, исправлен архиереями же и архимандритами (вместе с сенаторами и царем), принят и подписан всеми архиереями (кроме сибирского, который к подписи, за дальностью расстояния, не был приглашен, но который впоследствии протеста против Синода не заявил) и архимандритами (кроме бывших при смерти). Впечатление полноты церковного представительства усиливается, если припомнить современное Петру состояние церковного образования и взвесить, кто бы еще мог быть компетентен в решении церковных вопросов. После этого оставалось одно из двух: или признать реформу высшего органа церковного управления, совершившуюся при Петре, правильною, или допустить, будто в тогдашней русской Церкви, в минуту испытания и опасности, не нашлось ни одного достойного члена, который бы выступил в защиту достоинства Церкви, т.е. допустить духовную смерть Церкви»³⁰⁷.

³⁰⁷ Рункевич С. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903 (апрель) – С. 620–621.

Отвечая на замечание, сделанное в отзыве Преосвященного Сергия (Страгородского), что якобы архиереям не было предоставлено свободного обсуждения проекта реформы и что «нужно еще доказать, что собранные подписи выражали действительное согласие, а не просто уступку, сделанную страха ради», Рункевич резонно отметил, что сам отзыв для такого предположения не представил совершенно никаких оснований. «Посланный для подписания Духовный Регламент предоставлено было и не подписывать, – указывал Рункевич, – если кто не желал подписывать; для предполагаемых не желающих подписывать дано было только одно обязательное условие: дать письменное объяснение, почему не подписали. И только. Подписали все. Самое подписание происходило при условиях, дававших полную возможность личного осуждения и не дающих права к предположению возможности в этом случае допущения поступка без надлежащего разума. Для подписи Духовного Регламента архиереи и архимандриты собирались в немногие центральные пункты; здесь чтение Духовного Регламента, могущее заполнить много 3–4 часа, продолжалось по несколько дней и даже недель. Было время и подумать, и обсудить. Не лишены же были, в самом деле, на этот случай представители русской Церкви способности суждения и размышления! После этого утверждать, что “подписали из страха”, или без разума, значит ни более, ни менее, как вносить извет на умерших и оскорбить Церковь, в лице всех ее представителей, не имея к тому никаких извиняющих причин»³⁰⁸.

Далее он замечал, что поскольку «реформа органа высшего церковного управления произведена правильно и свободно, то о каком еще доказательстве канонического достоинства Св. Синода, чего как бы требует от меня первый отзыв, в историческом сочинении может идти речь?»

³⁰⁸ Там же. – С. 621.

Затем Рункевич дал разъяснения на другие наиболее предвзятые замечания отзыва Преосвященного Сергия, указывая при этом и факты явного искажения его мыслей. Он привел пример: «Так, автор отзыва пишет: “боязнь апелляции к ... вселенской Церкви, апелляции, ничего необычайного с канонической точки зрения не представляющей и, во всяком случае, непохожей на апелляцию к суду ангельскому” (Журн. 201), и ставит цитату “ibid.”, т.е. “Рункевич, 146”. Как будто я где-нибудь утверждал, что апелляция русской Церкви к Церкви вселенской похожа на апелляцию к суду ангельскому! Далее, указав, что в Синоде на ряду с епископами сидели протопопы и простые иеромонахи, автор отзыва пишет: “с канонической точки зрения это было бы бессмыслицей, с точки же зрения просто административной этого требовало благоразумие” (Журн. 201), и опять ставит цитату: “Рункевич, 165”. Но у меня в книге, пожалуй, можно найти содержание только второй половины фразы: “с точки зрения административной”; приведенная же каноническая точка зрения всецело принадлежит автору отзыва»³⁰⁹.

«Не могу также не обратить внимания, – писал Рункевич, – что весь отзыв написан скорее полунамеками и полувопросами, чем положительно, так что с ним чрезвычайно трудно считаться»³¹⁰.

Не останавливаясь слишком подробно на ответах, которые дал С.Г. Рункевич на замечания отзыва профессора Н.К. Никольского, хочется привести лишь некоторые из них.

Отвечая на обвинение профессора Никольского в «пристрастии» к Святейшему Синоду, Рункевич писал: «С самого начала своего отзыва, делая тонкие намеки по моему адресу, что иные де сочинения “составляются по поручению разных учреждений”, “для их оправдания”, и что в таких сочинениях

³⁰⁹ Там же. – С. 624.

³¹⁰ Там же.

“казовая ученость в виде цитат и изящное изложение прикрывают тенденциозные мысли” (Журн. 230), предполагая у меня то “предвзятую цель”, то “тенденциозные соображения” (Журн. 235), г[осподин] Никольский продолжает: “одно из самых элементарных правил исторической критики состоит в том, чтобы исследователь отдалил от себя малейшие поводы к подозрению в пристрастии. ... К сожалению, г[осподин] Рункевич всегда ... брал на себя в своих исторических трудах оценку недавнего прошлого и событий, значение которых не утратило своей живучести до наших дней. Представленная диссертация ... касается судьбы и исторической правоспособности на существование того учреждения, в котором он до сих пор продолжает свою службу... Можно было поэтому, даже не раскрывая книги, заранее предугадать в ней или жестокие нападки на синодальную форму управления, или защиту ее исторического права на существование в отечественной Церкви. Г[осподин] Рункевич избрал последнее” (Журн. 233–234). Однако, о каком таком “элементарном правиле исторической критики” говорит г[осподин] Никольский? В тех же журналах, где напечатано это “элементарное правило” г[осподина] Никольского, сообщается, что и[сполняющий] д[олжность] доцента А. В. Карташев темою своей магистерской диссертации, с разрешения академического совета, избрал историю первых лет петербургской духовной академии, т.е. именно историю “того учреждения, в котором он продолжает свою службу”, и притом на сто лет позднее. Все, конечно, знают достопочтенные труды Знаменского, Чистовича, Голубева и мн. др., писавших именно историю того учреждения, в котором они состояли на службе. Ведь если говорить о “малейших поводах”, то и сам г[осподин] Никольский, выступая с диссертацией о кириллобелозерском монастыре, не устранил от себя подозрений в пристрастии – по землячеству. Ведь если придерживаться изобретенного г[осподином] Никольским “элементарного правила”, то преосвященный Макарий не имел

права писать историю русской Церкви, будучи иерархом этой Церкви, и т.д., и т.п.»³¹¹.

Рункевич привел ряд примеров, где профессор Н.К. Никольский в своем отзыве искажил его мысли или излагал от своего имени мысли самого Рункевича³¹². Одно из обвинений профессора Рункевич даже прямо назвал «ребяческим»³¹³.

«Истощив запас своих quasi-научных возражений, – писал Рункевич, – и, должно быть, чувствуя, что ими принес мне очень мало вреда, г[осподин] Никольский становится на совершенно иную, своеобразную почву. Уже в середине своего отзыва (Журн. 238), по поводу моего мазка в картине, что при Петре “рабский язык, называемый высоким стилем, витиеватый, неискренний и непомерно длинный, был заменен языком простым”, г[осподин] Никольский замечает как бы вскользь, что это был язык “церковный и стиль, близкий к богослужебному, который, конечно, не был рабским”. Понимаю. Удар направлен как будто в самое чувствительное место, – теперь, по-видимому, весьма модный. Но достаточно обстрелянный московскими фарисеями из бывшей редакции “Русского Вестника” и из “Московских Ведомостей”, я принимаю удар. Почему же “конечно не был”? Ведь все мы рабы Господни; рабом Божиим именоваться не зазорно. Только г[осподину] Никольскому не надо бы забывать, что *quod licit Jovi, non licit bovi*³¹⁴. По поводу моего замечания, что по взгляду преобразователей, тогдашняя русская Церковь, располагая изобильными средствами, “не проявляла никаких соответствующих (этим) ее средствам плодов”, г[осподин] Никольский подчеркивает “никаких” и поносит меня, как будто я подписал смертный приговор допетровской русской Церкви (Журн. 247). Между

³¹¹ Рункевич С. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903 (апрель) – С. 625–626.

³¹² Там же. – С. 628.

³¹³ Там же. – С. 629.

³¹⁴ *Quod licit Jovi, non licit bovi* (римская пословица) – что позволено Юпитеру, то не дозволено быку.

тем моя фраза, при обязательном для критика осторожном обращении, не должна подавать повода к смущению; она означает только то, что у тогдашней Церкви был, так сказать, большой запасной капитал, лежавший без дела, что не все средства были обращены к надлежащей работе и скудные плоды (“великая в делах скудость”) не соответствовали богатству средств. Наконец, г[осподин] Никольский раскрывает свои карты и указывает на существующие будто бы “формальные препятствия” к признанию моей книги заслуживающей одобрения для докторской степени, ложно приписывая мне “неправильные взгляды на происхождение, характер и значение церковных учреждений” и “неблагоденное выставление в ложном свете учреждений отечественной Церкви” (Журн. 259). Создалось положение совершенно неожиданное: книга будто бы написана “по поручению”, “для оправдания” Св. Синода, “в защиту его исторического права на существование в отечественной Церкви” (233–234), и вдруг автор этой книги обвиняется в “неправильных взглядах на церковные учреждения” и “неблагоденном выставлении в ложном свете” этих учреждений (Журн. 249). Объяснение такой неожиданности дано в следующем замечании г[осподина] Никольского: в “допетровское время ... сложилась и окрепла на Руси ее устойчивая вера, вполне расшатать которую оказались бессильными и петровская реформа и двухвековые влияния с запада...” (Журн. 247). “Петровская реформа” – т.е. очевидно Св. Синод, так как только об этой реформе идет речь. На этом, пожалуй, следует и кончить»³¹⁵.

Отзыву А. В. Карташева Рункевич внимания почти не уделил, сделав лишь несколько язвительных замечаний: «Он точно знает, что приличествует доктору: науки одной, истории, мало, – требуются еще анатомия, эмбриология и физиология

³¹⁵ Рункевич С. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903 (апрель). – С. 629–630.

(Журн. 255); другие, и в частности психология, почему-то не упомянуты. <...> Насколько серьезен отзыв г[осподина] Карташева, совершенно достаточно определяют первые его строки. Г[осподин] Карташев начинает свой отзыв заявлением, что отзыв этот “имеет происхождение случайное и представляет собой срочный ответ на экстренное поручение совета”; что он, г[осподин] Карташев, не имел “оснований и времени тщательно штудировать” мою книгу во всех ее подробностях, “т.е. производить в надлежаще-широких размерах рецензентскую работу”, а ограничивается только “тем запасом соображений и материалов, который был принесен” им в заседание совета 21 января (1902 г.) и “привлекает к обсуждению лишь те места диссертации, на которых оставил свой след” его “критический карандаш” “во время общего ознакомления с ней перед указанным заседанием совета” (Журн. 253)»³¹⁶.

Видимо, под впечатлением прозвучавшей в научно-литературной среде критики, а возможно, прислушавшись к чьему-то мудрому совету, С.Г. Рункевич отказался от дальнейшей работы над задуманной им многотомной «Историей Русской Церкви под управлением Святейшего Синода». Однако то, что работа была остановлена, вызывает большое сожаление. Ведь наверняка сегодня церковным историкам не безынтересно было бы знать содержание и судьбу остальных монографий, подготавливаемых С.Г. Рункевичем к опубликованию. Но критика, и в частности академическая, сделала свое дело...

Спустя много лет, в 1914 году, профессор Варшавского университета П.В. Верховский³¹⁷ напишет: «Отчасти в зависимости

³¹⁶ Там же. – С. 631–632.

³¹⁷ Верховский Павел Владимирович (1879–1943) – юрист, историк, педагог. Выпускник юридического ф-та С.-Петербургского университета (1902); оставлен при университете по кафедре церковного права (1903–1906). Выпускник С.-Петербургской дух. академии (1902–1906), кандидат богословия. В 1906 г. причислен к канцелярии Св. Синода, с 1908 г. – младший секретарь. С 1909 г. – доцент кафедры истории русского права Варшавского университета; 1909 г. – магистр церковного права («Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого»). С 1909 г. – экстраординарный, а

от своего характера все историки могут быть разделены, как мне кажется, на две категории. Одни работают в архивах, ищут, открывают и публикуют новые документы, систематизируют и пересказывают факты спокойным эпическим тоном. Другие не чувствуют склонности к черновой архивной работе и охотнее пользуются уже известными материалами, но подходят к ним с новыми идеями, подвергают их новой оценке. В результате, их сочинения носят отпечаток порой резкой критики фактов и лиц, которые они ставят между собой в новую, иногда совершенно неожиданную прагматическую связь. И те и другие историки для науки одинаково нужны, и если бы не было первых, быть может, не так легко было бы быть вторым.

По всем своим работам С.Г. Рункевич, кажется, относится к историкам первой категории и среди них, как специалист по истории русской Церкви синодального периода занимает собственно одно из первых мест. И с этой точки зрения я решаюсь высказать глубокое сожаление по поводу того, что русские духовные академии, особенно же родная ему С.-Петербургская, в свое время не оценили трудолюбия и знаний С.Г. Рункевича, когда был к тому удобный момент. Только специалист по эпохе Петра Великого, а также вообще по истории русской Церкви синодального периода может правильно оценить, какое значение имеют объемистые труды С.Г. Рункевича, из коих

с 1913 г. – ординарный профессор кафедры истории русского права Варшавского университета. С 1917 г. – доктор церковного права Московского университета. Член Поместного Собора 1917–1918 гг. С 1920 г. – профессор церковного права Донского (бывшего Варшавского) университета. В мае 1920 г. Рукоположен в сан священника; служил настоятелем соборной церкви Рождества Богородицы в Ростове-на-Дону. В 1921–1922 гг. несколько раз подвергался арестам. 1922 г. – технический редактор издательства Центрального института труда в Москве. С 1924 г. – внешний консультант Главного управления местами заключения НКВД РСФСР, с 1925 г. – штатный консультант Общего управления, 1926–1928 гг. – заведующий бюро Рационализации и нормализации там же, с 1927 г. – председатель в Рабочей комиссии при Штатно-Техническом управлении Народного Комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР, 1928–1929 гг. – постоянный представитель НКВД в Комиссии по оформлению программ для школ Главсоцвоса Просвещения. В 1929–1930 гг. находился в командировке в управлении Сталинградского тракторстроя для упорядочения общего и оперативного делопроизводства. В 1930 г. арестован и сослан в лагерь в Караганду, затем в Соликамск. Освобожден в 1942 г. Умер в эвакуации в Ишиме.

последний («Александро-Невская Лавра. 1713–1913 гг.». СПб., 1913. – *Г.Щ.*) содержит более 1000 страниц большого формата и что значит, что еще много сырого материала, в виде выписок и заметок, копий документов и прочего лежит у него дома не только не изданным, но и не разобранным балластом только потому, что за множеством церковно-административных дел некогда этим заняться. Поставленный в благоприятные условия академической жизни, С.Г. Рункевич, вероятно, успел бы уже описать <...>, продолжил бы свою Историю Русской Церкви синодального периода и т.д. Замечательно, что по воле судьбы именно те, кто написал в 1900 году свою критику на первый том этой Истории, вышедший под заглавием: “Учреждение и первоначальное устройство Св. Пр. Синода (1721–1725 гг.), С.-Пб. 1900 г.”, и хотел, было, помешать ее автору получить докторскую степень, именно они не дали русской исторической науке почти ничего. С тех пор прошло 14 лет, и справедливость требует, чтобы мы правдиво отнеслись к человеку, от которого наука сравнительно так много получила, а могла бы получить еще больше, если бы ее более любили и ценили и с точки зрения именно ее интересов оценивали людей»³¹⁸.

В 1916 году профессор П.В. Верховский издал фундаментальное двухтомное исследование в области истории русского церковного права – «Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России»³¹⁹. Подробно рассматривая в своем сочинении всю предшествующую историографию вопроса, П.В. Верховский дал более обстоятельную оценку и книге С.Г. Рункевича. «В литературе вопроса, – писал П.В. Верховский, – книга С.Г. Рункевича “История Русской Церкви под управлением Св.

³¹⁸ *Верховский П.В.* Заметка о книге С.Г. Рункевича «Александро-Невская Лавра. 1713–1913 гг.» С.-Петербург, 1913 г. – Варшава: Тип. Варшавского Учеб. Округа, 1914. – С. 4–6.

³¹⁹ *Верховский П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. 1–2. – Ростов-на-Дону: Тип. В. Ф. Киришаума, 1916.

Синода. Т. I. Учреждение и первоначальное устройство Св. Пр. Синода (1721–1725 гг.)” занимает одно из первых мест. Это обуславливается тем, что автор ввел в свое изложение богатые материалы, почерпнутые им из шести архивов, трех архивных изданий и Полного Собрания Законов, не считая пособий в виде книг и журналов. Естественно поэтому, что его книга изобилует подробными сведениями <...> В силу такого богатства содержания, книга С.Г. Рункевича почти вполне заменяет собой предшествующие работы, и ею неизбежно приходится пользоваться всякому, кто изучает церковную реформу Петра. Однако при всем этом, книга С.Г. Рункевича страдает неполнотой, ошибками и недостатками, которые сильно подрывают ее значение»³²⁰. По мнению Верховского, неполнота книги выражалась в том, что ее автор главное свое внимание отдал описанию чисто бытовой исторической обстановки, которой сопровождалось учреждение и первые годы деятельности Святейшего Синода. При этом по его мысли, С.Г. Рункевич «совершенно не коснулся источников Духовного Регламента, поверхностно использовал черновую рукопись его, хранящуюся в Архиве Св. Синода, и совершенно не видел рукописей Сенатской и Типографской». Поэтому, по мнению профессора, наиболее интересующий отдел вопроса остался почти не разработанным, а неполнота материала в самом существенном пункте обусловила собой и некоторые ошибки фактического характера. «Но наиболее важное отрицательное значение книги г[осподина] Рункевича, – писал П.В. Верховский, – состоит в отсутствии критического отношения его к описываемым событиям и вполне правильного идейного освещения церковной реформы Петра. С.Г. Рункевич, по характеру своего пера, – бытописатель. Пересказ документов, описание событий, характеристика действующих лиц ему хорошо удаются. Но оценивать события, особенно с их юридической стороны, с точки зрения отношений церковной и государственной власти в московскую эпоху и при Петре, – автору, по-видимому, не

³²⁰ Там же. Т. I. – С. СXXXIII.

дано. Поэтому и понимание им сущности церковной реформы Петра не удовлетворяет читателя»³²¹.

Уже после революции 1917 года автор одного из отрицательных отзывов – А. В. Карташев – напишет о синодальном периоде: «Весь этот период русской истории закончился на наших глазах и потому стал законным предметом объективно-исторической, научно-беспристрастной оценки. Начав свое жизненное поприще еще в минувшей императорской России, мы естественно разделяли долг наших старших современников по критике улучшения и реформирования того строя, каким мы обладали. И потому общее освещение протекшего периода истории русской церкви до сих пор носило преувеличенно-критический и отрицательный характер. Теперь наступила совсем другая злоба исторического дня. Мистическая карикатура на подлинную Россию в лице СССР в ярком свете выявляет положительные качества и достижения русской церкви минувшего синодального периода.

Русская политическая и церковная самокритика помогла создаться и укрепиться совершенно искаженному облику России, и императорской России в особенности, в чуждом ей и сознательно-враждебном, общественном и научном мнении Западной Европы. Еще в большей степени укоренилось на Западе исключительно черное представление о синодальном периоде русской церкви. Подчеркнуто отрицательно его характеризовало римо-католическое богословие. Упрощенно повторялось из уст в уста, будто русская церковь со времени Петра лишена была всякой свободы. Субъективно русские иерархи и церковно-сознательные миряне действительно переживали каноническую реформу Петра I, как реформу “нечестивую,” противную православной традиции. <...> Высоко просвещенная критика, руководимая во многих случаях весьма консервативным церковным настроением, оценивала действительность не только по мерке идеальных церковных начал, но

³²¹ Там же. – С. СXXXIII–СXXXIV.

и по мерке их воплощения в минувший период древней русской церкви киевского и московского периодов. И у читателя этих обширных и серьезных критических материалов может слагаться впечатление о периоде синодальном, как о периоде генерально дефективном, стоящем ниже уровня пережитых более благочестивых периодов в истории русской церкви. С этой аберрацией пора покончить. Вне всяких пристрастий, мы поставлены в положение уже историков действительно минувшего неповторимого прошлого. И тогда, опять-таки помимо всяких пристрастий, мы вынуждаемся видеть в пережитом периоде действительно такое количество черт положительного характера, что именно, в сравнительном сопоставлении их с прежними периодами русской церкви, мы обязуемся признавать объективно синодальный период русской церкви – периодом ее восхождения на значительно большую высоту почти по всем сторонам ее жизни в сравнении с ее древним теократическим периодом. <...> Как ни дефективен по своему весь послепетровский имперский период, он есть, очевидно, наиболее ценный, самый блестящий и славный период России. Мы знаем его недостатки. Он был бы еще лучше, еще ослепительнее, если бы их не было. Но ведь это отвлеченное, бесплодное суждение. А реальный, фактический, положительный, прогрессивный результат пережитого периода налицо. Никакая лгущая классовая историософия не в силах затемнить сияния этой бьющей в глаза правды: – все восходящей линии биологической эволюции единого организма России по ее государственной и церковной стороне. <...> Словом, по всем внешним и внутренним признакам, следует дать отставку устаревшей односторонне-пессимистической оценке синодального периода и увидеть в нем высшее, исторически-восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви»³²².

³²² *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Православной Церкви. Т. II. – СПб.: Изд. «Библиополис», 2004. – С. 322–329.

2.3. Архив Александро-Невской Лавры. Религиозно-философские собрания. Взгляд на церковную жизнь Петровской эпохи

1902 год для С.Г. Рункевича в научном отношении был посвящен главным образом работе в комиссии по описанию архива Александро-Невской Лавры и подготовке к изданию первого тома этого описания. Помимо архивной работы его ведению подлежали делопроизводство комиссии и ответственная корректура издания. Кроме официальных членов комиссии С.Г. Рункевич привлек к работе по описанию документов архива: помощника архивариуса Святейшего Синода Н.В. Туберозова, двух магистрантов С.-Петербургской духовной академии Бориса Жуковича³²³, родного брата профессора П.Н. Жуковича, и Н.В. Нумерова³²⁴, а также двух студентов

³²³ Жукович Борис Николаевич (27.07.1874 – после 1934) – архивист, историк. Сын протоиерея Александро-Невского собора г. Пружан Гродненской губ. Н.М. Жуковича, родной брат профессора П.Н. Жуковича. Образование получил в Литовской дух. семинарии, С.-Петербургской дух. академии (1895–1899), а также отчасти (в качестве вольнослушателя) в С.-Петербургском университете по историко-филологическому ф-ту (1899–1901) и в С.-Петербургском археологическом институте. После окончания дух. академии причислен к канцелярии обер-прокурора Св. Синода сверх штата с откомандированием для занятий в синодальном архиве. 4 апреля 1905 г. избран членом Комиссии по разбору и приведению в порядок дел, хранящихся в архиве Св. Синода. С 1 сентября 1906 г. преподаватель истории в Василеостровской гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии. С 3 ноября 1908 г. помощник начальника архива и библиотеки Св. Синода. Составил часть описаний II и полностью III тома «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов». Участвовал в составлении «Описания Архива Александро-Невской Лавры за время Императора Петра Великого» (тт. I–III), биографий некоторых западнорусских духовных лиц для «Русского биографического словаря». Ранее занимался в архиве Св. Синода по вопросу о жизни православных в Польше в XVIII ст. и вообще по истории западнорусской церкви. В 1920-е гг. член Комиссии по описанию дел и документов 2 Отделения IV Секции ЕГАФ в Петрограде (Ленинграде). 22 декабря 1933 г. арестован в Ленинграде по делу «евлогиевцев». 25 февраля 1934 г. приговорен к заключению в концлагерь. Соч.: Сообщение об архиве западнорусских униатских митрополитов. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 18 с.

³²⁴ Нумеров Николай Васильевич (3.04.1876 – после 1922) – обер-секретарь Св. Синода. Родился в семье священника с. Жабниц Валдайского у. Новгородской губ. Выпускник Боровичского дух. училища, Новгородской дух. семинарии и С.-Петербургской дух. академии (1901), кандидат богословия. Для своей кандидатской диссертации о Максиме Греке занимался в архиве Св. Синода. С 13 июня 1903 г. состоял на службе в канцелярии Св. Синода. С 15 декабря 1909 г. член Комиссии

из университета – М.Д. Приселкова³²⁵ и С.П. Исполатова³²⁶. Обычно в такого рода комиссиях не принято было привлекать к работе студентов. Однако С.Г. Рункевич считал, что работа студентов под руководством опытных архивистов принесет пользу не только делу, но и послужит отличной практической подготовкой новых специалистов. Привлеченные к работе молодые люди трудились непосредственно под руководством Рункевича. Студент выпускного курса М.Д. Приселков, работая в архиве Александро-Невской Лавры, одновременно готовил по материалам архива свое выпускное сочинение «Александро-Невская Лавра при Петре Великом».

В это же время С.Г. Рункевич составил несколько биографий духовных деятелей XVIII века для «Русского Биографического Словаря» и ряд статей для «Православной Богословской Энциклопедии».

16 мая 1903 года в Санкт-Петербурге торжественно и пышно прошло празднование 200-летнего юбилея со дня основания города.

по описанию и приведению в порядок дел архива Св. Синода. Напечатал XXIV т. «Описания документов и дел Синодального архива за 1744 год». Поместил ряд статей в «Церковных Ведомостях», в «Славянских известиях», в «Православной Богословской Энциклопедии». На Поместном Соборе 1917–1918 гг. трудился в качестве заведующего общей канцелярией Собора и старшего делопроизводителя Соборного Совета. С 26 января по 14 февраля 1918 г. – обер-секретарь Св. Синода. С упразднением Святейшего Синода служил делопроизводителем (секретарем) канцелярии Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Св. патриархе Тихоне. До 26 декабря 1919 г. – делопроизводитель делегации ВЦУ. 12 апреля 1922 г. арестован в связи с арестом Св. патриарха Тихона и около двух месяцев провел в Бутырской тюрьме. После освобождения дальнейшая судьба его неизвестна.

³²⁵ Приселков Михаил Дмитриевич (1881 – 1941) – историк, источниковед, исследователь русского летописания, последователь А.А. Шахматова. Сын петербургского протоиерея. В 1903 г. окончил С.-Петербургский университет. С 1907 г. приват-доцент, а с 1918 г. – профессор университета. Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1920-е гг. работал в историко-бытовом отделе Русского музея. 1936–1941 гг. – профессор Ленинградского университета. Автор трудов: «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.» (СПб., 1913), «Ханские ярлыки русским митрополитам» (Пг., 1916), «История русск. летописания XI–XV вв.» (Л., 1940) и др.

³²⁶ Исполатов Сергей Павлович (16.10.1881 – ?) – дворянин, сын обер-секретаря Св. Синода. Окончил курс 1-й С.-Петербургской гимназии (1900) и историко-филологический ф-т С.-Петербургского университета (1900–1904). Автор «Сборника стихотворений религиозного и патриотического характера (1897–1914 гг.)» (Пг., 1914).

К самому празднику лаврской комиссией был издан первый том «Описания архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого (1713–1716 гг.)»³²⁷. Как видно из хронологических рамок «Описания», том не вместил в себя, как предполагалось, всего архива за годы царствования Петра I, а охватывал лишь первые четыре года. Архивные дела за эти годы, составленные из бумаг, почти исключительно черновых, к тому же большей частью не по предметам содержания, а по форме бумаг – предписания, отписки, «доношения» – были весьма труднодоступны, требовали внимательного прочтения каждой бумаги, вызывали подчас двойную и тройную работу описания одного содержания бумаг, рассеянных по разным делам и, в результате, естественно, вызвали описание более подробное, чем предполагалось³²⁸.

Так как создание комиссии было приурочено именно к 200-летию юбилею столицы, а различные служебные обязанности ее членов не позволяли им долее уделять время лаврскому архиву, то после издания тома комиссия завершила свою деятельность и, составив отчеты, в июне была ликвидирована³²⁹. Однако с роспуском комиссии работа по описанию и опубликованию лаврского архива не прекратилась. Она была продолжена, и возглавлял ее по-прежнему С.Г. Рункевич, но уже с другим коллективом.

Еще в феврале студент М.Д. Приселков показал С.Г. Рункевичу уже написанное свое сочинение «Александро-Невская Лавра при Петре Великом». Ознакомившись с ним, Рункевич поделился впечатлениями с профессором С.Ф. Платоновым. «Сколько могу судить, – писал он профессору, – сочинение

³²⁷ Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого. Т. 1: (1713–1716 гг.). – СПб.: Синод. тип., 1903. – VI, 1119, 114 с.

³²⁸ Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Синод. тип., 1913. – С. 971.

³²⁹ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069. Л. 20–24.

это как студенческое заслуживает исключительной похвалы, особенно 2-я часть, архивная, где автор стал на твердую почву научного изучения фактов и обрезал привычные крылья студенческой фантазии – делать выводы ранее точного изучения предмета. Эта часть, кроме того, нова по материалу и я вхожу с редакцией Странника в переговоры относительно напечатания ее. Во всем сочинении Приселков выказал умение писать, хороший стиль (кроме 2–3-х редакционных недочетов) и присущую ему способность здравых критических соображений. Он как-то высказал мечту быть оставленным при Университете, без стипендии, и что это зависит от Вас. Если мое ходатайство может здесь иметь какое либо значение, то позвольте, Сергей Федорович повергнуть пред Вами почтительную и горячую просьбу дать возможность Приселкову – оставлением при Университете – продолжить свои научные занятия, которые он начинает так достойно»³³⁰.

Сочинение М.Д. Приселкова действительно вскоре было напечатано в «Страннике»³³¹. Об оставлении его при университете С.Г. Рункевич еще не раз ходатайствовал перед С.Ф. Платоновым³³². Именно благодаря этим ходатайствам будущий ученый М.Д. Приселков и был оставлен при Петербургском университете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре русской истории, получив благоприятную возможность для научных занятий.

Для продолжения работы по описанию архива Александроневской Лавры С.Г. Рункевич привлек новые силы, и это были практически все молодые люди. Из университета кроме М.Д. Приселкова и С.П. Исполатова им были приглашены еще

³³⁰ Там же. Л. 20–21.

³³¹ *Приселков М.Д.* Александроневская Лавра при Петре Великом // Странник. – 1903. – №4–6.

³³² ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069. Л. 23–24.

два студента историко-филологического факультета³³³ – А.В. Королев³³⁴ и А.Л. Рутковский³³⁵.

21 декабря 1903 года С.Г. Рункевич был назначен сверхштатным членом Учебного комитета при Святейшем Синоде с правом голоса наравне с прочими членами комитета³³⁶.

* * *

В 1901–1903 годах в Петербурге проходили известные религиозно-философские собрания. Организованы они были по инициативе представителей одного из столичных литературно-эстетических кружков: Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, В.В. Розанова и Д.В. Filosofova, обратившихся к духовным властям с просьбой организовать диалог интеллигенции с представителями Церкви, для разъяснения различных недоуменных вопросов религиозно-философского содержания. Зинаида Гиппиус писала в своих воспоминаниях: «Чистая эстетика уже не удовлетворяла. Давно велись новые споры и

³³³ Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1904 год / Сост. и. д. экстраординар. проф. П.К. Коковцевым. – СПб., 1905. – С. 61.

³³⁴ Королев Александр Васильевич (1884 – 1968) – историк, географ. Уроженец Олонекской губ. Выпускник историко-филологического ф-та С.-Петербургского университета (1902–1907). Одновременно состоял слушателем естественного отделения физико-математического ф-та. В 1907 г. оставлен при университете по кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, но через год вынужден был уйти из университета в связи с кончиной отца. Преподавал в гимназиях, после 1917 г. – в школах и на вечерних курсах для взрослых. С 1924 по 1938 гг. преподавал в вузах Ленинграда: Военно-Хозяйственной академии, Морской академии, ЛИЖВЯ, ИНС, Промакадемии, ЛГПИ, ВПА, Географическом и Восточном ф-тах Ленинградского университета. Член Славянского научного общества при АН. В 1938 г. арестован по «делу географов», но вскоре освобожден. В 1939–1942 и 1944–1953 гг. – преподаватель кафедр истории и географии Уральского педагогического института им А.С. Пушкина. Один из организаторов Западно-Казахстанского отдела ГО СССР. В 1955 г. вернулся в Ленинград, где стал одним из основателей Восточной комиссии ГО СССР. Автор ряда пособий по географии зарубежной Азии.

³³⁵ Рутковский Александр Леонидович (12.08.1884 – ?) – дворянин, родом из Петербурга. Отец его в свое время был приват-доцентом С.-Петербургского университета, но впоследствии перешел на чиновническую службу и в 1899 г. был переведен в Курск на должность управляющего Контрольной палатой. Первоначально Рутковский обучался в гимназии, сначала в 4-й в С.-Петербурге, а затем в Курске. Выпускник историко-филологического ф-та С.-Петербургского университета (1902–1907) и С.-Петербургской дух. академии (1907–1911), кандидат богословия (магистрант).

³³⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 1.

беседы. И захотелось эти домашние споры расширить, – стены раздвинуть.

В сущности, для петербургской интеллигенции и вопрос-то религиозный вставал впервые, был непривычен, а в связи с церковным – тем более. Мир духовенства был для нас новый неведомый мир. <...> terra incognita³³⁷.

Чтобы просьба выглядела убедительнее в глазах духовной власти, был выдвинут своеобразный «козырь» – «сближение интеллигенции с церковью». «Тут помогло нам тщеславие пронырливого, неглупого, но грубого мужичонки Скворцова³³⁸, – вспоминает Гиппиус, – чиновника при Победоносцеве. Миссионер, известный своей жестокостью, он, в сущности, был добродушен, и в тщеславии своем, желании попасть “в хорошее общество”, – прекомичен. Понравилась ему мысль “сближения церкви с интеллигенцией” чрезвычайно³³⁹.

8 октября 1901 года инициативная группа (Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Д.В. Философов, В.С. Миролубов и синодальный чиновник В.А. Тернавцев) была принята обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, а вечером того же дня митрополитом Антонием (Вадковским)³⁴⁰.

В ноябре, «с благословения митрополита Антония и с молчаливого и выжидательного попустительства Победоносцева» – «пока что» – собрания были разрешены. Председателем религиозно-философских собраний был назначен ректор

³³⁷ Гиппиус З.Н. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – С. 106–107.

³³⁸ Скворцов Василий Михайлович (1859 – 1932) – писатель, миссионер, общественный деятель. Сын священника, выпускник Киевской дух. академии. Редактор-издатель журнала «Миссионерское Обозрение» (1896–1916). В 1906 г. основал первую в России ежедневную церковно-политическую газету «Колокол». Принимал активное участие в монархическом движении. После 1917 г. эмигрировал в Югославию. Главные труды: «О штундизме и о мерах борьбы с сектою» (1895); «О тарусских хлыстах» (1896); «Правда о закавказской духоборческой секте» (1898); «Староскопчество как секта и обличение ее заблуждений» (1899); «Духоборы в Америке и граф Л.Н. Толстой» (1900); «Миссионерский Спутник» (изд. 2, 1904) и др.

³³⁹ Гиппиус З.Н. Указ. соч. – С. 107.

³⁴⁰ Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. – С. 108.

Петербургской духовной академии Преосвященный Сергей (Страгородский), а вице-председателем – архимандрит Сергей (Тихомиров), ректор Петербургской семинарии.

Открылись собрания 29 ноября. Проходили они в специально предоставленном для них помещении императорского Географического общества, на Фонтанке. С первого же заседания собрания стали быстро разрастаться, хотя попасть в число членов было нелегко – они очень скоро сделались модными. Собрания посещали самые разные лица: епископы, монашествующие, белое духовенство, профессора духовной академии, люди литературы, искусства, науки, представители аристократии, светские и духовные студенты. Бывал на собраниях и С.Г. Рункевич.

«Культурное» светское общество, уже давно в большинстве своем чуждавшееся Церкви в литературе, науке, искусстве, образовании теперь в лице некоторых представителей вроде бы выходило на открытый диалог. Однако задачу этих собраний стороны понимали по-разному. «Интеллигенты ожидали от Церкви нового действия, ожидали новых откровений, еще нового завета»³⁴¹. Церковные же власти разрешили собрания и пошли на них исключительно из миссионерских соображений.

На собраниях обсуждались вопросы о положении Русской Церкви и ее жизненных задачах, об отношении Церкви к семье и обществу, об отлучении графа Л.Н. Толстого, об отношении христианства к культуре, о свободе совести, о религиозном творчестве и целый ряд других вопросов. Проходили собрания очень оживленно. Светскую публику немало удивляла та открытость и искренность, с какой вели себя представители Церкви. О собраниях много писали в прессе, но оценки были самые разные.

³⁴¹ *Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – С. 470.*

Антон Павлович Чехов в декабре 1901 года с удивлением писал своему другу В.С. Миролубову, бывшему одним из членов-распорядителей религиозно-философских собраний: «Читал в “Новом времени” статью городского Розанова, из которой, между прочим, узнал о Вашей новой деятельности. Если бы Вы знали, голубчик мой, как я был огорчен! Мне кажется, Вам необходимо уехать из Петербурга теперь же – в Нерви или Ялту, но уехать. Что у Вас, у хорошего, прямого человека, что у Вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, с сытейшим Мережковским? Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться <...> Скажу только, что в вопросах, которые Вас занимают, важны не забытые слова, не идеализм, а сознание собственной чистоты, т.е. совершенная свобода души Вашей от всяких забытых и не забытых слов, идеализмов и проч. и проч. непонятных слов. Нужно верить в Бога, а если веры нет, то не занимать ее места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...»³⁴².

Впрочем, тема сближения Церкви с интеллигенцией, будучи, с одной стороны, действительно актуальной, с другой стороны, становилась просто модной темой.

Некоторые церковные исследователи склонны несколько идеализировать и преувеличивать значение собраний. Те люди, которые задумывали собрания, если и искали «сближения церкви с интеллигенцией», то в том смысле, что должна была измениться (изменить себе) Церковь, подстроиться под их взгляды. У них же были свои самоценные, самодовлеющие религиозные представления, а вернее заблуждения, от которых они и не собирались отказываться. В этом смысле собрания были некоторым фарсом, «религиозно-философской» утехой и потому заведомо были обречены на неуспех. Хотя надо сказать, что многие участники их с самым искренним чувством

³⁴² Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. 12 (Письма 1893–1904). – М.: Изд. «Художественная литература», 1964. – С. 423.

обсуждали поднимаемые в собраниях проблемы. Представители Церкви ответы на вопросы давали, и ответы достойные, но их не слушали. Не слушали по нежеланию слышать и «по причине пристрастия господ корифеев свободомыслящей интеллигенции к первенству в слове и стремлению их задавать на собраниях тон»³⁴³. Любопытно, что хотя для «интеллигенции» религиозный вопрос «был непривычен, а в связи с церковным – тем более», она, тем не менее, сразу же бросилась критиковать Церковь, предъявляя ей зачастую совершенно нелепые претензии и обвинения.

Для пояснения следует несколько сказать о тех людях, которые со стороны «интеллигенции» задавали тон на религиозно-философских собраниях. Это, в первую очередь, конечно же Д.С. Мережковский и В.В. Розанов. Взгляды этих людей оказали в свое время огромное влияние и дали определенную духовную направленность русской литературе начала XX столетия. Они были одни из вдохновителей, идеологов искусства так называемого серебряного века – русского декаданса. Искусство же, как известно, всегда отображает систему жизненных ценностей человека и общества. Однако направленность, заданная ими в литературе, в христианском осмыслении являлась не только сомнительной, но и пагубной.

Удивительно точную характеристику Д.С. Мережковскому дал русский философ И.А. Ильин: «Всю свою жизнь он, блуждая, ищет чего-то; находит, провозглашает и притом почти всегда с большой, <...>, несколько истерической страстностью, тоном окончательности, очевидности, откровения. Обычно он находит и сторонников, последователей, которые, впрочем, покидают его столь же легко, как и примыкают к нему; вокруг него своеобразное, характерное для него неуравновешенное движение, скорее брожение, которое разряжается и выкипает в

³⁴³ О религиозно-философских собраниях // Миссионерское Обозрение. – 1903. – №8. – С. 1240.

страстной, умственно-диалектической полемике – и не успеешь привыкнуть и понять в чем тут дело, кто что отстаивает и кто чего добивается, как оказывается, что вода в котле выкипела, что ветер уже унес все в овраг интеллигентских построений; что Мережковский сам уже не поддерживает своего откровения, что он опять “ищет”, скоро найдет еще что-нибудь другое и по поводу этого другого поднимает новый шум и неуравновешенные страстные дебаты. Всплывает новое откровение и благовестие, иногда через 2 или 3 года и опять преподносится в том же тоне напряженной, все ниспровергающей, обновительной страстности, пролагающей новые пути и открывающей новые горизонты; и это новое благовествование переживает ту же судьбу и уходит по тем же путям в Лету»³⁴⁴. Мережковскому, к сожалению, удалось втянуть в круговерть своего духовного брожения и «страстные дебаты» и представителей Церкви. «Целый ряд лет Мережковский носился с мыслью создать некое вселенское нео-христианство, причем он, по-видимому, совершенно не замечал, что содержание этой идеи укрывает в некоем велеречивом тумане; что темпераментность и агрессивность его проповеди соответствует чрезвычайно смутному и вечно меняющемуся содержанию; что, строго говоря, он вряд ли и сам знает, что он собственно хочет, – что объем его идеи укрывает в себе не живую глубину, а мертвенно-рассудочную пустоту»³⁴⁵.

«У Мережковского, – пишет И. А. Ильин, – <...> не хватает чувства духовной ответственности и критического отношения к себе самому и своим помыслам-вымыслам. Эта готовность окончательно провозглашать – то, что окончательно не узрено и не удостоверено; эта идея о том, что можно верить, не веруя, проповедовать без очевидности; шуметь о чем-нибудь пока о нем шумится, а потом зашуметь о другом, об обратном; эта

³⁴⁴ *Ильин И. А.* Русские писатели, литература и искусство. – Вашингтон, 1973. – С. 111–112.

³⁴⁵ Там же. – С. 113.

игра в истину и в убеждение, эта игра в темноте в прятки в наивной уверенности, что тайна темна и спрятана, а потому что ни схватишь в темноте – все будет сама тайна, – все это есть явление и проявление духовной безответственности»³⁴⁶.

В духовном плане Д.С. Мережковский выступал как соблазнитель. По самому свойству своего миропонимания он – «еретик, навязывающий свои заимствованные в прошлом заблуждения настоящему и будущему»³⁴⁷. Тоже можно сказать и о В.В. Розанове.

По замечанию И.А. Ильина: «За последние 20 лет перед революцией выступила в русской публицистике целая плеяда таких писателей, которую можно было обозначить как школу Розанова и Мережковского. Это все были люди, которые были достаточно начитаны, чтобы нахватываться чужих мыслей из воздуха и обо всем судить с кондачка; у которых был всегда больший или меньший писательский талант и темперамент и зуд, для того чтобы обо всем публично рассуждать, но у которых не было ни школы, ни методы, ни сколько-нибудь серьезной исследовательской воли, ни, главное, чувства духовной ответственности пред Богом, перед истиной, перед своей философской и писательской совестью и перед народом. <...> В предреволюционной России это была атмосфера духовного соблазна до революционного соблазна, атмосфера духовного большевизма, предшествовавшая и подготавливавшая социально-политический большевизм; и что в этой атмосфере работали и творили, за немногими исключениями, почти все философствующие публицисты и поэты того времени...»³⁴⁸.

Русский декаданс, возникший как оппозиция литературе XIX века, строившейся на христианской, православной духовности, естественно избрал себе иные ориентиры – анти-

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVII–XX веках. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. – С. 692.

³⁴⁸ Ильин И.А. Русские писатели, литература и искусство. – Вашингтон, 1973. – С. 114.

христианские. Компенсацией его духовного умаления стала особая эстетическая утонченность творчества, и эта утонченность была невероятно соблазнительна. Соблазняла она и в религиозно-философских собраниях. Словесные формы, в которые облекали свои идеи Мережковский, Розанов и другие, впечатляли и пьянили. Пьянило и другое – призрак некой «духовной свободы», усматриваемый даже в самом факте разрешения церковной властью собраний. В этом «интеллигентам» виделась особая исключительность совершающегося, а вернее, им больше хотелось верить в собственную исключительность.

Они высказывали в собраниях свои идеи не для выяснения верности или неверности взглядов, а для их проповеди. В этом смысле собрания были только аудиторией. Там можно было пополемизировать, порассуждать, но не отказаться от своего. А «богоискательство» их порой вовсе походило на богоборчество.

Дискуссии, проходившие на заседаниях, стенографировались и под названием «Записки Религиозно-Философских Собраний в С.-Петербурге» печатались в виде приложений к журналу «Новый Путь»³⁴⁹. Журнал этот начал выходить с января 1903 года. Во главе редакции стояли П.П. Перцов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский и В.В. Розанов. Сам журнал появился в связи с собраниями «и для собраний», а именно для проповеди тех религиозно-философских воззрений, идеологами которых были Мережковский и Розанов. В связи с этим и название журнала было выбрано неслучайно. «Новый Путь» предлагался как противоположность «старому пути» – традиционному христианству, «отжившему свой век». «Журнал наш нам был нужен, – пишет З.Н. Гиппиус. – А разрешение на него было получено благодаря той же приманке: “сближение церкви с интеллигенцией”»³⁵⁰.

³⁴⁹ В 1905 г. вместо «Нового Пути» по измененной программе издавался журнал «Вопросы Жизни».

³⁵⁰ Гиппиус З.Н. Указ. соч. – С. 120.

Деятельное участие в журнале принимали В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, А.М. Ремизов, В.И. Иванов, Ф.К. Сологуб и др. И снова же, показателен литературный состав журнала, определявший его дух и идейную направленность. Здесь потенциальные «богоискатели» и «сатаноискатели» (Бальмонт, Брюсов, Сологуб)³⁵¹ были рядом, вместе, и это было симптоматично. В журнале под псевдонимами также печатались молодые доценты духовной академии А. В. Карташев, В.В. Успенский и некоторые другие представители церковной среды.

Замечательное слово в адрес лукавых «богоискателей» в одной из своих проповедей сказал святой Иоанн Кронштадтский: «Умники неумные, <...> хотят найти другой путь и, сбившись с истинного пути, находят путь заблуждения, отвержения Христа; не хотят верить в то, что веками установлено, Самим Богом открыто и возведено; отвергают Церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журнал «Новый Путь». Этот журнал задался целью искать Бога, как будто Господь не явился людям и не поведал нам истинного пути. Не найдут они больше никакого пути, как только во Христе Иисусе, Господе нашем. <...> Другие пути все ведут в погибель. Это сатана открывает эти новые пути и люди бессмысленные, буии, непонимающие, что говорят, губят и себя и народ, так как свои сатанинские мысли распространяют среди него»³⁵².

Всего состоялось 22 религиозно-философских собрания. Наиболее интереснейшими³⁵³ были 17–22 заседания, на которых обсуждался вопрос о «догматическом развитии». На них для обсуждения были предложены положения: «1) Можно ли считать догматическое учение церкви завершенным?

³⁵¹ *Слободнюк С.Л.* «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1880–1930 гг.). – СПб.: Изд. «Алетейя», 1998. – С. 17.

³⁵² О[тец] Иоанн Кронштадтский о старом и новом пути спасения // Миссионерское Обозрение. – 1903. – №5. – С. 690–692.

³⁵³ *Успенский В.* Вопрос о «догматическом развитии» на Петербургских Религиозно-Философских Собраниях // Христианское чтение. – 1904. – №11–12.

(Отношение догмата к откровению). 2) Осуществлены ли в действительности европейского человечества (в государстве, в обществе, семье, культуре, искусстве, науке) откровения, заключенные в христианстве? 3) Если дальнейшее религиозное творчество в христианстве возможно и необходимо, то каковы реальные пути к нему, и каким образом оно может быть согласовано со свящ. Писанием и Преданием церкви, канонами вселенских соборов и учением св. отцов?»³⁵⁴

Именно на этих заседаниях наиболее ярко проявился идейный облик религиозно-философских собраний и те коренные разногласия в сознании и понимании вопросов, которые разделяли обе стороны. На этих заседаниях С.Г. Рункевичем было сделано два любопытных доклада, в которых выразились его мысли и впечатления не только по обсуждаемому вопросу, но и вообще по поводу «богоискательства» «интеллигентов». Доклады его – это ответы Д.С. Мережковскому и В.В. Розанову. Не останавливаясь на них подробно, хочется привести лишь несколько небольших отрывков.

Говоря о неудовлетворенности «религиозно настроенного современного интеллигентного русского общества современной Церковью», Рункевич в частности отмечал: «Неудовлетворенность эта – явление бесспорное; не считаться с ним или замалчивать его невозможно. Оно имеет много причин и много сторон. Совершенно законное и вполне симпатичное явление это, однако, в последнее время вылилось в фальшивые формы и от этого страшно теряет в своей серьезности. <...> Переходя на амплуа историка, скажу следующее. Та неудовлетворенность мнимой мертвенностью, сухостью церкви, какая сквозит в докладе В.В. Розанова, и та жажда нового откровения, которая не раз выражена была Д.С. Мережковским, не в первый раз выступают на сцену и в истории русской церкви. Начало прошлого, XIX, века ознаменовано было совершенно

³⁵⁴ Записки Религиозно-Философских Собраний в С.-Петербурге. Заседание XVII и XVIII // Новый путь. – 1903. – №11. – С. 421.

сродными явлениями, выродившимися потом в своеобразный мистицизм, – мистицизм в кавычках»³⁵⁵. Отмечая далее, что некоторые замечания Розанова по поводу церковных проблем не вполне оригинальны и самой Церковью замечаемы, он говорит: «Я бы протестовал только против укоров Розанова в отношении к духовным лицам, будто они считают себя непогрешимыми: вы боги, говорит В.В. Тупая часть, быть может. Но вся интеллигентная среда духовного мира мучится своими недостатками и Розанова за указание их не осуждает. И только чрезвычайно досадует на него, когда он с верного и полезного пути, пути, так сказать, констатирования факта – летит в пропасть.

В.В. принес с собой каплю или две морской воды и демонстрирует ее пред собранием. Соленая? – Соленая. Горькая? – Горькая. Мутная? – Мутная, потому что вода взята была у берега, с песком и пылью, да и при доставке пострадала. И вот В.В. строит заключение: какая это негодная вещь – море: соленая, горькая, бывает и мутная. Но в море – разве в том дело? Подите на берег моря и посмотрите, что такое море. Там вы, несомненно, кроме горечи, и соли и грязи, с которыми вы были уже знакомы, найдете у берега много сухих отбросов, – но вы увидите море и забудете о мелких своих впечатлениях от соли, горечи, грязи и отбросов. Вы увидите могущество и ширь. Вас охватит дыхание моря. А если вы будете мудры от решиться от своей буйности, смиритесь, волю свою отдадите в распоряжение кормчего и сядете на корабль, где, как и в церкви, первая и главная добродетель – подчинение: вы узнаете новое и доселе неведомое: глубину и необъятность; – необъятность, сколько бы ни твердил ум и воспоминание о том, что заключено в берегах. В.В. берет маленький уголок церковной жизни, богословскую науку – в церковном учительстве, и по нему произносит свой приговор о церкви. Богословская наука

³⁵⁵ Записки Религиозно-Философских Собраний в С.-Петербурге. Заседание XIX // Новый путь. – 1903. – С. 498–499.

не исчерпывает области церковного учительства; да и все церковное учительство не исчерпывает области церковной жизни. Не удовлетворяет богословская наука, – обратитесь к другим областям церковного учительства. Не удовлетворяет современное церковное учительство, – обратитесь к современному пастырству. Идите в Казанский, к Исаакию, к Спасителю, к Скорбящей, – там вы увидите неподдельную, настоящую, бьющую в глаза и, так сказать, неудержимую церковную жизнь. Правда, первое впечатление для скептического глаза будет неблагоприятно: он увидит лавочку и торг: продают свечи, продают книги, продают иконы. Но вы пройдите мимо этой уступки нашей религиозной малокультурности. В темных углах храма вы увидите молящихся, коленапреклоненных, повергнувшихся ниц. Вы увидите, что слезы омывают мраморные плиты пола, вы увидите глаза, впивающиеся в небесный лик или небесную даль, уловите биение трепещущего сердца; – и слезы, и взоры, и биение сердца, не только грусти и печали, но и благодарной радости; не только мужицкие, но и самые интеллигентные, искрящиеся всею призмой лучей утонченного развития»³⁵⁶.

Резюмируя свои замечания по поводу доклада В.В. Розанова об адогматизме, С.Г. Рункевич говорил: «Итак, В.В. острыми глазами наблюдал действительно существующие явления: догматизм, как излишество, недобросовестность некоторых богословских работ и многие другие, что перечислять затрудняюсь; – а потом он заснул, и видел сон, будто догматизм задушил церковь, птицы склевали ее тело и остался только наводящий ужас каменный скелет: Свеаборг; потом вдруг появилась тайна (во сне все совершается быстро). И все эти фазисы своего сна В.В. и поставил тезисами своего прошлого доклада об адогматизме. Проснитесь, В.В.»³⁵⁷. Но, к сожалению «В.В.» тогда не проснулся. Не проснулись и многие другие.

³⁵⁶ Там же. – С. 500–501.

³⁵⁷ Там же. – С. 503.

Бесплодность собраний все более и более становилась очевидной для многих. А.П. Чехов в одном из своих писем С.П. Дягилеву писал: «Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию, и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше. Что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя»³⁵⁸.

В апреле 1903 года собрания церковной властью были прекращены. «“Отцы” уже давно тревожились, – вспоминает З.Н. Гиппиус. – Никакого “слияния” интеллигенции с церковью не происходило, а только “светские” все чаще припирали их к стене, – одолевали (так им хотелось. – *Г.Ш.*)»³⁵⁹. Действительно, когда стали очевидны бесплодность и соблазн собраний, К.П. Победоносцев запретил их, что было в условиях того времени совершенно естественно и нормально.

* * *

6 мая 1904 года С.Г. Рункевич был награжден орденом Св. Владимира 4 степени³⁶⁰.

Внимание С.Г. Рункевича вновь привлекли творения Святителя Василия Великого, как богатейший кладезь святоотеческой мудрости. Он снова углубился в изучение духовного наследия этого великого Отца Церкви. Именно в творениях святого Василия С.Г. Рункевич находил созвучие своему внутреннему настроению. Важным было для него и то, в какую

³⁵⁸ Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. 12 (Письма 1893–1904). – М.: Художественная литература, 1964. – С. 423.

³⁵⁹ Гиппиус З.Н. Указ. соч. – С. 120.

³⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3. Л. 4 об.

эпоху жил святой. Невероятно смутное в церковной жизни то время, по мнению Рункевича, было очень сходно с современной ему действительностью. Потому и интерес к этому Отцу для него был не случаен.

С.Г. Рункевич продолжил свой некогда начатый опыт выборки назидательных мест из творений святых Отцов для широкого народного чтения. Имевшиеся в русских переводах святоотеческие творения, были в то время распространены довольно слабо. Причина тому, по мнению Рункевича, была «во-первых, в том, что имеющиеся в русском переводе полные издания святоотеческих творений содержат в себе много такого, что было сказано святыми отцами исключительно для своих современников и в настоящее время остается не доступным для обыкновенного читателя; и, во-вторых, в том, что самый перевод многих святоотеческих творений, будучи большей частью так называемым дословным или буквальным, тяжел для уразумения»³⁶¹.

Ввиду названных причин С.Г. Рункевич попытался предпринять опыт подготовки «издания систематического собрания избранных святоотеческих творений» в литературном и общедоступном для понимания переводе. Это было продолжение все той же идеи «Народной Академии». Первые результаты такого литературного опыта, а именно избранные места из творений Святителя Василия Великого, он предварительно начал печатать в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям», видимо, желая услышать отклики церковной общественности. Это были небольшие тематические главы: «Пост», «О покаянии», «Смиренномудрие», «О любви», «Молитва», «Внемли себе», «Воздержание», «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите», «О благотворении», «О жизни», «Об исполнении заповедей Божиих», «О зависти», «Печаль и радость о Господе», «О добродетелях и подвигах»³⁶².

³⁶¹ О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого. – СПб.: Тип. Фроловой, 1906. – С. 3.

³⁶² Прибавления к Ц Вед. – 1904.

В это же время С.Г. Рункевич начал подготовку к публикации в журнале «Странник» документальных материалов, касающихся эпохи царствования Петра I, под общим названием «Епархиальные архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим». Прекратив работу над «Историей Русской Церкви под управлением Св. Синода», Рункевич тем не менее хотел часть собранного им материала все же ввести в научный оборот, несколько восполнив тем самым определенные пробелы в науке³⁶³.

22 августа 1904 года скончался профессор А.П. Лопухин, человек, с которым С.Г. Рункевича в последние годы связывало не только тесное научное сотрудничество, но и дружба. Из жизни ушел человек, которому он многим был обязан. Человек чуткий к запросам времени, человек необычайно деятельный и предприимчивый.

Со смертью Лопухина издание «Православной Богословской Энциклопедии» перешло под редакцию профессора Н.Н. Глубоковского. Прогнозы издателей на окончание «Энциклопедии» в 1905 году совершенно не сбывались. К 1904 году был издан только пятый том. Главной причиной этому был, конечно же, большой объем проекта, при достаточно основательной научной подготовке.

Происшедшие изменения не повлияли на отношения С.Г. Рункевича с редакцией. Он по-прежнему продолжал готовить статьи для «Православной Энциклопедии». Сотрудничество его в этом издании продолжалось до 1909 года и прервалось в связи с большой загруженностью по службе. Всего за время сотрудничества Рункевича с «Энциклопедией» им было написано для нее более 160 статей. К сожалению, издание «Православной Богословской Энциклопедии» так и не было завершено. Оно прекратилось в 1912 году, остановившись на букве «К».

³⁶³ К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903. – №4. – С. 619–631.

Епархиальные архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим // Странник. – 1904. – №10. – С. 490–502; №11. – С. 609–624; №12. – С. 771–784.

С 6 февраля 1905 года С.Г. Рункевич «по ордеру Управляющего Синодальной Канцелярией» работал в составе особого совещания для «изготовления отзыва по выработанному в Министерстве Внутренних Дел проекту паспортного устава»³⁶⁴.

18 марта он был произведен из надворных в коллежские советники³⁶⁵.

1 мая в общем собрании С.-Петербургского епархиального братства во имя Пресвятой Богородицы³⁶⁶ С.Г. Рункевич произнес замечательную речь: «Об условиях деятельности христианина по наставлениям святого Василия Великого». Обращая внимание собрания на те внутренние условия, при которых должна проходить деятельность христианина в служении ближнему, он остановил свое внимание на некоторых из них – индивидуальное решение вопроса о ценности жизни, отношение к понятиям мира и покоя, христианская бодрость. Раскрывая более углубленно эти условия, С.Г. Рункевич как бы соткал свою речь из наставлений святителя Василия.

Речь эта настолько понравилась в собрании, что была предложена к опубликованию и вскоре вышла отдельной брошюрой³⁶⁷.

С самого начала года в «Страннике» началась публикация подготовленной С.Г. Рункевичем переписки архиереев с Петром I³⁶⁸. В 1906 году часть переписки была издана отдельной

³⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3. Л. 4 об.

³⁶⁵ Там же. Л. 5 об.

³⁶⁶ Братство учреждено 11 апреля 1884 г. Задачей имело – содействовать возникновению и процветанию церковно-приходских школ, внебогослужебных собеседований, церковно-народных библиотек и вообще религиозно-просветительскому просвещению.

³⁶⁷ Об условиях деятельности христианина по наставлениям святого Василия Великого / Речь в общем собрании С.-Петербургского братства Пресвятыя Богородицы доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1905. – 19 с. Тираж 100 экз.

³⁶⁸ Преосвященный Алексей (Титов) и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №1. – С. 49–57.

Тихон (Воинов), митрополит Казанский и Свияжский, и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №2. – С. 218–232; №3. – С. 384–400.

Аарон (Еропкин), епископ Карельский и Ладожский, и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №4. – С. 580–597.

книгой под названием «Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим», выпуск первый³⁶⁹.

Во время кропотливой работы в петербургских и московских архивах С.Г. Рункевичем было собрано более сотни писем, написанных архиереями к императору Петру I и его кабинет-секретарю А.В. Макарову «для доклада государю». Письма эти, бесспорно, имели и имеют большой интерес для уяснения той обстановки и той среды, в которой проходила Петровская церковная реформа. Снабженная Рункевичем обстоятельными биографическими сведениями и меткими характеристиками авторов, переписка раскрывает перед читателями живые и правдивые образы иерархов первой четверти XVIII века, со всеми волновавшими их интересами.

«Резко обрисовывается изумительная несходственность предметов, занимавших ум постника-патриарха и реформатора-царя, – писал в предисловии к книге С.Г. Рункевич. – Выпукло выдвигаются две линии епархиальных архиереев: культурные и нервные, разного нравственного достоинства, образованные малороссы, и тяжелые на подъем, но твердые и крепкие, и тоже разного нравственного достоинства, великороссы. Талантливый и впечатлительный, по странной игре судьбы достигший полного безвластия на вершине власти местоблюститель патриаршего трона, митрополит Стефан (Яворский) не находит покоя своему мятущемуся духу. Широковещательные, напоминающие пышный стиль востока, письма казанского митрополита Тихона (Воинова), праведного старца, глубоко скорбевшего о недостаточных плодах своего архиерейского

К биографии патриарха Адриана (По документам Государственного Архива) // Странник. – 1905. – №5. – С. 731–748.

Митрополит Сильвестр (Холмский или Волынский) и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №7. – С. 619–631.

Митрополит Стефан Яворский в его переписке с Петром Великим (По док. Гос. Архива) // Странник. – 1905. – №9. – С. 320–336; №10. – С. 437–454; №11. – С. 662–675.

³⁶⁹ Рункевич С.Г. Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Вып. 1. – СПб.: Тип. Монтвида, 1906. – IV, 194 с. Тираж 100 экз.

дела, дышат тягостным чувством обременения от разных житейских забот, неразрывно связанных с архиерейской должностью по управлению епархией. Серия писем преосвященного Сильвестра (Холмского или Волынского), из митрополитов разжалованного в епископы, затем снова выслужившегося в митрополиты и умершего в заточении лишенным сана, брызжущая какой-то странно-порывистой разбросанностью мысли, служит как бы отображением богатой резкими переменами, печальной судьбы этого владыки. Праведный старец Аарон, епископ корельский, бессребренник, оставивший всего имущества только суконную рясу да ранее отложенные 30 рублей на поминовение, поставлен был в такие условия, что всю жизнь хлопотал о разных хозяйственных делах: об отводе деревень Юрьеву монастырю, в котором жил, о возвращении взятых подьячих и т.п., и, должно быть сознавая в душе свою неподготовленность к этого рода заботам, с прямотой и откровенностью определил значение в архиерейском правлении элемента чиновников в таких словах: “како-бо мощно воину на брани без меча стояти, или кораблю на море без кормила добре плавати; воистину не может и человек всею главою ума своего без рук и без орудия что действовати”. Епископ астраханский, из малороссов, Лаврентий (Горка) оставил по себе воспоминание, что был “человек нравный, с подданными обходился не без труда и много бил невинно”; при открывшейся вакансии киевского архиепископа он уполномочивал своего приятеля в Петербурге раздать от четырех до пяти тысяч рублей взяток, только бы ему дана была киевская кафедра. Вологодский епископ Павел (1716–1725 гг.), вологжанин, бывший до архиерейства священником в Москве, выделяется горячим предстательством пред светской властью за священников своей епархии, избитых помещиками. И так далее»³⁷⁰.

Книга вышла небольшим тиражом – всего 100 экземпляров. После ее издания С.Г. Рункевич продолжил публикацию

³⁷⁰ Там же. – С. III–IV.

в «Страннике» переписки архиереев с Петром I, не вошедшей в книгу³⁷¹. На основании новых материалов им был подготовлен и в 1907 году уже был отпечатан корректурный экземпляр второго выпуска книги «Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим»³⁷². В нем Рункевич сделал даже корректурные правки, однако по неизвестным причинам книга в свет не вышла³⁷³.

В 1906 году в журнале «Русская станина» С.Г. Рункевич опубликовал очерк, посвященный жизни протоиерея Николая Федоровича Раевского (1804–1857). Протоиерей Николай многие годы был законоучителем I кадетского корпуса в Петербурге, затем наблюдателем по Закону Божию в военно-учебных заведениях и в конце жизни настоятелем соборов Смольного и кафедрального Петропавловского. Его личность привлекла внимание историка теплотой отзывов и воспоминаний со стороны людей знавших при жизни отца Николая. В его лице вырисовывался образ истинного пастыря, «благое влияние которого при обширности круга лиц, входивших с ним в соприкосновение, распространилось далеко за пределы его деятельности». Человек искреннего религиозного убеждения, незаурядного образования, редкой теплоты сердца, талантливый законоучитель и проповедник, стремившийся к непосредственному доброму воздействию в вопросах практической

³⁷¹ Иосиф, митрополит Псковский, в его переписке с Петром Великим (По док. Гос. Архива) // Странник. – 1905. – №12. – С. 796–813.

Черниговские архиереи в их переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №1.

Феофан Прокопович в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №2.

Митрополит Иов в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №3–5.

Преосвященный Феофилакт (Лопатинский) в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №9. – С. 333–346.

Преосвященный Георгий (Дашков) в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1907. – №7–8. – С. 54–63.

Преосвященный Нижегородский Питирим в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1908. – №2. – №51–52. – С. 231–247.

³⁷² Отчет о состоянии и деятельности Императорского СПб. университета за 1907 г. – СПб., 1908. – С. 155.

³⁷³ Рункевич С.Г. Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Вып. 2. – [1907]. – 144 с. – Экз. деф.: текст обрывается на с. 144.

жизни, по впечатлению С.Г. Рункевича, мог быть достойным примером для современных ему пастырей.

Законченная Рункевичем еще в конце 1905 года книга «О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого»³⁷⁴ – избранные места из творений святого Василия в обработанной литературной форме, была издана в 1906 году. Книга представляла собой небольшой кодекс наставлений святого Отца, обнимающий главнейшие стороны поведения христианина.

Книга сразу же обратила на себя внимание Учебного комитета, и вскоре была одобрена для приобретения в ученические библиотеки мужских и женских духовно-учебных заведений³⁷⁵. Чуть позже Училищный совет при Святейшем Синоде рекомендовал ее для приобретения в библиотеки церковно-приходских школ³⁷⁶.

Вот какой отзыв об этой книге прислал С.Г. Рункевичу святитель Николай (Касаткин).

«14 мая 1906.

Токио.

Русская Духовная Миссия.

Высокопочтимый Степан Григорьевич!

Приношу Вам глубочайшую благодарность за ваш прекрасный дар миссии, книгу “О добродетелях и подвигах по творениям св. Василия Великого”. Она так хороша, что я, по получении, не отрываясь прочитал ее всю и тотчас же отдал для перевода по частям в наш журнал “Православную Беседу”. Когда будет переведена вся, тогда мы напечатаем ее отдельной книжкой, в дальнейшее назидание христиан Японской Церкви. Надеюсь, что вы не имеете ничего против такого употребления вашей прекрасной литературной собственности.

³⁷⁴ О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого. – СПб.: Тип. Фроловой, 1906. – 166 с.

³⁷⁵ Ц Вед. – 1906. – №13–14. – С. 165.

³⁷⁶ Ц Вед. – 1906. – №15. – С. 184.

Да благословит Вас Господь на неустанное продолжение столь полезных для Православной Церкви трудов Ваших!

С истинным почтением и искренней преданностью остаюсь Вашим покорнейшим слугою и богомольцем.

Начальник Русской Духовной Миссии в Японии,
Архиепископ Николай»³⁷⁷.

По желанию святителя Николая книга «О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого» в 1908 году была издана в Токио на японском языке в переводе Игнатия Моцумото.

2.4. Предсоборное Присутствие

Уже начало 90-х годов XIX века в России было ознаменовано подъемом общественного самосознания. Главными вопросами, занимавшими тогда внимание общества, были вопросы социальные и экономические, однако не были забыты и вопросы религиозные. На страницах периодической печати стали появляться статьи, с одной стороны, требовавшие расширения начал веротерпимости к иноверцам, раскольникам, сектантам, с другой – указывающие на тяжелое и бесправное положение самой Православной Церкви в России. Под влиянием общественного движения 26 февраля 1903 года появился высочайший манифест, в котором, между прочим, признавалось за благо «укрепить неуклонное соблюдение властями заветов веротерпимости», не колебля при этом господствующего положения Православной Церкви.

27 января 1904 года началась злосчастная для России война с Японией, неудачи в которой всколыхнули русское общество. Военные поражения общественное сознание приписывало

³⁷⁷ Отзыв этот опубликован в конце брошюры С.Г. Рункевича: «Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли» (СПб., 1913), где автор сообщает о своей книге «О добродетелях и подвигах по творениям св. Василия Великого».

бюрократическому строю российской государственности и искало выхода в создании законодательных учреждений, построенных на начале свободного избрания в них представителей от населения. Заговорили о созыве Земского Собора, о забытом соборном начале и т.п.

Ответом на это стал высочайший именной указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, в котором выражалось намерение произвести необходимые преобразования и намечались те области, которых они должны были коснуться. Рассмотрение вопросов о преобразованиях поручалось Комитету министров, который и начал подготовку реформ внутреннего строя Российской империи.

В ряду преобразований, начатых правительством согласно высочайшему указу, был и вопрос о пересмотре прав старообрядцев и представителей инославных исповеданий – даровании им определенных политических и религиозных свобод. Вместе с тем возникала ситуация, что представление религиозной свободы старообрядцам и инославным неизбежно должно было негативно отразиться на положении главной конфессии страны – Российской Православной Церкви, зависимость которой от светской власти становилась еще более очевидной. Внешне Православная Церковь, пребывая под опекой государства, имела свободу и известные преимущества, но реально, находясь в сильнейшей зависимости от светской власти, была лишена самостоятельности. Сложившаяся с петровских времен система церковно-государственных отношений и синодальное устройство церковного управления сильно тяготили Церковь, лишая ее полнокровного бытия. Многие государственные деятели понимали, что успех начинаемых в стране преобразований во многом будет зависеть от определенных изменений в жизни и устройстве главенствующей конфессии империи. Ввиду этого на особом совещании Комитета министров и председателей департаментов Государственного совета был поднят вопрос о желательных преобразованиях церковного управления в

России. Инициатива возбуждения этого вопроса исходила от председателя Комитета министров С.Ю. Витте, который и испросил на то высочайшее разрешение.

По этому поводу на совещание был приглашен Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), который совместно с С.Ю. Витте в начале 1905 года инициировал перед правительством и императором вопрос о желательности проведения церковных реформ.

Митрополит Антоний поручил профессорам Петербургской духовной академии под его, митрополита, руководством составить перечень вопросов «О желательности преобразования в постановке у нас Православной Церкви». В ряду намеченных вопросов, требующих разрешения, было: дарование Церкви большей самостоятельности и свободы в ее внутреннем управлении, пересмотр некоторых сторон церковного управления, реорганизация прихода, реформа духовной школы и множество других накопившихся проблем церковной жизни. Как средство решения назревших проблем была очевидная необходимость созыва Поместного Собора.

Идея созыва Собора и проведения церковных реформ (в том ключе как понимал их С.Ю. Витте) встретила решительного противника в лице обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, который предпринял активные попытки повлиять на императора Николая II и правительство, выставив свои доводы о ненужности и несвоевременности проведения церковных реформ. В результате возникла известная переписка: Витте – Победоносцев³⁷⁸.

Свой основной взгляд на церковную реформу Петра С.Ю. Витте выразил в записке «О современном положении Православной церкви». Он заключался в однозначном определении Петровской реформы как неканоничной, из чего,

³⁷⁸ Подробно см.: *Ореханов Георгий, иерей*. На пути к Собору. – М.: Изд. Правосл. Свято-Тихоновского Богослов. института, 2002.

естественно вытекала необходимость церковного преобразования. В ответ на эту записку К.П. Победоносцев выставил свои «Соображения по вопросам о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», в которой попытался защитить существующее синодальное управление.

По поводу этих «Соображений» С.Ю. Витте написал новую записку, где подчеркивал, что в записке обер-прокурора отсутствуют возражения по основному пункту – о неканоничном характере церковной реформы Петра I и очень резко критиковал отдельные положения «Соображений». В частности, в рассуждениях обер-прокурора, защищавшего существующее синодальное устройство церковного управления, Витте усматривал схожесть взглядов с докторской диссертацией С.Г. Рункевича «История Русской Церкви под управлением Св. Синода». При этом он замечал, что по поводу указанной диссертации имелось подробное и обстоятельное суждение профессоров С.-Петербургской духовной академии³⁷⁹. Однако надо сказать, что профессора Петербургской духовной академии, помогавшие председателю Комитета министров в составлении его записки, неверно указали на источник «Соображений» обер-прокурора. Профессор П.В. Верховский, подробно исследовавший литературу о Святейшем Синоде, пишет: «По сходству мыслей и даже выражений со статьей И.К. Зинченко, напечатанной еще в апрельской книжке 1891 г. “Русского Вестника”³⁸⁰, можно с уверенностью полагать, что именно эта статья служила руководящей при составлении “Соображений”»³⁸¹.

Со своей стороны С.Ю. Витте стремился, чтобы вопрос о церковных реформах рассматривался в Комитете, но К.П. По-

³⁷⁹ Фирсов С. Указ. соч. – С. 162.

³⁸⁰ З[инченко И.К.]. О нашем высшем церковном управлении // Русский Вестник. – 1891. – Т. 213 (апрель). – С. 4–42.

³⁸¹ Верховский П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Т. 1. – Ростов-на-Дону, 1916. – С. СLIII.

бедоносцев сумел добиться указа императора о передаче его в Святейший Синод, надеясь таким образом повлиять на ход всего дела. Однако на заседании Синода 22 марта, проходившем без участия обер-прокурора, архиереи составили обращение к государю с просьбой о скорейшем созыве Поместного Собора. Вместе с тем был предложен ряд вопросов, подлежащих рассмотрению на предполагаемом Соборе. Среди главнейших из них были: восстановление патриаршества и переустройство высшего церковного управления, введение церковных округов под управлением митрополитов, реорганизация консисторий, благоустройство прихода, усовершенствование духовных школ, участие представителей иерархии в заседаниях Государственного совета и Комитета министров и др.

Ознакомившись с обращением, император собственноручно начертал на нем следующую резолюцию: «Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание поместного собора. Предоставлю Себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам Православных Императоров, дать сему великому делу движение и созвать собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления»³⁸². Таким образом, предложение о созыве Поместного Собора было высочайше одобрено, но государю было угодно время созыва Собора оставить на свое усмотрение, «когда наступит благоприятное для сего время».

Уже летом ситуация изменилась и вопрос о церковных реформах был вновь возобновлен. 28 июня 1905 года Святейшему Синоду поступило предложение от обер-прокурора К.П. Победоносцева, в котором указывалось на необходимость ныне же, заблаговременно, приступить к подготовительным трудам, причем объяснялось, что «намеченное определением Святейшего Синода, от 18–22 марта сего года, в самых

³⁸² О преобразовании церковного управления в России // Прибавления к Ц Вед. 1914. – №45. – С. 1899.

общих чертах переустройство всего церковного управления, сложившегося в двухвековой период синодального управления, представляет великую реформу, объемлющую духовную жизнь всей страны, и возбуждает множество самых серьезных и важных вопросов, требующих предварительной обширной разработки». Поэтому «ввиду важности предположенных к рассмотрению на поместном соборе вопросов и, приняв во внимание, что преосвященные до поместного собора должны тщательно ознакомиться с вопросами, подлежащими их рассмотрению, равным образом и поместный собор должен иметь пред собою весь необходимый для суждения по означенным вопросам материал – разработанный и приведенный в систему, Святейший Синод указом, от 27-го июля 1905 года за № 8, поручил епархиальным преосвященным войти в суждение по означенным вопросам, предоставив, в помощь себе по разработке означенных вопросов, пригласить лиц, заслуживающих доверия и способных оказать в этом деле содействие, и соображения свои представить Святейшему Синоду не позднее 1 декабря 1905 г. для дальнейшей разработки и приведения в систему доставленных материалов»³⁸³.

Указ этот вызвал в епархиях самое живое и широкое обсуждение церковных вопросов. По всей России собирались благочиннические, окружные, епархиальные съезды, к участию в съездах приглашались младшие члены клира и миряне. В истории Русской Церкви никогда в один год не было столько епархиальных Соборов. Свыше шестидесяти духовных журналов публиковали акты этих малых Соборов – постановления, проекты, пожелания.

Затребованные Святейшим Синодом отзывы епархиальных архиереев по вопросам церковной реформы, представлявшие собой по преимуществу плоды трудов разных епархиальных комиссий, составили собой три увесистых тома, свыше 1600 страниц. Поступившие в Синод отзывы несколько месяцев

³⁸³ Там же. – С. 1899–1905.

обрабатывались в особой комиссии из служащих в синодальных учреждениях. Была составлена сводка всего представленного материала в подробные предметные систематические указатели по отделам: Собор, организация управления, суд, брак и тому подобное, чтобы дать возможность членам предсоборной комиссии, а за тем и участникам Собора, быстрее ориентироваться во всей этой массе материалов.

17 декабря 1905 года в Царском Селе состоялась встреча императора Николая II с тремя митрополитами – Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским), Московским Владимиром (Богоявленским) и Киевским Флавианом (Городецким). Осведомившись от иерархов о положении уже предпринятых для созыва Собора подготовительных работ, государь высказался, что благоустройство Православной Российской Церкви в настоящее время «представляется делом неотложной необходимости», ввиду чего повелел «приложить особое старание к исполнению всего, что требуется для созвания Собора в ближайшее по возможности время»³⁸⁴.

Результатом встречи явился монарший рескрипт от 27 декабря на имя митрополита Антония (Вадковского), в котором говорилось: «Ныне же я признаю вполне благоприятным произвести некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви, на твердых началах вселенских канонов, для вящего утверждения православия. А посему предлагаю вам, владыка, совместно с митрополитами: Московским – Владимиром и Киевским – Флавианом, определить время созвания этого, всеми верными сынами Церкви ожидаемого, Собора»³⁸⁵.

16 января 1906 года высочайшим указом согласно представлению Святейшего Синода было учреждено особое (Предсоборное) Присутствие³⁸⁶ – орган, призванный осуществить

³⁸⁴ Ц Введ. – 1906. – №1. – С. 1.

³⁸⁵ Там же. – С. 2.

³⁸⁶ Высочайшие повеления // Ц Введ. – 1906. – №3. – С. 38–39.

всю предварительную богословскую и каноническую разработку вопросов, подлежащих рассмотрению предстоящего Поместного Собора. Созыв Собора предполагался в этом же году, поэтому подготовка его должна была осуществиться в течение нескольких месяцев, максимум года.

В состав Предсоборного Присутствия вошли представители церковной иерархии и другие духовные и светские лица, известные своими учеными трудами в области богословия, церковной истории, канонического права и церковной практики. Председателем Предсоборного Присутствия был назначен Петербургский митрополит Антоний (Вадковский). Состояло Присутствие из семи отделов, каждый из которых разрабатывал свой определенный круг вопросов³⁸⁷.

7 марта 1906 года С.Г. Рункевич был назначен делопроизводителем III отдела Предсоборного Присутствия³⁸⁸.

8 марта в Александро-Невской Лавре Предсоборное Присутствие торжественно открыло свою работу³⁸⁹, регулярные же заседания начались с 14 марта.

Первоначально в состав Присутствия были приглашены только архиереи и профессора, но потом архиереям было предложено привезти с собой по одному представителю приходского духовенства. В конце марта в состав Предсоборного Присутствия были приглашены и «светские представители церковности». В среде приглашенных профессоров были люди

³⁸⁷ 1) О составе Поместного Собора и порядке рассмотрения и решения дел на нем; 2) о разделении России на церковные округа и организации их, а также о преобразовании церковного управления – местного и центрального; 3) об организации церковного суда и пересмотре законов по делам брачным вообще и о смешанных браках; 4) о благоустройстве прихода, о порядке приобретения церковной собственности, об епархиальных съездах и участии священнослужителей в общественных и сословных учреждениях; 5) о преобразовании духовно-учебных заведений; 6) по делам веры: о единоверии, старообрядчестве и других вопросах веры; 7) о мерах к ограждению православной веры и христианского благочестия от неправых учений и толкований ввиду укрепления начал веротерпимости в Империи.

³⁸⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3. Л. 5 об.

³⁸⁹ Открытие заседаний особого присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского собора // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №10. – С. 469–681.

до крайности противоположных взглядов, что было очевидным стремлением сообщить ходу предсоборных заседаний возможную широту, без всякого предварительного подбора лиц одного и того же или сходного направления.

Председателем III отдела, занимавшегося вопросами организации церковного суда и пересмотром законов по делам брака, в котором трудился С.Г. Рункевич, был архиепископ Ярославский Иаков (Пятницкий). В работе отдела принимали участие ученые протоиереи М.И. Горчаков и Ф.И. Титов, профессора: И.С. Бердников, Н.С. Суворов, Н.А. Заозерский, А.И. Алмазов, М.Е. Красножен и генерал-лейтенант А.А. Киреев. Заседания отдела проходили в статистическом отделе Училищного совета на Кабинетской улице.

III отделу пришлось заниматься одной из наиболее сложных проблем церковной действительности. Вопрос о церковном суде уже был предметом острой полемики практически всю вторую половину XIX столетия. В России того времени церковный брак признавался единственно законным, и получить развод можно было только по решению церковного суда. Поэтому общественности было совсем не безразлично, как устроен суд, каким образом проходит рассмотрение дела и кто выносит решение³⁹⁰.

Согласно выработанному III отделом проекту, Православной Церкви были подсудны все ее члены, как в самой России, так и за ее пределами. Церковному суду подлежали те деяния, которые были обнаружены, доказаны и влекли наказание в соответствии с церковно-судебным уставом. Однако в то время такого устава не существовало и его только предстояло составить. Поэтому, согласно предложенному в Предсоборном Присутствии проекту, раздел устава духовных консисторий «О церковном суде» необходимо было заменить особым

³⁹⁰ *Белякова Е.В.* Вопрос о церковном суде на поместном Соборе 1917–1918 гг. – <http://www.pravoslavie.ru/archiv/cerksud.htm>

церковно-судным уставом, состоящим из трех частей (подсудность, судоустройство и судопроизводство)³⁹¹.

III отдел, кроме того, рассмотрел поводы к расторжению браков. Это был очень щепетильный вопрос, так как напрямую касался личной жизни верующих. Помимо традиционной причины для развода, указанной в Священном Писании, – прелюбодеяния одного из супругов – в качестве оснований был назван еще целый ряд причин. Вопросы о смешанных браках православных с лицами иных исповеданий решались на совместных заседаниях III, VI и VII отделов.

Во время рабочих заседаний С.Г. Рункевич помимо делопроизводственных обязанностей делал отделу различные компетентные справки, разъяснения, иногда высказывал и собственные суждения по тем или иным вопросам³⁹².

С начала 1906 года С.Г. Рункевич в новоучрежденном журнале «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» – «Церковный Голос»³⁹³, по приглашению редактора журнала, своего бывшего академического сокурсника протоиерея П.Н. Лахостского вел отдел «Хроники церковно-общественной жизни». Журнал этот был учрежден «Обществом» взамен издаваемого им ранее «Православно-русского слова». Он ставил своей целью достижения того «обновления церковной жизни», которое ожидалось в связи с предполагаемой близостью созыва церковного Собора, для чего журнал открывал «свои страницы для подготовительных работ к Собору». В передовой статье первого номера редакция обещала быть «проводником церковно-прогрессивного направления», которое должно было выражаться в трех главных началах: «верности основам

³⁹¹ Фирсов С. Указ. соч. – С. 232.

³⁹² Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. – СПб., 1906–1907. – Т. I–IV.

³⁹³ «Церковный Голос» – еженедельный церковно-общественный журнал: издание «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной Церкви». Издавался с января 1906 г. (№1–52) по июнь 1907 г. (№1–26).

древней Церкви, необходимости восстановления в церковной жизни соборности от самого низа приходской жизни до вершин церковного управления и, наконец, в требовании свободы для Церкви, ее жизни и науки»³⁹⁴.

Вот что писал в «Церковном Голосе» С.Г. Рункевич в связи с открытием заседаний Предсоборного Присутствия: «Настоятельная потребность церковной реформы остро сознаана была еще к концу прошлого века. Автор набросков по истории русской Церкви (С.Г. Рункевич. – *Г.Щ.*) отметил в своей книге, изданной в 1901 году, правда, тогда еще очень туманное, но довольно уже назревшее стремление к церковной реформе, дружно выразившееся в тех “всеобщих ожиданиях и надеждах”, какими было встречено призвание на пост предстоятельства русской Церкви высокопреосвященного митрополита Антония. С тех пор в сознании интересующихся этим делом лиц имя владыки-митрополита было самым тесным образом связано с верой, надеждой, даже уверенностью в предстоящей реформе. И вот, ожидаемое сбывается.

Последние пять-шесть лет шла непрерывно оживленная научно-литературная разработка разных вопросов, составляющих содержание церковной реформы: о приходе, о синоде, о браке, о школе. Разработка исходила преимущественно из сфер, не имевших официальной компетентности, в некотором роде новых, и потому встречена была скорее недружелюбно, чем приветливо. Дело началось преимущественно полемикой в резко обостренном тоне. Интеллигентные верхи чутко восприняли новое умственное течение, и добродушная публика не без изумления стала читать за утренним чаем в газетах довольно обстоятельные сообщения об яростных схватках “неверующих” литераторов с духовными лицами по богословским вопросам на религиозно-философских собраниях.

³⁹⁴ Церковно-общественная жизнь (Новые духовные журналы) // Прибавления к Ц Вестн. – 1906. – №2. – С. 73.

Для историка не будут казаться неожиданными мартовские события прошлого года. То, что произошло тогда, памятно всем, кто интересуется этими вопросами: как энергично тогдашний состав синода повел дело церковной реформы, и как резко это дело оборвалось. Потом усиленными стараниями поднята была зловредная пыль разных интриг, ревностно сеялись семена зависти, раздора, раскола, корыстолюбия, чтобы заглушить святое дело. Но недремлющий Кормчий вывел Свой корабль из бури и рифов. И вот мы спокойно стоим у дверей реформы»³⁹⁵.

В том же «Церковном Голосе» С.Г. Рункевич опубликовал ряд своих статей на волновавшие тогда темы в области церковно-общественных отношений. Это были статьи: «Приходское вспоможение»³⁹⁶, «Просветительная деятельность прихода»³⁹⁷, «Приходские средства»³⁹⁸.

Заседания Предсоборного Присутствия продолжались до 13 июня, после чего его участники разъехались на летние каникулы. Работа возобновилась лишь 1 ноября и уже окончательно завершилась 15 декабря 1906 года. В это время вопрос о скором созыве Собора незаметно стал угасать и вскоре был закрыт совершенно. Есть разные предположения, почему созыв Собора был отложен на неопределенный срок, но одной из причин можно назвать, то, что деятельность Предсоборного Присутствия показала огромную сложность и трудоемкость подготовительного этапа. За все время своей работы Присутствие смогло выработать лишь общие положения законопроектов касающихся церковных реформ. Реально же к проведению Поместного Собора с технической стороны готовы тогда еще не были.

³⁹⁵ *С[тепан] Р[ункевич]*. Начало нового периода истории русской Церкви // Церковный Голос. – 1906. – №11. – С. 335–336.

³⁹⁶ Приходское вспоможение // Церковный Голос. – 1906. – №7. – С. 210–214.

³⁹⁷ Просветительная деятельность прихода // Церковный Голос. – 1906. – №10. – С. 302–304.

³⁹⁸ Приходские средства // Церковный Голос. – 1906. – №12. – С. 371–373.

В результате деятельности Предсоборного Присутствия остался громадный канонический и исторический материал, составивший после его издания четыре больших тома.

* * *

4 октября 1906 года С.Г. Рункевич был назначен постоянно присутствующим членом Учебного комитета при Святейшем Синоде, оставаясь в занимаемой им должности³⁹⁹.

С 23 ноября он принимал участие в работе специального Совещания при канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, обсуждавшем предложения об изменении учебных предметов в женских училищах духовного ведомства⁴⁰⁰.

Будучи в начале января 1907 года по каким-то делам в Москве, С.Г. Рункевич посетил проходившую там выставку, посвященную 40-летию со дня кончины Московского митрополита Филарета (Дроздова).

Выставка проходила с 2 по 9 января и размещалась в помещении частной мужской прогимназии З.Н. Шамониной на Арбате в доме Соколова. Инициатором и организатором выставки был горячий поклонник Московского святителя Н.М. Миловский, многие годы собиравший всевозможные изображения владыки. Благодаря сочувствию некоторых лиц, владельцев портретов и вещей святителя и замечательной собственной коллекции, Н.М. Миловскому удалось создать живую иллюстрацию жизни митрополита Филарета, его обстановки и окружения.

Всего собралось до 70 портретов святителя Филарета, в числе которых было и три скульптурных, а также до 150 изображений других лиц. Кроме того, на выставке было представлено много любопытных и редких изданий из обширной Филаретовской литературы. Выставка произвела на С.Г. Рункевича очень большое впечатление, и он написал о ней в виде

³⁹⁹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3. Л. 5 об.

⁴⁰⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 11 об.

обзора отклик, опубликованный в журнале «Вера и Церковь» под названием «Митрополит Филарет и его время»⁴⁰¹.

Хорошо передают душевное настроение С.Г. Рункевича и его отношение к современности вступительные слова обозрения: «В наше время, когда новое течение хотело бы вычеркнуть из памяти все прошлое как отжившее, и своим искусственным шумом пытается создать новые якобы ценности, отрадное впечатление производит, дает отдохнуть душе все то, что воскрешает перед нами величие этого прошлого, напоминает действительную, непреходящую стоимость почивших русских деятелей, их трудов и подвигов».

Статья эта в 1908 году была издана отдельной книжкой⁴⁰².

В том же 1907 году вышел составленный С.Г. Рункевичем второй том «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов»⁴⁰³, содержащий в себе документы (№1066–3476) с 1701 по 1839 год.

С технической стороны описание второго тома было выполнено так же, как и первого. В заголовке каждого дела отмечался язык, количество листов и т.п. Кроме трех обычных указателей – лиц, мест и предметов, во втором томе имелся еще и хронологический указатель. Необходимость последнего была вызвана наличием в тексте тома немалого количества выписок XVIII века, заключающих в себе копии документов предшествующих столетий, причем хронологическое место документа не являлось вместе с тем истинным показателем хронологии его содержания. Кроме того, во второй том были включены два «Дополнения». Первое содержало описания документов и дел (№3477–5501) 1559–1834 годов. Второе – копии метрических книг приходских церквей Брестской и Луцкой униатских епархий: книг (№1–113), церквей (№1–1244).

⁴⁰¹ Митрополит Филарет и его время // Вера и Церковь. – 1907. – IX. – С. 421–438.

⁴⁰² Митрополит Филарет и его время / С.Р. – М.: Тип. Штаба Моск. воен. Окр., 1908. – 21 с., 1 л. портр.

⁴⁰³ «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов». Т. 2: (1701–1839). – СПб.: Синод. тип., 1907. – VIII, 1631 с.

Из содержания этого тома, «обнимающего всю совокупность жизни униатских западноруссов», в предисловии были намечены такие отделы: предметы и интересы церковные (храмы, богослужение и т.д.); иерархия всех степеней; фундаторы и колляторы церквей; базилианский униатский и латинские монашеские ордена; братства; просвещение (школы, библиотеки и т.д.); церковное землевладение; официальная и частная переписка; сведения о политических, общественных и бытовых явлениях; о русских, поляках, евреях...

Несколько десятков документов второго тома, составивших в общей сложности до семи печатных листов, были описаны Б.Н. Жуковичем.

Кроме того, под руководством С.Г. Рункевича Б.Н. Жуковичем велось составление третьего тома «Описания архива западнорусских униатских митрополитов». В него входили: 1) визиты, ведомости, табели, люстрации, инвентари и т.п. документы с 1684 по 1824 год; 2) «книги» или сборники документов, расположенные то в систематическом и хронологическом порядке (некоторые из «старых»), то без всякого порядка (переплетенные впоследствии), преимущественно XVIII столетия. Работа над составлением третьего тома в свое время была почти окончена, однако революционные события 1917 года прервали его издание.

За составление второго тома «Описания документов архива западнорусских униатских митрополитов» С.Г. Рункевичу, по докладу обер-прокурора Святейшего Синода, 16 марта 1907 года государем императором была объявлена благодарность.

17 марта 1907 года С.Г. Рункевич был назначен членом Особого совещания при Святейшем Синоде для обсуждения и выработки проекта положения о поводах к разводу (работу совещание закончило 22 марта 1909 года)⁴⁰⁴.

Годы 1900–1907 оказались в научно-литературном отношении самым плодотворным периодом жизни С.Г. Рункевича.

⁴⁰⁴ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 3. Л. 6 об.

Это была действительно вершина. В последующем Рункевич напишет еще несколько замечательных работ, но такой литературной плодовитости уже не будет.

Почти не имея специальной возможности для научно-литературных занятий, в смысле обстановки, среды, какую имели, трудясь при научных или учебных заведениях многие церковные ученые – современники Рункевича, он, тем не менее, многое сумел сделать.

В связи с этим еще раз хочется высказать сожаление о том, что работа над задуманной им многотомной «Историей Русской Церкви под управлением Святейшего Синода» была прекращена.

ГЛАВА 3

СЛУЖБА (1908–1914)

3.1. Особые поручения

С 1908 года С.Г. Рункевич уже мало занимался научной работой. В этот и ближайшие годы он не издал ничего нового и не опубликовал практически ничего, кроме мелких рецензий, заметок и кое-каких статей. Вся его деятельность и энергия теперь сосредоточились главным образом на служебных обязанностях. Занятия по должности, работы в различных комиссиях и разного рода специальные поручения занимали почти все его время.

Уже в 1907/08 учебном году из-за недостатка времени он не имел возможности читать лекции в университете и 10 января 1908 года по собственному заявлению вышел из состава приват-доцентов⁴⁰⁵.

26 января С.Г. Рункевича назначили «в состав Комиссии по пересмотру положений о наградных списках священноцерковнослужителей и клировых ведомостях»⁴⁰⁶, в результате работы которой была выработана новая форма послужных списков, очистившая формуляры лиц духовного звания от многочисленных отметок о судимости⁴⁰⁷.

4 марта С.Г. Рункевич был командирован в помощь Тамбовскому епископу Иннокентию (Беляеву), проводившему по поручению Синода ревизию дел Владикавказской епархии. Это была единственная ревизия епархии за всю ее историю.

⁴⁰⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 12 об.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ К вопросу об изменении формы наградного списка священнослужителей и клировых ведомостей // Ц Вед. – 1909. – С. 421–426.

12 марта Рункевич получил еще отдельное поручение провести ревизию Александровской миссионерской семинарии⁴⁰⁸ в селе Ардон центральной Осетии. Ему необходимо было на месте выяснить вопрос о преобразовании этой семинарии по образцу обычных епархиальных семинарий, и о средствах ее содержания. А, кроме того, «выяснить меру должного образовательного уровня у окончивших курсы Владикавказских духовных училищ»⁴⁰⁹.

Вопрос о преобразовании Ардонской семинарии был вызван неудовлетворительной постановкой в ней учебно-воспитательного процесса и часто происходившими среди учащихся беспорядками. Серьезные волнения, сопровождавшиеся стрельбой и битьем окон, в семинарии начались еще в феврале 1905 года и происходили они на общей волне бунтарских настроений, царивших тогда в духовных семинариях.

В революционный 1905 год волна беспорядков и бунтов в духовных семинариях прокатилась буквально по всей России. Очень часто беспорядки сопровождались совершенно дикими эксцессами: оскорблением и избиением преподавателей и семинарского начальства, погромами, поджогами, стрельбой и даже взрывами (Минская духовная семинария. – *Г.Щ.*). Беспорядки продолжались и в последующие годы. Кажется, не было ни одной семинарии, которую бы не коснулись брожения. И порой, несмотря на достаточно жесткие меры, предпринимаемые духовными и светскими властями, бунты в некоторых семинариях повторялись снова. Церковная пресса мало писала об этом, предпочитая не выносить сор из избы, и только в светской периодике можно было встретить частые и более подробные сообщения о беспорядках в духовных школах.

Ардонская семинария хотя и находилась на окраине Российской империи, однако отдаленность от центра не оградила ее

⁴⁰⁸ Ардонская Александровская миссионерская семинария открыта в 1895 г. на базе одноименного духовного училища, основанного в 1887 г. в честь императора Александра III.

⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 12 об.–13 об.

от тех общественно-политических процессов, которые происходили в государстве в начале XX века. Под влиянием первого общесеминарского съезда, прошедшего летом 1905 года во Владимире, учащиеся Ардонской семинарии в октябре того же года устроили забастовку. В адрес духовного начальства были выдвинуты требования о выдаче аттестатов, дающих право поступления во все университеты; о выделении пятого и шестого классов как специальных, а первых четырех – как общеобразовательных. Учащиеся предлагали упразднить чистописание и увеличить число уроков русского языка, алгебры и геометрии; при изучении литературы знакомить с произведениями современных авторов; сократить, по возможности, церковную историю; ввести как обязательные предметы психологию, философию и многое другое. Кроме того, воспитанники требовали: упразднить надзор за чтением книг, разрешить свободное издание семинарских ученических журналов и свободу публичных чтений, прекратить обыски и контроль над корреспонденцией⁴¹⁰.

Пытаясь выйти из сложившейся кризисной ситуации, руководство семинарии пришло к выводу, что проблему можно решить путем преобразования семинарии по образцу нормальной. Ввиду этого Владикавказский епископ Гедеон (Покровский) стал вести активную переписку с Учебным комитетом и Синодом о необходимости преобразования семинарии.

Между тем в марте 1906 года в семинарии произошло вопиющее событие. Один из воспитанников ночью, когда все спали, пробрался в церковь и всыпал в евхаристическую чашу сильнодействующий яд – стрихнин. Лишь по чистой случайности инспектор семинарии иеромонах Мефодий (Красноперов), придя в храм для совершения Преждеосвященной литургии, заметил в заранее приготовленных сосудах ядовитый порошок.

⁴¹⁰ История Владикавказской епархии. – <http://ive1875.narod.ru>

Буквально через месяц в семинарском здании случился пожар, и в этот же день неизвестные злоумышленники вылили серную кислоту на сиденье экипажа приехавшего в семинарию епископа Гедеона. К счастью Преосвященный не пострадал⁴¹¹.

Руководство семинарией практически ничего не могло противопоставить общему разложению среди воспитанников и пыталось по возможности идти на уступки. Однако положение в Ардонской семинарии продолжало оставаться настолько проблематичным, что Учебным комитетом был командирован туда ревизор, профессор Ф.Н. Орнатский. Ознакомившись с положением дел в семинарии и узнав, что за все выпуски она дала крайне малое число лиц, посвятивших себя церковному служению, Орнатский предложил Святейшему Синоду реорганизовать семинарию в обычную. В ожидании этого события страсти, кипевшие в стенах Ардонской семинарии, несколько поулеглись, но в начале 1907 года вспыхнули с новой силой – в феврале, апреле и мае в семинарии снова произошли беспорядки. На этот раз чрезвычайными мерами, наконец, удалось водворить порядок. Неудовольствие инспекцией проявлялось уже лишь в таких неблагоприятных поступках, как курение в коридорах, непослушание, принятие вольных поз, сговор не произносить учебных проповедей и т.п.

Ознакомившись с ситуацией на месте, С.Г. Рункевич подал в Святейший Синод доклад, на основании которого Ардонская Александровская миссионерская семинария и была преобразована по образцу обычной епархиальной семинарии.

В 1908 году С.Г. Рункевич внес в Комиссию по описанию дел синодального архива предложение подготовить к предстоящему 200-летию юбилею Святейшего Синода издание полного сборника еще неизданного материала, относящегося к «петровской эпохе существования этого высшего органа церковного управления, отмеченной созданием новых форм

⁴¹¹ Там же.

церковной жизни». «Через 12 лет (14 февраля 1921 года), – говорил историк, – исполнится двухсотлетие Святейшего Синода. Затем, следует признать бесспорно укоренившимся в общественном сознании убеждение в необходимости крупной реорганизации Святейшего Синода, и быть может мы накануне преобразования Святейшего Синода в Священный Синод. И то, и другое обстоятельство, с равной принудительностью, должны, как мне кажется, обратить мысль нашей Комиссии ко времени учреждения и первых лет деятельности Святейшего Синода. Не лежит ли на Комиссии долг возбудить вопрос о собрании всех тех материалов по церковным делам за петровское время, которые относятся к деятельности высшего органа церковного управления – Св. Синода, или же имеют соприкосновение с самою личностью Императора Петра Великого. Дела Архива Св. Синода за петровские годы давно уже изданы... внесли ценный груз в науку и дали богатый материал для целого ряда научных, литературных и практических исследований. Остаются неописанными в Архиве Св. Синода книги журналов и протоколов Св. Синода за петровское время. Книги эти требуют не столько описания в собственном смысле, сколько сверки их с описаниями дел, так как в общем они повторяют содержание архивных дел, но вместе с тем заключают в себе и некоторые новые сведения, совершенно неизвестные из других источников, – о чем я имел честь несколько лет тому назад докладывать Комиссии. Произвести эту работу, по моему мнению, под силу только Комиссии, так как для всякого частного исследователя, даже самостоятельного, она является непосильной вследствие необходимости затраты весьма значительной энергии на работу без периодического получения осязательных результатов. Затем следует Государственный архив и в нем так называемый Кабинет Петра Великого, в котором сходились живые нити разнообразнейших отношений в виде огромной переписки, стягивая воедино все желания, ожидания, поползновения, проекты, мольбы, – и оттуда получая такое

или иное направление. Книги Кабинета представляют богатый источник для истории русской Церкви за первые годы Синодального управления. Характерной особенностью документов Кабинета можно признать их исключительный исторический интерес, так как к Царю, естественно, восходило лишь то, что выделялось по своей сравнительной важности, или было ему лично близко. Богослужение, иконописание, церковное пение, церкви и их строение, святыни, чудеса, миссии, иноверцы, раскол, ереси, церковное управление, сношения и общение с Востоком и славянскими землями, духовенство, монастыри, книги, школы, переводы, церковное искусство, богадельни и проч[ее], – по всем этим предметам имеются в Кабинете Петра Великого новые, еще неиспользованные материалы. Наконец, определенный круг материалов, относящихся к высшему церковному управлению и участию Императора Петра в церковных делах, имеются в Московских архивах – Министерства Юстиции и Министерства Иностранных Дел. Если бы Комиссии угодно было приступить к этому изданию, то это издание, и безотносительно интересное и важное, имело бы особое практическое научное значение, вполне оправдывая произведенные на него издержки, при том условии, чтобы оно представляло собой не случайный сборник материала, а систематический обзор всего источника. В таком случае соблюдена была бы экономия в отношении затраты дорогих научных сил для последующего времени, ибо каждому новому исследователю, раз источник не обследован до конца, как ныне, приходится повторять изыскательную работу своего предшественника, начиная ее с начала. По моему подсчету, основанному на практическом знакомстве с материалом, предполагаемым к изданию, издание может потребовать, при условиях одинаковых с условиями издания Описания Синодального Архива, до 4000 руб[лей]. Само собой разумеется, что эта сумма не может быть заимствована из казенного ассигнования на Описание Синодального Архива, как выходящая за пределы предмета

ассигнования, с одной стороны, а с другой – предназначенная к ознаменованию юбилея и почтения памяти Петра Великого, и подлежала бы отпуску из Синодальных средств. Св. Синод, с самого основания своего, нередко оказывал бескорыстное покровительство науке и недавно еще отпустил 6000 руб[лей] на издание материалов по истории западно-русской церкви»⁴¹².

Комиссия отнеслась к предложению С.Г. Рункевича со вниманием и одобрила его.

3.2. В Учебном комитете

В последние годы Учебный комитет при Святейшем Синоде интенсивно занимался переработкой программ духовно-учебных заведений, а также вопросами некоторых преобразований во всем строе духовной школы.

Когда в 1884 году в духовных семинариях и училищах вводился новый устав, Учебным комитетом были выработаны программы по всем предметам семинарского и училищного курсов, которые и были утверждены Святейшим Синодом. В 1896 году по инициативе обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева была образована комиссия для обсуждения мер к улучшению постановки учебно-воспитательного дела в духовно-учебных заведениях⁴¹³. В мае 1898 года «соображения» комиссии были представлены Синоду. Первоначально Синод предлагал утвердить выработанные проекты уставов и штатов духовных семинарий и училищ, но для осуществления этих проектов во всем объеме, особенно по реорганизации воспитательной части, встретились затруднения в

⁴¹² Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 77–78; РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 192. Л. 208–209.

⁴¹³ Комиссия работала под председательством Киевского митрополита Иоанника (Руднева). В ее состав входили: Московский митрополит Сергей (Ляпидевский) (скончался до окончания заседаний комиссии), Новгородский архиепископ Феогност (Лебедев), Финляндский архиепископ Антоний (Вадковский), товарищ обер-прокурора В.К. Саблер, председатель Учебного комитета протоиерей А.И. Парвов (по его кончине, протоиерей Смирнов).

недостатке имеющихся в распоряжении Святейшего Синода средств. В 1900 году Синод, вторично рассмотрев соображения комиссии, поручил Учебному комитету тщательно пересмотреть существующие программы и учебники по предметам семинарского и училищного курсов и составить, согласно замечаниям комиссии, новые учебники и программы с объяснительными записками.

Исполняя это поручение, Учебный комитет в августе 1901 года вызвал для участия в составлении новых программ 12 наиболее выдающихся преподавателей семинарий, а также пригласил к совещаниям некоторых профессоров столичной духовной академии. Было образовано шесть отдельных комиссий по предметам: 1) Священному Писанию Ветхого и Нового Завета, 2) введению в богословие и богословию догматическому, нравственному и пастырскому, 3) церковной истории общей и русской, 4) литургике, гомилетике и канонике, 5) истории и обличению русского раскола и сектантства и 6) по психологии, логике, краткой истории и начальным основаниям философии. К 1 сентября 1901 года комиссии закончили свои работы и представили в Учебный комитет проекты новых программ с объяснительными записками. Относительно программ по другим предметам семинарского и училищного курсов, их пересмотр и исправление были поручены членам Учебного комитета по специальностям, причем комитет также обращался к помощи как преподавателей духовно-учебных заведений, так и к специалистам светских учебных заведений.

Представленные комиссиями и специалистами выработанные программы Учебный комитет пересмотрел заново и переработал их в общих своих заседаниях. В отношении же программ по канонике и по истории и обличению раскола и сектантства вновь приглашались профессора духовных академий.

В 1905 году Учебный комитет представил в Святейший Синод новые программы и объяснительные записки по всем

предметам семинарского и училищного курсов, вместе с проектом некоторых изменений в распределении предметов по классам и кафедрам. Это как раз совпало со временем возбуждения мысли о созыве Поместного Всероссийского Собора и началом подготовительных к нему работ. В синодальном указе от 27 июля 1905 года епархиальным архиереям о представлении своих соображений по вопросам, подлежащим рассмотрению предстоящего Собора, было предложено высказаться и по вопросу усовершенствования духовно-учебных заведений. Вслед за этим Синод, определением от 26 ноября 1905 года №6142, поручил также и педагогическим собраниям духовных семинарий и училищ особо представить через епархиальных Преосвященных в Учебный комитет свои соображения о духовно-учебной реформе. В ожидании поступления новых материалов по вопросу о реформе духовной школы рассмотрение проекта Учебного комитета Синодом было отложено.

Однако ввиду неотложной необходимости определенных улучшений в постановке учебно-воспитательного дела в духовных семинариях и училищах Учебный комитет в 1906 году, независимо от обсуждавшихся тогда в Предсоборном Присутствии вопросов о реформе духовной школы, вновь представил Синоду проект некоторых преобразований. Причем проект этот был составлен при участии наиболее опытных представителей педагогического персонала семинарий и училищ⁴¹⁴.

Рассмотрев журнал Учебного комитета, Святейший Синод в августе 1906 года постановил: «впредь до общего пересмотра уставов духовных семинарий и училищ произвести в учебно-воспитательном их строе с 15 августа 1906 года некоторые изменения по всем частям духовных семинарий и училищ – учебной, воспитательной, административной и хозяйственной». Вместе с тем Синод определил: «преподавание вести

⁴¹⁴ Для работы над проектом в Петербург были вызваны 4 ректора и 4 инспектора духовных семинарий, 3 смотрителя духовных училищ и 10 преподавателей семинарий.

применительно к старым программам; что же касается вновь составленных программ по разным предметам семинарского и училищного курсов, то таковые программы, по отпечатании их в необходимом количестве экземпляров, поручить Учебному Комитету разослать в семинарские и училищные Правления на предварительное обсуждение, с тем, чтобы замечания по сим программам представлены были в Учебный Комитет»⁴¹⁵.

Учебная реформа 1906 года, в ожидании предполагавшейся тогда близкой коренной реформы духовной школы на предполагаемом Соборе, стремилась, приближаясь к учебному плану 1867 года, дать свободный выход из духовной школы с целью облегчить задачу ее лучшего устройства.

К 1908 году в Учебный комитет стали поступать отзывы от Правлений духовных семинарий и училищ о новых программах.

В том же году во время летних заседаний Учебного комитета, согласно указаниям Особого Совещания Святейшего Синода (в состав его входил С.Г. Рункевич. – *Г.Щ.*), в очередной раз обсуждался вопрос о преобразовании средней духовной школы. В результате своей работы Совещание признало необходимым усилить существующие два богословских класса духовной семинарии третьим классом – прикладного практического богословия. Однако Учебный комитет, рассматривая этот вопрос, встретил главное затруднение в отсутствии указаний о количестве училищных и семинарских классов и о том, при какой системе – пятиурочной или четырехурочной – производить распределение уроков.

Выход из этой проблемы Учебный комитет увидел в разрешении частных вопросов о необходимом для общего и богословского образования количества уроков по каждому отдельному предмету, предполагая пять классов в училище и пять классов в семинарии. При этом признавалось целесообразным

⁴¹⁵ А.К. О программах преподавания в духовных семинариях и училищах // Прибавления к Ц Вед. – 1915. – №4. – С. 113–114.

дать училищному курсу некоторую законченность, повысив вместе с тем, согласно указаниям Синода, требования к поступающим в 1-й класс. Составленный Учебным комитетом план пятиклассного духовного училища и пятиклассной семинарии имел определенные выгоды, важные в педагогическом отношении. Во-первых, сокращалось количество учеников в семинарии и тем облегчалось ведение воспитательного дела. Во-вторых, окончившим курс только в училище давалась некоторая завершенность образования, что было важно для воспитанников, которые по тем или иным причинам не могли продолжать образование в семинарии и большей частью поступали в псаломщики и учителя начальных школ. В-третьих, создавалась возможность полноценной законченности некоторых курсов, например по математике, истории, словесности. И, в-четвертых, введение такого плана приводило к сокращению параллельных классов в семинариях. Однако предложенный проект (5+5), а также и пятиурочная система занятий вызвали возражение некоторых членов Учебного комитета.

Был предложен альтернативный проект: весь учебный план распределялся на семь общеобразовательных классов и три богословских; училищный курс оставался четырехклассным с относительной законченностью, не ниже городских училищ; духовная семинария должна была иметь шесть классов, из которых три общеобразовательных и три богословских. Изменение касалось бы главным образом трех богословских классов, из которых последний должен был быть, согласно указаниям синодального Совещания, практическим. При этом предлагалось соответствующее распределение предметов в училище и семинарии. Но и это предложение встретило возражения и замечания.

Кроме изложенных проектов некоторые члены Учебного комитета, присоединяясь к мнению Могилевского епископа Стефана (Архангельского), предлагали проект разделения школ. По их мнению, пастырская школа и по учебному плану,

и по воспитательному режиму должна была бы совершенно отличаться от светской школы, а для поступления в нее предполагался открытый доступ религиозным воспитанникам из всех средних учебных заведений.

В свою очередь С.Г. Рункевич отстаивал мнение, что «в настоящее время благовременно, не довольствуясь незначительными поправками школьного устава, произвести давно ожидаемую существенную реформу духовно-учебных заведений». Такая реформа, по его мнению, должна была быть «произведена на основах целостной специализации духовно-учебных заведений, связи с церковно-народной школой и практического приспособления к настоятельным потребностям Церкви»⁴¹⁶. Он замечал, что переработка учебных программ, исполненная Учебным комитетом, не заканчивала и не исчерпывала собой желательной и возможной духовно-учебной реформы, насущность которой в то время признавалась «всеми заинтересованными сферами».

«Проект Преосвященного Стефана, – рассуждал С.Г. Рункевич, – неприемлемый в его детальной разработке, совершенно верно отмечает две назревшие основные потребности в реформе духовно-учебных заведений, оставление коих без удовлетворения было бы, по моему мнению, не целесообразно, а именно: 1., достижение единства образования пастырей и пасомых путем согласования духовно-учебного образования с церковно-народным и 2., частичная законченность духовного образования»⁴¹⁷. Свое видение реформы он изложил в особой «Записке». К ее основным положениям присоединились и некоторые члены Учебного комитета.

В своей «Записке» С.Г. Рункевич подчеркивал ту мысль, что духовная школа всегда имела одну цель – подготовку юношества к служению Православной Церкви. Он отмечал, что утверждение, будто бы духовная школа имеет две цели:

⁴¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 8. Л. 12.

⁴¹⁷ Там же. Л. 12–13.

сообщение общего гуманитарного образования детям духовенства и подготовку к пастырскому служению, ему впервые пришлось услышать во время предсоборных совещаний, и считал его не имеющим надлежащего обоснования. Он замечал, что, допуская возможность служения Церкви на различных поприщах жизни, в том числе и на государственной службе, которую Церковь в православно-христианском государстве не может считать противной Церкви, духовная школа никогда не упускала из вида, что высшее служение в Церкви есть пастырское. Имея целью подготовку к служению Церкви и, как завершение этой цели, подготовку к пастырскому служению, духовная школа естественно ставила себе задачей готовить таких лиц, которые «не растерялись бы в вихре современных им идей, но, по Апостолу, готовы были бы противостоять всякому ветру учений». То есть задачей духовной школы являлось то, чтобы подготавливаемые ею лица были по образованию не хуже общего уровня образования в обществе. Рункевич напоминал, что ввиду недоступности до последнего времени общего образования для детей духовенства, бедного и рассеянного по отдаленным от центров образования селам, духовная школа сама должна была озаботиться кроме церковно-пастырской подготовки и общим образованием своих питомцев. Это общее образование в последние 40 лет более или менее приближалось к программе классических гимназий, но, однако, никогда вполне с ней не совпадало и в духовной школе никогда не составляло чего-либо отдельного, самостоятельного и законченного.

С.Г. Рункевич отмечал, что общее образование, даваемое в духовной школе, всегда в ней мыслилось лишь как подготовительное и вспомогательное к образованию церковно-пастырскому. Однако особые бытовые условия жизни в провинции вообще, и в частности для детей духовенства, способствовали тому, что в духовную школу направлялись главным образом ради сравнительной доступности и дешевизны в ней образования и лица, вовсе не ставившие себе

целью служение Церкви. Таковые лица имели лишь в виду присвоенные духовной школе, в соответствии с содержанием ее общеобразовательного курса, гражданские права. При этом им приходилось жертвовать временем, отведенным на изучение в духовной школе дополнительных специальных дисциплин церковно-пастырского характера и вне ее некоторых общеобразовательных предметов, в ней не преподаваемых. В результате произошло крайнее многолюдство большинства органов духовной школы, далеко не соответствовавшее специальной потребности собственно в священноцерковнослужителях. Теоретически не представляя чего-либо нежелательного само по себе, и, напротив, предоставляя возможность более строгого выбора для церковного служения в многолюдстве воспитанников, это переполнение духовной школы имело, тем не менее, крайне негативное влияние на весь ее строй. Из-за значительного наплыва учащихся, для которых цель духовной школы не только не была их жизненной целью, но была иногда даже совершенно чуждой, возникала острая проблема в воспитательных средствах. Семинарии были переполнены, и в то же время, с одной стороны, обнаруживался небывалый недостаток в кандидатах священства, так что многие епархии должны были довольствоваться кандидатами из не окончивших семинарского курса, с другой – в духовных семинариях получили распространение явления, не свойственные духовной школе и даже противные ее природе.

Духовные школы того времени, в особенности семинарии, действительно представляли собой печальное зрелище, давая повод современникам говорить об их полном разложении и деградации, о несоответствии их своему назначению и даже называть семинарии «домами разврата»⁴¹⁸. Главные надежды на реорганизацию духовной школы конечно же были обращены к предполагаемому Поместному Собору и, в частности,

⁴¹⁸ *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. – М.: Артос-Медиа, 2005. – С. 251.

на то, что наплыв посторонних элементов в нее будет сделан недопустимым. Однако С.Г. Рункевич был убежден, что такие условия организации духовной школы уже представляются возможными и осуществимыми ввиду сравнительной доступности общего образования. При этом и дети духовенства, не вошедшие в духовную школу или вышедшие из нее, фактически не лишались бы этим возможности получения образования вообще.

«Основные положения реформы духовной школы, – говорил С.Г. Рункевич, – должны утверждаться не на полемическом материале из сферы явлений временных, а на не зависимых от случайных условий основаниях исторического, педагогического и принципиального характера».

Первым основным положением реформы он выдвигал то, что «духовная школа должна быть духовной в действительности». На его взгляд, это требовалось самим ходом исторического развития. Пока школа была в эмбриональном состоянии, от нее можно было требовать, чтобы из нее «во всякие потребности люди, благоразумно учася, происходили, в церковную службу и гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское и враческое искусство», как высказал в свое время пожелание о духовной школе Петр I патриарху Адриану. Но с развитием специализации в науке и в жизни неизбежно должна была делаться специальная и духовная школа.

Рункевич отмечал, что с педагогической точки зрения специальная школа имеет то преимущество, что она созидает любовь и уважение к школе, так как заранее определяет путь жизни и, таким образом, с одной стороны, заранее подбирает для себя соответствующий ей состав, а с другой – «всякое специальное знание в ней не может считаться лишним, но представляется полезным, приложимым в будущем к самой действительности». Однако формирование у учащихся склонности к духовному служению одними воспитательными мерами, известным воспитательным режимом, не могло достигнуть цели и привести

к благоприятным результатам, так как такой воспитательный режим располагает как бы к чему-то неизвестному, реальное знакомство с чем начинается лишь в последних, пастырских классах. Для ученика же необходимо, прежде всего, знать о том, что ему нужно любить, и чтобы он постоянно находился не только в сфере определенного настроения, но и в известном круге идей, знаний, предметов. «Мысль, что школа, притом в течение двух третей школьных лет, должна быть для воспитанников неким “пунктом раздумья” на перекрестке жизненных путей, следует признать неправильной», – говорил Рункевич. По его мнению, преимущества специализации духовной школы, «когда она снимет скрывающее ее забрало и явится с своим собственным лицом», должны были быть следующие: а) те кто в духовной школе найдут соответствие своим склонностям, получают соответствующее, вполне целесообразное воспитание – пробуждение, развитие и укрепление способностей, и б) те, которые, оказавшись непригодными для целей духовной школы, смогут найти применение своим склонностям и подобающее образование помимо духовной школы, и для них не будет необходимости доучиваться до окончания курса при отвращении к школе потому только, что все выходы закрыты вследствие потерянного времени.

«С точки зрения принципиальной следует сказать, что если бы мы стояли исключительно на почве развития в человеке естественных влечений, – рассуждал Рункевич, – то, действительно, определение специального призвания можно было бы отложить до его самоопределения в учащемся. Но мы стоим на догме, что природа повреждена, требует исправления, и пути и сущность нам даны в Божественном Откровении. Поэтому духовная школа, более чем всякая другая, может поставить своей задачей перерождение, перевоспитание по данному заранее указанию, остерегаясь лишь в этом случае насиловать те элементы, которые не поддаются ее режиму, но, ничуть не сводя своей задачи к применению себя к ним. Нет сомнения,

что как все человечество, будучи в огромном большинстве инертным, может, в зависимости от тех или иных условий, быть повернуто в ту или другую сторону, так и в каждом человеке большая часть способностей, задатков и склонностей с одинаковой возможностью, в зависимости от жизненных условий, может быть направлена или на доброе, или на противоположное добруму. В таком случае, при специализации духовной школы, все те природные склонности, способности и задатки, которые не совершенно чужды церковной жизни, но имеют с ней точки соприкосновения (музыка, ораторский талант и т.д.), не будут упущены из сферы пользования ими Церкви, но будут обращены на церковную пользу».

Вторым основным положением предстоящей реформы, по его мнению, должно было быть то, что «духовная школа должна быть поставлена в связь со школой народной».

Рункевич говорил, что начальные познания, такие, как Закон Божий, счет и грамота – с развитием в то время школьной сети могут быть сообщаемы на местах, и ради них нет необходимости отрывать детей в раннем возрасте от семьи и дома в города, нередко отстоящие на сотни верст от их места жительства. Он рассуждал, что при наличии народных школ в каждом приходе нет необходимости в существовании двух младших классов духовных училищ с программой, в общем повторяющей, за небольшим исключением, программу народных школ. Стоило бы лишь передвинуть в духовных школах начало изучения некоторых предметов на более поздний срок. Отсюда он видел естественно вытекающий вывод, что духовное образование, сконцентрированное в городах, желательно связать с образованием народным, распространенным по всем приходам. Выгода от этого, по его мнению, получалась та, что дети будут поступать в духовную школу более окрепшими телесно и духовно, сократится бесконечное время учения вне семьи и облегчится содержание духовной школы. Для согласования же подготовки воспитанников, поступающих в духовную школу из школ

народных, пришлось бы только на первых порах образовать на некоторое время общий подготовительный класс⁴¹⁹. Указанный принцип С.Г. Рункевич отстаивал в Учебном комитете еще при разработке реформ духовно-учебных заведений в августе 1905 года. Впоследствии он постоянно проверял правоту своего взгляда путем обмена мнениями с лицами, близко «стоящими у практического дела». И, как правило, все после первоначальных возражений сходились на том, что в настоящее время церковная школа не в состоянии дать подготовку к 3-му классу духовного училища, но если бы в церковной школе стали учиться дети духовенства, то церковная школа без сомнения возвысилась бы усилиями того же духовенства⁴²⁰.

С.Г. Рункевич отмечал, что единство христианского образования пастырей и паствы всегда было в православии – как в первенствующей, так и в древнерусской Церкви. Когда же вследствие неблагоприятных исторических условий отечественное духовное образование пришло в крайний упадок, и явилась мысль о необходимости его возвышения, была начата реформа. Так в свое время реформа М.М. Сперанского «занялась учителями для пастырей и удачным приемом приобщения к мировой науке подняла их сразу на много ступеней, отделив, таким образом, от темной тогда народной массы». Затем реформа графа Д.А. Толстого, хотя в отношении собственно духовного образования не была самостоятельной и представляла собой сколок со светского образования того времени, тем не менее, подняла пастырей на иной образовательный уровень. Теперь же, когда поднялся и уровень образования паствы, согласование духовно-учебного образования и народного, по убеждению Рункевича, являлось вопросом необходимости и требованием самого исторического хода событий.

Третьим основным положением предстоящей реформы по его задумке должно было быть то, что «духовная школа должна давать частичную законченность образования».

⁴¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 9. Л. 22–26.

⁴²⁰ Там же. Л. 28.

В то время вся система образования в духовно-учебных заведениях была построена таким образом, что лицо, не окончившее семинарии, не имело выхода на церковную службу, являясь недоучкой, и вынуждалось или держать экзамен на псаломщика или диакона, или же поступать в псаломщическую школу или на богословские курсы. Ввиду этого возникала необходимость дать выход на церковно-народную службу и тем воспитанникам духовной школы, которые не имели способностей и терпения преодолеть все изучаемые в духовной школе предметы, но, тем не менее, являющимися вполне правоспособными к прохождению диаконского или псаломщического служения. И такой выход, по мнению С.Г. Рункевича, мог бы быть дан, если бы курсу духовных училищ была сообщена законченность и цельность, и существующий уже курс был дополнен необходимыми для этого как общеобразовательными, так и богословскими предметами. «Частичная законченность духовного образования, – отмечал Рункевич, – важна и в том отношении, что в десятилетний период учения в школе только натуры бесстрастные, забитые или особенно счастливые не переживают внутреннего кризиса. А такой кризис обыкновенно выбивает из школы и, при нынешних условиях, разбивает учебную карьеру воспитанника»⁴²¹.

При установлении частично законченного образования С.Г. Рункевич предлагал изменить и само именование духовной школы: первая должна именоваться семинарией, вторая – высшим духовным училищем.

Наконец, четвертым основным положением предстоящей реформы он считал то, что «учебный план должен быть построен на основе компенсирования наук». Сосредоточивая в себе все необходимое для прямых целей духовной школы, учебный курс не должен в ущерб основным предметам загромождаться как второстепенными и вспомогательными предметами, так и бесцельными повторениями одного и того же в

⁴²¹ Там же. Л. 27.

разных курсах и классах. Пытаясь совместить в себе полный курс гимназий со специальными предметами, духовная школа являлась как бы двойным учебным заведением. Однако возросший в то время уровень знаний настойчиво требовал специализации учебных заведений, которая уже всюду практически и осуществлялась в виде классических, реальных и технических учебных заведений. Все они строились на одном и общем принципе компенсирования наук, или замены цикла наук одного рода циклом наук другого рода. В то же время не было никакого основания не признавать цикла духовных наук в общеобразовательном отношении равноценным циклу наук классических, реальных или технических и требовать для полноправности общеобразовательного ценза школы обязательного включения в нее одного из вышеперечисленных, преимущественно первого цикла наук⁴²².

Ко всему вышесказанному С.Г. Рункевич прилагал подробный учебный план с распределением учебных часов по каждому предмету для пяти классов первого духовно-учебного заведения – семинарии, и трех классов второго – высшего духовного училища⁴²³. При этом он обращал внимание на ряд важных преимуществ предлагаемого проекта.

В частности в педагогическом отношении: разбивалось существующее непомерное скопление воспитанников в семинариях, воспитанники отрывались бы от семьи в сравнительно большей крепости тела и духа, значительно ослаблялось бы «фабричное влияние губернских городов на юный возраст» и усиливалось бы «благотворное влияние провинциальной патриархальности». Рункевич указывал также на то, что при реализации проекта не встретится затруднений и в финансовом отношении. Пятый класс в первом училище должен был найти для себя место в помещении упраздняемого приготовительного класса. Общая же вместимость училищных зданий не могла

⁴²² Там же. Л. 26–28.

⁴²³ Там же. Д. 8. Л. 32 об.

препятствовать этому, так как существующие 1, 2 и 3-й классы семинарии, переводимые в духовные училища, ввели бы туда меньшее число воспитанников, а имеющиеся 1-й и 2-й классы духовных училищ, переводимые в местные школы, в то же время ввели бы большее их число.

В общекультурном отношении предполагаемая реформа, предлагаемая С.Г. Рункевичем, повела бы, по его мнению, к поднятию духовно-просветительских центров в провинции по уездным городам и местечкам, где в то время имелись духовные училища. В научном отношении благоприятные последствия сказались бы в том, что сохранено было бы для оканчивающих первую школу, семинарию, стремление продолжать и закончить духовное образование во второй школе, высшем духовном училище, где сосредоточены самые интересные курсы наук. Кроме того, при предлагаемом проекте представилась бы возможность допущения в высшее духовное училище лиц, уже состоящих на церковной службе, и, таким образом, в духовной среде сохранилось бы часто исчезающее по окончании семинарии стремление к продолжению духовного образования. «Эта сторона проектируемой реформы, – писал Рункевич, – заслуживает особого внимания. В настоящее время в духовно-школьном деле действует принцип формального характера: не давать диплома лицам недостаточно подготовленным; вследствие этого все внимание направлено к затруднению условий получения диплома. С признанием должного значения этого принципа мудрой осторожности во главу настоящего проекта ставится принцип не формального, а существенного значения, вытекающий из взгляда на духовное образование, как на благо само по себе, по самой природе задачей духовно-школьного дела должно являться облегчение возможности получения духовного образования»⁴²⁴.

Так в основных чертах выглядел проект реформы, предложенный С.Г. Рункевичем.

⁴²⁴ Там же. Л. 36–40.

Выработанная тогда Учебным комитетом реформа имела главным образом педагогические цели – разгрузить многочисленные семинарии, а в учебном отношении – устроить духовную школу так, чтобы в ней был дан «естественный отстой элементов, принимаемый в нее без разбора, а затем, в пастырских (трех) классах, можно было оперировать уже для прямой цели школы с элементами, ей сродными и соответственными». Оставлено было по-прежнему обособление так называемого общего образования собственно богословского, «и духовная школа по-прежнему оставалась слагаемой как бы из двух самостоятельных школ разного характера»⁴²⁵.

Однако проект этот не получил в жизни никакого осуществления.

В 1910 году Учебным комитетом Святейшему Синоду был предоставлен новый проект, сохранивший существующее деление учебных лет: четыре – в духовном училище и шесть – в семинарии. Проект был рассчитан практически на полное уравнение учебного курса с гимназическим, к которому лишь добавлялись духовные науки, но так, что проходили через все классы, устраняя прежнее ее разделение на общеобразовательную и богословскую. Получалась единая духовная школа, но ее недостаток был – излишнее обременение учащихся. Но и этот проект не получил осуществления. Взамен его синодальной комиссией в 1911 году был выработан новый проект, устанавливавший шесть общеобразовательных классов, равных гимназическим, и четыре класса богословской школы. Предполагалось, что желающие смогут переходить из духовной школы в седьмой класс гимназии. Между тем проект не был допущен в жизнь Государственной Думой, отпустившей кредиты на духовно-учебные заведения под условием сохранения status quo 1906 года, без каких бы то ни было реформ помимо Государственной Думы. В Думу же вносить этот проект было явно безнадежно.

⁴²⁵ Там же. Д. 9. Л. 19.

О проекте реформы 1910 года С.Г. Рункевич позже писал в одной из своих записок: «Реформа 1910 года, не утвержденная к осуществлению, тем не менее, главной своей частью вошла в жизнь. Широко и благородно задуманная, она стремилась как можно выше поднять светоч знания, быть может даже не считаясь с действительностью»⁴²⁶.

В конце декабря 1908 года С.Г. Рункевич по поручению Учебного комитета выезжал в Москву для ознакомления с имеющимися на устроенной там выставке материалами относительно борьбы с пьянством⁴²⁷. Целью поездки было – подобрать подходящие материалы, которые могли бы быть предложены в виде пособий для учащихся духовно-учебных заведений. Учебный комитет в то время пришел к выводу, что для успешной пастырской борьбы с пьянством среди населения России учащихся духовной школы необходимо наглядно знакомить со всеми губительными последствиями этого порока и мерами его искоренения. Для этого в курс духовных семинарий предполагалось ввести в виде самостоятельного предмета или в качестве дополнения к преподаваемой в некоторых семинариях гигиене изучение алкоголизма: его вреда в моральном, физическом и бытовом отношении и мер борьбы с ним. Зарубежный опыт борьбы с алкоголизмом показал, что административные мероприятия решающей силы в этом вопросе не имеют и что наиболее целесообразным является нравственное воздействие на население. При этом признавалось необходимым, прежде всего, направлять усилия на внедрение в народе сознания вреда пьянства для человеческой жизни во всех ее проявлениях.

Ознакомившись с выставкой, С.Г. Рункевич рекомендовал Учебному комитету три категории мер, которые можно было применить по данному предмету в духовных школах.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 112. Л. 12 об.–13 об.

Во-первых, с целью укрепления и развития в учащихсЯ убеждения о вреде употребления алкоголя, в дополнение к ведущимсЯ уже преподаванию о греховности пьянства и приносимом им вреде для души, знакомить учащихсЯ и с физиологическим вредом от алкоголя на организм человека. Это могло бы делаться при посредстве наглядных пособий, с необходимыми разъяснениями обязательно для всех учащихсЯ, на уроках гигиены (где она преподавалась) или на особых лекциях. Во-вторых, знакомить учащихсЯ старших классов с существом и способами церковно-общественной деятельности по распространению трезвости в народе при посредстве обществ трезвости и других видов общественной деятельности. И, в-третьих, для облегчения самостоятельного ознакомления с вопросами трезвости и изучению борьбы с алкоголизмом, образовать в ученических библиотеках особый отдел борьбы с алкоголизмом, по возможности следя за текущей литературой по этому вопросу.

В завершение своего доклада Учебному комитету Рункевич говорил: «В отношении применения проектируемых мер, следует иметь в виду, что в настоящем деле преимущественно требуется искреннее, совместное и согласное действие воспитателей, преподавателей и врачей, в сознании глубокой важности для блага человечества деятельной борьбы с алкоголизмом; только в таком случае можно с уверенностью ожидать, что семя благодетельного знания, полученное в школе, при правильном посеве даст здоровый росток на благоприятной почве и образует убежденных и надежных борцов с алкоголизмом и поборников трезвости среди гибнущих от алкоголя деревни и фабрики»⁴²⁸.

Вместе с тем Рункевичем были представлены Учебному комитету краткие отзывы о противоалкогольных книгах

⁴²⁸ Об ознакомлении воспитанников духовно-учебных заведений с губительными последствиями алкоголизма. (Из доклада члена Учебного Комитета при Св. Синоде С.Г. Рункевича) // Прибавления к Ц Вед. – 1909. – №26. – С. 1182–1186.

и брошюрах, издаваемых Александро-Невским обществом трезвости. Отзывы эти были напечатаны в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям»⁴²⁹.

На основании доклада С.Г. Рункевича Учебный комитет обозначил ряд мероприятий, необходимых для введения в духовно-учебных заведениях, с целью ознакомления учащихся с губительными последствиями алкоголизма (журнал от 17 февраля 1909 года №58). Свои соображения комитет передал на рассмотрение в Святейший Синод, следствием чего стало появление синодального проекта об усилении мер со стороны духовенства по борьбе с алкоголизмом. В нем предлагались и мероприятия, предложенные Учебным комитетом по ознакомлению воспитанников семинарий, особенно старших классов, «с губительными последствиями алкоголизма, дабы, по выходе из школы на дело свое, они являлись крепкими и убежденными борцами с этим народным недугом»⁴³⁰.

3.3. К вопросу о кодификации церковных законов

В 1909 году по инициативе С.Г. Рункевича в «Церковных Ведомостях» было начато печатание «Разъяснительных сепаратных определений Святейшего Синода по предметам церковного суда»⁴³¹. В предуведомлении к их публикации указывалось два мотива. Во-первых, говорилось о том, что в последние годы в жизни и деятельности священноцерковнослужителей и прихожан возникло много таких обстоятельств и положений, которые не встречались в прежней практике действий

⁴²⁹ Издания Александро-Невского общества по предметам трезвости. (Из отчета члена Учебного Комитета при Святейшем Синоде, доктора церковной истории С.Г. Рункевича) // Прибавления к Ц Вед. – 1908. – №46. – С. 2208–2210; 1909. – №1. – С. 37–38, №3. – С. 128–130, №4. – С. 175–176.

⁴³⁰ *Благовещенский П.* В Борьбе за трезвость // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №42. – С. 1782.

⁴³¹ Разъяснительные сепаратные определения Святейшего Синода по предметам церковного суда // Ц Вед. – 1909. – №4–11, 15.

церковной власти и не предусмотрены прямо в действующих по духовному ведомству правилах. Епархиальные начальства часто оказывались в затруднительном положении относительно оценки действий подведомственного им лица, а также относительно применения к нему при необходимости тех или иных мер воздействия, «и обыкновенно испрашивали руководственных указаний Святейшего Синода, каковые и были преподаваемы по каждому определенному случаю»⁴³². Во-вторых, Святейшим Синодом неоднократно давались разъяснительные указания и по поводу неправильного применения в некоторых делах епархиальными властями действующих по предметам церковного суда правил. «Таковые сепаратные разъяснительные определения Святейшего Синода, – писал Рункевич, – в полном объеме обязательные и применимые в отношении каждого отдельного дела, по коему они даны, содержат в себе вместе с тем и общие руководственные указания, которые могут быть применяемы и к другим однородным или сходным по существу делам, по соображению с обстоятельствами каждого дела»⁴³³. Ввиду этого, а также с целью сокращения переписки между епархиальными и центральными органами церковного управления, и было предпринято печатание сепаратных разъяснительных определений Святейшего Синода по вопросам церковного суда за последние годы с подробным изложением обстоятельств дела без упоминания лиц и мест.

Однако, начав публикацию разъяснительных постановлений, редакция «Церковных Ведомостей» по каким-то причинам вскоре прекратила их печатание.

Инициатива С.Г. Рункевича была вызвана известными проблемами в области церковного суда, вытекавшими из общего неудовлетворительного состояния на то время церковно-законодательной базы в Русской Православной Церкви. На

⁴³² Там же. – №4. – С. 20.

⁴³³ Там же.

протяжении многих лет своей службы в Синоде Рункевич наблюдал, какие трудности вызывало отсутствие единого кодекса церковных законов. Еще во время работы Предсоборного Присутствия ему пришлось быть свидетелем, в каком затруднительном положении дела законодательства оказались члены Присутствия, и в частности III отдела, занимавшегося вопросами организации церковного суда.

Законы и постановления, действовавшие в то время в Русской Церкви, представляли следующую картину. «Устав Духовных Консисторий»⁴³⁴ в качестве оснований для епархиального управления и суда указывал: а) Закон Божий в Священном Писании предложенный; б) каноны или правила Святых Апостолов, Святых Соборов Вселенских и Поместных, Святых Отец; в) «Духовный регламент» и последовавшие за ним указы и определения Святейшего Правительствующего Синода; г) действующие в государстве узаконения.

В перечне не упоминалось о «Кормчей Книге». И хотя с изданием «Книги Правил» «Кормчая» полностью уже не употреблялась, однако некоторые ее положения, касающиеся, например, брачного права, в то время имели еще фактическое применение. Отчасти тоже касалось и неупомянутой в перечне книги «О должностях пресвитеров приходских»⁴³⁵, которая хотя и не считалась источником церковного права, но, тем не менее, и из нее применялись некоторые положения (например, о религиозной подготовке брачующихся). Ввиду такого положения представлялось бы естественным окончательно пересмотреть эти два источника и, изъяв из них необходимое, завершить вопрос с этими книгами, особенно с «Кормчей»,

⁴³⁴ «Устав Духовных Консисторий» издан в 1841 г., и вторично, в исправленном виде, в 1883 г. Он разделялся на четыре части: 1) общие положения для деятельности консистории; 2) полномочия и порядок деятельности епархиального управления; 3) о епархиальном суде; 4) о составе консистории и о порядке в ней делопроизводства.

⁴³⁵ Книга «О должностях пресвитеров приходских» составлена епископом Смоленским Парфением (Сопковским) совместно с Могилевским святителем Георгием (Конисским) (изд. СПб., 1776 и след. изд. Московской синод. тип., 1861).

перенеся их из группы источников в группу памятников церковного законодательства.

В особом положении находился и «Духовный Регламент»: некоторые пункты его (например, об училищных домах и учителях, раскольниках и др.) в то время уже утратили всякое практическое значение, и потому представлялось логичным, взяв в свод то, что действует, отнести «Регламент» также к числу памятников русского церковного права. Но главная проблема была в том, что «Духовный Регламент» являлся учредительным актом, утвержденным Восточными патриархами, для существующего органа церковного управления – Святейшего Правительствующего Синода. Ввиду этого изъять в то время «Духовный Регламент» из числа действующих источников, до коренной реформы высшего церковного управления, не представлялось возможным, а можно было лишь ограничиться внесением из него в предполагаемый свод фактически действующих и применимых норм. Наряду с «Духовным Регламентом» в «Уставе Духовных Консistorий» назывались указы и определения Святейшего Синода. Однако эти указы и определения, простирающиеся количеством до нескольких десятков тысяч и представлявшие собой богатейший материал для уяснения права и нормообразующей деятельности Русской Православной Церкви и являющие собой зеркало управления ею Святейшим Синодом, все еще не были собраны, объединены и систематизированы⁴³⁶. В частности, определения, не заключенные в циркулярные указы, были рассеяны по духовным периодическим изданиям, которые преемственно в разное время имели значение официальных органов: «Духовная Беседа», «Церковный Вестник», а с 1888 года – «Церковные Ведомости».

Кроме того, в то время по ведомству православного исповедания действовало большое количество отдельных уставов,

⁴³⁶ Нельзя было считать за надлежащее собрание и сборник циркулярных указов, составленный А.А. Завьяловым, начинающийся с 1867 г. и оканчивающийся в 1900 г., а с этого времени не появилось и такого сборника.

положений, инструкций, как удостоившихся высочайшего утверждения, так и изданных Святейшим Синодом, и охватывающих многообразные стороны и предметы церковной жизни. К этому нужно прибавить немалое количество отдельных циркуляров и руководственных распоряжений, изданных, помимо Святейшего Синода, по отдельным частям центрального управления – канцелярии обер-прокурора, Хозяйственному управлению, Учебному комитету и Училищному совету. И, наконец, оставался целый ряд гражданских законов, изданных в общем порядке и касающихся Православной Церкви.

Все это разнообразие законов и постановлений, при отсутствии систематизации, самым неблагоприятным образом отражалось на делах церковного управления и особенно в местных органах управления и суда.

Сравнивая, например, «Устав Духовных Консисторий» издания 1883 года со всеми изданными впоследствии циркулярными распоряжениями и гражданскими законами, можно было видеть, что уцелело не очень много статей. При этом, чтобы точно выяснить, что же именно осталось от известной статьи и какое было действительное требование закона, приходилось проделывать чрезвычайно сложную работу – разного рода сопоставления и подбор распоряжений.

Служа в Синоде, С.Г. Рункевич прекрасно знал, как крайне нелегко приходилось секретариату при огромной массе дел и законов справляться с поступающими на рассмотрение Синода разного рода делами. Хотя секретариат и имел для себя надежную опору в лице обер-секретаря и управляющего канцелярией, однако при быстром росте дел и увеличении постановлений по ведомству неминуемо приближалось то время, когда никакая человеческая память не в состоянии была бы удержать все действующие постановления, и особенно практику Святейшего Синода по отдельным аналогичным какому-либо разрешаемому делу случаям.

Проблема была на поверхности и вопрос о ее решении в Святейшем Синоде поднимался не раз. Первый опыт издания особого собрания церковных законов в синодальный период был предпринят еще в XVIII столетии попыткой перевода и издания книги Беверегия⁴³⁷ – «Пандекты Ориенталис Эклезие»⁴³⁸. Затем в разное время известны были попытки составления подобного рода сборников, предпринятые епископом Оренбургским Августином (Сахаровым)⁴³⁹, секретарем Святейшего Синода Яковом Гиновским⁴⁴⁰, чиновником Собственной Его Императорского Величества Канцелярии А.П. Куницыным⁴⁴¹.

⁴³⁷ Беверегий (Беверидж) – знаменитый издатель канонических правил Восточной Церкви.

⁴³⁸ Пандекты, греч. (Дигесты, лат.) – сборник юридических документов, составленный в Византии в первой половине VI в. при императоре Юстиниане – собрание мнений авторитетных юристов. В системе римского права силу закона имели и мнения выдающихся юристов, получавшие официальную санкцию со стороны императоров. Составленные в разное время и многочисленные по количеству, они существовали только в разрозненном виде. В Пандектах они впервые были собраны и систематизированы. Сборник стал совершенно новым собранием юридических документов, так как эти мнения никогда прежде не кодифицировались. Мнения юристов, даже и языческих, оказали сильное влияние и на область церковного брака. Так, определение брака в славянской Кормчей принадлежит одному римскому юристу из Пандект.

⁴³⁹ Августин (Сахаров), епископ Оренбургский и Уфимский (1768–1842). Автор нескольких печатных «Слов». Список рукописных произведений Августина составлен Н. Калининским («Странник». – 1866. – №5, 6).

⁴⁴⁰ После 30-летней службы в Св. Синоде Я. Гиновский составил сборник «Оглавление законам Греко-Российской Церкви» в пяти частях: 1) о законоположении церковном и о церковных законах или правилах; 2) о церквах, монастырях, церковных вещах, церковной и монастырской собственности; 3) о Св. Синоде, Архиереях и епархиях, делах духовенства и монашества; 4) о местах и заведениях духовного ведомства (училищах, типографиях, богадельнях) и 5) о управлении судебной части. Первые две книги вышли в 1827 и 1828 гг. Однако неясное расчленение канонических и догматических понятий, смешение законоположений с распоряжениями, спутанность систематизации и неточность редакции вызвали резкий отзыв о книге со стороны святителя Филарета (Дроздова), после чего издание было остановлено.

⁴⁴¹ Куницын Александр Петрович (1783–1841) – выдающийся русский юрист. Служил в Комиссии для составления законов, преобразованной во II отделение Собственной Ее Величества Канцелярии. В 1835 г. под его руководством составлен «Сборник», в который вошли: а) все постановления по церковным делам от верховной власти и от Св. Синода изданные, б) определения Св. Синода по частным делам, коих сила распространена на подобные случаи, или которые приняты примером в решении других частных дел, в) решения Св. Синода по вопросам духовных и светских властей о случаях недоуменных, которые не определены ни каноническими правилами, ни отечественными узаконениями, и г) указы Св. Синода епархиальным

Более серьезным опытом в этой области стали издания: «Книги правил», «Устава Духовных Консистолий», «Полного Соборания постановлений и распоряжений по ведомству Православного Исповедания» и «Циркулярных указов Святейшего Синода» А.А. Завьялова⁴⁴².

Новый толчок проблеме кодификации церковных законов дало Предсоборное Присутствие 1906 года, оставив в своих трудах проекты кодексов по церковному суду, о приходе, о составе Синода, о патриархе, об окружном духовном управлении, о епархиальном управлении, об устройении церковных дел на Кавказе, о миссии, о духовно-учебных заведениях. Но практического значения эти кодексы не имели, так как представляли собой лишь проекты, не получившие утверждения. После прекращения работ Предсоборного Присутствия в разное время был открыт целый ряд совещаний для детальной разработки реформы отдельных частей церковного управления, из которых следует упомянуть совещания: о приходе, о расторжении браков, о церковном хозяйстве, об обеспечении духовенства. Все эти совещания собирали действующие по предметам их рассмотрения законоположения и составляли проекты новых законоположений, которые большей частью хотя и были отпечатаны в синодальной типографии, однако остались без осуществления.

Существующее неудовлетворительное положение дел в области церковного законодательства подтолкнуло С.Г. Рункевича проявить со своей стороны инициативу и подать в Синод записку «К вопросу об устройстве кодификационной

начальствам, излагающие способы приложения общих государственных законов к делам духовного ведомства. Однако «Сборник» остался в рукописи.

⁴⁴² Завьялов Алексей Александрович (1861 – 1907) – писатель. Выпускник С.-Петербургской дух. академии (1885). Состоял прокурором и управляющим канцелярией Московской синодальной конторы. Главные его труды: «Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II» (СПб., 1900, магистр. дисс.); «К вопросу о браке и брачном разводе» (СПб., 1892); «О присяге» (СПб., 1901); «Римские катакомбы» (СПб., 1903) и др.

части при Канцелярии Св. Синода»⁴⁴³. Обрисовывая общее положение дел, С.Г. Рункевич, в частности, замечал: «Чем дальше, тем естественно дело сведения законов будет труднее, а работа в учреждениях станет прямо непосильной; в свою очередь, чем дальше будет отдаляться начало образования свода, тем больше может оказаться недочетов и пятен и на решениях Высшего Центрального Управления. Ведь трудно сейчас секретариату, но еще труднее иерархии и в частности членам Св. Синода...»⁴⁴⁴. Как на побудительный стимул к безотлагательному составлению сборника он указывал на мысль о предполагаемом Соборе и вообще о возможной реформе высшего церковного управления. «Ведь Собор, – писал Рункевич, – если он будет инициатором реорганизации церковного строя, станет при теперешнем положении дела, в недоумение: что закон и что уже не закон. Естественно, тотчас же явится нужда в пересмотре, в проверке, в справках, и если это будет сделано спешно, *ad hoc*, то трудно надеяться, чтобы все прошло, как следует, а главное безошибочно»⁴⁴⁵.

Исходя из вышесказанного, С.Г. Рункевич предлагал незамедлительно начать кодификационную работу по ведомству православного исповедания, главной целью которой должно было стать «издание свода церковно-гражданских постановлений и узаконений по ведомству Православной Церкви и соответственные, время от времени, по мере нужды, дополнение или новое издание тех или иных томов или отделов свода». Местом организации и ведения дела, по его мнению, должна была стать синодальная канцелярия «как ближайший вспомогательный орган право- и нормообразующей деятельности Св. Синода, – независимо от того будет ли в состоянии Канцелярия обойтись наличными штатными чинами, или для сего на известных условиях, будут привлечены сведущие люди

⁴⁴³ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 19. Л. 7–13.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 9.

⁴⁴⁵ Там же.

со стороны, напр[имер], из кодификационного отдела Государственного Совета»⁴⁴⁶.

Для проведения подготовительных работ, с которых предполагалось начать дело составления «Свода», по мнению С.Г. Рункевича должны были быть поставлены следующие задачи:

«1) Собрание и систематизация всех за синодальный период именных Его Величества Синоду указов, имеющих общее значение и до ныне действующих как закон.

2) Собрание, составление и систематизация всех циркулярных (печатных) указов Св. Синода.

3) Собрание, сопоставление и систематизация всех распоряжений общего характера, как опубликованных по определению Св. Синода, так и изданных органами Центрального управления и помещенных в периодических духовных изданиях, служивших для Высшей Церковной Власти время от времени печатными органами.

4) Собрание и группирование всех действующих по ведомству утвержденных как Церковной Властью, так и Св. Синодом Уставов, Инструкций, Правил, Положений, Штатов и т.п.

Примечание. Представляется желательным сгруппирование уставов учреждений отдельных епархий, – касс, свечных заводов, типографий, братств, богаделен, монастырей, общин, попечительств и т.п.

5) Извлечение из Свода Законов Российской Империи всех статей, относящихся к ведомству Православной Церкви.

6) Собрание и систематизация определений, в виде копий с протоколов, Св. Синода по текущим делам, имеющим принципиальный характер.

7) Собрание всех посланий Св. Синода чадам Православной Церкви»⁴⁴⁷.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 12–13.

Он отмечал, что кроме перечисленного могут встретиться и другие предметы, требующие исследования, собирания и систематизации.

Рункевич также подчеркивал, что вся эта работа ни в коем случае не может быть произведена единолично и при наличном составе канцелярии. Он обращал внимание на то, что выясняется необходимость учреждения при канцелярии Святейшего Синода особого Кодификационного отдела, – или в качестве особого отделения (по примеру Статистического отдела при канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода) или в качестве особого секретариата при управляющем.

«Если бы было признано на первых порах, в виде опыта, соответственным ограничиться учреждением именно секретариата при управляющем с возложением ближайшего заведывания на одного из штатных чинов Канцелярии, – писал С.Г. Рункевич, – то, казалось бы, что для начала дела достаточно четырех чиновников – 2 машинистов и 2 для ведения алфавитов и другой работы»⁴⁴⁸. Относительно же частности ведения дела, как-то – алфавитов, способа систематизации и прочего, Рункевич брался представить по надобности особо.

Однако предложение Рункевича так и не получило официального развития, хотя вопрос кодификации был на то время, и особенно в преддверии Поместного Собора, архи актуальным. Вот что писал уже в 1913 году о состоянии правовой базы Русской Православной Церкви профессор П.В. Верховский: «В области русского церковного права создался такой хаос противоречий между древними и новыми нормами, между вселенским каноническим преданием и современной канонической действительностью, что привести этот хаос к логическому единству без переработки всего русского церковного права заново совершенно невозможно»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 13.

⁴⁴⁹ Цит. по: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни: Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. – С. 63.

3.4. В духовных семинариях

18 марта 1909 года С.Г. Рункевич за выслугу лет был произведен из коллежских в статские советники⁴⁵⁰.

9 июня 1909 года его назначили в помощь Нижегородскому Преосвященному Назарию (Кириллову), с которым он участвовал в ревизии Саратовского епархиального управления⁴⁵¹, в бытность на Саратовской кафедре в то время епископа Гермона (Долганева). В результате этой ревизии, Святейшим Синодом была легализована система дознаний, не предусмотренная уставом духовных консисторий, требовавшим назначения по всем доносам громоздкого и тягостного для духовенства следствия.

В том же году при ревизии Таврических учебных заведений С.Г. Рункевичем были собраны сведения о попытке учреждения сектантского учебного заведения в пределах Таврической епархии и представлена записка о типе православной миссионерской семинарии. По результатам его наблюдений, в преподавании духовно-учебных заведений были выделены и усилены миссионерские элементы, и началось учреждение миссионерских курсов при двухклассных школах для подготовки миссионеров в помощь священникам⁴⁵².

К началу 1910 года в Учебном комитете при Святейшем Синоде было завершено составление сводок поступивших отзывов от Правлений духовных семинарии и училищ о новых учебных программах, выработанных комитетом в 1906 году. Для дальнейшего пересмотра учебных программ 22 января 1910 года при Учебном комитете были образованы специальные комиссии с привлечением компетентных лиц из петербургских протоиереев и преподавателей столичной духовной академии. Председателем комиссии по церковной истории – общей и

⁴⁵⁰ Ц В е д. – 1909. – №31. – С. 308.

⁴⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 9.

⁴⁵² Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 383–384.

русской – был назначен С.Г. Рункевич⁴⁵³. В составе этой комиссии работали преподаватели С.-Петербургской духовной академии: профессора А.И. Бриллиантов, Н.И. Сагарда, И.И. Соколов, доцент Б.В. Титлинов, преподаватель С.-Петербургской духовной семинарии Хрисанф Попов, учителя Александроневского духовного училища Григорий Смирнов и Михаил Соколов⁴⁵⁴. В параллельной комиссии, по гражданской истории, трудился младший брат С.Г. Рункевича Николай, в то время преподаватель С.-Петербургской духовной семинарии⁴⁵⁵.

Кроме председательства и работы в комиссии по церковной истории Рункевич с 15 марта 1910 года был включен в состав комиссии для пересмотра программ духовных семинарий по обличительному богословию, истории и обличению старообрядчества и сектантства, работавшей под председательством протоиерея Казанского собора Василия Прозорова⁴⁵⁶.

Еще до начала работы комиссий С.Г. Рункевич начал печатание в «Прибавлении к Церковным Ведомостям» критических очерков «О преподавании в семинариях», составленных им по материалам Учебного комитета. В них он анализировал недостатки преподавания в семинариях ряда дисциплин, выявленных экзаменационными комиссиями духовных академий во время вступительных экзаменов и ревизорами духовно-учебных заведений⁴⁵⁷. В очерках Рункевич коснулся преподавания предметов: Священного Писания, богословия и истории. В его рассуждениях чувствовалась глубокая и искренняя заинтересованность проблемой, особенно там, где дело касалось истории.

Комиссия по пересмотру программ общей и русской церковной истории, которую возглавлял С.Г. Рункевич, рассматривала

⁴⁵³ Там же. – С. 383–384.

⁴⁵⁴ Ц Вед. – 1910. – №5. – С. 19.

⁴⁵⁵ Там же. – С. 20.

⁴⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 9.

⁴⁵⁷ Рункевич С.Г. О преподавании в семинариях. (По материалам Учебного Комитета) // Прибавления к Ц Вед. – 1910. – №3. – С. 94–97; №12. – С. 546–549; №16–17. – С. 728–731.

и программу, составленную еще за шесть лет до этого самим Рункевичем. В 1904 году председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде протоиерей П.А. Смирнов поручил С.Г. Рункевичу пересмотреть принятую в то время в семинариях программу истории Русской Церкви, составленную на основе учебника профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского. Высокие достоинства этого учебника были в свое время общепризнанными. Однако к началу XX столетия в нем отчетливо вырисовались два главных недостатка: 1) устарелость – как научная, так и фактическая в изложении синодального периода истории Русской Церкви, получившего вообще недостаточное освещение и не касавшегося многих важных явлений церковной жизни последних лет, и 2) обилие подробностей и подразделений за предшествующее время. Пересматривая тогда учебную программу, Рункевич переработал ее и дополнил «изложением явлений и событий русской церковной жизни со времени учреждения Святейшего Синода». Теперь в комиссии эта программа пересматривалась снова, но уже при участии С.Г. Рункевича совместно с Б.В. Титлиновым. Главной целью ее переработки было упрощение и сокращение преподавания.

Прежняя программа допускала деление истории Русской Церкви на пять периодов в соответствии с делением, принятым у митрополита Макария (Булгакова). Но такое деление было признано не имеющим для себя ни достаточных внутренних оснований в особенности русской церковной жизни, ни удобства для изучения. Так, ввиду последнего, при дробности периодов приходилось нередко прерывать естественную последовательность повествования, повторяться, лишая изложение разных сторон церковной жизни единства и цельности. Поэтому для новой программы, вслед за профессором Е.Е. Голубинским, было принято «более удобное» разделение истории Русской Церкви на три периода: Киевский, Московский и Санкт-Петербургский. Кроме этого, новая программа, во

избежание той же неудобной дробности и для большей последовательности изложения, соединила некоторые главы прежней программы и дала им несколько иную группировку.

С педагогической стороны новая программа выдвигала «на должное место» воспитательное значение науки истории Русской Церкви. Учащимся рекомендовалось обстоятельно знакомиться «со святыми местами родины, ее святынями и важнейшими церковно-археологическими достопримечательностями». Преподавателям русской церковной истории вменялось в обязанность дополнять свои уроки сообщением учащимся подробных сведений о замечательных церковных событиях местной епархиальной жизни, о местных святых и подвижниках благочестия, о местных святынях: монастырях, храмах, чудотворных иконах, святых мощах⁴⁵⁸.

Надо сказать, что почти все учрежденные в 1910 году комиссии успешно выполнили свою задачу, выработав новые программы, причем «некоторые добились в своей области высокой степени совершенства». Однако дальнейшее применение новых программ было приостановлено ввиду предположенной коренной реформы духовно-учебных заведений, с которой должны были согласоваться и сами программы. Лишь впоследствии (1914–1916) новые программы были разосланы по духовно-учебным заведениям и в большинстве своем приняты к руководству.

С 22 июня по 23 августа 1910 года С.Г. Рункевич во время увольнения помощника управляющего синодальной канцелярией в двухмесячный отпуск исполнял его обязанности⁴⁵⁹.

18 сентября 1910 года он был командирован для ревизии Волынской духовной семинарии по случаю происшедшего там крупного бунта.

⁴⁵⁸ Новая программа по истории русской Церкви для Духовных Семинарий // Прибавления к Ц Вед. – 1916. – №30. – С. 752–753.

⁴⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 11.

В Волынской семинарии, как и во многих семинариях того времени, уже на протяжении многих лет шло брожение, оно то затихало, то вновь усиливалось, выливаясь временами в беспорядки. Занимавший тогда Волынскую кафедру архиепископ Антоний (Храповицкий) не раз в своих письмах к Киевскому митрополиту Флавиану (Городецкому) сообщал о разного рода нестроениях в духовных школах своей епархии. Так, в январе 1907 года он писал митрополиту: «У нас в семинарии были жандармские обыски и сопротивление учеников III и IV классов: арестовано 14 человек, и найдено около 200 революционных брошюр. Я думаю, что тех и других будет гораздо более; – видно плохо искали»⁴⁶⁰.

После отъезда С.Г. Рункевича на Украину, на следующий день, 19 сентября, в Учебный комитет от владыки Антония (Храповицкого) пришла телеграмма: «Покорно прошу поручить г[осподину] Рункевичу четыре духовных училища епархии. В ревизии насущная потребность»⁴⁶¹. Отзываясь на просьбу Преосвященного, Учебный комитет 21 сентября поручил С.Г. Рункевичу ревизовать кроме семинарии еще и четыре училища: Житомирское, Кременецкое, Клеванское и Мелецкое⁴⁶².

Во время этой командировки с С.Г. Рункевичем случилось неприятное происшествие, едва не стоившее ему жизни.

По приезду в Житомир ему была отведена комната в квартире епархиального миссионера архимандрита Митрофана, отсутствовавшего в то время по миссионерским делам. В одной из комнат той же квартиры временно проживал приехавший ранее некий Трифонов, бывший студент духовной академии. Этот молодой человек, в свое время окончив Якутскую духовную семинарию, был послан на казенный счет в Казанскую

⁴⁶⁰ В церковных кругах перед революцией. (Из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту Киевскому Флавиану) // КА. – 1928. – №6. – С. 211.

⁴⁶¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 537. Л. 1.

⁴⁶² Там же. Л. 1–1 об.

духовную академию, из которой, однако, был вскоре отчислен за дурное поведение. В 1909 году он явился к Преосвященному Антонию в Житомир и, так же как и другие приезжавшие студенты, был радушно принят владыкой и помещен в квартире архимандрита Митрофана, находившейся недалеко от архиерейских покоев.

С приездом С.Г. Рункевича Трифонов стал обнаруживать в своем поведении какую-то ненормальность. Как-то раз он предложил келейнику архимандрита Митрофана Якову «зарезать синодального чиновника с целью ограбления». Келейник не отнесся к этим словам серьезно, однако посчитал нужным предупредить столичного гостя. Через некоторое время Трифонов явился в квартиру с большим ножом и хотел было наброситься на Рункевича в то время, когда тот надевал пальто. Но к счастью, келейник Яков, подававший пальто Рункевичу, вовремя заметил нападавшего в зеркале и обезоружил его⁴⁶³. Трифонов арестовали, и было возбуждено уголовное дело о покушении на убийство. У владыки Антония в связи с происшедшим возникли большие неприятности из Синода за то, что он принимает у себя неизвестно каких людей. Любопытно, что в 1911 году в Петербурге этот же Трифонов совершил покушение и на самого владыку Антония (Храповицкого), кинувшись на него с ножом, во время совершения владыкой богослужения в церкви Благовещенского синодального подворья. Владыку Антония спасло тогда чудо⁴⁶⁴.

В 1910 году С.Г. Рункевич опубликовал в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» несколько заметок о проблемах преподавания в духовных семинариях. Написаны они были на основании личных впечатлений, полученных им во время ревизий духовно-учебных заведений, а также отчетов других

⁴⁶³ *Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого.* Т. II. – Нью-Йорк, 1957. – С. 248.

⁴⁶⁴ Там же.

ревизоров, представленных в Учебный комитет⁴⁶⁵. Заметки касались предметов Священного Писания, богословия и истории, главным образом церковной. В них он говорил о наблюдаемых в семинариях типичных недостатках в преподавании и о возможных способах их преодоления.

Кроме того, большая часть материалов, предоставленных С.Г. Рункевичем в отчете о произведенной им ревизии⁴⁶⁶, была опубликована в «Циркуляре по Духовно-учебному ведомству» за 1911 год.

В отчете на базе наблюдений, сделанных во время ревизий духовных школ Таврической и Волынской епархий, С.Г. Рункевичем был высказан ряд мыслей и замечаний, касающихся лучшей организации учебного процесса в духовных семинариях. Ревизии выявили, что преподавание предметов, при общем наличии достаточно неплохого преподавательского состава, не может быть признано вполне удовлетворительным. Неудовлетворительность преподавания С.Г. Рункевич видел в его неправильной постановке, чему указал в своем докладе целый ряд причин и примеров. Среди указанных причин была, между прочим, и довольно распространенная привычка преподавателей запаздывать с началом урока на 10 и более минут, что сокращало время, отведенное на предмет, и вырабатывало привычку к недисциплинированности как у самих преподавателей, так и у воспитанников. Одним из главных недочетов по учебной части в духовно-учебных заведениях являлось, по его мнению, отсутствие у преподавателей специальной технической подготовки к преподаванию. Но и одна только специальная подготовка не устранила бы всех причин к наличию недочетов в постановке учебной части. «Необходимо самым серьезным образом считаться с теми условиями, – писал С.Г. Рункевич, – в которые поставлен тяжелый

⁴⁶⁵ О преподавании в семинариях. (По материалам Учебного Комитета)// Прибавления к Ц Вед. – 1910. – №3. – С. 94–97; №12. – С. 546–549; №16–17. – С. 728–731.

⁴⁶⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1910 г.). Д. 497.

труд преподавателя. Как бы в непрестанной борьбе с самыми законами жизни, требующими движения в развитии, преподаватель из года в год возвращается на старое место, к прежней точке отравления. Самая эта точка отравления в последнее время, когда с такой жестокой энергией осуждены и охулены и учебники и программы, оказывается неустойчивой. Беспорядочная широта программ и учебников, не допускающая физической возможности усвоения их во всей полноте, лишает преподавателя возможности найти для себя точку опоры в современных результатах своего труда. <...>

Нет надобности доказывать необходимость пересмотра программ, потому что она признана уже доказанной, вот уже в течение около десяти лет пересмотр программ производится. Пересмотр этот дал весьма заметные теоретические плоды, упорядочив большинство программ, которые и разосланы в руководства и для соображений преподавателям. Однако, если бы угодно было подсчитать практические результаты, то последние оказались бы крайне ничтожными. Зависит это оттого, что центральное учебное ведомство может рассчитывать на добросовестных исполнителей среди провинциальных деятелей, но ждать оттуда какой-либо инициативы было бы ошибкой. Все и всюду, даже вполне почтенные преподаватели, ждут от центра точных указаний едва ли не на страницы руководств и пособий. <...> Поэтому одно составление удовлетворительных программ, без указания соответствующих учебников мало отличается от предъявления только благих пожеланий без их осуществления»⁴⁶⁷.

Со стороны Учебного комитета, как уже говорилось неоднократно, высказывались пожелания о появлении лучших, чем существующие, учебников, а для учебников по богословским

⁴⁶⁷ Извлечение из отчета члена Учебного Комитета д-ра церковной истории Рункевича о произведенной им в 1909–1910 учебном году ревизии духовно-учебных заведений I-ой епархии / Циркуляр по Духовно-учебному ведомству. – СПб.: Синод. тип., 1911. – №26. – С. 153–155.

и историческим предметам объявлен был даже конкурс на премию. Однако ситуация мало изменялась в лучшую сторону. По этому поводу С.Г. Рункевич замечал, что добрые пожелания «могут оставаться бесплодными до весьма отдаленного будущего». Необходимо было каким-то образом обеспечить поддержку правильному обновлению программ и пособий. «При современном состоянии богословской и исторической науки, – писал он в отчете, – представляющем множество печатного материала и крайнюю бедность его систематизации, ожидать появления удовлетворительного во всех отношениях учебника по богословским и историческим предметам от преподавателей семинарий, обремененных ежедневной тяжелой урочной работой, было бы слишком рискованным. Академические же сферы, поставленные до последнего времени в отношении досуга в гораздо более благоприятные условия, к сожалению отклонившись от первой задачи академий быть высшими учебными заведениями, специализируются преимущественно лишь в отдельных частях той или другой науки и с своей стороны не дают для семинарий учебников. При таком положении дела, с которым не считаться было бы непоправимой ошибкой с точки зрения практического результата, новые учебники могут быть созданы только общими силами»⁴⁶⁸.

Решение проблемы С.Г. Рункевич видел в организации специального духовно-учебного журнала. «Здесь мы подходим к вопросу, – писал он, – давно назревшему, замедление в разрешении которого приносит неисчислимый вред: к вопросу об издании специального духовно-учебного журнала». По его мнению, в таком журнале в отношении существующих уже программы или учебника, совместными силами преподавателей могли бы быть указаны все слабые места программы, исправлены ошибки в учебниках, даны улучшенные варианты изложения в них отдельных мест и целых разделов. Из просветительных центров шло бы постоянное указание на новые

⁴⁶⁸ Там же. – С. 155.

книги с изложением их содержания со стороны практического применения к учебным целям. Выяснением сильных и слабых сторон было бы устранено пренебрежение к учебникам, «значительно муссированное, но отчасти ими и заслуженное». Преподавание стало бы более живым и свежим благодаря тому, что преподаватели «лишены были бы возможности топтаться 20–30 лет на одном тексте учебника». Силой необходимости они были бы вынуждены постоянно быть в курсе новейших сведений по своему предмету – хотя бы потому, чтобы не стать в неловкое положение перед учащимися, для которых журнал также был бы доступен. Учебный комитет же, в свою очередь, на основе разработки материала в своем журнале сам мог бы издавать учебники, вполне удовлетворяющие учебным требованиям. С появлением журнала могла бы быть осуществлена «мечта работников науки» о сведении воедино и освещении всего научного материала, рассеянного в провинциальных изданиях. А при строго деловом направлении журнала, «свободном от заполнения своих страниц усыпляющей глоссолалией, обыкновенно так свободно льющейся из-под пера воспитанников духовной школы», он явился бы мощным органом к оздоровлению духовной школы.

В журнале также «при основной задаче учебной, нашли бы себе неоспоримое место и отделы воспитательный и хозяйственный»⁴⁶⁹.

Кроме того, С.Г. Рункевичем были высказаны предложения по преподаванию отдельных предметов и самой постановке преподавания, о системе формирования семинарских библиотек и, в частности, о необходимости «организовать при Учебном Комитете снабжение семинарий книгами, без предоставления этого дела всецело самим семинариям».

Во время ревизий Рункевич обратил внимание на неудовлетворительное состояние внеклассного чтения среди

⁴⁶⁹ Там же. – С. 155–156.

воспитанников семинарии, виной чему во многом оказалось нежелание самих преподавателей по разным причинам заниматься этим вопросом. «Выясняется и необходимость со стороны Учебного Комитета, – писал Рункевич, – определенным указанием возложить на преподавателей неукоснительную обязанность ознакомления воспитанников с литературой преподаваемого предмета. Такое ознакомление могло бы идти разными путями, например путем выдачи не одной, а нескольких тем для сочинения, с указанием различных источников; или путем обязательства того или иного воспитанника прочесть ту или другую статью к известному уроку, и т.п. Совершенно нет необходимости в подобных случаях заставлять непременно всех воспитанников ознакомиться с рекомендуемой для внеклассного чтения книгой или статьей. Напротив, в этом деле, казалось бы, следует придерживаться возможного разнообразия. Нужно хоть сколько-нибудь учитывать и естественную способность человека к общению. Книга или статья, прочитанная одним, в худшем случае делается известной двоим, а обыкновенно гораздо большему кругу. Почерпнутые из нее одним воспитанником сведения и понятия в известной доле вносятся в умственный оборот всего класса. Это все равно, что газета; имея тысячу подписчиков, она имеет читателей в несколько раз больше»⁴⁷⁰.

10 ноября 1910 года С.Г. Рункевич имел поручение собрать под своим председательством совещание обер-секретарей Святейшего Синода для обсуждения проектов инструкций кандидатам на должность секретаря духовных консисторий⁴⁷¹.

14 мая 1911 года ему было поручено исполнение обязанностей помощника управляющего канцелярией Святейшего Синода, а 23 мая высочайшим приказом по гражданскому

⁴⁷⁰ Извлечение из отчета Члена Учебного Комитета д-ра церк. ист. Ст. Сов. Рункевича о ревизии N-ской семинарии / Циркуляр по Духовно-учебному ведомству. – СПб.: Синод. тип., 1911. – №26. – С. 32.

⁴⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 12.

ведомству С.Г. Рункевич был утвержден в этой должности с увольнением из Учебного комитета⁴⁷².

3.5. Юбилей. Летописец Александро-Невской Лавры

В 1911 году вышел в свет второй том «Описания архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого»⁴⁷³. Так же как и первый том, он был с сочувствием встречен учеными, интересующимися предметами его содержания⁴⁷⁴.

Нужно сказать, что работа над составлением второго тома проходила не без определенных трудностей. В марте 1909 года Лавра, вследствие денежных затруднений, временно приостановила печатание «Описания», но уже в январе 1910 года просила продолжить его. Работы редакции были бесплатные, а за описание дел выплачивался полистный гонорар, сообразованный с условиями оплаты работ в Комиссии по описанию дел синодального архива. Кроме того, для издания описания лаврского архива, по предложению бывшего заместника Лавры архимандрита Корнилия (Смурова), были выбраны лучшие бумага и печать⁴⁷⁵.

В составлении второго тома принимали участие: А.В. Гаврилов, Б.Н. Жукович, К.Я. Здравомыслов⁴⁷⁶, В.А. Ивановский,

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого. Т. 2: (1717–1719 гг.). – СПб.: Синод. тип., 1911. – X, 1928 с.

⁴⁷⁴ Одобрительные отзывы в свое время были написаны: профессором П.В. Верховским, А.А. Завьяловым, К.Я. Здравомысловым, профессорами И.М. Покровским и К.В. Харламповичем.

⁴⁷⁵ *Рункевич С.Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Синод. тип., 1913. – С. 971.

⁴⁷⁶ Здравомыслов Константин Яковлевич (1863–1933) – археограф, биограф, историк. Родился в г. Боровичи Новгородской губ. Выпускник Новгородской дух. семинарии, С.-Петербургской дух. академии (1887) и Петербургского археологического института (1891). С 1889 г. состоял на службе в архиве Св. Синода, с 1903 г. – начальник архива и библиотеки Св. Синода. За 25 лет службы привел в порядок и систематизировал по отделениям библиотеку Св. Синода, составил описи и указатели к делам Синодальной канцелярии, составил и напечатал ряд томов «Описания документов и дел Св. Синода». Участвовал в трудах Комиссии по выработке законопроекта об охране памятников старины, в трудах археологических съездов, в работе Комиссии

С.П. Исполатов, А.В. Королев, Н.В. Нумеров, М.Д. Приселков, Г.М. Рункевич⁴⁷⁷, С.Г. Рункевич и А.Л. Рутковский. Печатался том по-прежнему под общей редакцией доктора церковной истории С.Г. Рункевича.

В феврале 1911 года сам архив Александро-Невской Лавры обрел себе окончательный приют, расположившись в двух комнатах нового здания ризницы, где разместилась также и лаврская библиотека. Тогда же монастырский послушник Федор Морозов⁴⁷⁸, устроивший в Лавре Древлехранилище, предложил составить при помощи слушателей Археологического института,

по научному изданию текста славянской Библии. Составил множество библиографических заметок, биографий и статей для Биографического словаря русских исторических деятелей, Православной богословской энциклопедии. Обширный его труд: «Каталог русских архиереев X–XX веков», законченный в 1920-х гг., хранится в рукописи (ОР РНБ, фонд А.И. Бриллиантова). В 1920-е гг. – начальник Комиссии по описанию дел и документов 2 отделения IV секции ЕГАФ в Петрограде (Ленинграде). В марте 1929 г. арестован за якобы злонамеренную потерю папских булл и других, не имеющих ценности документов, более 4-х месяцев находился под арестом. В конце 1929 г. на 3 года подвергся высылке с запрещением проживать в столицах и некоторых городах. В декабре 1932 г. вернулся в Ленинград, но по случаю введения единой паспортной системы выехал в Боровичи, где, вероятно, и умер. Печатные труды: «Архив и библиотека Святейшего Синода и консисторские архивы» (СПб., 1906); «Двухсотлетие Александро-Невской Свято-Троицкой Лавры (1713–1913 гг.)» (СПб., 1913); «Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени» (Новгород, 1897); «О сочинении душеполезных книг в XVIII столетии» (СПб., 1905); «Сведения о существующих в епархиях церковно-археологических учреждениях и консисторских архивах» (Пг., 1917); «Смутное время на Руси и тогдашние русские люди: К 300-летию Дома Романовых» (СПб., 1913) и др.

⁴⁷⁷ Рункевич Григорий Максимович (7.07.1883 – ?) – сын священника Минской епархии, родного дяди С.Г. Рункевича. Выпускник Минской дух. семинарии (1903). В 1906 г. поступил на юридический ф-т Харьковского университета, через год перевелся на тот же ф-т С.-Петербургского университета (1907–1910).

⁴⁷⁸ Морозов Федор Михайлович. – учился в Реальном училище, но вследствие смерти родителей вышел из 5 класса и поступил в контору Семяниковского завода. С 1904 или 1905 г. послушник Александро-Невской Лавры, митрополитичий иподиакон. Будучи послушником, окончил Археологический институт. В Лавре стал собирать как старину разные вышедшие из употребления предметы. В 1909 г. по его инициативе в Лавре устроен археологический музей – Древлехранилище. В 1911 г. назначен помощником архивариуса Лавры. В 1912 или 1913 г. поступил вольнослушателем в С.-Петербургскую дух. академию. С 1914 г. в качестве санитара находился в составе 1-го Серафимовского лазарета духовно-учебных заведений Российской империи, размещавшегося в здании Минской дух. семинарии. В 1915 г. переведен в состав 2-го Серафимовского лазарета духовно-учебных заведений, действовавшего на Кавказском фронте. В сентябре 1915 г. назначен заведующим открытого лазаретом питательного пункта в селении Агундир, где «отдавая все силы новому делу, принял на свой счет часть расходов по оборудованию помещения».

лекции которого он сам в то время посещал, систематическую опись и карточный каталог для дел архива. Мысль эта была одобрена лаврским начальством, и Ф.М. Морозов вскоре был назначен помощником архивариуса Лавры. Работы по составлению каталога слушателями института, бывшими вместе с тем студентами духовной академии или университета, были проведены в 1911–1912 годах. Проходили они под руководством двух крупнейших специалистов в области церковной археологии, директора Археологического института профессора духовной академии Н.В. Покровского и профессора архивоведения того же института А.П. Воронова⁴⁷⁹.

Упорядочение архива и устройство Древлехранилища привели лаврское начальство к мысли о желательности издания истории Лавры. К этой же мысли побуждал и приближающийся 200-летний юбилей обители.

В свое время в Лавре возник вопрос, с какого времени считать начало ее существования. В архивной записке «О начале Невского монастыря» содержались три даты, каждая из которых могла бы быть названа первоначальной. Первой датой в записке упоминался 1710 год, когда император Петр I, осмотрев место при речке Черной, впадающей в Неву, повелел быть здесь монастырю во имя Святой Живоначальной Троицы. Следующей датой был 1712 год – год закладки деревянной Благовещенской церкви. Последней значилась дата 25 марта 1713 года – время освящения Благовещенского храма в «Высочайшем присутствии». За разъяснением недоуменного вопроса лаврское начальство в 1910 году обратилось к С.Г. Рункевичу. Сопоставив многочисленные документы синодального и лаврского архивов, С.Г. Рункевич пришел к выводу, что юбилейной надо считать дату 25 марта 1713 года. В записке, составленной для Духовного собора Лавры, он так мотивировал свою точку зрения: «Во-первых, потому, что начало монастыря как

⁴⁷⁹ Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – С. 974.

церковного установления следует считать со времени открытия в нем священнодействия, как и юбилей архиерейства и священства считается со времени рукоположения, а не указа, и во-вторых, потому, что эта дата 25. III. 1713 г. является первой определенной и непререкаемой»⁴⁸⁰.

Сомнения Духовного собора были развеяны, и юбилей основания монастыря было решено праздновать в 1913 году.

Лица, интересующиеся церковной стариной, напоминали лаврскому начальству о приближающемся юбилее, предлагая, со своей стороны, проекты как научно-исторического, так и художественного изданий. Однако «Лавра крепко стала на мысли, не увлекаясь модными в последнее время роскошными изданиями деталей сооружений и убранства зданий, издать историю обители»⁴⁸¹.

В 1911 году Духовный собор Лавры поручил составить проект юбилейного издания М.Д. Приселкову, бывшему тогда уже приват-доцентом С.-Петербургского университета. Однако вскоре лаврское начальство вынуждено был отказаться от его услуг из-за высокой суммы авторского гонорара, запрошенного молодым ученым. Тогда Духовный собор обратился с тем же предложением к С.Г. Рункевичу. Рункевич, в свою очередь, не имея в виду «взяться за это нелегкое дело и, не принимая на себя составления книги, охотно предложил с своей стороны содействие ее изданию: указания, в случае надобности – руководство, и набросал для Собора» свой план издания⁴⁸².

24 декабря 1911 года лаврское начальство сообщило С.Г. Рункевичу, что Духовный собор, «с благословения и утверждения его Высокопреосвященства покорнейше просит вас принять на себя лично авторский труд по составлению

⁴⁸⁰ *Алексеев А.А., Пириютко Ю.М.* Александро-Невская лавра в описаниях и исследованиях / Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 5–6.

⁴⁸¹ *Рункевич С.Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – С. 975.

⁴⁸² Там же.

истории Лавры, с тем, чтобы имя ваше, как автора Истории, значилось на предположенной к напечатанию книге»⁴⁸³. Митрополит Антоний, при встрече с С.Г. Рункевичем в Синоде, считая вопрос решенным, сказал, что очень рад его согласию писать историю Лавры. Так вопрос этот получил свое завершение, и С.Г. Рункевич, по сути, помимо своей воли, так сказать «за послушание», принялся за работу и при том за весьма умеренное вознаграждение. Условия о гонораре для него, человека в то время достаточно обеспеченного, вообще были втростепенными и не могли влиять на его решение.

Кроме написания истории Лавры С.Г. Рункевич по просьбе Духовного собора взялся также за редактирование юбилейной брошюры – «Святой благоверный великий князь Александр Невский и Александро-Невская лавра»⁴⁸⁴.

В начале 1912 года в литературе и обществе снова заметно оживилась мысль о Поместном Соборе и ожидание возможности скорого его созыва. Вновь усилившаяся мысль о Соборе заставила заинтересованные круги обратить внимание на техническую неподготовленность к этому значительному и сложному событию. Как уже говорилось выше, Предсоборное Присутствие 1906 года по важнейшим вопросам реформы церковного управления и суда, подлежащим разрешению Собора, выработало лишь общие положения. Отсутствие кодификационных законоположений для высшего органа церковного управления и суда и при общепризнанной устарелости и неполноте «Устава Духовных Консистолий», являвшегося единственным в то время кодексом для управления и суда епархиального, не могло не создавать для предстоящего Собора серьезного затруднения. Выработка же на самом Соборе новых законопроектов явилась бы делом весьма трудоемким. Собору предстояло бы или потратить много драгоценного времени на

⁴⁸³ Там же. – С. 975–977.

⁴⁸⁴ Святой благоверный великий князь Александр Невский и Александро-Невская лавра. – СПб., 1913. – 16 с.

изготовление законопроектов, или же, санкционировав новые формы церковного управления и суда, представить им, до выработки новых кодексов, действовать по старым, то есть по тому же «Уставу Духовных Консисторий». Но это, естественно, было бы ненормальным и нежелательным.

Между тем по прошествии более пяти лет со времени Предсоборного Присутствия утратилась свежесть представления о самих механизмах и способах созыва Собора. В частности, в предположении созыва Собора в начале 1912 года выяснилась необходимость различных сложных справок, иногда просто технического характера, без которых невозможно было обойтись при его созыве. Кроме того, возникла потребность иметь круг компетентных лиц, которые могли бы давать по тем или иным вопросам требующиеся разъяснения.

Для решения указанных задач в видах подготовки Поместного Собора Всероссийской Церкви 28 февраля 1912 года Святейшим Синодом было учреждено специальное Предсоборное Совещание⁴⁸⁵. Причем учреждено оно было не по типу административных или так называемых бюрократических установлений, а на основе научно-общественной организации. Члены его были избраны Святейшим Синодом и утверждены в своем звании императором.

Предсоборное Совещание составили: председатель – архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), члены – протоиерей, член Государственного совета Т.И. Буткевич, редактор «Церковных Ведомостей» профессор Харьковского университета М.А. Остроумов, профессор С.-Петербургской духовной академии И.И. Соколов и член-делопроизводитель доктор церковной истории С.Г. Рункевич⁴⁸⁶. В помощь С.Г. Рун-

⁴⁸⁵ Высочайше утвержденные определения Св. Синода об учреждении Предсоборного Совещания // Ц Введ. – 1912. – №9. – С. 53–54.

⁴⁸⁶ Кроме указанных лиц в состав Предсоборного Совещания входили во время присутствия в Св. Синоде архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) и епископ Волынский Евлогий (Георгиевский), кроме того, по приглашению председателя участвовали почти все члены наличных составов Св. Синода, за исключением митрополита Владимира (Богоявленского). Деятельное участие во всех

кевичу по его представлению обер-прокурором были назначены делопроизводители. По научным специальностям Сове щание было составлено из специалистов по догматическому и практическому («деятельному») богословию, церковному праву и русской церковной истории.

Первой своей задачей Предсоборное Сове щание ставило выработку к подготавливаемому Собору, на основании трудов Предсоборного Присутствия, трех законопроектов: по преоб разованию высшего церковного управления, епархиального управления и церковного суда.

Приступая к работам, Сове щание поручило С.Г. Рункевичу выработать проект инструкции для деятельности предстоящего Поместного Собора, в которую должны были войти все прави ла и примеры, занесенные в акты соборных деяний вселенских, поместных древних и русских соборов. Инструкция эта должна была послужить руководством к тому, чтобы предстоящий Собор в своих будущих занятиях и решениях мог стоять на твердой канонической почве⁴⁸⁷.

Под руководством и ближайшем участии С.Г. Рункевича делопроизводством Предсоборного Сове щания, в дополнение к имеющимся трудам Предсоборного Присутствия, были при влечены Уставы всех православных автокефальных Церквей и действующие государственные законы. На основании всего этого материала был составлен систематический, с разными вариантами, свод положений для всех трех законопроектов: для высшего церковного управления – обер-секретарем Свя тейшего Синода Павлом Смердынским⁴⁸⁸, для епархиального управления – секретарем Павлом Суднициным⁴⁸⁹. На основа-

почти заседаниях Сове щания принимали обер-прокуроры. На некоторых заседа ниях присутствовали приглашенные, товарищ обер-прокурора и управляющий Синодальной канцелярией (РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 269).

⁴⁸⁷ Минские Ев. – 1912. – №19. – С. 748–749.

⁴⁸⁸ Смердынский Павел Павлович – выпускник Тверской дух. семинарии и С.-Петербургской дух. академии (1896), кандидат богословия.

⁴⁸⁹ Судницин Павел Никанорович (16.08.1876 – 23.04.1915) – сын священника с. Скнятина Калязинского у. Тверской губ. Образование получил в Кашинском дух. училище, Тверской дух. семинарии (1890–1896) и С.-Петербургской дух. академии

нии этих сводов председатель Совещания архиепископ Финляндский Сергей составил предварительные проекты, которые в первых двух частях – о высшем церковном управлении и о епархиальном управлении – после обсуждения в Совещании были отпечатаны. Серьезная сложность возникала с выработкой законопроекта о церковном суде, представлявшего собой попытку согласования принципов церковного суда (по которым власть как судебная, так и административная сосредоточивается в лице епископа) и принципов суда светского (по которым судебная власть является особой и независимой от органов администрации)⁴⁹⁰.

Между тем учреждение Предсоборного Совещания в церковном обществе было воспринято с некоторым недоверием. Особенно не жаловала его «левая» пресса. Но уже в процессе деятельности Совещания отношение к нему в обществе изменилось. Как ни странно, но в отличие от многих русских печатных органов более правильную оценку задачам Предсоборного Совещания давала православная заграничная печать. Так, александрийский журнал «Пантен» в специальной статье «К собору» сочувственно и очень верно разъяснял задачу и характер деятельности Предсоборного Совещания, придавая ему важное значение в начавшемся в Русской Церкви общем преобразовательном движении. Среди отечественных изданий заслуживает внимания оценка работ Предсоборного Совещания, сделанная в газете «Россия». «Когда был опубликован, – писала газета, – слишком немногочисленный состав членов предсоборного совещания, в печати появилось немало самых неблагоприятных предположений относительно характера его

(1896–1900), кандидат богословия («Вопросы о Св. Кирилле и Мефодии в древнерусской письменности и печатных произведениях до начала XIX века (историко-критический обзор)»). В 1900 г. определен на службу в канцелярию Св. Синода. С 1902 г. – младший секретарь III отделения канцелярии Св. Синода. С 1914 г. – чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, заведующий синодальным Алексеевским лазаретом. Похоронен в женском Александро-Невском Бачуринском монастыре Калязинского у. Тверской губ.

⁴⁹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 269. Л. 6.

будущих работ. Надежд на успех деятельности совещания не возлагали почти никаких. Зависело это от слишком невыгодного сравнения предсоборного совещания с многочисленным и разнообразным, богатым ученым богословскими силами составом предсоборного присутствия 1906 года. Не было принято во внимание того, что и задачи совещания неизмеримо скромнее тех заданий, которые возлагались на участников и в работах предсоборного присутствия. Там – разработка материалов и предварительное решение вопросов: здесь – систематизация уже данного предшествующими работами материала и только некоторое пополнение пробелов. Предсказания пессимистов, однако, не сбываются. У страха всегда глаза велики; справедливость этой пословицы вполне подтверждается теми отрывочными сведениями относительно деятельности предсоборного совещания, которые проникают в печать»⁴⁹¹.

В первых числах мая 1912 года тяжело заболел управляющий синодальной канцелярией С.П. Григоровский и в должность временно пришлось вступить С.Г. Рункевичу.

6 мая он получил чин действительного статского советника⁴⁹².

24 мая С.Г. Рункевич выехал в командировку в Витебск для присутствия на экзаменах учениц Полоцкого женского училища духовного ведомства⁴⁹³.

В связи с чествованием 100-летнего юбилея войны с Наполеоном Рункевичу была пожалована светло-бронзовая медаль в память Отечественной войны 1812 года для ношения на груди на владимирской ленте⁴⁹⁴.

22 ноября 1912 года он вновь был назначен сверхштатным членом Учебного комитета при Святейшем Синоде с оставлением в занимаемой должности помощника управляющего синодальной канцелярией⁴⁹⁵.

⁴⁹¹ Предсоборное совещание // ЦВ. – 1912. – №19. – С. 580.

⁴⁹² НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 13.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 14.

⁴⁹⁵ Там же.

28 января 1913 года именным высочайшим указом он был назначен неперменным членом Медицинского Совета Министерства внутренних дел (с оставлением в занимаемой должности)⁴⁹⁶.

В августе 1912 года в Москве прошел Всероссийский съезд деятелей по борьбе с алкоголизмом. Серьезное внимание съезд обратил на борьбу с алкоголизмом в школах, при чем было отмечено, что случаи употребления алкоголя нередко встречаются и в духовных школах, воспитанники которых сами призваны быть проповедниками трезвого образа жизни. В результате работы съезда был выработан ряд резолюций относительно борьбы с пьянством при посредстве церковных обществ трезвости и школ. Рассмотрев эти резолюции, Святейший Синод, определением от 16 ноября 1912 года – 9 января 1913 года, поручил Учебному комитету войти в суждение по приведению резолюций съезда, касающихся школы, в жизнь духовно-учебных заведений. В исполнение этого синодального определения была образована особая комиссия, председателем которой был назначен С.Г. Рункевич, а ее членами – доктор медицины А.А. Пономарев и И.И. Полянский. Комиссия наметила ряд мероприятий для ознакомления воспитанников духовно-учебных заведений с вредом алкоголизма и со средствами борьбы с ним. Выработанные комиссией предложения были одобрены Учебным комитетом и Святейшим Синодом⁴⁹⁷.

Когда к началу 1913 года для церковного руководства стало ясным, что созыва Поместного Собора в обозримом будущем не предвидится, а вместе с тем и изменения высшего церковного управления, Святейший Синод решил по примеру Правительствующего Сената отпраздновать в 1921 году 200-летие своего существования.

⁴⁹⁶ Ц Вел. – 1913. – №9. – С. 70.

⁴⁹⁷ Хроника // Прибавления к Ц Вел. – 1913. – №25. – С. 1208–1210.

22 февраля 1911 года Сенат торжественно отпраздновал свой 200-летний юбилей. К юбилейным торжествам вышла монументальная история Сената, роскошно изданная, в четырех томах, в составлении которой принимали участие 17 ученых, а подготовкой издания заведовала особая комиссия.

В дни сенатских юбилейных торжеств «у людей, любящих духовную среду и преданных Церкви, возникла мысль о достойном ознаменовании и предстоящего 200-летнего юбилея Святейшего Синода»⁴⁹⁸. «Мысль эта встретила высокоавторитетное одобрение», в результате чего Синодом в 1911 году было положено начало образованию особого Совещания, под председательством Киевского митрополита Флавиана (Городецкого), по ознаменованию предстоящего 14 февраля 1921 года 200-летнего юбилея Святейшего Синода. Однако первые заседания «юбилейного» Совещания состоялись лишь в марте 1913 года, когда Синод уже мог рассчитывать на определенную стабильность своего положения. На заседаниях обсуждался вопрос о программе исторических изданий к предстоящему юбилею. Кроме председателя, митрополита Флавиана, в заседаниях принимали участие архиепископ Финляндский Сергей, обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер, председатель Комиссии по описанию синодального архива академик А.И. Соболевский, председатели Училищного совета и Учебного комитета при Святейшем Синоде, начальники и помощники начальников других центральных учреждений ведомства, ректоры императорских духовных академий.

Первое заседание Совещания состоялось 16 марта. При обсуждении на нем плана юбилейных исторических изданий митрополит Флавиан высказал пожелание, чтобы эти издания представляли собой полную картину жизни Русской Церкви за время управления Святейшего Синода. На заседании были

⁴⁹⁸ План исторических изданий к 200-летию Святейшего Синода // Прибавления к Ц Вед. – 1913. – №26. – С. 1244.

прослушаны предложения по вопросу об издании исторических сочинений к предстоящему 200-летию юбилею Синода, принятые в Комиссии по описанию синодального архива⁴⁹⁹. Так как их главным инициатором был С.Г. Рункевич, то ему и было поручено подготовить, на основании высказанных в Совещании суждений, к предстоящему заседанию проект программы исторических юбилейных изданий.

На следующем заседании, проходившем 22 марта, С.Г. Рункевич представил Совещанию подготовленный им проект. На основании высказанных им предложений Совещание признало желательным издать к 200-летию Святейшего Синода следующие монографии, посвященные периоду его деятельности:

«1. История учреждения и устройства Святейшего Синода.

2. Пять монографий, посвященных просветительной деятельности Церкви:

а) Духовно-учебные заведения и их управление.

б) Церковно-народная школа и ее управление.

в) Церковно-издательская деятельность Святейшего Синода и других органов духовной власти, частная духовно-издательская деятельность, духовная цензура.

г) Церковная и внебогослужебная проповедь.

д) Богословская наука и вспомогательные церковно-научные учреждения.

3. Четыре монографии, посвященные богослужению:

⁴⁹⁹ Еще в середине 1912 г. Комиссия имела суждение по вопросу о юбилейных изданиях к предстоящему 200-летию юбилею Св. Синода. Было запланировано издать максимально большее количество томов «Описания документов и дел Святейшего Синода», довести до позднейших времен «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного Исповедания». Кроме того, ходатайствовать через председателя юбилейного Совещания митрополита Флавиана перед Св. Синодом «ныне же приступить к составлению юбилейных изданий: Общего очерка истории Святейшего Синода и в частности его просветительной, церковно-юридической, миссионерской, издательской и др. деятельности, его отношения к другим христианским церквам; затем – очерки истории прокуратуры в Святейшем Синоде и, наконец, биографических словарей с портретами русских иерархов синодального периода, Обер-Прокуроров и главных светских чиновников Святейшего Синода».

- а) История церковного богослужения.
 - б) История церковного зодчества.
 - в) История церковной иконописи.
 - г) История церковного пения.
4. Пять монографий, посвященных распространению веры:
- а) История миссии вне России.
 - б) История противораскольнической миссии и единоверие.
 - в) История противосектантской миссии.
 - г) История миссии в Сибири, Камско-Волжском крае и на Кавказе.
 - д) История миссии среди лютеран и среди латинян, с воссоединением униатов.
5. Три монографии, посвященные истории внутренней жизни церкви:
- а) История религиозно-просветительных и церковно-благотворительных братств и обществ и лиц, выдававшихся деятельностью этого рода.
 - б) История монашества.
 - в) История епархиальной церковной жизни, прихода, войскового, придворного и заграничного духовенства.
6. Научное обозрение постановлений и распоряжений Святейшего Синода за 200 лет.
7. История отношений Русской Церкви к православным Церквям Восточным и Славянским.
8. История обер-прокуратуры с историческим очерком Канцелярии Обер-Прокурора и Юрисконсультской части.
9. Исторические очерки Хозяйственного Управления, Контроля и Архива.
10. Биографический словарь архиереев с портретами»⁵⁰⁰. В общей сложности выходило 23 монографии. Для будущих

⁵⁰⁰ Там же. Л. 1249.

составителей был предложен и авторский гонорар – до 75 рублей за печатный лист.

Составленная Совещанием программа получила одобрение Синода. Вместе с тем, ввиду необходимости значительных средств на осуществление этого научно-литературного проекта, обер-прокурору было поручено войти с ходатайством об отпуске из казны необходимых сумм. Председателю Совещания Синод поручил войти в сношение с ректорами духовных академий, начальствами других ученых учреждений и лицами, известными своими историческими трудами, относительно участия в составлении названных монографий, лиц профессорского состава академий и других учебных заведений.

На время отъезда из Петербурга митрополита Флавиана председательство в Совещании по ознаменованию 200-летия Святейшего Синода возлагалось на Финляндского архиепископа Сергия (Страгородского)⁵⁰¹.

В 1913 году Александро-Невская Лавра торжественно отмечала свой 200-летний юбилей. Ко дню юбилея вышло в свет написанное С.Г. Рункевичем историческое исследование «Александро-Невская Лавра, 1713–1913»⁵⁰².

Этот фундаментальный ученый труд по истории обители, составивший большого формата книгу, объемом более тысячи страниц, с 277 снимками, подведший итог всем исследованиям и описаниям Александро-Невского монастыря, был написан буквально за год.

По сути никто, кроме С.Г. Рункевича, и не смог бы создать «такой грандиозный памятник Александро-Невской Лавры, который достойно увенчивает двухсотлетний юбилей ее»⁵⁰³. Именно он был подготовлен всей своей предшествующей

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² *Рункевич С.Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913 / Ист. исслед. д-ра церков. истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 17+999+62+45 с. – 277 снимков.

⁵⁰³ *Харламович К.В.* Александро-Невская Лавра 1713–1913. Историческое исследование доктора церковной истории С.Г. Рункевича. СПб., 1913. – Казань: Центр. тип., 1914. – С. 1.

научно-литературной деятельностью к написанию такого объемного и фундаментального исследования в столь короткий срок. Здесь сыграла немаловажную роль и необычайная работоспособность С.Г. Рункевича. Даже первоначальное обращение лаврского начальства к М.Д. Приселкову было вызвано скорее тем, что в Лавре прекрасно знали, насколько загружен Рункевич по службе в Синоде и Учебном комитете, не считая его научной деятельности. Потому и не решились обратиться к нему сразу. Но все сложилось так, как видимо и должно было сложиться.

Сразу же после выхода в свет книга привлекла к себе внимание. Она пользовалась большим спросом у любителей петербургской старины, и в течение нескольких месяцев тираж ее (2000 экз.) разошелся полностью.

Начиная историю Лавры, С.Г. Рункевич обратил внимание прежде всего на внешнюю сторону жизни монастыря: мысль о его учреждении, закладка, постройка храмов, келий и прочих сооружений и вообще различные хозяйственные работы. Рассказывая о внутренней жизни обители, ее просветительной, благотворительной и общественной деятельности, он дал биографические сведения и характеристику всех ее настоятелей, наместников и наиболее замечательных лиц из братии, начиная с архимандрита Феодосия (Яновского) и кончая Петербургским митрополитом Владимиром (Богоявленским). В своем исследовании С.Г. Рункевич впервые в литературе обратил внимание на значительную роль петербургских архитекторов и живописцев в деле строительства Александро-Невской обители.

Обрисовывая в общих чертах план и концепцию своего исследования, историк писал: «История мной была всегда понимаема, как научно-верная картина протекшей жизни: выделение главного среди подробностей, фактическая точность и соответствие действительности. Когда в обители шла постройка, в истории обители слышится стук топора; когда

происходил сбор братства, на первый план выступает братия; когда жизнь сложилась и дисциплина держала всех в воле и власти владыки-архипастыря, стала история архипастырей. В первое время в лице Александро-Невского архимандрита сосредоточивалась деятельность епархиальная, – она вошла в исследование; в последнее время священно-архимандриты Лавры только частью принадлежат Лавре, имея более широкий круг деятельности: и их биографии очерчены только в общих штрихах, а подробно описаны только их отношения к Лавре.

Все, что отошло уже в область истории и археологии, подлежит жить историческому и археологическому исследованию. Жизнь, еще не угасшая, должна быть изображаема другими приемами»⁵⁰⁴.

Большой частью история Лавры была написана С.Г. Рункевичем по источникам, до этого почти никому не известным. В основу ее легли главным образом документы лаврского архива, а также материалы синодального, государственного и других архивов.

В печати книга была встречена очень благосклонно и вызвала немало одобрительных откликов и рецензий. Наиболее обстоятельные отзывы были написаны профессором Варшавского университета П.В. Верховским и профессором Казанской духовной академии К.В. Харламповичем.

Профессор П.В. Верховский очень высоко оценил достоинства исследования С.Г. Рункевича. «Его История Александро-Невской лавры, – писал он, – займет в исторической литературе вполне подобающее ей место. Можно спокойно предсказать, что ею пользоваться, ее цитировать, на нее опираться будут многие и при том не только историки русской Церкви, историки России вообще, но и специальные историки С.-Петербурга, историки строительного искусства в России, политико-

⁵⁰⁴ Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – С. 977–978.

экономы, социологи, историки русского просвещения и благотворительности и т.д. Все они найдут в этой книге весьма интересный, даже необходимый порой сырой материал, выведенный на свет Божий трудолюбивой рукой ее автора»⁵⁰⁵.

Кроме достоинств в отношении книги П.В. Верховским были высказаны и два, по его мнению, существенных недочета: «1) неполнота изображения того общего исторического фона, на котором возникла и протекала двухвековая жизнь самого влиятельного из современных монастырей, и 2) отсутствие критической оценки истории Лавры». Однако по этому поводу сам же профессор замечал: «Большой беды в этом нет, ибо история написана объективно и правдиво, и не хватает лишь некоторых штрихов, которых по обстоятельствам дела нельзя было сделать. Другой историк, или другие историки могут дополнить картину, но и за то, что есть, мы по справедливости должны быть благодарны»⁵⁰⁶.

Отзыв К.В. Харламповича, также одобрительный, подробней останавливался на критике сочинения и выявлении различных его недочетов. В первую очередь К.В. Харламповичу не совсем понравился план – «архитектура» сочинения, а также непропорциональность изложения его частей. Критик сожалел, что все стороны жизни обители «освещены обильно и искусно только за XVIII век» и автор не применил «того же плана и метода» в освящении жизни монастыря в XIX веке, сведя ее историю лишь «к биографическим очеркам ее настоятелей». «Нельзя, понятно, спорить против того, – писал Харлампович, – что жизнь Невской Лавры XIX столетия сделалась скуднее и беднее содержанием по сравнению с XVIII столетием, но едва ли можно согласиться, что вся она свелась к молитве и благотворению»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁵ *Верховский П.В.* Заметка о книге С.Г. Рункевича «Александро-Невская Лавра. 1713–1913 г.». С.-Петербург, 1913. – Варшава: Тип. Варшавского Учеб. Округа, 1914. – С. 2–3.

⁵⁰⁶ Там же. – С. 3–4.

⁵⁰⁷ *Харлампович К.В.* Указ соч. – С. 5.

Вот некоторые из вопросов, на которые профессор желал бы найти ответы в книге Рункевича: «Как вообще сложилась монастырская жизнь в XIX столетии, какие происходили в ней смены, и какой вид теперь она имеет? Знает ли Лавра строгих подвижников? Были ли в ее истории отрицательные типы и явления? Как отразились на укладе ее жизни постановления недавнего монашеского съезда? Каков образовательный ценз нынешних лаврских обитателей и национальный их состав? Сохранились ли какие-нибудь следы прежнего преобладания малороссов в составе лаврской братии?»⁵⁰⁸ Но при этом Харлампович не забывает «ни того, что работа Рункевича – юбилейного характера, ни того, что автор стеснен был временем».

Указывая на некоторые спорные положения в книге, К.В. Харлампович не соглашался и с логикой С.Г. Рункевича по поводу определения даты, от которой необходимо считать начало существования Невского монастыря. Сам профессор видимо склонялся к 1712 году, когда произошла закладка Благовещенской церкви.

В заключение своего отзыва, отмечая достоинства сочинения С.Г. Рункевича, профессор К.В. Харлампович писал: «Вслед за рецензентами должно отметить и еще одну положительную сторону – изящную внешность книги и обилие снимков с автографов, рисунков и портретов. Здесь можно говорить скорее об излишестве, чем о недостатке. Во всяком случае, художественными достоинствами лаврского юбилейного издания поднимается еще выше научное значение его»⁵⁰⁹.

Значительную помощь С.Г. Рункевичу в подборе изобразительного материала для исследования оказал Киевский митрополит Флавиан (Городецкий), предоставив возможность пользоваться портретами из своего богатого собрания

⁵⁰⁸ Там же. – С. 5–6.

⁵⁰⁹ Там же. – С. 8.

портретов архиереев за время от учреждения Святейшего Синода. Часть фотоматериалов была заимствована в синодальном архиве, часть новых фотографий в Лавре у Ф.М. Морозова. В 1906–1913 годах лаврскую архитектуру снимали такие известные столичные фотографы, как К.К. Булла, Н. Матвеев, А. Функ. Их работы составили коллекционные альбомы, а некоторые были опубликованы в «Живописном Обзрении», «Ниве», «Русском Паломнике», «Всемирной Иллюстрации». Большую часть этих фотоснимков, в основном фотоработы К.К. Буллы, С.Г. Рункевич использовал для своей книги. Кроме того, К.К. Булла по просьбе Рункевича сделал фотокопии с древних документов, хранящихся в архиве Святейшего Синода⁵¹⁰.

По сегодняшний день монография С.Г. Рункевича продолжает оставаться единственным капитальным исследованием, посвященным истории Александро-Невской Лавры. Уже в новейший период книга выдержала несколько переизданий⁵¹¹. Современные исследователи дают такую оценку труду С.Г. Рункевича: «При любом приближении к изучению Александро-Невской лавры знакомство с книгой Рункевича необходимо. Будущие исследователи лаврской истории несомненно найдут у Рункевича ключ к развитию отдельных тем, которым автор дал лишь наброски. Практически каждый раздел книги может стать предметом специального исследования. В этом отношении труд Рункевича уникален и не имеет аналогов в научной литературе»⁵¹².

13 ноября 1913 года в Петербурге проходило торжественное собрание Общества ревнителей истории⁵¹³, посвящен-

⁵¹⁰ ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы). Д. 2133.

⁵¹¹ *Рункевич С.Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – 687 с.; Свято-Троицкая Александро-Невская лавра (1713–1913): Ист. исслед. С.Г. Рункевича: В 2 кн. – СПб.: Logos, 2001.

⁵¹² *Алексеев А.А., Пирютко Ю.М.* Александро-Невская лавра в описаниях и исследованиях / Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 25.

⁵¹³ Общество Ревнителей Истории возникло по инициативе М.К. Соколовского, Т.О. Соколовской и Н.Н. Беклемишева. Первое учредительное собрание состоялось

ное 650-летию со дня кончины святого благоверного князя Александра Невского. Член Общества С.Г. Рункевич читал в собрании доклад: «Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли», в котором дал живую картину жизни и служения святого князя⁵¹⁴. Этот же доклад с некоторыми дополнениями был прочитан С.Г. Рункевичем и 24 ноября в Александро-Невской Лавре.

День памяти (23 ноября) святого благоверного князя Александра Невского, небесного покровителя не только Александро-Невской Лавры, но и Петербурга, всегда праздновался в столице с большой торжественностью. Но в связи с 650-летием со дня кончины святого Лавра решила ознаменовать его память не только торжественным богослужением, но и внецерковным торжеством, для чего 24 ноября в Лавре было устроено торжественное собрание.

Прочитанный С.Г. Рункевичем в собрании доклад о святом Александре Невском вскоре был издан отдельной небольшой книжкой⁵¹⁵, за которую автор был удостоен монаршей благодарности⁵¹⁶.

11 ноября 1911 г. Августейшим покровителем Общества был Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич, председателем – герцог Г.Н. Лейхтенбергский, а его заместителем – М.К. Соколовский. Звание императорского Общества было пожаловано 7 октября 1914 г. В январе 1914 г. при Обществе была открыта подписка на сооружение в Петербурге памятника св. Благоверному Князю Александру Невскому, как древнерусскому Ратоборцу. С 24 июня по 8 сентября 1915 г. Общество организовало в манеже Главного Адмиралтейства выставку войны. Входная плата на выставку была заменена добровольными пожертвованиями на нужды раненых (чистый доход составил 18.000 руб.). После закрытия выставки Общество приступило к образованию при Обществе музея великой войны, с целью сосредоточить в нем предметы и документы, имеющие отношение к войне.

⁵¹⁴ Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли // Прибавления к Ц Вед. – 1913. – №47. – С. 2162–2169.

⁵¹⁵ Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли / Из речи в собрании, посвященном торжественному воспоминанию 650-летия дня кончины св. Александра Невского в Обществе ревнителей истории 13 ноября 1913 г. и в Александро-Невской Лавре 24 ноября 1913г. доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 27 с., ил.

⁵¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 15.

В самом начале 1914 года С.Г. Рункевич опубликовал в «Прибавлениях к Церковным Ведомостям» статью – «Новый опыт оживления приходской самодеятельности»⁵¹⁷. Статья была посвящена злободневной в то время проблеме «омертвления» приходской «самодеятельности» и возможных способов ее оживления.

Наиболее серьезной попыткой оживления общественной деятельности прихода в России было в свое время повсеместное учреждение приходских Попечительств. Однако этот опыт, давший в отдельных случаях блестящие результаты, в общем не вызвал широкого оживления приходской деятельности. Проектированные на место приходских Попечительств приходские Советы оказались также «семенем не всхожим». Причину неуспеха видели в отсутствии взаимной между ними связи, а также с епархиальным управлением, отчего Попечительства вскоре изжили свои силы и зачахли.

И вот в своей статье С.Г. Рункевич решил показать пример удачного опыта оживления «приходской самодеятельности» посредством умелой организации дела. Этот опыт принадлежал Черниговскому Преосвященному Василию (Богоявленскому), организовавшему приходские братства, связанные воедино через уездные братства с центральным епархиальным братством, возглавляющим все дело. При такой организации каждое братство, работая самостоятельно в своей сфере, в то же время не чувствовало себя изолированным, но находило солидарность и взаимопомощь в других ему подобных и руководство в центральном, всех объединяющем братстве. Именно постоянное взаимодействие между центральным и местными учреждениями и обеспечивало их активность и жизнеспособность⁵¹⁸.

⁵¹⁷ Рункевич С. Новый опыт оживления приходской самодеятельности // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №3. – С. 142–158.

⁵¹⁸ Там же. – С. 142–143.

Статья вскоре вышла отдельной брошюрой, а один экземпляр ее специально переплетен для собственной его величества библиотеки Зимнего дворца⁵¹⁹.

Несколько позже в свет вышла книга С.Г. Рункевича «Святой священномученик Игнатий Богоносец и его творения»⁵²⁰. Это была книжка, принадлежавшая к серии «Народной Академии». В кратком предисловии автор писал: «В дни, когда многие люди, погрязши в житейской суете, утратили истинную веру в Бога и, погибая в безбожии, снова стали стремиться к Богу, нередко ища Его в суевериях и лжеумствованиях, – своевременно возобновить в памяти образ Богоносца, всегда носившего Бога в сердце своем».

В «Приходском чтении», бесплатном приложении к неофициальной части «Церковных Ведомостей», С.Г. Рункевичем был опубликован ряд очерков под общим названием «Приходская благотворительность в С.-Петербурге»⁵²¹. Эти очерки и статьи по приходской проблематике, опубликованные им в 1906 году в «Церковном Голосе», составили, вышедшую в конце лета 1914 года, брошюру «Приходская благотворительность в Петербурге. К вопросу о приходе»⁵²². В нее входили главы: «К вопросу о приходе», «Приходское вспоможение», «Приходское призрение», «Просветительная деятельность прихода», «Приходские средства», «Значение благотворительности».

В первых числах февраля 1914 года С.Г. Рункевич в качестве официального представителя от Учебного комитета принимал участие в торжестве, посвященном 50-летию юбилею педагогического Музея военно-учебных заведений⁵²³.

⁵¹⁹ Новый опыт оживления приходской самодеятельности / Сообщение доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 19 с. Тираж 100 экз.

⁵²⁰ Рункевич С. Святой священномученик Игнатий Богоносец и его творения. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 44 с.

⁵²¹ Приходская благотворительность в С.-Петербурге // Приходское чтение. – 1914.

⁵²² Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге. К вопросу о приходе / Из лекции в Гатчинском Благотворительном Обществе доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 19 с. Тираж 100 экз.

⁵²³ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 15.

7 февраля он участвовал в заседании особого Совещания по празднованию 200-летия Святейшего Синода, на котором был утвержден круг лиц, рекомендованных к составлению юбилейных монографий по истории Русской Церкви синодального периода. Совещание постановило поручить написание сочинений:

1) «История учреждения и устройства Святейшего Синода» – С.Г. Рункевичу;

2) «Духовно-учебные заведения и их управление» – правителю дел Учебного комитета В.Н. Самуилову в сотрудничестве с его помощником А.Д. Кузнецовым;

3) «Церковно-народная школа и ее управление» – председателю Учебного комитета протоиерею П.И. Соколову;

4) «Церковно-издательская деятельность Святейшего Синода и других органов духовной власти, частная духовно-издательская деятельность, духовная цензура» – академику А.И. Соболевскому;

5) «Церковная и внебогослужебная проповедь» – доценту Казанской духовной академии иеромонаху Афанасию (Малинину) или протоиерею П.Н. Лахостскому;

6) «Богословская наука и вспомогательные церковно-научные учреждения» – преподавателю Московской духовной семинарии М.М. Тарееву;

7) «История церковного богослужения» – профессору С.-Петербургской духовной академии И.А. Карабинову;

8) «История церковного зодчества» – профессору Казанской духовной академии В.А. Нарбекову;

9) «История церковной иконописи» – В.Т. Георгиевскому;

10) «История церковного пения» – П.П. Мироносицкому;

11) «История миссии вне России»: в Палестине – профессору А.А. Дмитриевскому, в Японии – начальнику Японской миссии епископу Японскому Сергию (Тихомирову), в

Китае – начальнику Китайской миссии епископу Переславскому Иннокентию (Фигуровскому), в Урмии – начальнику миссии, епископу Салмасскому Сергию (Лаврову), в Америке – протоиерею В.И. Туркевичу;

12) «История противораскольнической миссии и единоверие» – протоиерею Казанского собора в Петербурге В.А. Прозорову или московскому протоиерею И.В. Полянскому;

13) «История противосектантской миссии» – доценту С.-Петербургской духовной академии И.Е. Айвазову;

14) «История миссии в Сибири, Камско-Волжском крае и на Кавказе» – Совету Казанской духовной академии;

15) «История миссии среди лютеран и среди латинян, с воссоединением униатов» – профессору С.-Петербургской духовной академии П.Н. Жуковичу;

16) «История религиозно-просветительных и церковно-благотворительных братств и обществ и лиц, выдававшихся деятельностью этого рода» – «Обществу распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви»;

17) «История монашества» – архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому);

18) «История епархиальной церковной жизни и прихода» – профессору Казанской духовной академии И.С. Бердникову; «История войскового и придворного духовенства» – протопресвитерам по должности; «История заграничного духовенства» – протоиерею в Берлине А.П. Мальцеву;

19) «Научное обозрение постановлений и распоряжений Святейшего Синода за 200 лет» – профессору Московского университета и духовной академии А.И. Алмазову;

20) «История отношений Русской Церкви к православным Церквям Восточным и Славянским» – профессору С.-Петербургской духовной академии И.С. Пальмову;

21) и 22) «История обер-прокуратуры и состоящих при Святейшем Синоде управлений» – директорам канцелярии

обер-прокуратуты и Хозяйственного управления, управляющему Контролем, юрисконсульту и начальнику архива по принадлежности;

23) «Биографический словарь архиереев» – начальнику синодального архива К.Я. Здравомыслову⁵²⁴.

20 февраля С.Г. Рункевич был командирован Синодом в Москву для представления присутствию Московской синодальной конторы сведений необходимых «для всестороннего уяснения дела о находящихся там под следствием двадцатипяти имябожниках»⁵²⁵. В те годы в России шли шумные споры вокруг так называемого имяславия, а особенно громким стало дело насильственного выдворения с Афона в Россию русских иноков-имяславцев, обвиненных в ереси и подпавших под церковный суд и канонические прещения. История с выселением афонских монахов приобрела скандальный и неприглядный вид, вызвав определенное смущение и даже негодование в церковных и общественных кругах. Обо всем этом тогда много полемизировали и писали в прессе. Безучастной не осталась даже Государственная Дума, придав своим вниманием этому вопросу политический характер.

В середине февраля 1914 года группа осужденных монахов-имяславцев, или как их еще называли – имябожников, была принята в Царском Селе императором Николаем II и его супругой Александрой Феодоровной. Монаршая чета очень благосклонно отнеслась к депутации. Под влиянием этой встречи стало заметно меняться отношение к ним и в Синоде, в результате чего Московской синодальной конторе было поручено пересмотреть дело 25 афонских монахов-имяславцев, подавших о том прошение. Именно в связи с этим и выехал в Москву С.Г. Рункевич.

Уже 23 февраля в Москве состоялось первое совещание по делу о 25 имяславцах. Хотя в дальнейшем дело пошло не

⁵²⁴ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 161. Л. 15–16.

⁵²⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 15–16.

без недоразумений в отношениях между церковной властью и подлежащими суду монахами-имяславцами, тем не менее, состоявшийся 24 апреля суд положил начало умиротворения в этом печальном деле. В слушании дела принимали участие: митрополит Московский Макарий (Невский), член Синода архиепископ Алексей (Опоцкий), настоятель Симонова монастыря епископ Михаил, епископ Иоанникий, настоятель Заиконоспасского монастыря епископ Евфимий, епископы Дмитровский Трифон (Туркестанов) и Серпуховский Анастасий (Грибановский), наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Товия, наместник Чудова монастыря архимандрит Арсений (Жадановский), помощник начальника канцелярии Святейшего Синода С.Г. Рункевич и прокурор Московской синодальной конторы Ф.П. Степанов⁵²⁶. Тогда имяславцам был, по сути, вынесен оправдательный приговор.

16 мая С.Г. Рункевич был удостоен очередной награды – ордена Св. Владимира III степени⁵²⁷.

19 мая он был утвержден в звании действительного члена строительного комитета по сооружению храма в память 300-летия царствования Дома Романовых⁵²⁸.

В рассмотренный период С.Г. Рункевич становится все более заметной фигурой в церковных и общественных кругах. Его имя все чаще можно было встретить в официальной церковной хронике, его часто приглашали в качестве почетного гостя на различные официальные мероприятия. В это время он состоял почетным членом Кречевского Волынской епархии приходского братства, Варшавского Свято-Троицкого братства и Воронежского церковного историко-археологического комитета, пожизненным членом Карельского православного братства, представителем Ведомства православного исповедания в совете Всероссийского общества здравниц и членом совета Владимирского северо-американского братства.

⁵²⁶ *Иларион (Алфеев), епископ*. Священная тайна Церкви. Т. 2. – СПб., 2002. – С. 30–31.

⁵²⁷ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 15–16.

⁵²⁸ Там же.

И хотя в 1908–1914 годы С.Г. Рункевич имел мало возможности заниматься научно-исследовательской и литературной работой и почти все время отдавал служебным обязанностям, тем не менее его научный потенциал стал находить себе все большее практическое применение, причем применение в кругу наиболее насущных вопросов церковной жизни того времени. Его глубокие исторические знания и навыки делопроизводительной деятельности пригодились во время его работы в Предсоборном Совещании, в деятельности юбилейного Совещания по празднованию 200-летия Святейшего Синода. Необычайно плодотворной была его деятельность в Учебном комитете при Святейшем Синоде, активно занимавшемся в те годы реформированием духовной школы. Большой интерес представляет инициатива Рункевича, связанная с острейшей проблемой кодификации церковных законов, к сожалению не решенной и по сегодняшний день. Ко всякому вопросу он подходил со свойственной ему основательностью, руководствуясь не только обязанностями службы, но прежде всего личной обеспокоенностью положением церковных дел.

И тем не менее среди всей разнообразной служебной деятельности по-прежнему исключительное место занимает его исследовательская работа. Его фундаментальная монография «Александр-Невская Лавра, 1713–1913» является примером необычайной научной добросовестности и трудоспособности историка.

ГЛАВА 4

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ (1914–1924)

4.1. Война. Утраты

20 июля 1914 года Россия вступила в войну с Германией, оказавшись вовлеченной в крупномасштабный международный военный конфликт. 26 июля был объявлен манифест о войне с Австро-Венгрией, а 20 октября 1914 года началась война с Турцией. Через год, 5 октября 1915 года, Россия со скорбным чувством вынуждена была вступить в войну с единоверной Болгарией, еще не так давно освобожденной «от турецкого рабства братской любовью и кровью русского народа»⁵²⁹.

18 августа 1914 года высочайшим повелением город Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Ввиду этого Святейший Синод 19 августа определил в титулах учреждений и лиц духовного ведомства, в которых встречалось слово «с.-петербургский», заменить словом «петроградский». Соответствующее постановление относительно всех правительственных, сословных и общественных учреждений 23 августа было сделано и Советом министров⁵³⁰.

С первых же дней войны Святейший Синод направил свою деятельность на организацию церковной жизни в условиях военного времени. Нужно отметить, что в годы Первой мировой войны Русская Православная Церковь выступила не только как институт духовный, но проявила себя и в особой патриотической деятельности церковных учреждений и организаций,

⁵²⁹ Ц Введ. – 1915. – №41.

⁵³⁰ Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Синод. тип., 1916. – С. 294–295.

принявшей небывалую в истории Русской Церкви широту и разнообразие.

При объявлении войн 1853–1855 и 1877–1878 годов действия Святейшего Синода исчерпывались предписанием обнаружения высочайшего манифеста в церквях за богослужением и призывом возносить моления Господу о победе над врагом. Затем следовало собственное пожертвование (в 100 000 рублей) и разновременные призывы и постановления о церковных пожертвованиях и другой помощи на нужды военного времени. Во время русско-японской войны 1904–1905 годов кроме вышеуказанного Святейшим Синодом был устроен на театре военных действий госпиталь на 100 кроватей. Но патриотическая деятельность Святейшего Синода в годы Первой мировой войны совершенно вышла за рамки обычных его действий. С первых же дней войны Синод стал выработать целую программу мер, обращенных на нужды Отечества, активно координируя и направляя деятельность церковных организаций⁵³¹.

Первые и главнейшие распоряжения церковной власти по случаю начавшейся войны редактировались С.Г. Рункевичем. Им же было составлено и несколько патриотических воззваний, опубликованных в «Церковных Ведомостях»⁵³² в первые дни войны.

В августе 1914 года русские войска заняли восточную Галицию. С приходом русских там началось постепенное воссоединение местных униатов с Православной Церковью. Организация церковной жизни и окормление православной паствы в Галиции были возложены на нового Волынского архиепископа Евлогия (Георгиевского), избравшего местом своего пребывания город Львов.

⁵³¹ Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь: Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – С. 15–17.

⁵³² Р[ункевич]. На защиту Родины! // Ц Вед. – 1914. – №30. – С. 1317; №31. – С. 1351–1352.

При осмотре дворца униатского митрополита Андрея (Шептицкого) во Львове в замурованной комнате было обнаружено большое количество разного рода ценного имущества, а также бумаг и документов. Для разбора бумаг понадобились лица, специально знакомые с церковными делами, со старинным русским письмом и латинским и польским языками. Святейший Синод, находя нужным проявить заботу к обеспечению сохранности документов и предметов, имеющих церковно-археологическое значение, обратился по этому поводу к надлежащим гражданским властям. После получения необходимого разрешения Синод в середине марта 1915 года командировал С.Г. Рункевича для участия в осмотре и разборе обнаруженных бумаг и документов церковного содержания и богослужебных предметов⁵³³. Однако уже к началу июня русские войска вынуждены были оставить Галицию и эвакуировать российские учреждения. Дальнейшее участие Рункевича в судьбе галицкого униатского архива неизвестно.

1915 год в религиозной и культурной жизни России был отмечен памятью 900-летия со дня кончины святого равноапостольного князя Владимира (15 июля 1015 г.), просветителя Русской земли христианской верой.

28 марта этому событию было посвящено торжественное собрание императорского Общества ревнителей истории, в котором С.Г. Рункевич произнес замечательную речь, посвященную государственной и религиозной деятельности святого князя.

«Имя святого князя Владимира, – говорил С.Г. Рункевич, – должно быть в наши дни особенно дорого и близко всей мыслящей России. На глазах всего мира совершается испытание нашей русской культуры и, судя по первым нашим ответам на вопросы мировых отношений, совершается для нас успешно.

⁵³³ *Рункевич С.Г.* Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – С. 216.

Отцом нашей культуры является святой князь Владимир». Выясняя значение исторического подвига князя Владимира, историк очень ярко обозначил две особенности. Первая – это то, что именно святой Владимир был отцом русской культуры, определив своим выбором веры и культуры все дальнейшее национальное развитие русского народа, вторая заключалась в признании святости князя, связанной с его государственным служением. «Есть мера государственного служения народу, – говорил оратор, – за которой оно само по себе переходит уже в подвиг святости»⁵³⁴. Речь Рункевича с большим воодушевлением была воспринята в собрании и по просьбе его участников вскоре напечатана в «Церковных Ведомостях»⁵³⁵, а затем в дополненном виде отдельной брошюрой⁵³⁶.

Сама брошюра «Святой великий князь Владимир Равноапостольный и сущность исторического его значения» оказалась настолько успешной, что в течение трех месяцев выдержала три издания: первое – 2200 экземпляров, второе – 5000 и третье – 2000 экземпляров⁵³⁷.

В 25-м номере «Церковных Ведомостей» за 1915 год С.Г. Рункевич поместил «Изречения Священного Писания с размышлениями для употребления в военных училищах», собранные некогда митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) для назидания христоролюбивого воинства. «Изречения» эти помещались некогда в виде особого «дополнения для воинов» в первых изданиях «Пространного Христианского Катехизиса» святителя Филарета. Ввиду ведущейся войны С.Г. Рункевич решил вновь воскресить в памяти эти

⁵³⁴ Рункевич С.Г. Святой великий князь Владимир Равноапостольный и сущность исторического его значения. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 30 с.

⁵³⁵ [Рункевич С.Г.]. Святой великий князь Владимир Равноапостольный. Речь // Прибавления к Ц Вед. – 1915. – №14. – С. 437–443.

⁵³⁶ Рункевич С.Г. Святой великий князь Владимир Равноапостольный и сущность исторического его значения / Речь в торжественном собрании Общества ревнителей истории 28 марта 1915 г., посвященного девятистолетию со дня кончины св. кн. Владимира 15 июля 1015 г., доктора церковной истории С.Г. Рункевича. Изд. 1–2. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 30 с. Изд. 3. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 31 с.

⁵³⁷ Книжная летопись. – 1915. – №22, 26, 33.

замечательные заветы Московского святителя русским воинам, заимствовав их из издания Катехизиса 1828 года.

Имея склонность к благотворительности, С.Г. Рункевич и в военные годы проявил в этом деле особенное усердие. В разное время он сделал крупные личные пожертвования деньгами и книгами в различные благотворительные организации. Так, в конце 1914 года им были сделаны значительные пожертвования в пользу Склада и Санитарных организаций Великой княгини Марии Павловны, за что Великая княгиня искренне благодарила Рункевича⁵³⁸. В 1915 году «в пользу воинов защитников родины» им было передано в «Комитет склада Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны» 700 книг, за что государыня также выразила свою личную благодарность. Пожертвованы были книги в пользу русских военнопленных во Всероссийский Союз Городов помощи больным и раненым, а также в 121-й полевой запасной госпиталь в город Нарву⁵³⁹.

12 октября 1915 года на 77-м году жизни скончался отец ученого – протоиерей Григорий Рункевич.

Последние 28 лет своей жизни он служил настоятелем Бого-явленского прихода города Глуска Бобруйского уезда Минской губернии. Прожив нелегкую жизнь, перенеся немало скорбей и гонений, этот человек до конца дней оставался ревностным пастырем и усердным тружеником на ниве Христовой, неутомимым борцом за «православие и русскую народность».

На всех приходах, где настоятельствовал отец Григорий, он вносил живую деятельную струю, придавая приходской жизни стройность и благочестивую настроенность. За годы своего служения он в общей сложности перестроил и построил 10 церквей. Повсюду вводил и поддерживал правильное и регулярное богослужение, неустанно проповедовал, уча людей всему доброму и хорошему. Сам вел трезвенный образ жизни. Заботясь о просвещении народа, устраивал приходские

⁵³⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 17; Д. 6. Л. 2 об.

⁵³⁹ Там же. Л. 2–2 об.

училища, заводил библиотеки, вел внецерковные собеседования. Большинство прихожан, видя в нем не наемника, а доброго пастыря, всей душой болеющего за свою паству, отвечали ему любовью и поддерживали в его трудах.

Кроме настоятельских трудов отец Григорий шесть лет исполнял должность духовника окружного духовенства (на Кличевском приходе), три года состоял членом Правления Минского духовного училища, шесть лет был вице-председателем архивной ученой Комиссии при Минской духовной консистории. С 1895 по 1912 год значился духовным следователем 2-го благочиннического округа Бобруйского уезда. На протяжении многих лет преподавал Закон Божий в приходских училищах и Глусском городском училище. Имел награды и благодарности от духовных властей. В 1910 году по указу Святейшего Синода он был награжден золотым наперсным крестом, а в 1912 году, в связи с 50-летием священнического служения, возведен в сан протоиерея. Имел медали: медную – в память об усмирении польского восстания 1863–1864 годов и две серебряные – от общества Красного Креста и в память 25-летия церковно-приходских школ⁵⁴⁰.

Погребен был протоиерей Григорий Рункевич у стен Глусской Богоявленской церкви⁵⁴¹. На могиле временно был поставлен массивный дубовый крест, и дети его намеревались со временем устроить более основательный, каменный памятник⁵⁴².

⁵⁴⁰ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 36111, 41162.

⁵⁴¹ В 60-х гг. минувшего XX ст. каменную Богоявленскую церковь в Глуске местные власти разрушили и на ее основании построили ресторан. Могила отца Григория и еще два находившихся рядом захоронения священников (1941 и 1945 гг.), как было сообщено жителям, по поручению местной власти были перенесены ночью на городское кладбище. Благочестивые люди установили на могилах металлические кресты, а из фрагментов амвонной решетки разрушенной церкви соорудили ограду. Однако, как выяснилось позднее, перезахоронение произведено не было.

⁵⁴² С.Г. Рункевичем был собран небольшой денежный фонд на постройку памятника на могиле отца, однако в послереволюционные годы сумма эта, хранившаяся в советском сбербанке, была обложена «революционным» налогом, а со временем и вовсе обесценилась.

В конце ноября 1915 года С.Г. Рункевич получил приглашение от Черниговского епископа Василия (Богоявленского) войти в состав Попечительного Совета по организации и выработке устава открываемого в епархии Высшего женского педагогического сельскохозяйственного института. Сама идея организации института – первого в России высшего женского учебного заведения ведомства православного исповедания – принадлежала Преосвященному Василию. Институт планировалось разместить в знаменитом старинном дворце графа П.В. Завадовского в селе Ляличи Суражского уезда, принадлежавшего в то время духовенству Черниговской епархии, но находившегося в запустении. Епархиальный съезд духовенства охотно поддержал намерение своего архиерея и обратился с необходимыми ходатайствами в Святейший Синод и правительственные учреждения. Институт планировалось открыть в память 300-летия царствования Дома Романовых, в связи с чем было направлено всеподданнейшее ходатайство о «принятии сего учебного заведения под Августейшее покровительство Государыни Императрицы Александры Феодоровны»⁵⁴³.

Почетным председателем Попечительного Совета был выбран митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский), а среди почетных его членов были обер-прокурор Святейшего Синода А.Н. Воложин, Петроградский митрополит Питирим (Окнов) и др.

К ноябрю 1916 года проект положения о женском педагогическом институте в Ляличах уже был выработан. Разрабатывался он в Учебном комитете при Святейшем Синоде при участии Преосвященного Василия и товарища обер-прокурора Синода Н.Ч. Заиончковского, а также председателей от Министерства народного просвещения Н.О. Палечека и Министерства земледелия – Д.С. Леванды. При рассмотрении этого проекта в Синоде некоторые дельные указания были сделаны

⁵⁴³ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 6. Д. 5. Л. 1 об.–2.

новым синодальным обер-прокурором Н.П. Раевым, прекрасно знакомым с делом высшего женского образования по своей прежней должности – директора двух высших женских курсов в Петрограде⁵⁴⁴. Однако, какое участие принял в этом проекте С.Г. Рункевич и участвовал ли он в нем вообще, неизвестно.

Летом 1916 года под редакцией С.Г. Рункевича вышел в свет третий заключительный том «Описания архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого» за 1720–1721 годы⁵⁴⁵. Кроме описания дел за указанный период в этот том дополнительно вошел десяток дел, относящихся к 1712–1720 годам, по разным причинам не нашедших себе места в предыдущих томах «Описания». В приложении к третьему тому были помещены: найденные в московском архиве Министерства юстиции сведения о вызове монашествующих и подьячих в Александро-Невский монастырь; относящиеся к 1722–1735 годам сведения о земле Александро-Невского монастыря с планом и объяснением к нему, а также традиционно – подробные указатели лиц, мест и предметов.

Препровождая в свет третий том «Описания», С.Г. Рункевич писал в предисловии: «Во время печатания настоящего тома произошли события, имевшие существенное значение в судьбе лаврского архива. Во-первых, Архив Лавры весь был разобран и к нему составлен карточный указатель, после чего Архив сделался доступен для научного пользования. Во-вторых, издана обширная история Лавры, вынесшая на своих страницах главнейшие события лаврской жизни за минувший 200-летний период в научное обращение. Это не могло не отразиться на характере описания Архива, и вторая половина тома

⁵⁴⁴ Романовский высший женский Педагогический Институт с сельско-хозяйственным курсом в Ляличском дворце // Прибавления к Ц Введ. – 1916. – №40. – С. 979.

⁵⁴⁵ «Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого». Т. 3: (1720–1721 гг.). – Пг.: Синод. тип., 1916. – VI, 848 с.

является значительно сокращенной по сравнению с первой половиной»⁵⁴⁶.

В составлении последнего тома принимало участие совсем немного сотрудников: Б.Н. Жукович, Н.В. Нумеров, С.М. Потемкина и сам С.Г. Рункевич.

В 20-х числах июля 1916 года С.Г. Рункевич по поручению Святейшего Синода выехал в Волынскую епархию «для ознакомления с восстановлением церковно-приходской жизни в покинутых неприятелем приходах Дубненском, Кременецком» и др.⁵⁴⁷.

21 августа 1916 года скончался его старший брат – Михаил Григорьевич Рункевич. Ему было всего 54 года. Не прошло и года после смерти отца, как еще один родной и близкий для С.Г. Рункевича человек ушел из жизни.

По-своему сложилась судьба Михаила. В 1888 году он окончил С.-Петербургскую духовную академию, получив степень кандидата богословия за сочинение «О преступлениях против веры по русскому законодательству»⁵⁴⁸. Стоя перед выбором жизненного пути, Михаил принял решение не связывать свою жизнь с духовной службой. Некоторое время он трудился в ожидании вакансии в Хозяйственном управлении при Святейшем Синоде. Как-то при случайной встрече с одним знакомым он узнал, что начальник Главного управления почт и телеграфов генерал Н.А. Безак, преобразовывая свое тогда заброшенное ведомство, освобождающиеся в управлении должности замещает лицами с высшим образованием. Михаил Рункевич явился к генералу на прием и, произведя благоприятное впечатление, тотчас был принят на службу (в 1889 г.). Более 25 лет прослужил он в Главном управлении почт и телеграфов, занимаясь работой по сметным, организационным, законодательным и мобилизационным вопросам. В 1896 году

⁵⁴⁶ Там же. – С. V–VI.

⁵⁴⁷ Церковные вести // Колокол. – 1916. – №3051. – С. 3.

⁵⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 900.

он был назначен чиновником особых поручений VI класса, в 1898 – начальником вновь образованного IX (организационного) отделения, в 1909 году – чиновником особых поручений V класса. С 1907 года Михаил Рункевич состоял ктиторм церкви Главного управления почт и телеграфов. В 1911 году он получил чин действительного статского советника.

За годы службы имя М.Г. Рункевича приобрело широкую популярность не только среди многочисленных служащих почтово-телеграфного ведомства, но и во всех сферах, которые имели то или иное отношение к почтово-телеграфным делам. Популярность же эта, по свидетельству близких людей, черпала свою устойчивость в его неизменной внимательности и доброжелательности, «рыцарском служении правде и чести»⁵⁴⁹.

В 1915 году М.Г. Рункевичу предстояло перейти на должность начальника округа в провинцию. В числе предоставленных выбору почтово-телеграфных округов был и Ростовский-на-Дону округ. Однако М.Г. Рункевич, «любивший солнце и море», почету-то предпочел избрать себе округ в более северных пределах, и 11 июля 1915 года был назначен начальником Орловского почтово-телеграфного округа.

Незадолго до его кончины, С.Г. Рункевич навестил брата в Орле, став свидетелем того, насколько тот ответственно относился к своей службе. Он наблюдал, как его брат, «стоя в центре великого почтово-телеграфного пути, близко к сердцу принимал малейшую неисправность в сношениях, хотя бы вызванную совершенно не зависевшими от управления обстоятельствами, как гроза, налет птиц на густые ряды проволок, или попадание бумажных змеев, прерывавших ток»⁵⁵⁰. С.Г. Рункевич вспоминал, что его брат не жаловался на какую-нибудь определенную болезнь, однако, во время прогулки по

⁵⁴⁹ На память о почившем Михаиле Григорьевиче Рункевиче (21 авг. 1916 г.) – Пг.: Синод. тип., 1916. – С. 4.

⁵⁵⁰ Там же. – С. 5.

городу иногда останавливался, чтобы перевести дух и успокоить сердце.

Скончался Михаил Рункевич на пути в Кисловодск, куда выехал на краткое время для отдыха. 20 августа, в воскресенье вечером, он выехал из Орла курьерским поездом. По словам проводника, на следующий день (21 августа) утром в Харькове он ходил по вагону и предупредил, что сойдет в Таганроге. Позже проводник несколько раз заглядывал в купе, где М.Г. Рункевич ехал один, и видел его с газетой в руках. У Таганрога в седьмом часу вечера проводник, намереваясь предупредить о близкой высадке, обнаружил, что М.Г. Рункевич мертв. Он полулежал на скамье, со сложенными крестом на груди руками, в пенсне, как бы читая газету. Врачебный осмотр показал, что смерть наступила часов за десять до того.

Когда в Петрограде решался вопрос, где хоронить почившего, С.Г. Рункевич вспомнил бывший у него с братом года два назад разговор. Он просил тогда своего старшего брата, в случае своей смерти, если она произойдет в дороге, похоронить его там, где застигнет смерть, и, по ликвидации литературных дел, построить на месте погребения часовню для открытого пользования, чтобы над его «мертвым прахом не замирала духовная жизнь». Михаилу очень понравилась эта мысль, и он совершенно определенно просил тогда Степана Григорьевича в отношении места своего погребения поступить так же, но выразил сожаление, что у него не предвидится возможности рассчитывать на сооружение часовни на месте погребения, хотя очень бы хотел, чтобы это стало возможным⁵⁵¹.

Такое желание Михаила Рункевича о месте погребения и недавнее предположение о назначении его в Ростов-на-Дону, к округу которого принадлежал Таганрог, побудили С.Г. Рункевича высказаться за погребение брата в Таганроге.

Отпевание почившего проходило в городском соборе с «великим церковным благолепием». Отпевание и погребение

⁵⁵¹ Там же. – С. 5–6.

совершал Преосвященный Иоанн, епископ Приазовский и Таганрогский, в сослужении восьми священников и шести диаконов. После отпевания гроб, по местному обычаю, был обнесен вокруг храма с крестным ходом и затем опущен в землю в соборной ограде, вблизи алтаря. Любовь к почившему родных, друзей и почитателей вызвала намерение осуществить его желание о сооружении на месте погребения часовни, для чего был начат сбор пожертвований.

Признательность и уважение к почившему Михаилу Рункевичу сослуживцев и подчиненных по Орловскому почтово-телеграфному округу оказались настолько неподдельными, что вызвали желание увековечить его имя в округе, для чего была учреждена даже специальная комиссия⁵⁵². Решено было в приемной зале управления округа поместить портрет покойного с соответствующей надписью и собрать капитал, которому присвоить наименование «капитала имени начальника Орловского почтово-телеграфного Округа, действительного статского советника Михаила Григорьевича Рункевича, для выдачи процентов с капитала детям чинов Орловского почтово-телеграфного Округа, обучающимся в средних учебных заведениях, в размере от 75 до 100 рублей по жребию»⁵⁵³.

Трогательно было и отношение к памяти М.Г. Рункевича лиц, не принадлежащих к его ведомству. Один священник Калужской губернии, состоящей в Орловском округе, прислал взнос в его память с надписью: «на венок мало служившему, но много заслужившему Михаилу Григорьевичу Рункевичу». И здесь показательны слова Преосвященного Иоанна, сказанные им во время погребения: «Покойный при жизни относился к чужим, как к своим. И вот Господь судил так, что после его смерти чужие отнесли к нему, как к своему»⁵⁵⁴.

⁵⁵² Саран А.Ю. История почты Орловского края. – <http://www.ufps.orel.ru/kniga/glava2/22.html>

⁵⁵³ На память о почившем Михаиле Григорьевиче Рункевиче (21 авг. 1916 г.) – Пг., 1916. – С. 8–9.

⁵⁵⁴ Там же. – С. 9–10.

В память брата С.Г. Рункевич переслал в таганрогский Чеховский дом около тысячи книг богословского и исторического содержания, а также принадлежавшие брату собрания сочинений писателей беллетристов (около 2000 книг). Кроме того, он пожертвовал более 2000 научных книг в библиотеку Ростовского университета⁵⁵⁵.

Комиссия по увековечиванию памяти М.Г. Рункевича, отчитываясь в январе 1917 года о своей работе, сообщала, «что с 20 сентября 1916 по 1 января 1917 поступило 3.343 рубля 85 копеек, из них 145 рублей было израсходовано на венок, на 2.900 руб. куплены облигации 5% займа, остаток в 418 рублей 70 копеек находится на книжке сберкассы. Для установления достаточного количества стипендий понадобится капитал примерно в 6.000 рублей. Комиссия издала памятку, составленную братом покойного С.Г. Рункевичем»⁵⁵⁶.

Несколько слов надо сказать о сестре историка Марии и о младшем брате Николае.

Мария Рункевич была женой генерала С.С. Глинского, помощника коменданта Петропавловской крепости в Петербурге. К 1913 году она уже овдовела. После смерти мужа продолжала жить в Петербурге. Были ли у нее дети, неизвестно.

Николай Рункевич в 1890 году окончил семинарию и через год поступил «волонтером» в С.-Петербургскую духовную академию. В бытность свою в академии Николай, как и его брат Степан, принимал живое участие в деятельности академического кружка «студентов-проповедников». В 1895 году он окончил академию со степенью кандидата богословия за диссертацию: «Иеромонах Кирилл Транквиллион – Ставропольский. Его жизнь, проповеднические труды и судьба его сочинений в московской Руси»⁵⁵⁷. 12 октября 1895 года он был назначен помощником инспектора С.-Петербургской духовной

⁵⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 7.

⁵⁵⁶ Саран А.Ю. Указ. соч.

⁵⁵⁷ Отчет о состоянии С.-Петербургской Дух. Академии за 1894 год // ХЧ. – 1895. – Ч. I. – С. 360.

семинарии. С 3 октября 1896 года стал членом-сотрудником «С.-Петербургского Попечительного о бедных Комитета Императорского Общества», а с мая 1898 года еще и членом «Императорского Человеколюбивого Общества».

В июне 1900 года Н.Г. Рункевича назначили преподавателем всеобщей и русской истории С.-Петербургской духовной семинарии. С сентября 1908 года он начал также преподавать историю в качестве штатного преподавателя в императорском Училище правоведения.

С мая 1900 года преподавательскую деятельность Николай Рункевич стал совмещать со службой при канцелярии Учреждений императрицы Марии. 29 июня 1904 года он был назначен низшим чиновником, а 1 сентября 1906 года – младшим чиновником Учреждений императрицы Марии «с оставлением в прежней должности». Еще через год его назначили членом Хозяйственного комитета при той же канцелярии.

За время своей службы Николай Рункевич неоднократно поощрялся.

6 мая 1900 года отношением главного попечителя «Императорского Человеколюбивого Общества» он как сотрудник комиссии для регистрации бедного населения Петербурга «за труды по обследованию бедных обращающихся с прошениями на Августейшее Имя Ее Императорского Величества» был награжден орденом Св. Станислава 3 степени⁵⁵⁸.

6 мая 1903 года получил орден Св. Анны 3 степени⁵⁵⁹.

24 февраля 1905 года Н.Г. Рункевичу вместе с прочими чинами IV экспедиции канцелярии по Учреждениям императрицы Марии была объявлена от имени императрицы Марии Феодоровны «искренняя благодарность» «за дружную и согласную работу по Экспедиции, ввиду увеличения делопроизводства в ней в связи с событиями на Дальнем Востоке в отношении призрения детей лиц, пострадавших на войне с Японией»⁵⁶⁰.

⁵⁵⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5499. Л. 4–4 об.

⁵⁵⁹ Там же. Л. 4 об.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 5 об.

6 мая 1906 года Н.Г. Рункевич был награжден орденом Св. Станислава 2 степени⁵⁶¹.

22 апреля 1907 года – орденом Св. Анны 2 степени⁵⁶².

18 апреля 1909 года – орденом Св. Владимира 4 степени⁵⁶³.

22 марта 1915 года ему был «Всемиловитейше пожалован подарок от Августейшего Имени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны»⁵⁶⁴.

С назначением в марте 1910 года на должность помощника старшего чиновника «Собственной Его Императорского Величества Канцелярии учреждений Императрицы Марии» Н.Г. Рункевич уволился от духовно-учебной службы⁵⁶⁵. В ведомстве Учреждений императрицы Марии он состоял на службе до 26 октября 1917 года, дослужившись до чина действительного статского советника. Последняя его должность – чиновник особых поручений V класса.

Из троих братьев только Николай имел семью. Он был женат на дочери тайного советника Елене Павловне Анниной (1880 года рождения), у них были дети – сын Андрей (родился 28 июня 1909 года) и дочь Людмила (родилась 18 сентября 1913 года).

С 1889 года, еще будучи учеником семинарии, Николай Рункевич начал свою литературную деятельность. В разное время он был сотрудником изданий: «Россия», «Слово», «Колокол», «Церковные Ведомости», «Церковный Вестник», «Прямой Путь», «Приходское Чтение», «Странник», «С.-Петербургский Духовный Вестник», «Вестник Русского Собрания», «Исторический Вестник» (преимущественно библиографический отдел – по истории, отдел богословия и церковного права),

⁵⁶¹ Там же. Л. 6 об.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же. Л. 7 об.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵⁶⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 528. Л. 5 об.–15.

«Доброе Слово» и др.⁵⁶⁶. Им были также написаны и изданы книги: «Великий царь-миротворец и его заветы»⁵⁶⁷, о жизни императора Александра III (в 1911 году удостоена благодарности от императрицы Марии Феодоровны. – *Г.Щ.*); «Памяти просвещенного благотворителя»⁵⁶⁸, о деятельности известного филантропа принца Петра Георгиевича Ольденбургского; «Краткая записка о С.-Петербургской духовной семинарии за сто лет (1809–1909 гг.)»⁵⁶⁹; «История 100-летней деятельности Совета Императорского Человеколюбивого Общества»⁵⁷⁰.

В отличие от своих братьев Николай не оставался в стороне от общественно-политической жизни страны. По своим взглядам он примыкал к национально-монархическому движению и состоял членом первой русской общественной православно-монархической организации «Русское Собрание». Идея создания этой организации возникла в 1900 году в среде столичных писателей, ученых и сановников, всерьез обеспокоенных такими явлениями в русском обществе, как угасание веры и денационализация. Первоначально «Русское Собрание» было своеобразным литературно-художественным клубом, а первой формой его деятельности стали литературные понедельники и собрания по пятницам, посвященные общественно-политическим проблемам. Однако в 1904 году организация перешла к активной политической деятельности. Проведенный в 1906 году первый съезд «Русского Собрания» утвердил программную платформу: самодержавная и неделимая Россия, господствующее положение православия, признание законосовещательности Государственной Думы, со-

⁵⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 907.

⁵⁶⁷ *Н[иколай] Г[ригорьевич] Р[ункевич]*. Великий царь-миротворец и его заветы. – СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1909. – 132 с.

⁵⁶⁸ *Рункевич Н.Г.* Памяти просвещенного благотворителя. – СПб.: Тип. «Россия», 1912. – 31 с.

⁵⁶⁹ *Рункевич Н.Г.* Краткая записка о С.-Петербургской духовной семинарии за сто лет (1809–1909 гг.). – СПб., 1909.

⁵⁷⁰ *Рункевич Н.Г.* История 100-летней деятельности Совета Императорского Человеколюбивого Общества. – Пг., 1915.

ставлявшие известную триаду – Самодержавие, Православие, Народность. Впоследствии «Русское Собрание» принимало участие во всех монархических съездах. Организация имела до двадцати отделений – в Москве, Киеве, Харькове, Варшаве, Казани, Одессе и других городах России.

В начале мая 1912 года Николай Рункевич общим собранием организации был избран в числе четырех представителей (генерал-лейтенант П.Н. Митропольский, В.Ф. Абакумов, Н.Г. Рункевич, В.И. Веножинский) на V Всероссийский Съезд Русских людей, проходивший с 16 по 20 мая в Петербурге⁵⁷¹.

Начиная с 1912 года Н.Г. Рункевич входил в состав членов совета «Русского Собрания». Он также принимал участие в проводимых «Собранием» традиционных чтениях. Так в 1913 году он читал доклады: «Князь М.И. Кутузов-Смоленский» и «Н.М. Пржевальский»⁵⁷², в 1914 году – доклад: «Император Александр III и его заветы»⁵⁷³.

В 1915 году Н.Г. Рункевич в качестве должностного лица по «Русскому Собранию» входил в состав книгохранилищного наряда⁵⁷⁴.

8 января 1916 года им был прочитан в «Русском Собрании» доклад «Во что обратилась религия и нравственность в современной Германии»⁵⁷⁵, а 5 февраля – доклад о Ф.М. Достоевском⁵⁷⁶.

Вообще в последние годы существования организации Николай Рункевич был одним из самых активных членов ее совета⁵⁷⁷.

⁵⁷¹ Отчет по Русскому Собранию за 1912 год. – СПб.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1913. – С. 4.

⁵⁷² Там же. – С. 11–12.

⁵⁷³ Отчет по Русскому Собранию за 1914 год. – Пг.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1915. – С. 10.

⁵⁷⁴ Там же. – С. 15.

⁵⁷⁵ Новости дня // Колокол. – 1916. – №2896. – С. 4.

⁵⁷⁶ Там же. – №2919. – С. 4.

⁵⁷⁷ Отчет по Русскому Собранию за 1916 год. – Пг.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1917. – С. 2–3.

В служебном отношении осень 1916 года для С.Г. Рункевича была ознаменована неожиданным перемещением на новую должность. В сентябре вследствие придворных интриг со стороны тогдашнего Петроградского митрополита Питирима (Окнова) и не без участия известного «старца» Григория Распутина на место обер-прокурора Святейшего Синода А.Н. Воложина был назначен Н.П. Раев, бывший директор Петроградских высших женских курсов. Новый обер-прокурор решил возвратить в Синод уволенного А.Н. Воложиным обер-секретаря синодальной канцелярии П.В. Мудролюбова. При чем решил вернуть его с повышением, назначив на должность помощника управляющего Синодальной канцелярией. «Чтобы очистить для Мудролюбова это место, – пишет протопресвитер Георгий Шавельский, – Раев передвинул на низшую должность дельного и ученого С.Г. Рункевича»⁵⁷⁸. Так 1 ноября С.Г. Рункевич получил назначение на должность помощника управляющего Контролем при Святейшем Синоде. Впрочем, должность эта считалась равноценной с должностью помощника управляющего синодальной канцелярией. Должность помощника управляющего Контролем Рункевич занимал до 21 марта 1917, когда был восстановлен в своей прежней должности⁵⁷⁹.

В ноябре 1916 года вышла книга С.Г. Рункевича «Великая отечественная война и церковная жизнь. Книга 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг.»⁵⁸⁰. Это был исторический очерк тех действий, которые предприняла церковная власть с началом войны, и тех основных событий, которые происходили в церковной и общественной жизни в первые военные годы. «Настоящая великая отечественная война, – писал в предисловии к книге ее автор, – принадлежит к

⁵⁷⁸ Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. – С. 131.

⁵⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 8.

⁵⁸⁰ Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь: Ист. очерки д-ра церков. истории С.Г. Рункевича. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Пг.: Синод. тип., 1916. – (2), 358 с. Тираж 2000 экз.

такого рода мировым явлениям, которые с самого момента действительности переходят на страницы истории, не требуя проверки исторического своего значения критерием давности.

Церковная жизнь в истории нынешней великой войны, благодаря высокопатриотической деятельности церковных учреждений и организаций, занимает, бесспорно, выдающееся место.

Вот причина и объяснение появления настоящей книги в свет.

Пусть эта книга будет памяткой деятельности церковных сфер в служении Родине, в котором долг призывает жертвовать не только всем достоянием, но и жизнью».

Гром войны, разразившийся над Россией, повсеместно вызвал неподдельный порыв патриотизма. «Все спешили выразить свою готовность на борьбу со врагом и старались так или иначе, в той или иной степени принять участие в общем патриотическом деле защиты Родины. Поднятое всеобщим одушевлением всенародное стремление к общей работе, направленной на одоление врага, по местам вспыхивало яркими красками быстрой находчивости и практического разума, а в большинстве искало для себя форм и способов применения, ожидая указаний, что делать, – и в этом случае в директивах, преподанных от Святейшего Синода, оно нашло для себя указание целесообразного и планомерного приложения к делу»⁵⁸¹.

С началом войны специфическую окраску получило общественное богослужение. Установились особые торжественные богослужения, крестные ходы, нарочитый пост. За богослужением возносились специальные прошения (ектеньи) о даровании победы, об исцелении раненых. После каждой литургии служились молебны о даровании Христолюбивому

⁵⁸¹ Рункевич С.Г. Великая отечественная война и церковная жизнь // Прибавления к Ц Вед. – 1917. – №1. – С. 11.

российскому воинству победы над врагом. По субботам происходили сугубые поминовения павших воинов.

С особой силой повсюду зазвучала церковная проповедь. Она ободряла людей, напутствовала уходящие на фронт части войск, отбывавшие отряды сестер милосердия, отряды ополченцев. Большую роль играла проповедь в рассеивании всевозможных тревожных и провокационных слухов на фронтах и в тылу. А такие слухи, как известно, намеренно распространялись революционными элементами, а в войсках особенно, чтобы подорвать дух армии, внести беспокойство, брожение и смуту.

Проповедь шла не только устная, но и печатным словом. В армию и госпитали отправлялись Евангелия, молитвословы, миллионы листков и брошюр религиозно-нравственного содержания, как общего, так и применительно к обстоятельствам войны.

Повсюду в церковных кругах шли всевозможные сборы для фронта: деньгами, теплыми вещами, подарками. Сборы непосредственные, когда священники лично ходили по приходу, собирая пожертвования, и сборы посредством различных, специально учрежденных приходских организаций. Они проходили в церквях, а также во многих нецерковных организациях, которым по предписанию Святейшего Синода или епархиального начальства духовенство должно было оказывать содействие. В общей сложности церковные сборы за первые годы войны оказались весьма внушительными. Церковные организации собрали не меньше, чем собрали за тот же период Земские и Городские союзы, причем, не истратив ничего из собранного на себя.

В епархиях открывались лазареты, а где не было к тому возможности, учреждались стипендии – койки в лазаретах Красного Креста, земских, городских и др. При лазаретах действовали «Дамские Кружки», помогавшие лазаретам бельем и присмотром за больными, а также Попечительные Советы,

снабжавшие выписывающихся одеждой, бельем, обувью и кое-какими средствами.

В каждом приходе, за исключением лишь тех немногих (2–3 %), где по каким-либо причинам не представлялось физической возможности, с началом войны были учреждены приходские Попечительные Советы для помощи семьям лиц, призванных в армию. В большинстве своем они действовали совместно с гражданскими организациями, образованными для той же цели, взаимно согласуя свою деятельность и помогая друг другу, кое в чем почти сливаясь, но в большей части распределив труд. В частности, обследование имущественного положения семей, которым оказывалась помощь, лежало на обязанности приходских Советов. Советы занимались разъяснением семьям лиц, ушедших на войну, положения о призрении, предоставленного им законом 1912 года, какового положения они в большинстве случаев не знали. Приходские Советы собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, муку, крупу, доставляли дрова, уголь, чинили разрушившиеся постройки.

Особенно ценной была организация помощи по уборке и засеву полей семьям, чьи кормильцы были на фронте. В епархиях у семей мобилизованных запасных не оставалось ни одного снопа, не убранного с поля и не обмолоченного на гумне. Кроме того, для присмотра и ухода за детьми таких семей во время уборочной страды Попечительными Советами устраивались временные детские приюты и ясли.

Посильную денежную помощь армии оказывали монастыри. Многие иеромонахи поступили в военные священники. Многие из монашествующей братии шли в санитарные отряды, много послушников взято было в войска по призыву. Монашествующие сестры, как правило, обслуживали местные лазареты. На призыв Святейшего Синода многие монастыри откликнулись устройством у себя лазаретов, отводом помещений на нужды войск, готовностью устроить у себя здравницы

для выздоравливающих воинов и организовать обучение ремеслам увечных. Неоценимую помощь оказали монастыри, давая приют беженцам.

Огромный труд несло на своих плечах приходское духовенство. Оно молилось с уходящими на фронт, с оставшимися дома, напутствовало уходивших, утешало и ободряло оставшихся, заботилось о семьях запасных, писало письма солдатам, выдавало разного рода справки, составляло списки нуждающихся, председательствовало в приходских Попечительных Советах и в некоторых волостных Попечительствах.

Не редки были случаи исключительного героизма военного духовенства, проявленного на полях сражений.

Священникам помогали их жены – матушки. В некоторых местах они даже объединились в самостоятельные организации: писали воззвания, собирали пожертвования, отправляли подарки, досматривали раненых.

Свою жертву на алтарь Отечества несли и учащиеся духовных учебных заведений. Прежде всего, множество зданий духовных учебных заведений было взято под лазареты и постои войск. Если для гимназий, населяемых большей частью городскими жителями, лишение здания было жертвой, то для духовных семинарий и училищ, имеющих контингент учащихся из приезжих, помещавшихся в общежитии, оно было жертвой сугубой. Учащиеся производили между собой маленькие сборы и посылали подарки на фронт, старшие посещали лазареты для чтения и пения. Семинаристы исполняли обязанности санитаров по перегрузке и доставке раненых, иногда участвовали в трудовых дружинах по уборке полей семьям запасных. Воспитанницы женских училищ шили белье и готовили разного рода вещи. В одном епархиальном училище воспитанницы собрали у кого какие были украшения, и выреченные на них деньги потратили на подарки воинам.

Все это нашло отражение в исторических очерках С.Г. Рункевича «Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг.», публикуемых в «Приложении к Церковным Ведомостям» в 1916–1917 годах. Первая часть этих очерков, а именно «Распоряжения и действия Святейшего Синода», была издана в виде упомянутой выше книги. Применение же на местах директив высшей церковной власти печаталось отдельно по каждой епархии в алфавитном порядке.

С началом войны общее религиозное и патриотическое настроение заметно возросло. Одним из архиереев был произведен в своей епархии анкетный опрос о состоянии приходской жизни при обстоятельствах войны. Ответы были получены почти от половины приходов – 549. Только 4 ответа констатировали понижение религиозности, 28 – не видели заметной перемены, а все остальные, подавляющее большинство, отмечали сильный подъем религиозного духа⁵⁸².

Нужно сказать, что многие в народе, осмысливая войну, видели в ней суд Божий за грех народа, который стал забывать Бога. Не случайно и то, что страшная весть о начале войны громовым раскатом прокатилась над страной в день пророка Божия Илии. Пророка, некогда произнесшего страшные пророчества на Израиль, отступивший от Бога.

Война сильно сотрясла общество, заставив многих отрезвиться, задуматься и многое переосмыслить. В военные годы храмы почти всегда были полны молящимися. Народ стал отзывчивее к горю ближнего, щедрее в благотворении. Были люди, к ним принадлежал и С.Г. Рункевич, которые искренне думали, что «народ прозрел» и с окончанием войны должна будет «начаться новая жизнь с крепкими религиозными верованиями и стремлением к духовному усовершенствованию»⁵⁸³. Однако их чаяниям не суждено было сбыться. Духовные и социальные язвы в русском обществе были слишком глубоки,

⁵⁸² Там же. – С. 14.

⁵⁸³ Там же.

и эта недоброкачество общества представляла самую большую опасность. Церковь прекрасно понимала это, и именно в этом были ее главные опасения.

Еще в самом начале войны в одной из руководящих статей, опубликованных Святейшим Синодом в «Церковных Ведомостях», было сказано, что враг, притупив свое оружие на поле брани, постарается внести смуту и расстройство во внутреннюю жизнь страны, и этот момент будет самым опасным. Так оно и случилось – предупреждение оказалось пророческим. Духовные язвы общества были действительно глубоки и глубоки настолько, что требовали длительного врачевания. Россия начинала пить горькую чашу очистительных страданий.

К сожалению, в отечественной прессе, особенно после военных неудач русской армии, поднялась целая волна нападков на Церковь. Газеты без разбора кричали и шумели, что духовенство мало жертвует, мало делает, а некоторые издания даже специализировались на порицании духовенства. В адрес Православной Церкви целенаправленно выливалась масса грязи и клеветы. Об этом С.Г. Рункевичем в 1915 году был даже подготовлен специальный рапорт Святейшему Синоду. Между тем православное духовенство заслуживало особого внимания своим трудничеством на поприще патриотического служения, а иногда и исключительной жертвенностью в годы войны. В этом смысле книга С.Г. Рункевича, насыщенная фактическим материалом, стала в своем роде апологией патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Но, тем не менее, общие разлагающие тенденции, происходившие в стране, делали свое разрушительное дело.

По своей исторической ценности очерки С.Г. Рункевича «Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг.» исключительны и уникальны. Значение этой работы состоит и в том, что в ней содержится большое количество материалов: распоряжения церковных и гражданских властей, инициативы и деятельность всевозможных общественных организаций и

частных лиц, события, факты, имена и многое, многое другое, что составляет неоценимую источниковую базу этого трагического времени. С духовно-нравственной стороны – это памятник жертвенного христианского служения Церкви страждущему Отечеству, и при том служения в трудных условиях давления, необоснованной критики и прямой клеветы со стороны определенных общественных сил.

6 июня 1916 года С.Г. Рункевич получил «за труды, понесенные по обстоятельствам военного времени», от правительства последнюю свою награду – орден Св. Станислава 1 степени⁵⁸⁴.

4.2. Подготовка к Всероссийскому Поместному Собору

«Конец 1916 и начало 1917 года были временем чрезвычайно тягостным для Церкви. Темные силы, безверные и беспринципные, пользуясь суеверным настроением царицы, при посредстве известного старца Распутина, овладели влиянием на царя и, выдвинув ничтожного и недостойного Архиепископа Питирима на пост Петроградского митрополита и не менее ничтожных лиц на посты государственных представителей в церковном правительстве, вносили в церковную жизнь ужасающее разложение»⁵⁸⁵, – писал в одной из своих рукописей С.Г. Рункевич, переживая происходившие в церковной и общественной жизни события.

В это время в стране усиливался политический кризис. Уже перед началом 1917 года Россия стояла на грани хозяйственной катастрофы. Развал народного хозяйства, надвигающийся голод, моральное разложение армии и поражения на фронтах приближали Россию к неминуемым социальным катаклизмам.

⁵⁸⁴ Церковные вести // Колокол. – 1916. – №3024. – С. 4.

⁵⁸⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 2. Л. 4 об.

В январе 1917 года в ряде городов прошли демонстрации и стачки, самая крупная из которых развернулась в Петрограде. Так началась массовая открытая политическая борьба против существующего государственного строя.

23 февраля произошел революционный взрыв, положивший начало Февральской революции. В Петрограде началась всеобщая политическая стачка, приведшая к беспорядкам и кровавым столкновениям с полицией и войсками, а 27 февраля стачка переросла в вооруженное восстание.

2 марта 1917 года император Николай II вынужден был отречься от престола Российской империи, и власть в стране перешла к Временному правительству. Однако новая государственная власть находилась в весьма зыбком состоянии, а усиливающееся революционное брожение все сильнее захватывало общество.

Революция стала одновременно социальным детонатором и антирелигиозных настроений среди люмпенизированных и распропагандированных масс. Классовая ненависть к прежнему государственному строю естественно распространилась и на Церковь, которая воспринималась как один из столпов монархии.

Отсутствие гражданской дисциплины среди населения вследствие создавшихся внешних и внутренних политических условий повело ко многим отрицательным эксцессам в отношении к представителям духовенства. Стали нередкими случаи, когда священнослужители подвергались аресту по распоряжению местных Исполнительных комитетов, а иногда и по инициативе частных лиц, причем без предъявления уполномочивающих их на то документов, без ясного определения вины арестовываемых, а в иных случаях исключительно ввиду бывшей принадлежности их к монархическим организациям. В некоторых случаях налицо было просто откровенное сведение счетов по тем или иным мотивам. Иногда причиной арестов являлась неблагоприятная оценка пастырской деятельности

священнослужителей, которые при этом насильственно удалялись от занимаемых ими мест, с лишением их возможности совершать богослужение. Происходило все это без всякого участия церковной власти, в нарушение канонического церковного и установленного государственными законами порядка. Естественно, что такие эксцессы вносили заметное расстройство в церковную жизнь, и Святейшим Синодом для выработки надлежащих по этому поводу положений и указаний была образована (12 апреля) особая комиссия под председательством Новгородского Преосвященного Арсения (Стадницкого) в составе членов: Нижегородского Преосвященного Иоакима, протопресвитеров Александра Дернова и Георгия Шавельского, товарища обер-прокурора А.В. Карташева и помощника управляющего синодальной канцелярией С.Г. Рункевича, при делопроизводителе старшем секретаре Святейшего Синода Н.В. Нумерове⁵⁸⁶. Результатом работы этой Комиссии явились «руководственные правила к согласованию церковной деятельности с новыми условиями государственной и общественной жизни и немедленному устранению накопившихся в прежнем церковно-общественном строе недочетов путем широкого оглашения среди населения основных правовых понятий и введения выборного начала, основанного на доверии населения, во все, где возможно, отрасли церковно-административной жизни»⁵⁸⁷. В епархиях было рекомендовано организовывать специальные комитеты «из выборных членов клира и мирян, пользующихся доверием местного православного общества», которые бы по получении сведений об остром недовольстве действиями членов клира исследовали ситуацию и сами принимали необходимые меры⁵⁸⁸.

В революционной атмосфере взаимоотношения между Церковью и государством постепенно менялись все больше,

⁵⁸⁶ Ц Вел. – 1917. – №18–19. – С. 103.

⁵⁸⁷ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 2. Л. 4 об.

⁵⁸⁸ Ц Вел. – 1917. – №18–19. – С. 104.

менялась и сама церковная жизнь. В апреле Временное правительство по ходатайству «революционного» обер-прокурора В.Н. Львова сменило состав Святейшего Синода и ввело в его новый состав четырех представителей белого духовенства. Уничтожены были гражданские правовые ограничения, связанные с лишением священного сана: священникам, лишившимся мест, разрешено было занимать должности по государственной, общественной и частной службе. От управления епархиями были уволены архиереи, почему-либо вызывавшие в отношении к себе недовольство в тех или иных слоях общества. Духовенство заметно активизировалось, и по епархиям повсеместно начали проходить съезды для обсуждения церковно-общественных вопросов. В июле в Москве состоялись Всероссийский съезд духовенства и мирян и особый Всероссийский съезд монашествующих, в Бизюковом монастыре Херсонской епархии – Миссионерский съезд, в Нижнем Новгороде – Всероссийский съезд единоверцев.

С первых же дней революции вновь возродилась мысль о Всероссийском Соборе, и 29 апреля Святейший Синод объявил о начале подготовки к его созыву.

Предсоборное Совещание, приостановившее свои работы в первый год войны, с конца 1915 года, как бы предвидя близость Собора, принялось спешно заканчивать свои заседания, усиленно работая над законопроектом о преобразовании церковного суда, завершившим собой цикл основных законопроектов церковной реформы – законопроекты о патриаршестве и высшем церковном управлении, законченные еще до войны. Работа над законопроектом о церковном суде вызвала учреждение при Предсоборном Совещании особой комиссии. В ее состав вошли: председатель – архиепископ Сергей (Страгородский); исполняющий обязанности обер-прокурора Судебного департамента Сената сенатор С.Я. Утин (заместитель председателя); члены Государственного Совета, протоиереи Т.И. Буткевич и А.П. Надежин; члены Государственной Думы протоиерей

Г.Т. Алфеев и В.П. Шеин; члены Предсоборного Сопровожения профессор М.А. Остроумов и С.Г. Рункевич; юрисконсульт при обер-прокуроре Святейшего Синода В.В.Радзимовский и товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената А.П. Пилкин.

Начав свои заседания 19 января 1916 года уже к лету комиссия успела закончить обсуждение общих принципов церковно-судебной реформы и приступила к составлению церковно-судебного устава, который должен был строго юридически расчленивать спутанный в то время порядок церковного суда. Планируемый комиссией устав должен был получить название «Церковного Судебника» и «состоять из шести книг:

1. Устав об устройстве церковно-судебных установлений;
2. Устав церковного судопроизводства по делам о преступлениях и проступках и о наложении дисциплинарных взысканий;
3. Устав судопроизводства по делам о расторжении браков и о признании браков незаконными и недействительными;
4. Устав судопроизводства по делам об удостоверении события рождения, бракосочетания и смерти;
5. Устав судопроизводства по делам о спорах имущественных;
6. Устав церковно-карательный»⁵⁸⁹.

К осени из перечисленных шести книг было составлено четыре: первая и вторая – сенатором С.Я. Утиным, пятая – делопроизводителем комиссии, исполняющим обязанности обер-секретаря Сената В.С. Шафрановым и шестая – А.П. Пилкиным. К концу года были завершены и проекты остальных двух книг: третьей книги – А.П. Пилкиным и четвертой – В.В.Радзимовским⁵⁹⁰.

Одновременно с проектом «Церковного Судебника» делопроизводителем комиссии составлялся проект штатов предполагаемых церковно-судебных установлений⁵⁹¹.

⁵⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 269. Л. 7.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 7 об.

⁵⁹¹ Для составления указанного проекта, Комиссией, с разрешения Св. Синода, затребованы были с мест – от духовных консисторий и благочинных – статистические

Когда после Февральской революции стала уже реальной мысль о созыве Собора, признано было желательным еще раз произвести пересмотр предсоборных работ, и для этого был созван Предсоборный Совет при широком участии представителей от общественных слоев. Кроме всего состава Святейшего Синода в Совет вошли делегаты от епархиальных архиереев, съезда духовенства и мирян, духовно-учебных заведений, профессоров духовных академий, монашествующих, единоверцев и лица по особому приглашению – всего 62 человека. В состав Совета вошел и С.Г. Рункевич. Предсоборный Совет открыт был 12 июня 1917 года и работал по десяти отделам: 1) о производстве выборов на Всероссийский Поместный Церковный Собор, его организации и составлении для него наказа; 2) преобразовании Высшего Церковного Управления (Собор, Синод, церковные округа); 3) епархиальном управлении; 4) церковном суде; 5) благоустройении прихода; 6) по делам веры, о богослужении, единоверии и старообрядчестве; 7) церковном хозяйстве; 8) правовом положении Церкви в государстве; 9) монастырях и монашествующих; 10) духовно-учебных заведениях.

Тогда же, в середине июня, С.Г. Рункевич по рекомендации А.В. Карташева принял участие в работе Ликвидационной комиссии по делам бывшего Царства Польского. Комиссия была учреждена в связи с образованием независимого Польского государства и занималась ликвидацией российских учреждений, находившихся на территории бывшего Царства Польского. На комиссии лежало решение имущественных вопросов. Она занималась устройством и материальным обеспечением бывших служащих российских учреждений, вопросами передачи имущества Польскому государству. Возвращались культурные ценности – исторического, художественного и

сведения о производящихся в епархиях в течение 1915 г. церковно-судебных делах. Осенью 1916 г. сведения эти от значительного числа консисторий и благочинных были получены и приведены в порядок делопроизводителем Комиссии (РГИА. Ф.796. Оп. 205. Д. 269. Л. 7 об.–8).

научного значения, принадлежавшие ранее государственным, общественным, церковным или частным хранилищам Царства Польского⁵⁹².

Еще ранее, в мае, С.Г. Рункевича приглашали для работы в комиссии по пересмотру действующих законоположений по делам римо-католической церкви в России⁵⁹³. Работа эта проводилась в рамках вероисповедной политики Временного правительства, направленной на установление новых взаимоотношений между государством и религиозными объединениями. Значительная доля работы в этом направлении возлагалась на Министерство внутренних дел и прежде всего на департамент духовных дел иностранных исповеданий. Именно он в этот период выстраивал новые отношения между государством и ранее «гонимыми» и «терпимыми» религиозными организациями. В системе Министерства для изучения поступающих от представителей конфессий предложений и подготовки вероисповедных законопроектов было создано Особое совещание по общим вероисповедным вопросам. В необходимых случаях вопросы жизнедеятельности конфессий выносились на рассмотрение Юридического совещания при правительстве. Департамент обеспечивал участие в разработке вероисповедных законопроектов представителей религиозных организаций, научных учреждений, общественности, организуя в этих целях специальные комиссии и совещания.

В конце июня – начале июля 1917 года правительство пришло к выводу, что следует переходить от простого отказа от норм религиозного законодательства царского времени к разработке самостоятельных вероисповедных законопроектов. Практика показала, что идею внеконфессионального государства, на которую до этого ориентировалось Временное правительство и в основе которой лежал принцип равенства

⁵⁹² РГИА. Ф. 796. Оп. 204 (экспедиция). Д. 37. Л. 25, 35.

⁵⁹³ Там же. Л. 34.

всех религиозных объединений и равноудаленности от них государства, независимо от его исторических связей в прошлом, в России реализовать не удалось. Осознавалась и необходимость глубокого реформирования государственных органов, осуществлявших до того вероисповедную политику государства.

Время перемен легло на А.В. Карташева, сменившего на обер-прокурорском посту В.Н. Львова. В своей деятельности Карташев руководствовался кадетской программой по религиозному вопросу, сам будучи представителем этой партии. Программа подразумевала строительство светского государства, но с сохранением определенных «близких» отношений между государством и Православной Церковью, некоторого покровительства со стороны государства в отношении Церкви. В этом случае «отделение» трактовалось как «отдаление» Церкви от государств и не более того.

Новый обер-прокурор вплотную занялся и проблемой учреждения поста министра исповеданий. К разработке законопроекта о Министерстве были привлечены: от православных кругов – управляющий канцелярией Святейшего Синода П.В. Гурьев⁵⁹⁴ и его помощник С.Г. Рункевич, от специалистов-юристов – В.Д. Набоков, барон Б.Э. Нольде, бывшие также членами кадетской партии. После обсуждения текста законопроекта в Юридическом совещании правительство 5 августа утвердило его. Инициатор реорганизации управления церковными проблемами А.В. Карташев стал первым российским министром исповеданий⁵⁹⁵.

⁵⁹⁴ Гурьев Петр Викторович (1863 – после 1925) – действительный статский советник, магистр богословия. 1912–1917 гг. – управляющий канцелярией Святейшего Синода, член Предсоборного Совета. В 1917–1918 гг. – помощник секретаря Поместного Собора, член Соборного Совета. С 1918 г. – управляющий канцелярией Священного Синода и Высшего Церковного Совета (с 1920 – управляющий канцелярией Высшего церковного управления), секретарь св. патриарха Тихона. В 1922 г. арестован и освобожден, в 1923 г. – арестован и привлечен к суду вместе с патриархом. Находился в ссылке.

⁵⁹⁵ На пути к Поместному Собору (февраль – август 1917 года). – <http://www.rusoir.ru>

5 июля 1917 года, после бывшего накануне в Петрограде выступления большевиков, сопровождавшегося волнениями и стрельбой на улицах, созданный вечером того же дня Синод принял решение – ввиду чрезвычайных обстоятельств времени немедленно созывать Собор, назначив срок созыва на 15 августа. Об этом было сообщено особым посланием Святейшего Синода, и были приняты меры к немедленному обнародованию положения о созыве Собора и производству выборов его членов. 31 июля Предсоборный Совет, спешно закончив свои работы, закрылся. 2 августа 1917 года состоялось последнее в Петрограде заседание Святейшего Синода, который вместе с частью своих канцелярий переехал в Москву, где открыл свои заседания 9 августа, завершая организационные работы по открытию Собора. Первоприсутствующим в Синоде в это время был Экзарх Кавказский, архиепископ Платон (Рождественский), получивший накануне открытия Собора титул митрополита⁵⁹⁶.

4.3. Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов

15 августа 1917 года в праздник Успения Божией Матери в Большом Успенском соборе Московского Кремля был торжественно открыт Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви.

В его работе приняли участие 564 делегата: 265 лиц духовного сана (72 архиерея и 192 клирика) и 299 мирян.

С.Г. Рункевич вошел в состав Собора как член Предсоборного Совета⁵⁹⁷.

С 17 августа в Епархиальном доме по Лихову переулку 6 начались деловые соборные заседания. В течение первой недели

⁵⁹⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 2. Л. 5–6 об.

⁵⁹⁷ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Т. 1. Документы и материалы. Деяния 1–16. – М., 1994 [Репринт. воспр. кн. 1 (вып. 1–3) изд. 1918 г.]. – С. 20–30.

были избраны председатель Собора – митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин), его товарищи (заместители): от иерархов – архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий) и архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий); от духовенства – протопресвитер Успенского Кремлевского собора Николай Любимов и протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский; от мирян – Е.Н. Трубецкой и М.В. Родзянко, замененный впоследствии А.Д. Самариным. Был учрежден орган управления Собором – Соборный Совет – в составе председателя (митрополит Московский Тихон), двух заместителей, секретаря и его помощников, и трех членов.

Вся вторая половина августа и первые числа сентября были посвящены формированию соборных отделов. Было образовано при Соборном Совете 22 отдела: уставный, высшего церковного управления, епархиального управления, церковного суда, благоустройства прихода, правового положения Церкви в государстве, богослужения, проповедничества и искусства, церковной дисциплины и др. В их задачу входило предварительное рассмотрение обсуждаемых вопросов и подготовка по ним проектов решений, которые затем выносились на утверждение Собора. Кроме того, в рамках отделов функционировали подотделы, рассматривавшие более частные вопросы, при необходимости организовывались специальные комиссии. Все определения и постановления, принятые на общем (пленарном) заседании Собора, вступали в силу только после их утверждения на Совещании Епископов, в состав которого входили все архиереи – члены Собора.

Все заседания Собора проходили в Епархиальном доме. Дважды в неделю проводились пленарные заседания, а в остальные дни – заседания отделов и иных рабочих органов Собора. Всего состоялось три сессии Собора: первая проходила с 15 августа по 9 декабря 1917 года, вторая – с 20 января

по 7/20 апреля 1918 года, третья – с 19 июня/2 июля по 7/20 сентября 1918 года.

В самом начале работы Собора, во время формирования соборных органов, кандидатура С.Г. Рункевича выдвигалась на должность помощника Секретаря Собора⁵⁹⁸, и в качестве члена Соборного Совета⁵⁹⁹.

На соборном заседании 28 сентября С.Г. Рункевич по предложению Соборного Совета был включен в состав редакционного отдела и избран его председателем⁶⁰⁰. Отдел этот должен был устанавливать и оглашать окончательное изложение каждого из соборных постановлений, после чего Собором разрешался вопрос о принятии постановления в полной его совокупности. Кроме того, Рункевич был включен в состав Хозяйственно-распорядительного совещания при Соборном Совете⁶⁰¹.

К сожалению, Поместный Собор начал свою работу в крайне неблагоприятных условиях разгоравшейся в стране гражданской смуты. Произошедшие 28 октября 1917 года государственный переворот и захват власти большевиками кардинально изменили ситуацию в стране: изменили саму историческую судьбу России, придав ей совершенно новое направление и содержание. Начавшаяся социальная революция потрясла и вскоре разрушила до основания прежние устои русского общества и государственности. Октябрьские и все дальнейшие события, происходившие в стране, теперь все сильнее отражались на настроении и деятельности Собора. Однако и в этих тяжелых условиях Собор многое успел сделать, решив ряд важнейших вопросов, связанных с устройством церковной жизни в России.

⁵⁹⁸ Там же. – С. 73.

⁵⁹⁹ Там же. – С. 83.

⁶⁰⁰ Там же. Т. 2. Деяния 17–30. М., 1994 [Репринт. воспр. кн. 3 (вып. 1–3) изд. 1918 г.]. – С. 98.

⁶⁰¹ Там же. Т. 1. Документы и материалы. Деяния 1–16. – М., 1994 [Репринт. воспр. кн. 1 (вып. 1–3) изд. 1918 г.]. – С. 138.

Первыми главнейшими событиями деяний Священного Собора стало избрание патриарха и учреждение новых органов высшего церковного управления.

5 ноября 1917 года, после более чем двухсотлетнего перерыва, на первосвятительский престол Русской Православной Церкви был снова избран патриарх. Им стал Московский митрополит Тихон (Беллавин). 21 ноября в Успенском соборе Кремля состоялась торжественная интронизация нового патриарха.

После избрания патриарха Собором был окончательно решен вопрос и о высшем церковном управлении. Было принято определение, что управление церковными делами Русской Православной Церкви принадлежит «Всероссийскому Патриарху совместно со Священным Синодом и Высшим церковным советом». В начале декабря на последних заседаниях первой сессии, перед роспуском делегатов на рождественские каникулы, Собор избрал новые высшие органы церковного управления: Священный Синод и Высший Церковный Совет.

2 февраля⁶⁰² 1918 года открылась вторая соборная сессия. В связи с происходившей в стране войной и разрухой на нее прибыло гораздо меньшее число делегатов, чем было в начале.

5 февраля 1918 года советское правительство обнародовало Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. В последних параграфах декрета говорилось, что никакие церкви и религиозные общества не имеют прав юридического лица и не имеют права владеть собственностью, а все имущество существующих в России церковей и религиозных обществ объявляется народным достоянием⁶⁰³. Так Церковь в одиночестве оказалась поставленной в совершенно бесправное и беззащитное состояние.

⁶⁰² Все числа с 1 января 1918 г. будут даваться по новому стилю.

⁶⁰³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – С. 29–30.

Изменение статуса Церкви в государстве, согласно декрету, сразу же вызвало на Соборе вопрос и о времени введения в действие новых органов высшего церковного управления, то есть в какие сроки Святейший Синод должен передать свои полномочия новоучрежденным органам высшего церковного управления. Было высказано мнение, что в настоящее время государственной неразберихи нецелесообразно упразднить Святейший Синод, так как передача власти новым органам церковного управления связана со сложными имущественными и юридическими вопросами⁶⁰⁴. Ввиду этого Собор поручил двум отделам – «О высшем церковном управлении» и «О церковном имуществе и хозяйстве» – безоплагатомерно разработать вопрос об устройстве и введении в действие новых органов высшего церковного управления, о чем представить Собору не позднее 20 февраля 1918 года. Однако то правовое положение, в котором оказалась Церковь после обнародования декрета, вынуждало к скорейшим и более определенным действиям в решении вопроса о высшем церковном управлении, что и было предпринято в соборном заседании 13 февраля.

На нем вновь некоторые члены Собора, главным образом юристы, призывали повременить с введением новых органов высшего церковного управления и сохранить Святейший Синод, так как он являлся одновременно учреждением и церковным и государственным. То есть вопрос упирался главным образом в имущественное правопреемство, которое, по их мнению, должно было быть подтверждено законной государственной властью.

Юрист Н.Д. Кузнецов говорил: «Необходимо принять во внимание и окружающие условия жизни, спутавшие все отношения Церкви и государства в России, самое уничтожение у нас какого бы то ни было государственного порядка, сопровождающееся и разрушением внешнего церковного строя. Теперь

⁶⁰⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Т. 6. Деяния 66–77. – М., 1996 [Репринт. воспр. кн. 6 (вып. 1–2) изд. 1918 г.]. – С. 189–210.

мало, если Собор постановит открыть действия Высшего Церковного Совета и Священного Синода. Следует подумать, есть ли для этого в данный момент соответствующие условия в действительной жизни. Мне кажется, что нет. <...> Прежний Синод представлял из себя не только церковное, но и государственное учреждение. Он является юридическим собственником не только многих церковных капиталов, но и разных недвижимых имуществ. Вот почему Временное Правительство при открытии Собора справедливо объявило, что постановления Собора по организации нового церковного управления должны быть представлены на утверждение государственной власти и уже после этого вводимы в действие. Иначе Собор пойдет по пути Декрета 23 Января [5 февраля] и, если в России появится новое правительство, оно может сказать: то, что сделано Собором без сношения с правительством, не может получить юридической силы в государстве. Если Собор уничтожит Синод, то принадлежащее ему имущество окажется без собственника и может быть объявлено вымороченным. <...> По моему мнению, в данное время не следует ликвидировать прежнее церковное управление, а лишь ввести в состав Св[ятейшего] Синода членов избранных в новые учреждения и сделать нужные изменения в порядке решения дел»⁶⁰⁵.

Такие выводы делались, конечно, из предположения, что власть большевиков временная и вскоре может перейти к другим политическим силам.

Кроме того, выдвигались и другие причины повременить с введением новых органов высшего церковного управления, например организационные (отсутствие большинства избранных членов Священного Синода), неопределенность положения церковного суда.

В ответ на эти доводы прозвучало немало возражений. Так, С.Г. Рункевич уведомлял Собор: «Декрет не упоминает, с какого момента вводится в жизнь отделение Церкви от государства.

⁶⁰⁵ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Т. 6. Деяния 66–77. – М., 1996 [Репринт. воспр. кн. 6 (вып. 1–2) изд. 1918 г.]. – С. 193.

Но получены достоверные сведения, что в здание Св[ятейшего] Синода в Петрограде явились агенты нынешней власти, заняли помещение и прекратили в нем служебные занятия. Таким образом декрет, по-видимому, вводится ныне же в жизнь, и Св[ятейший] Синод в настоящее время лишен возможности правильно продолжать свое действие. Церковь же ни на один момент не может оставаться без правильно действующих органов управления. <...> Для управления церковного естественно должны быть выдвинуты вместо Св[ятейшего] Синода новые органы Высшего Церковного Управления, – они уже и сорганизованы Священным Собором»⁶⁰⁶.

За скорейшее и даже незамедлительное введение в действие новоизбранных органов церковного управления высказалось большинство выступающих.

На том же заседании Собором было принято постановление, что «Священный Синод и Высший Церковный Совет приступают к исполнению своих обязанностей с 1-го [14] февраля 1918 г.». Таким образом, полномочия Святейшего Правительствующего Синода окончательно завершались и переходили ко вновь учрежденным органам высшего церковного управления. На следующий день Святейший Правительствующий Синод, записав в определении от 1/14 февраля 1918 года №273: «ввиду состоявшегося постановления Собора о том, чтобы Священный Синод и Высший Церковный Совет приступили к своей деятельности по управлению Церковью и приняли все дела от Святейшего Синода, считать свои полномочия оконченными и все дела Святейшего Синода почитать переданными Святейшему Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету», – прекратил свое действие и существование⁶⁰⁷. Так завершилась почти двухвековая синодальная эпоха бытия Русской Церкви.

Новые органы высшего церковного управления, формируя свои структуры, естественно вобрали в себя штат прежних

⁶⁰⁶ Там же. – С. 194–195.

⁶⁰⁷ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 436–437 об.

синодальных чиновников. С.Г. Рункевич также остался в прежней должности помощника управляющего канцелярией, только уже не Святейшего, а Священного Синода, утвержденный в ней 25 апреля 1918 года⁶⁰⁸.

На Соборе С.Г. Рункевич кроме обязанностей по председательству в редакционном отделе принимал участие в работе и других отделов, будучи вообще одним из активнейших его участников. Так, например, он состоял членом VII отдела «О богослужении, проповедничестве и храме», участвовал в работе IV отдела «О церковном суде» и др.

В связи с вопросами, решаемыми IV отделом, он трудился в составе специальной комиссии для выработки временных правил о церковном суде, подготовившей временные положения и объяснительную записку по этому вопросу⁶⁰⁹. Принимал самое живое участие в обсуждении проекта «Об устройстве Церковного суда», смысл которого сводился к тому, чтобы разграничить в церковном суде судебную и административную власти. Проект этот вызвал на Соборе бурные дебаты, выявившие в нем наиболее болезненное место – вопрос о месте епископа. Во время прений С.Г. Рункевич, как человек давно знакомый с делом и в свое время участвовавший в работе Предсоборного Совещания, где проект о церковном суде уже разрабатывался на основании указанного принципа разграничения судебной и административной власти, выступал в защиту проекта. При постатейном голосовании проекта Рункевич пытался внести много поправок.

Несколько подробней хочется остановиться на участии С.Г. Рункевича в работах VII отдела «О богослужении, проповедничестве и храме», связанных с решением вопроса об охране памятников церковной старины, так как специфика это-

⁶⁰⁸ Ц Вел. – 1918. – №17–18. – С. 107.

⁶⁰⁹ *Белякова Е.В.* Вопрос о церковном суде на поместном Соборе 1917–1918 гг. – <http://www.pravoslavie.ru>

го вопроса напрямую касалась научных интересов Рункевича и как историка, и как архивиста.

В октябре 1917 года в Соборный Совет поступило заявление 32-х членов Собора о том, что «в числе вопросов, входящих в программу Собора и разрабатываемых в настоящее время соборными отделами, нет вопроса об охране и разработке находящихся в ведении Ведомства Православного Исповедания памятников древностей». При этом отмечалось, что «этот вопрос принадлежит к числу неотложных задач церковной власти».

Авторы заявления писали: «Ведомство Православного Исповедания владеет неподдающимся подсчету и материальной и научной оценке археологическим и археографическим материалом. Всем прикосновенным к археологии и близким к ним отраслям знаний хорошо известны последствия, проистекающие от отсутствия у нас правильной общей организации по заведыванию, охране и разработке этих материалов. До настоящего времени роль главного направляющего органа в этой области исполняли Архив Св[ятейшего] Синода и состоящая при нем архивная Комиссия, которые с разрешения Св[ятейшего] Синода принимали на себя разработку тех или иных общих вопросов и мер, касающихся церковно-археологического дела, и на заключение которых церковная власть обращала иногда восходившие к ней дела этого рода. Но указанная роль не была закреплена за помянутыми установлениями и вырабатывавшиеся ими меры носили случайный характер. Составленный архивной Комиссией с участием наиболее выдающихся ученых специалистов г. Петрограда и одобренный в 1909 г. для внесения на утверждение верховной власти проект положения об Архивно-Археологической Комиссии при Св[ятейшем] Синоде и об епархиальных Церковно-Археологических Комитетах, разрешавший вопрос о заведывании, охране и разработке памятников церковной старины остается без движения. Такое положение дела вызывало и вызывает в специальной и общей

печати, на археологических съездах и со стороны ученых обществ, правительственных и законодательных учреждений самые резкие суждения по адресу нашего ведомства и даже требования об изъятии из его ведения памятников древности. Отчасти это требование имелось уже в виду Министерством Внутренних Дел при составлении проекта закона об охране памятников древности в стране, внесенном в Государственную Думу третьего созыва и почти уже рассмотренного последнею. Священному Собору Православной Российской Церкви надлежит неотложно разрешить этот наболевший вопрос.

Мы, нижеподписавшиеся члены Собора, имеем честь сим внести предложение о включении в программу занятий Собора вопроса о памятниках церковной старины, с передачею его для предварительной разработки в какой-либо существующий, или в специально образованный для сего отдел. Работа по этому вопросу, благодаря имеющимся в распоряжении Архива Св[ятейшего] Синода и состоящей при нем архивной Комиссии подготовленным материалом будет весьма несложной и не потребует много времени»⁶¹⁰.

Заявление это для предварительной разработки было передано Соборным Советом в VII отдел «О богослужении, проповедничестве и храме». В заседании же отдела вопрос об охране памятников церковной старины был признан не просто актуальным, но даже спешным, «ввиду явно намечающейся тенденции к изъятию означенных предметов из ведения Церкви и к передаче их в ведение Государства»⁶¹¹.

29 октября этот вопрос рассматривался в Совещании Епископов, где было принято решение о необходимости образовать при Святейшем Синоде особую организацию, «имеющую права юридического лица и обязанную сосредоточивать

⁶¹⁰ Цит. по: *Ионов А.С.* Архивы Русской Православной Церкви в 1917–1921 гг.: Дипломная работа выпускника Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (рукопись). – М., 2003. – С. 151–152.

⁶¹¹ Там же. – С. 157–158.

у себя и ведать все дела по сохранению церковных древностей, рукописей и памятников церковного искусства»⁶¹².

Непосредственное обсуждение вопроса об охране предметов церковной старины началось в заседании VII отдела 14 ноября, когда был заслушан проект об учреждении «Палаты церковного искусства и древностей». При этом основной вопрос, который предстояло решить, был – являются ли памятники церковного искусства, как вещественные, так и документальные, «неотъемлемой собственностью Церкви, или Церковь пойдет на уступки передачей их в другие руки»? В процессе обсуждения этой проблемы звучали различные мнения, однако большинство участников дискуссии высказалось за право Церкви владеть и заведовать предметами церковной старины, для чего организовать специальное учреждение при Высшем церковном управлении.

Обсуждение вопроса продолжилось на расширенном заседании отдела 22 ноября. Член отдела С.Г. Рункевич и приглашенный на заседание академик А.И. Соболевский сделали «краткий исторический очерк мероприятий в архивно-археологической области за последний период синодального управления», изложив, кроме прочего, содержание проекта 1908–1909 годов. Были изложены выработанные в те годы для Архивно-археологической Комиссии при Святейшем Синоде устав и правила, а также дана справка о церковно-археологических комитетах в епархиях.

Рассматриваемый вопрос для Церкви был вопросом не новым и уже имел свою полувековую историю. Как указывалось в заявлении «32-х», «до настоящего времени роль главного направляющего органа в этой области исполняли» архив Святейшего Синода и состоящая при нем архивная Комиссия. К этому вопросу Комиссия по разбору и описанию синодального архива стала причастна с 1868 года, когда Святейший

⁶¹² Там же. – С. 159.

Синод передал на ее суждение составленные епархиальными комитетами описания церковных и монастырских ризниц⁶¹³. Комиссия тогда же высказалась «за восстановление деятельности исчезнувших епархиальных комитетов», считая это одной из существенных мер охраны памятников церковной старины. Однако это дело вскоре вышло из ведения Церкви и стало предметом обсуждения на созываемых каждые три года археологических съездах. Так, в 1869 году на первом археологическом съезде вопрос об охране памятников старины передан был в особую комиссию, а в 1871 году, на втором археологическом съезде, постановлено было передать это дело в Министерство народного просвещения. Выработанный образованной при Министерстве в 1876 году особой межведомственной комиссией под председательством статс-секретаря князя Лобанова-Ростовского проект охраны памятников старины не имел успеха. Дело остановилось на 20 лет. В 1895 году выработан был проект устава общества охраны церковной старины при Петербургской духовной академии, но тоже безуспешно, так как для этого дела требовался сильный авторитет власти, и власти непременно духовной. Выяснилось, что обойтись в этом вопросе без Святейшего Синода невозможно, так как приходится охранять памятники преимущественно церковной старины⁶¹⁴.

С декабря 1898 года вопрос этот снова обсуждался в архивной Комиссии. После его всестороннего рассмотрения Комиссия единодушно приняла положения доклада своего члена

⁶¹³ В июне 1853 г. Св. Синодом был учрежден, под председательством архиепископа Казанского Григория (Постникова), особый комитет из пяти членов с целью приведения в известность монастырского и церковного достояния и охраны от растраты и порчи замечательных или по своей ценности или по особенному значению в церковно-историческом и археологическом отношениях памятников русского благочестия. На комитет были возложены просмотры всех описей церковных ризниц, доставленных Св. Синоду в силу циркулярного указа от 31 марта 1853 г. Комитет приступил к выполнению возложенной на него задачи, но не довел дела до конца: постепенно члены комитета выбыли, следы их работ исчезли и к концу 1868 г. в Петербурге не осталось ни одного из его членов. Вместе с тем прекратили свое существование и епархиальные комитеты.

⁶¹⁴ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 86–87.

А.Н. Львова: а) об учреждении при Святейшем Синоде особой центральной церковно-археологической Комиссии или Совета, который состоял бы из представителей разных отраслей археологии, объединял бы, поддерживал и руководил делом охранения памятников старины в епархиях и служил бы для научно-теоретической разработки всех церковно-археологических вопросов, как возникающих при рассмотрении дел этого рода в Синоде, так и вызываемых практикой жизни, и б) о постепенном открытии в каждой епархии епархиальных церковно-археологических комитетов, с обязательством устраивать при них церковно-археологические музеи, а для письменных памятников – епархиальные исторические архивы. Для детальной разработки этих положений была образована особая подкомиссия под председательством графа С.Д. Шереметева в составе: сенатора А.Г. Вишнякова, протоиерея М.И. Горчакова, Н.П. Кондакова, Г.И. Котова, А.Н. Львова, Н.В. Покровского, С.Г. Рункевича, А.И. Соболевского, Н.В. Султанова и делопроизводителя К.Я. Здравомыслова. Подкомиссии указывалось, что круг ведения предполагаемых к учреждению органов (церковно-археологического Совета и комитетов) должен будет на первых порах заключаться только в охране и научной разработке письменных и вещественных памятников церковной старины не исключая и памятников зодчества (вопросы же, относящиеся к реставрации и уничтожению памятников, могли быть выдвинуты для обсуждения впоследствии, «по указанию опыта»)⁶¹⁵. В результате работы подкомиссии была напечатана записка «О мерах к сохранению и разработке вещественных и письменных памятников, находящихся в духовном ведомстве». Записка эта обсуждалась в заседаниях Комиссии 11 и 29 марта 1899 года, однако дело остановилось вследствие кончины председателя Комиссии А.Ф. Бычкова, одного из главных инициаторов дела. При новом председателе С.Д. Шереметеве вопрос этот обсуждался в заседании 21 декабря 1900 года и 8 января 1901 года, но неожиданный уход

⁶¹⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191. Л. 407–408 об.

Шереметева с должности председателя, а затем последовавшая вскоре (11 августа 1901 г.) кончина А.Н. Львова послужили причиной появления на журнале Комиссии следующей резолюции обер-прокурора Святейшего Синода – «с делом охраны памятников приостановиться»⁶¹⁶.

В 1906 году вопрос снова приобрел свою актуальность. 2 марта 1906 года на заседании Комиссии по разбору и описанию синодального архива был заслушан доклад, составленный профессором Петербургской духовной академии Н.В. Покровским, «О мерах к сохранению памятников церковной старины». В своем докладе профессор Н.В. Покровский после исторической справки о положении этого дела в духовном ведомстве и сообщения сведений о ходе работ по этому вопросу в Министерствах народного просвещения и внутренних дел делал вывод о необходимости учредить центральный комитет охраны памятников церковной старины при Святейшем Синоде и местные епархиальные комитеты⁶¹⁷. Доклад этот был принят Комиссией и предложен тогдашним синодальным обер-прокурором князем А.Д. Оболенским Святейшему Синоду «для принципиального решения вопроса об охране памятников церковной старины». В свою очередь Синод, признавая возбуждение вопроса об охране церковной старины благовременным, поручил определением от 12 апреля – 2 мая 1906 года за №1994 архивной синодальной Комиссии приступить к разработке подробного проекта всех необходимых по этому предмету мероприятий⁶¹⁸. Комиссия собрала тогда почти всех проживавших в Петербурге видных представителей археологии⁶¹⁹ и выработала проект «Положения об

⁶¹⁶ Пятидесятилетие Высочайше учрежденной Комиссии... – С. 88; *Здравомыслов К.* О мерах к охранению вещественных и письменных памятников родной старины // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №8. – С. 394.

⁶¹⁷ Заседание членов Высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию Синодального Архива // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №10. – С. 513.

⁶¹⁸ *Ростовский А.* О сохранении памятников старины // Прибавления к Ц Вед. – 1908. – №26. – С. 1228.

⁶¹⁹ В разработку проекта принимали участие академик Н.П. Кондаков, профессора Н.В. Покровский, Н.И. Веселовский, Н.В. Султанов, А.А. Дмитриевский,

Архивно-Археологической Комиссии при Святейшем Синоде и о церковно-археологических комитетах в епархиях». Весной 1909 года проект этот был одобрен и утвержден Святейшим Синодом⁶²⁰.

Помимо участия в разработке проекта по охране церковной старины, синодальной архивной Комиссии приходилось давать отзывы и по другим археологическим вопросам. Таковы ее заключения: о восстановлении Тульской палаты древностей, о предоставлении епархиальным древлехранилищам помещений, по жалобам на отобрание из церквей и монастырей памятников старины, о производстве раскопок, по поводу ходатайств Московского археологического общества о признании всех памятников старины собственностью государства и о предоставлении названному обществу заведовать охраной и восстановлением памятников древности и др. В 1910 году архивная Комиссия внесла в выработанный Министерством внутренних дел законопроект об охране древностей некоторые очень важные изменения и дополнения, «направленные к обеспечению в этом деле интересов и потребностей духового ведомства». Наконец, в 1912 году председателем Комиссии академиком А.И. Соболевским была напечатана записка «По поводу думского законопроекта о мерах к охранению памятников древности». В ней было указано на необходимость оставить за Православной Церковью право принимать ближайшее участие в охране тех предметов древности, которые ей исконно принадлежат и которые она тщательно хранит, чтобы «предотвратить те столкновения и борьбу, которые непременно возникнут при приведении в действие думского законопроекта и быстро

Д.В. Айналов, Н.П. Лихачев, И.Е. Евсеев, хранитель императорского Эрмитажа Я.И. Смирнов, член императорской Археологической комиссии А.А. Спицын, наблюдатель церковно-приходских школ В.Т. Георгиевский, архитекторы Л.Н. Померанцев, М.Т. Преображенский, Г.Н. Котов, А.В. Щусев, археолог А.А. Титов и все члены синодальной архивной Комиссии.

⁶²⁰ *Здравомыслов К.* Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по описанию Архива Святейшего Синода // Приложение к Ц Вед. – 1915. – №49. – С. 2449–2450.

получат острую форму и хронически затяжной характер»⁶²¹. «Если же теперь, – писал А.И. Соболевский, – власти Православной Церкви нередко смущаются и возмущаются натиском на них ученых и неученых археологов, которые требуют внимания их ко всем своим заявлениям, – то что же будет тогда, когда явятся непрошенные охранители, “специалисты” по живописи, ваянию и прочие, объявят себя господами положения и начнут по-своему хозяйничать в храмах и ризницах?»⁶²²

После доклада С.Г. Рункевича и академика А.И. Соболевского В.Т. Георгиевский повторил основные тезисы проекта учреждения Палаты церковного искусства и древностей.

Во время начавшейся дискуссии была отмечена опасность совершенного «обособления» от государства, которое «в идейном своем значении, все же является общим верховным собственником и охранителем всех художественных, в том числе и церковных, ценностей»⁶²³. Действительно, защищая интересы Церкви, нужно было учитывать и объективные условия. По мнению А.М. Васнецова и С.Г. Рункевича, сотрудничество с государством необходимо было хотя бы потому, что дело охраны памятников неизбежно потребует государственных ассигнований.

Спорным стал вопрос и о том, нужно ли объединить оба направления (церковное искусство и охрана церковных древностей) в одном учреждении, или создать два различных учреждения. В конце концов, председатель отдела архиепископ Евлогий (Георгиевский) склонился к мнению Рункевича, который, допуская существование двух отдельных организаций, указал на невозможность такого разделения в провинции

⁶²¹ *Соболевский А.И., академик*. По поводу думского законопроекта о мерах к охранению памятников древности // Прибавления к Ц Вестн. – 1912. – №23. – С. 943.

⁶²² В статье А.И. Соболевского этот текст несколько сглажен. Настоящая цитата взята из статьи К.Я. Здравомыслова «Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по описанию Архива Святейшего Синода», для которой он, видимо, пользовался подлинной рукописью академика Соболевского.

⁶²³ *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 72.

и трудности, которые могли бы возникнуть при вопросе об ассигновании двух учреждений⁶²⁴.

В следующем заседании отдела, 28 ноября, обсуждавшем этот вопрос, самым важным стало то, что отдел единогласно принял решение о необходимости образования именно единого учреждения. Относительно дальнейшей работы выдвигались два основных направления: 1) образовать специальную Комиссию для подробной разработки положения об утвержденном отделом едином учреждении, которое с этого заседания окончательно стали именовать «Патриаршей Палатой церковного искусства и древностей»; 2) принять лишь основные принципы, обсуждавшиеся в отделе. В заключение отдел признал желательным провести редакционную и систематическую обработку обсужденных тезисов под руководством председателя отдела.

Деятельность С.Г. Рункевича в рассматриваемом вопросе наиболее ярко выразилась в попытке реанимировать проект об Архивно-археологической Комиссии и Церковно-археологических комитетах 1908–1909 годов, и несколько модернизировав его применительно к новым историческим условиям, провести в качестве предполагаемого положения об охране и изучении памятников церковного искусства и древностей.

Хотя на протяжении всей первой сессии Собора вопрос о церковных древностях так и не был вынесен на Общее (пленарное) заседание, тем не менее, еще 29 октября 1917 года архиепископ Евлогий докладывал об этом Совещанию Епископов, которое постановило «признать необходимым образовать при Св[ятейшем] Синоде особую организацию, имеющую права юридического лица и обязанную сосредоточивать у себя и ведать все дела по сохранению церковных древностей, рукописей и памятников церковного искусства, и о настоящем постановлении довести до сведения Св[ятейшего] Синода»⁶²⁵.

⁶²⁴ Там же. – С. 173.

⁶²⁵ Там же. – С. 74.

В начале ноября секретарь Совещания Епископов епископ Туркестанский Иннокентий (Пустынский) докладывал по факту этого постановления Святейшему Синоду, после чего Синод поручил С.Г. Рункевичу «собрать по настоящему делу сведения во Всероссийском Союзе Архивистов⁶²⁶ и Архивной Комиссии и свои соображения представить Святейшему Синоду»⁶²⁷.

14 декабря на заседании Синода С.Г. Рункевич представил свой доклад-отчет об этом поручении. В докладе говорилось, что из-за забастовки служащих правительственных учреждений, происшедшей во время поездки его в Петроград, никаких заседаний с деятелями археологии и архивоведения по порученному делу провести не удалось, хотя с ними и состоялся ряд встреч. В результате было «признано наиболее целесообразным утвердить и обратиться к осуществлению» выработанный еще в 1909 году проект об Архивно-археологической Комиссии и сети подведомственных ей епархиальных Церковно-археологических Комитетов, согласовав его с новыми научными наработками и обстоятельствами современной жизни. Переработав проект, Рункевич сообщил об этом в занимающийся предметами церковной археологии подотдел соборного отдела «О Богослужении» и председателю архивной синодальной Комиссии академику А.И. Соболевскому, который сделал к нему «некоторые дополнения в соответствии с бывшими в подотделе суждениями»⁶²⁸.

Модифицированный таким образом проект С.Г. Рункевич и представил на заседание Святейшего Синода, который постановил переслать его в VII отдел Собора. 29 декабря Соборный Совет распорядился огласить это постановление на Соборе, но поскольку в работе последнего в это время был межсессионный период, Общее собрание приняло решение по этому вопросу лишь 4 февраля (22 января ст. ст.) 1918 года.

⁶²⁶ Имеется в виду Союз российских архивных деятелей (РАД).

⁶²⁷ *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 177.

⁶²⁸ Там же. – С. 75.

Каковы же были основные отличия проекта С.Г. Рункевича от проекта 1908–1909 годов?

Во-первых, Рункевич объединил прежние «Правила Высочайше утвержденной Архивно-Археологической Комиссии при Св. Синоде» и «Положение о Церковно-Археологических Комитетах» в единый документ с названием «Положение об Архивно-Археологической Комиссии при Святейшем Синоде и Епархиальных Церковно-Археологических Комитетах», хотя такое объединение само не вносило изменений в содержание. Кроме того, из текста полностью исключены были упоминания об обер-прокуроре Синода, поскольку 5 августа 1917 года, когда было учреждено Министерство исповеданий, эта должность была упразднена. Теперь формулировка «обер-прокурор» или исключалась совсем, или заменялась словами «Св. Синод». Например, теперь Синод, а не обер-прокурор, утверждал членов комиссии, а также предлагал вопросы на ее рассмотрение.

Во-вторых, к двум прежним отделениям (архивному и археологическому) прибавилось третье – художественное. Это прямое следствие дискуссии VII отдела, предложено самим А.И. Соболевским. Соответственно, к предметам ведения комиссии относились вопросы, связанные с современным церковным искусством.

При этом определялся круг учреждений, представители которых должны были войти в состав комиссии: «от Академии Художеств, Петроградского и Московского Археологических институтов, Русского Археологического Общества, Союза Архивных Деятелей, Обществ архитекторов и художников». Таким образом, новый проект С.Г. Рункевича, который, между прочим, сам являлся членом Союза российских архивных деятелей, предполагал сотрудничество проектируемого церковного органа по охране и изучению древностей с ведущими научными и общественными организациями в этой сфере⁶²⁹.

⁶²⁹ Там же. – С. 75–76.

Кроме того, была более четко прописана зависимость архивно-археологических учреждений от соответствующих церковных органов. А это особенно было важно в период уже начавшихся нестроений внутри самой Церкви, когда младшие клирики и миряне восставали против архиереев, а приходские советы шли на сотрудничество с новой властью (смещение епископов, увольнение консисторских чиновников, реквизиция консисторского архива и т.п.) для достижения своих групповых или даже индивидуальных интересов.

Нестроения особенно усилились после прихода к власти большевиков и опубликования ими в начале 1918 года Декрета об отделении церкви от государства. Уже в апреле Собор вынужден был принять определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни», в котором устанавливались наказания для священнослужителей и мирян, вносящих смуту в местную церковную жизнь, вплоть до лишения сана и монашества и отлучения от Церкви.

Инициаторы издания этого документа кроме прочего отмечали следующее: «Недавно произошедшие захваты консисторий, опечатание и отображение бракоразводных дел и метрических книг, самочинные роспуски членов консисторий для захвата всей власти и всего делопроизводства революционными епархиальными советами в нескольких епархиях совершились не только при помощи пастырей-предателей и диаконов, но совершенно открыто по поручению комиссаров теми священнослужителями, которые состоят членами исполнительного комитета и получают за это большие оклады»⁶³⁰.

«Вот почему, – пишет современный московский исследователь А.С. Ионов, – проект Рункевича не наделял правом самостоятельного принятия решений всех членов ЦАКов: здесь вопрос стоял уже не только о консисторских архивах и делопроизводстве, но вообще обо всех памятниках церковного

⁶³⁰ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. – М., 2002. – С. 482.

искусства и древности, значительная доля которых была представлена предметами, имевшими большую материальную ценность даже в обывательском сознании»⁶³¹.

Нужно сказать еще о некоторых новшествах, внесенных С.Г. Рункевичем в проект. Так в его варианте археологическое отделение Архивно-археологической Комиссии теперь наделялось правом решать вопросы, связанные с восстановлением памятников искусства и древности, чего не было в проекте 1908–1909 годов. Другая поправка относилась непосредственно к вопросам архивного дела. Если в прежнем проекте говорилось: «помимо постоянных издательских проектов Комиссии по описанию дел и документов архивов отдельных учреждений, находящихся в Архиве Святейшего Синода», то теперь это выражение звучало более развернуто: «описание дел и документов и краткие описи, с указателями к делам архивов отдельных учреждений, находящихся в Архиве Святейшего Синода».

Любопытно отметить, что Рункевич обратился со своим докладом и проектом не в соборный VII отдел, а непосредственно к Святейшему Синоду. Дело в том, что хотя в отделе и знали о проекте 1908–1909 годов, тем не менее начали разрабатывать новое положение о Патриаршей Палате церковного искусства и древностей. Это обстоятельство не могло не задеть Рункевича, давнего члена синодальной архивной Комиссии, причастного к разработке и первого проекта 1908–1909 годов. Комиссия, которая в последние десятилетия сделала немало для охраны и изучения не только архивов, но и древностей, отодвигалась как бы на второй план⁶³². Кроме того, выработанный ею проект разрабатывался в свое время с участием большого числа специалистов и в гораздо более спокойной обстановке.

Обсуждение вопросов об охране памятников церковной старины и об учреждении Патриаршей Палаты церковного

⁶³¹ *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 79.

⁶³² *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 79–81.

искусства и древностей в VII отделе продолжалось. Однако окончательного соборного решения по этому вопросу в связи с преждевременным прекращением работы Собора так принято и не было.

4.4. Делегация Высшего церковного управления

Обнародованный большевиками 5 февраля 1918 года Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, естественно, не мог не вызвать незамедлительной реакции со стороны Собора.

Сразу же после опубликования декрета Собором была образована комиссия для выработки проекта «постановления о декрете народных комиссаров об отделении Церкви от государства». В ее состав вошли: протоиерей А.П. Рождественский – председатель, П.Н. Лахостский и П.А. Миртов, князь Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.Я. Руднев, А.А. Салов, С.Г. Рункевич и Н.Д. Кузнецов. Комиссия представила составленный князем Е.Н. Трубецким проект соборного постановления, который уже 7 февраля (25 января ст. ст.) был принят Собором. В постановлении Декрету об отделении Церкви от государства давалась следующая оценка: «1. Изданный Советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения. 2. Всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к Православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви...»⁶³³. Таким образом, высшее церковное руководство по существу призывало священнослужителей и мирян к бойкоту декрета.

⁶³³ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2005. – С. 129–130.

9 февраля (27 января ст. ст.) упомянутая комиссия приступила к составлению проекта «инструкции духовенству по исполнению соборного постановления о декрете народных комиссаров касательно Православной Церкви»⁶³⁴. Тогда же были выработаны ненасильственные формы протеста против этого декрета. К примеру, было предложено повсеместно, особенно в больших городах, устраивать крестные ходы.

Между тем после обнародования декрета из епархий в Москву на Собор стали поступать многочисленные сообщения о незаконных действиях местных советских властей в отношении Церкви. Многие факты были просто вопиющими. Вот один из ярких примеров тех сообщений, которые приходилось получать Высшему церковному управлению в это время. В апреле Преосвященный Тверской епархии доносил: «27 марта [9 апреля] с[его] г[ода] к священнику с[ела] Гнездова, Вышневолоцкого у[езда], явились: командир местной волостной красной гвардии, два вооруженных красногвардейца, письмоводитель и два члена волостного комитета и предъявили распоряжение председателя местного Никулинского волостного комитета С. Журавлева, человека порочного, бывшего в ссылке за воровство и недавно убившего человека при реквизиции хлеба, о производстве описи имущества церкви. Совершив опись, они захватили из церкви 22 р[убля] 58 коп[еек] медных денег и 55 коп[еек] серебра и две кассовые книжки на 200 руб[лей]. В начале апреля на сельском сходе с[ела] Гнездова жители стали упрекать красногвардейцев за незаконный захват церковного имущества. В числе таковых защитников Церкви были Петр Жуков и Прохор Михайлов. Красногвардейцы тут же на сходе арестовали 30 человек и жестоко избив, повели в уездный город Вышний-Волочек. Дорогой они убили 10 арестованных; особенно дикой была их расправа с Жуковым и Михайловым. Первого жестоко избивали, разрезали ему скулы, вырезали ему

⁶³⁴ Там же. – С. 130.

язык и потом застрелили, а второму после двухдневного избиения по дороге в Вышний-Волочек нанесли 8 штыковых ран и на 9-й версте застрелили»⁶³⁵. С каждым днем подобных сообщений становилось все больше. Однако Собор не имел возможности уделять достаточно времени, чтобы рассматривать и реагировать на все поступающие сообщения. Ввиду всё усиливающихся противозаконных действий в отношении Церкви, Собор был вынужден начать переговоры с советским правительством. Было принято решение обратиться к правительству с требованием о выработке нового декрета. Для этого в феврале в Совет народных комиссаров (Совнарком) была послана от Собора специальная депутация под председательством А.Д. Самарина, которая, впрочем, никакого успеха не имела. Депутацию в советском правительстве просто не приняли.

В марте 1918 года в Совнаркоме побывала очередная соборная депутация, которую там заверили, что впредь все остальные декреты советского правительства, касающиеся церковных вопросов, непременно будут разрабатываться с участием представителей религиозных организаций.

Ввиду крайней напряженности во взаимоотношениях между религиозными организациями и местными органами власти, Совнаркомом в апреле 1918 года была образована при Народном комиссариате юстиции (Наркомюсте) Межведомственная комиссия для выработки специальных инструкций для практического проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства. Однако уже в начале мая эта комиссия была распущена и вместо нее образован постоянно действующий VIII отдел Наркомюста, которому и поручалось руководить делом отделения Церкви от государства. Показательно, что отдел этот был назван «ликвидационным», что само по себе уже выдавало истинные намерения большевистской власти

⁶³⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 6. Д. 12. Л. 14–14 об.

по отношению к религиозным организациям, и в частности к Русской Православной Церкви, как самой крупной и представительной в России. Именно этот отдел в 1918–1924 годы фактически и осуществлял церковную политику советского государства, направленную на разрушение и уничтожение Русской Православной Церкви. Руководителем VIII отдела был назначен П.А. Красиков⁶³⁶ – человек крайних антирелигиозных взглядов, который и задал деятельности отдела жесткий и непримиримый курс⁶³⁷.

В своей работе отдел должен был опираться на специальную комиссию, состоящую из представителей заинтересованных ведомств и религиозных организаций, имеющую характер консультативного органа.

В этот период интересы Православной Церкви перед советским правительством по защите имущественных и иных прав начинает представлять сформированная в мае 1918 года соборная делегация, известная впоследствии как делегация Высшего церковного управления (делегация ВЦУ). Членами ее были: А.Д. Самарин (председатель), юрист Н.Д. Кузнецов, протоиерей К.М. Аггеев, доктор церковной истории С.Г. Рункевич. Кроме того, в делегацию входили представители от общего собрания приходских общин Москвы: М.И. Карякин, А.С. Мечев и С.В. Ковалев. Делегация ставила своей первостепенной задачей добиваться отмены тех статей декрета, которые порождали имущественные права Церкви, а также вести строгий

⁶³⁶ Красиков Петр Ананьевич (1870–1939) – советский государственный и партийный деятель. В 1917–1918 гг. – член следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией. После 1918 г. член коллегии Наркомата юстиции, председатель кассационного трибунала при ВЦИК. Участник разработки первых советских кодексов – Гражданского и Уголовного. Руководил отделом культов при Наркомате юстиции, проводившем отделение Церкви от государства. До 1938 г. – председатель комиссии по вопросам культа при ВЦИК, затем ЦИК СССР. Редактировал журналы «Революция и церковь», «Воинствующий атеизм», «Газеты временного рабочего и крестьянского правительства». С 1921 г. – член Малого Совнаркома, заместитель наркома юстиции. С 1924 г. – прокурор Верховного суда СССР, в 1933–1938 гг. – заместитель председателя Верховного суда СССР. Автор атеистических книг и статей.

⁶³⁷ Подробно см.: *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2005.

учет всего отнятого от церковных управлений имущества. В первую очередь делегация решила «безотлагательно войти с заявлением о возвращении того имущества, которое отнято хотя и со ссылкой на Декрет, но без всякого к тому основания в Декрете <...> вопреки смыслу Декрета»⁶³⁸.

Делегация собрала все поступившие на Собор факты незаконных действий в отношении Церкви, списки убитых и арестованных представителей Церкви и 21 мая 1918 года передала эти материалы вместе с подготовленным специальным обращением в Совнарком. В ответ на поданное заявление управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич⁶³⁹ 1 июня 1918 года передал делегации ВЦУ отношение, в котором очень уклончиво давал некоторые разъяснения и обещал принять меры по представленным делегацией фактам злоупотреблений. 20 июня 1918 года Управление делами Совнаркома уведомило делегацию, что уже начала функционировать комиссия⁶⁴⁰ по отделению Церкви от государства и все дела делегации отправлены в эту комиссию⁶⁴¹.

Вот что писал С.Г. Рункевич о деятельности делегации ВЦУ в этот период. «Делегация предъизбрала из своей среды членов к участию в работах Комиссии, но фактически участия не приняла. В Делегации было высказываемо мнение, что участие в Комиссии следует осуществить явочным порядком, а приглашения ожидать бесполезно. При этом полагалось, что возможно было бы установить общие основания положения декрета об отделении Церкви от Государства в наиболее благоприятном

⁶³⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 25.

⁶³⁹ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – советский государственный и партийный деятель, доктор исторических наук. В 1917–1920 гг. – управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР. В этот период издал ряд книг: «Кровавый навет на христиан», «Волнения в войсках и военные тюрьмы» и др. В последующие годы занимался научной работой. Писал сочинения по истории революционного движения в России, истории религии и атеизма, сектантству, этнографии и литературе.

⁶⁴⁰ Комиссия по отделению Церкви от Государства находилась в Кремле в здании Судебных установлений.

⁶⁴¹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 18–19.

для Церкви понимания и с такой точки зрения освещать в Комиссии происходящие события, стараясь воздействовать на сознание и мировоззрение большевиков. Однако в Делегации было принято, что самый декрет не дает почвы для какого-либо соглашения обеих сторон и участие Делегации в Комиссии возможно было бы лишь при решении о пересмотре декрета и приостановки до того его действия, о чем Делегация и ходатайствовала, а равно должном признании представителей Делегации в праве участия в пересмотре.

После этого все поступающие сообщения о незаконных действиях местных властей решено было иметь наготове, как материал для обоснования суждений и требований представителей Делегации при ожидавшемся все-таки пересмотре декрета.

К сожалению, суждения по сему предмету не занесены в журналы Делегации.

Впоследствии, ввиду заявления в Делегации о нежелательности накопления в ней сообщений о незаконных действиях местных властей без движения, списки сообщений были передаваемы в Совнарком.

Жизнь внесла к такому порядку корректив в том отношении, что тотчас же из общей массы сообщений пришлось выделить некоторые экстренные сообщения, касающиеся отдельных лиц и явлений и по ним предпринимать те или иные действия, но не в качестве требований к Совнаркому по вопросу о пересмотре декрета, что Делегация считала своей специальной задачей, а в порядке частного правозаступничества.

Эти сношения осуществляемы были через Н.Д. Кузнецова. Потом Делегация делала попытку организовать регулярное посещение тюрем, для чего включен был в состав Делегации А.А. Салов, и формальное правозаступничество при посредстве политических правозащитников В.В. Беллавина и Н.Д. Державина, но существенных результатов не достигла.

Затем изданы были в разъяснение декрета сначала первая инструкция, 30–17 августа 1918 года (Изв[естия] ВЦИКСа №186–450), крайне неблагоприятная для интересов Правосл[авной] Церкви, а потом и вторая 5 февр[аля] 1919 [года] (Изв[естия] ВЦИКСа №26–578), значительно смягчавшая обостренность отношений.

Второе обращение Делегации к Совнаркому сделано было тотчас же вслед за первым (журнал, 8–21 мая 1918 г. №3) и вызвано было попыткой захвата зданий Московской Духовной Семинарии, где приготовлены были помещения для Членов Собора. Передачу соответствующих заявлений Делегация взяла на себя – в Жилищный Отдел присутствовавший в заседании Делегации прот[оиерей] К.М. Аггеев, Совнаркому Н.Д. Кузнецов. В обоих заявлениях Делегация ссылалась на заявление Народных Комиссаров при объяснении с Соборной Делегацией 14–21 марта, что здание семинарии не будет занято, и в обращении к Совнаркому просила подтвердить это заявление письменно. Прот[оиерей] К.М. Аггеев, руководившийся полученными через Н.Д. Кузнецова указаниями В.Д. Бонч-Бруевича, данными по телефону во время заседания Делегации (Делегацией было получено сообщение о происходящем уже занятии семинарского здания), тотчас отправился по назначению и получил от Жилищного Отдела аннулирование выданного уже им ордера на занятие семинарского здания и сообщил Н.Д. Кузнецову, что более ничего предпринимать не требуется, вследствие чего Н.Д. Кузнецов и не подал Совнаркому в тот же день, вечером в 4 часа, как было постановлено Делегацией, обращения Делегации и не получил письменного подтверждения от Совнаркома о неприкосновенности семинарского здания. Между тем организация, получившая аннулирование прежнего ордера на занятие здания семинарии, навела справку по регистратуре Совнаркома относительно неприкосновенности семинарского здания, получила удостоверение, что такого решения не было, и добилась

от Жилищного Отдела восстановления своего права на занятие семинарского здания. После долгих и усиленных хлопот прот[оиерею] Аггееву удалось отстоять все-таки семинарское здание от захватившей его организации, но тут явилась другая организация, независимая от Совнаркома, ВЦИК, и здание семинарии в конце концов было занято»⁶⁴².

Под давлением властей вынужден был прежде времени прекратить свою работу и Поместный Собор. 20 сентября 1918 года состоялось последнее его заседание. На этом заседании Собор утвердил состав делегации, которая должна была продолжать осуществление «сношений с народными комиссарами по делам, касавшимся Православной Церкви», но уже не от лица Собора, а от лица Высшего церковного управления. Состав делегации и ее полномочия в сущности не изменились. В нее лишь были включены профессор Московской духовной академии И.М. Громогласов и протопресвитер Н.А. Любимов, который и стал ее председателем, вместо часто выезжавшего из Москвы А.Д. Самарина⁶⁴³.

Лишенное официального печатного органа, ввиду реквизиции государством синодальных типографий, Высшее церковное управление решило издавать в виде своеобразного ежегодника Русской Православной Церкви «Православный календарь». В изданном Патриархией «Православном календаре на 1919 год» были опубликованы четыре статьи, написанные С.Г. Рункевичем, в которых рассказывалось о деятельности Всероссийского Церковного Собора, о преобразовании Высшего церковного управления и его устройстве. Первая статья называлась «Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 гг.»⁶⁴⁴, в которой кратко, лаконично и очень доступно был описан весь механизм работы Собора. Другие статьи назывались: «Устройство управления

⁶⁴² НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 19–20.

⁶⁴³ *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. – С. 288–289.

⁶⁴⁴ Православный календарь на 1919 год. – М., 1919. – С. 17–19.

в Православной Российской Церкви», «Состав Высшего Церковного Управления», «Иерархия Российской Православной Церкви»⁶⁴⁵. Первоначально эти статьи составляли часть написанного С.Г. Рункевичем исторического очерка с обзором церковной жизни за прошедшие четыре года под общим названием «Русская Церковь в 1915–1918 гг.». Кроме указанных выше в очерк входили еще статьи: «Церковь и война»; «Святейший Правительствующий Синод», с обзором деятельности Синода в подготовке к Поместному Собору; «Церковь и Революция»; «Предсоборное Совещание и Предсоборный совет»; статья биографического характера – «Святейший патриарх Тихон»⁶⁴⁶. Но, видимо, из политических соображений названные статьи не были включены в «Православный календарь».

В 1921 году весь очерк был целиком напечатан в Лондоне в сборнике «The Anglican and Eastern Churches»⁶⁴⁷, издаваемом «Обществом пропаганды христианского знания». Рункевич передал туда рукопись через кого-то из эмигрантов, возможно, через писательницу Ольгу Алексеевну Новикову, имевшую в Лондоне давние связи в литературных и политических кругах. В сноске под заголовком публикации говорилось: «Мы имеем эту важную статью благодаря доброте Русского церковника, который был так добр, что прислал нам ее для нашего журнала. Доктор Степан Рункевич – доктор церковной истории, член Русского церковного Священного Собора, председатель Редакционного отдела Собора. Он имеет специальное поручение описания деяний и истории Собора. Мы попросили его оказать нам честь стать одним из наших секретарей-корреспондентов.

Мадам Алексеева, которая, Слава Богу, сейчас вернулась в Англию, перевела для нашего общества исчерпывающую

⁶⁴⁵ Там же. – С. 19–23.

⁶⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 8. Д. 2.

⁶⁴⁷ *Runkevich St. The Russian Church in years 1915–1918 // The Anglican and Eastern Churches: A Historical Record (1914–1921)*. – London: The Anglican and Eastern Churches Association, Society for Promoting Christian Knowledge, 1921. – P. 30–55.

статью С.Г. Рункевича. Она постаралась сделать версию по возможности литературной, хотя, несомненно, на английском языке некоторые фразы формальные и тяжелые».

Предваряя свой очерк небольшим предисловием, Рункевич писал: «Четыре рассматриваемых года, 1915–1918, без сомнения займут одно из наиболее замечательных и важных страниц в истории Русской Церкви за время ее тысячелетнего существования.

До настоящего времени Русская Церковь всегда находилась в союзе с монархическим государством; сейчас социалистическое государство осуществило отделение Церкви, и таким образом Церковь вошла в новый период жизни. Отсутствие практической приспособленности к новым условиям существования потребовало огромных усилий, направленных главным образом на регулирование и организацию внешней стороны церковной жизни, которая была расстроена новой государственной властью.

В первую половину этих памятных четырех лет в истории Русской Церкви энергия церковных иерархов была направлена главным образом в русло, определяемое беспримерной в истории войной; вторая половина этого периода была занята Священным Собором и реформой церковного управления и устройства во время революции. С внутренней стороны в течение первых двух лет Церковь в лице некоторых своих представителей погрузилась на самое дно, сохраняя лишь свое внешнее величие; ее лидеры были целиком подвержены разрушающему политическому влиянию, и Церковь страдала от последствий многовековой зависимости от государства. Последние два года были наполнены попытками реформировать Церковь независимо от новых социальных условий существования.

Этот период, сложный и трагический во всех отношениях, не дал имен представителей церкви, которые без сомнения могли бы занять место на страницах истории. Похоже, что Богу было угодно руководить судьбами Его Церкви в сложнейших

условиях без участия сильных личностей, которые бы стояли во главе событий».

В конце очерка имелся постскрипtum: «Мадам Ольга Новикова сообщила очень интересную деталь, подтверждающую страдания Русских. Она касается героической смерти Великого князя Николая Михайловича.

Когда ему сообщили, что солдаты его расстреляют, он сказал: “Очень хорошо. Я здесь. Стреляйте в меня сразу!” Русские солдаты опустили ружья воскликнув: “Мы не можем это сделать!” Великий князь повторил свои слова, но солдаты снова отказались стрелять. Тогда чекист подошел сзади Великого князя и выстрелил ему в голову».

Напечатанный в «The Anglican and Eastern Churches» очерк С.Г. Рункевича стал, видимо, последней прижизненной его публикацией, относящейся к Церкви и ее истории. Любопытно, что первой юношеской публикацией историка была хроника, сообщающая об открытии небольшого братства в одной из многочисленных российских духовных семинарий, а последней – сообщение о самых знаменательных событиях в жизни Русской Православной Церкви того времени.

Находясь в Москве на Соборе, С.Г. Рункевич имел для жилья и работы комнату в Епархиальном доме, где проходили соборные заседания. После роспуска Собора Епархиальный дом был изъят из ведения Церкви, а находившееся в нем имущество реквизировано хозяйственным отделом Моссовета согласно мандату от 24 декабря 1918 года и предоставлено в полное распоряжение Московского народного политехникума. Лишь небольшая часть помещений, в том числе и комната, в которой жил С.Г. Рункевич, была оставлена Высшему церковному управлению. Здесь в Епархиальном доме происходили заседания Высшего Церковного Совета, размещалась канцелярия, и здесь же хранились архивы Высшего церковного управления.

Повсеместная реквизиция в 1918 году церковных и духовного ведомства зданий вызвала поражающее разрушение помещавшихся в них библиотек и архивов. «Обыкновенно книги духовного содержания и архивы церковного значения предлагалось убрать в кратчайший срок с предупреждением, что и те, и другие, в противном случае, как ненужные реквизирующим органам, будут уничтожены, — обыкновенно “сожжены”»⁶⁴⁸.

С.Г. Рункевичу как члену соборной делегации и как помощнику управляющего канцелярией пришлось часто встречаться с сообщениями из разных мест о бедственном положении церковных библиотек и архивов. Вот несколько типичных примеров отношения новых органов власти к церковному достоянию. Орловский Комиссариат Юстиции «принудительно при содействии вооруженной силы» взял из местной консистории «бракоразводные дела числом 1074». В Костроме Исполком Городского Совета рабочих депутатов забрал в ведение города здание духовной консистории с частью инвентаря и открыл там Регистрационное бюро, причем потребовал, чтобы вся служебная переписка на имя архиерея и консистории направлялась для разбора в Отдел регистрации актов гражданского состояния, а оттуда переправлялась «в надлежащие инстанции (по его усмотрению)». Затем по распоряжению власти часть дел Костромской консистории была вывезена из здания консистории на берег реки Костромы, «где дела были свалены на землю и тут оставлены»⁶⁴⁹. Подобные сообщения вызывали необходимость принятия каких-либо мер к охране уничтожаемого церковного культурного имущества.

12 [13] декабря 1918 года на заседании делегации ВЦУ Рункевич выступил с докладом, в котором, основываясь на фактах повсеместной реквизиции церковных зданий местными советскими властями, выразил беспокойство по поводу сохранности архивов и библиотек церковных

⁶⁴⁸ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 452.

⁶⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 6. Д 20. Л. 6 об.

учреждений⁶⁵⁰. По итогам этого доклада делегацией было внесено в Совнарком обращение «об охране особым декретом библиотек и архивов церковных учреждений и обеспечении возможности их существования и функционирования». Конкретно проектировалось «обеспечение устойчивости их – ввиду гибельности для них всякого передвижения – как в отношении места нахождения, так и управления, с передачей их в ответственное ведение новообразовываемых выборных церковных органов – центрального, епархиальных и приходских советов». Это было уже третье официальное обращение делегации ВЦУ в Совнарком, передача которого была осуществлена 17 декабря 1918 года С.Г. Рункевичем и И.М. Громогласовым. При обстоятельном объяснении в Совнарком с управляющим делами В.Д. Бонч-Бруевичем, к которому явились члены делегации, выяснилось общее его сочувствие к этому ходатайству. Бонч-Бруевич обещал делегатам скорый и видимо благоприятный ответ, а Рункевичу дал записку к заведующему Главархивом Д.Т. Рязанову и Народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому, обращая их внимание на предстоящее его ходатайство⁶⁵¹.

Сразу же после этого, по предложению С.Г. Рункевича, делегацией было подписано обращение в Главное управление архивным делом (ГУАД). В нем делегация, указывая на бедственное положение церковных архивов и библиотек и их необходимость не только для нормальной церковной жизни, но и на «общечеловеческое, государственное, культурное, социальное» значение, просила Главное управление о содействии к изданию особого охранительного декрета. Декрет этот, по составленному С.Г. Рункевичем проекту, должен был извещать, что «библиотеки и архивы православных церковных учреждений и духовно-учебных заведений, впредь до издания

⁶⁵⁰ Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – С. 477.

⁶⁵¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 432 об.–433.

правил о порядке приема их в государственный книжный и архивный фонды, во избежание их повреждения или утраты, должны быть передаваемы на хранение Высшему Церковному, Епархиальным и Приходским Советам под надзором государственных архивных органов. Ради научных и культурных целей надлежит оказывать церковным советам содействие в хранении поручаемых им библиотек и архивов»⁶⁵².

Это обращение делегации ВЦУ С.Г. Рункевич передал Д.Т. Рязанову «после длительных и суровых объяснений со стороны последнего». Тогда же Д.Т. Рязанов свел С.Г. Рункевича с М.К. Любавским, со стороны которого ему, напротив, «пришлось встретить самое заботливое и внимательное отношение к делу».

25 декабря 1918 года обращение делегации ВЦУ рассматривалось на заседании коллегии Главархива. Коллегия тогда постановила: «Оставив открытым вопрос о библиотеках, не относящийся к компетенции Главного Управления Архивным Делом, предложить Председателю Делегации представить точные сведения, где именно находятся те архивные материалы, о которых говорится в прошении, а также, если возможно, приблизительно объем и количество их»⁶⁵³.

26 декабря делегация ВЦУ направила в Главархив по этому поводу новое обращение, в котором повторялась просьба об издании охранительного декрета для церковных библиотек и архивов.

Это обращение делегации было рассмотрено на заседании коллегии Главархива 10 января 1919 года. Тогда же было постановлено, что в качестве временной меры, до включения церковных документов в Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ), «не встречается препятствий к изданию декрета в просимом Делегацией смысле, при условии установления правильной регистрации и предоставления Главному Управлению возможности надзора и контроля за церковным и

⁶⁵² Там же. Л. 465 об.

⁶⁵³ Цит. по: *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 98.

духовным архивными фондами»⁶⁵⁴. Постановление коллегии было сообщено для окончательного разрешения вопроса в Совнарком.

Совнарком, однако, не стал рассматривать обращение коллегии Главархива, а переправил его в VIII (ликвидационный) отдел Наркомюста. В свою очередь VIII отдел на запрос Управления делами Совнаркома ответил, «что для удовлетворения ходатайства об издании особого декрета, охраняющего библиотеки бывшего Церковного Ведомства, не видит оснований, ибо все библиотеки должны быть взяты, в силу декрета об охране библиотек и книгохранилищ под охрану Советской власти (ст[атья] 592 Собр[ания] Узак[онений] и Расп[оряжений] Раб[очего] и Кр[естьянского] Пр[авительства]); при чем этим декретом установлен порядок, пользование и открытие библиотек. Богослужебные же книги могут быть передаваемы в пользование группам граждан на общих основаниях, предусмотренных инструкцией по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от Государства; 2) что касается архивов, то все бумаги, имеющие значение для внутренней церковной жизни, могут быть по разборке архивов переданы заинтересованным лицам с ведома Управления Государственными Архивами, и 3) что касается помещений для вновь основывающихся библиотек и частных архивов того или иного культа, то вопрос этот является чисто местным вопросом, разрешаемым на местах жилищным отделом в общем порядке»⁶⁵⁵. Точно такой же ответ незадолго до этого (4 января 1919 года (№78)) был передан и делегации ВЦУ.

После получения отрицательного ответа на обращение делегации С.Г. Рункевичем было составлено от имени патриарха циркулярное письмо епархиальным Преосвященным. В нем, после изложения обращения делегации в Совнарком и Главархив и заключения VIII отдела Наркомюста, говорилось:

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 20.

«Между тем и в настоящее время до Высшего Церковного Управления доходят сведения, что в некоторых местах духовные книги, в особенности из библиотек бывших церковных школ, подвергаются опасности уничтожения вследствие того, что по неправильному предположению, будто в настоящее время вовсе не допускается образование и содержание собственно церковных или религиозных библиотек, никем не предъявляется требование о передаче этих книг для церковного или религиозного пользования во вновь основываемых церковных или религиозных библиотеках. То же происходит и в отношении духовных архивов»⁶⁵⁶. Патриарх признавал необходимым осведомить епархиальных архиереев о заключении VIII отдела в надежде, что они не преминут принять меры к широкому оповещению своей паствы о возможности сохранения при ее желании разрушаемых церковных библиотек и архивов, в случае необходимости находя для них помещения в церковных притворах и даже самих храмах в «приличествующих местах». Завершалось патриаршее обращение словами: «Всеблагословенный Господь, наказующий нас по грехам нашим, да не предаст нас до конца и да не лишит нас орудий церковного и религиозного просвещения нашего. Милость же Господня да хранит вас, Преосвященнейший Владыко, в крепости духа и тела» (21 марта 1919 года)⁶⁵⁷.

Таким образом, обращение делегации ВЦУ в советские государственные органы не привело к желаемому результату и вопрос о церковных архивах так и остался открытым. Для государства целью было – ликвидация Церкви, и потому оно не внимало ни к запросам своей архивной службы, ни, тем более, к запросам самой Церкви. Тем не менее делегация не отступала и продолжала бороться за церковные архивы, и здесь в главной роли по прежнему выступал С.Г. Рункевич. Из всех членов делегации он был единственным специалистом

⁶⁵⁶ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 453 об.–454.

⁶⁵⁷ Там же. Л. 454–454 об.

в области архивного дела и потому проблемы, связанные с архивами, для него были близки и понятны.

«После обращения к Совнаркому, – пишет в одной из своих записок Рункевич, – я, получив указание от В.Д. Бонч-Бруевича, лично являлся в Главное Управление Архивным Делом и, несмотря на то, что на Главноуправляющего товарища Рязанова мне, видимо, не удалось произвести благоприятного впечатления, встретил предупредительное внимание и полную готовность содействовать охране архивов. Кроме того, меня стали приглашать (впрочем не по титулу члена Делегации, а по титулу члена Союза Росс[ийских] Архивн[ых] Деятелей) в совещание Управляющих, происходящее по четвергам и занимающееся выработкой правил пользования архивами и архивных инструкций»⁶⁵⁸.

6 февраля 1919 года Совещание управляющих московскими отделениями секций ЕГАФ, созданное по примеру Петрограда и включавшее в свой состав управляющих секциями, отделениями и их заместителей, а также представителей коллегии ГУАД и некоторых ученых лиц по приглашению, начало обсуждение вопроса о «Правилах пользования архивными материалами»⁶⁵⁹. Именно с этого заседания в работах Совещания и начал принимать участие С.Г. Рункевич, который, как видно из его выступлений, представлял именно интересы Церкви.

13 февраля 1919 года С.Г. Рункевич уже активно участвовал в прениях Совещания. Здесь он, во-первых, поддержал точку зрения таких ученых, как М.К. Любавский, С.К. Богоявленский и С.Б. Веселовский, о том, что «все архивы считаются открытыми для пользования сторонних лиц, кроме тех из них, о временном закрытии которых последовало распоряжение ГУАД». Именно эта формулировка, в конце концов, вошла в утвержденный вариант «Правил»⁶⁶⁰, хотя изначально

⁶⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 20.

⁶⁵⁹ *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 102.

⁶⁶⁰ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. – М., 1921. – С. 113.

в Совещании высказывались и иные предложения: например, в качестве исходного тезиса принять разделение всех архивов на открытые и закрытые. Мало того, Совещание определило случаи, когда архивы или отдельные комплексы документов временно объявлялись «безусловно закрытыми»: отсутствие описания фондов, плохое физическое состояние документов, недостаточный штат сотрудников для обслуживания и т.п.⁶⁶¹.

Естественно, «открытость» архивов была в интересах Церкви, поскольку для ее нормального и разностороннего функционирования, а церковные представители верили в такую возможность, были необходимы документы прежнего церковного управления.

20 февраля 1919 года С.Г. Рункевич указал Совещанию, «что в проекте пропущены некоторые субъекты, которым разрешается пользование архивами. Имеются Государственные и ученые учреждения и частные лица. Упущена категория общественных учреждений»⁶⁶². На это один из авторов проекта «Правил пользования» С.А. Друцкой возразил, «что общественных учреждений в государственном масштабе сейчас нет» (как и в случае с религиозными организациями, государство признавало лишь местные частные общества и союзы). Однако Совещание приняло по этому поводу решение, формулировка которого стала в итоге статьей 2-й «Общих положений», гласящей, что «архивами могут пользоваться государственные, ученые и общественные учреждения и частные лица»⁶⁶³.

Статья 10 Декрета об отделении Церкви от государства приравнивала все церковные и религиозные организации к частным обществам и союзам⁶⁶⁴, вот почему Рункевич внес дополнение об общественных учреждениях. Это давало возможность наладить в будущем нормальное функционирование церковных учреждений.

⁶⁶¹ *Ионов А.С.* Указ. соч. – С. 102–103.

⁶⁶² Там же. Л. 31.

⁶⁶³ Сборник декретов, циркуляров, инструкций. – С. 113.

⁶⁶⁴ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. – С. 29–30.

Та же причина заставила С.Г. Рункевича выступить в марте 1919 года против полного запрещения пересылки документов. Здесь он выступал как бы с двух позиций. С одной стороны, как ученый он заявлял, «что полное запрещение пересылки документов остановит издание документов и даже научную разработку их». С другой стороны, как опытный чиновник указывал, что «сейчас ведомства остались почти без своих дел, так как во многих ведомствах дела до 1917 г. сданы в архив»⁶⁶⁵. Он предложил разрешить пересылку дел за 30 лет. В итоге же было принято решение допустить пересылку документов за 25 лет⁶⁶⁶.

В Совещании управляющих С.Г. Рункевич выступал также и по ряду других вопросов, непосредственно касающихся судьбы церковных архивных фондов. Так, 3 июля 1919 года он участвовал в прениях по вопросу о наказаниях за порчу архивных материалов, высказавшись за введение имущественной ответственности и даже тюремного заключения⁶⁶⁷. В то смутное время принятие строгих правил о наказаниях за порчу архивных документов как никогда требовалось для спасения в том числе и церковных архивов, которые во множестве гибли из-за произвола местных властей.

При обсуждении работы хранилища частных архивов, созданного в феврале 1919 года в бывшем особняке Шереметевых в Москве, С.Г. Рункевич вместе с С.К. Богоявленским высказался резко против раздробления конкретных усадебных архивов на генеалогический и хозяйственный, признав такое условное разделение только для удобства разборки материалов. Хотя принцип неделимости фонда еще не был сформулирован в архивоведении, С.Г. Рункевич, проработавший многие годы с материалами синодального архива, содержавшего фонды многих учреждений духовного ведомства, интуитивно понимал важность и значение этого принципа. Его проведение

⁶⁶⁵ Ионов А.С. Указ. соч. – С. 104.

⁶⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 21.

⁶⁶⁷ Ионов А.С. Указ. соч. – С. 105.

было необходимо также и для сохранения фондов церковных учреждений, поскольку, например, при реквизиции имущества духовных консисторий на местах органы ЗАГС проявляли, как правило, интерес только к сравнительно поздним консисторским документам (метрическим книгам и пр.), с пренебрежением относясь к другим материалам⁶⁶⁸.

Естественно, все эти положения имели большое значение для Церкви, поскольку «открытость» архивов и возможность пользоваться ими общественным организациям (каковой организацией Церковь теперь являлась) и частным лицам были в интересах Церкви. В новых исторических условиях, крайне сложных и мало предсказуемых, в которых оказалась Русская Православная Церковь, для ее более или менее нормального и разностороннего функционирования были необходимы документы прежнего церковного управления, наиболее важные из которых в большинстве своем вошли в ЕГАФ, составив 2-е отделение IV Секции.

В августе 1919 года члены делегации ВЦУ А.Д. Самарин и Н.Д. Кузнецов были арестованы, после чего деятельность делегации стала постепенно угасать. 26 декабря 1919 года Синод и Высший Церковный Совет возложили делопроизводство делегации ВЦУ на С.Г. Рункевича. До него делопроизводителями в делегации в разное время были П. Смоличев и Н.В. Нумеров.

В январе 1920 года Московский трибунал судил видных церковнослужителей и церковно-общественных деятелей, в числе которых были А.Д. Самарин и Н.Д. Кузнецов. Они обвинялись в якобы распространении клеветнических слухов об оскорбительном для верующих поведении представителей гражданской власти, участвовавших во вскрытии мощей преподобного Саввы Сторожевского. В ходе процесса А.Д. Самарин и Н.Д. Кузнецов были приговорены к расстрелу. Однако

⁶⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 9. Д. 9. Л. 51 об.

суд в конечном итоге заменил смертную казнь заключением в концентрационный лагерь⁶⁶⁹.

К 1921 году делегация ВЦУ прекратила свое существование.

4.5. Архивы Высшего церковного управления

Помимо службы при Высшем церковном управлении С.Г. Рункевич в 1919 году в звании профессора преподавал церковную историю в Православной народной академии в Москве (образована в 1918 году), а в 1920 году – в Московской духовной академии⁶⁷⁰. Это было время, когда Московская духовная академия из последних сил боролась за свое существование. Средств на ее содержание практически не имелось, отсутствовали помещения, не хватало преподавательских кадров. До весны 1920 года занятия в академии проводились в помещении Усачевской биржевой артели, а затем – до окончания их в августе – в бывшем Епархиальном доме⁶⁷¹. Видимо в это время и был приглашен в нее для чтения лекций в качестве профессора С.Г. Рункевич.

В послереволюционные годы в условиях Гражданской войны в стране царили разруха и голод. Чтобы как-то выжить, С.Г. Рункевич вынужден был помимо службы в Высшем церковном управлении искать работу «на стороне». То мизерное жалование, которое получали служащие при Высшем церковном управлении, ввиду всеобщей дороговизны, не могло обеспечить даже самого скудного пропитания, не говоря уже о других насущных потребностях. Думается, что и преподавательская деятельность не оказывала существенного влияния на улучшение материального положения. Возможно, что в условиях поддержания гибнущих высших богословских школ

⁶⁶⁹ *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. – С. 293.

⁶⁷⁰ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 12. Л. 1 об.

⁶⁷¹ *Кашеваров А.Н.* Указ. соч. – С. 281.

лекции приходилось читать за небольшое вознаграждение или вообще бесплатно. По меньшей мере, это вполне могло касаться Московской духовной академии, денег на финансирование которой у высшей церковной власти совершенно не имелось.

6 апреля 1920 года С.Г. Рункевич поступил на службу инструктором организационного отдела Всероссийского объединения лесных союзов трудовых артелей (ВОЛСТА)⁶⁷². В это время ВОЛСТА уже ликвидировалось, и его полномочия принимала Кустпромсекция при Центральном союзе потребительских обществ (Центросоюзе). 1 мая С.Г. Рункевич был причислен к Центросоюзу и определен на должность специалиста производственного отдела Главкустпрома. В этой должности он выполнял обязанности сначала по деревообделочному, а затем и другим подотделам производственного отдела – ездил в командировки, составлял проекты декретов, циркуляров, докладов и пр.⁶⁷³. В частности, во время командировок он произвел научное обследование деревообделочных промыслов Вологодской, Пензенской и Новгородской губерний, причем использовал данные о дореволюционном положении там кустарной промышленности (1912–1913) и привел статистику по этим губерниям до 1 января 1920 года⁶⁷⁴.

В период службы С.Г. Рункевича при Высшем церковном управлении под его особое попечение и заботу попали архивы Высшего церковного управления (архивы ВЦУ), находившиеся тогда в неустроенном и бедственном состоянии. Этот архивный комплекс составил из делопроизводств различных учреждений старого и нового Высшего церковного управления.

⁶⁷² Всероссийское объединение лесных союзов трудовых артелей (ВОЛСТА) организовано в сентябре 1919 г. по инициативе Кустарьбыта и Артельсовета.

⁶⁷³ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 5. Л. 3.

⁶⁷⁴ Материалы, собранные Рункевичем, хранятся в НИОР РГБ (Ф. 257. К. 3. Д. 10, 11, 12) и представляют интерес для тех, кто изучает историю кустарной промышленности и промкооперации, в частности за 1920 г.

В августе 1917 года Святейший Синод при отбытии в Москву к предстоящему Всероссийскому Церковному Собору перевел с собой туда более важные части синодальной канцелярии с их делопроизводством. Остальная часть синодальной канцелярии, собственно все брачное и судное делопроизводство, была оставлена в Петрограде в ведении образованной там Петроградской Синодальной конторы.

Все бумаги, поступавшие в этот период в Петроград на имя Святейшего Синода и требовавшие лишь формального производства, предоставлены были разрешению Петроградской Синодальной конторы. По бумагам, подлежавшим компетенции оставленных в Петрограде брачного и судного делопроизводств и требовавшим не рассмотрения по существу, а лишь известного контрольного соотнесения с действующими законами и правилами, должны были заготавливаться проекты определений, которые вместе с относящимися к ним делами пересылались для подписания в Москву. Также все бумаги, требовавшие разрешения по существу, должны были пересылаться из Петрограда в Москву, в Святейший Синод, где и получали разрешение.

Дела, рассмотренные Святейшим Синодом в Москве, имевшие характер особой важности и спешности, обращались к исполнению немедленно, а дела обычного порядка, по разрешении их и подписании определений («протоколов»), пересылались для исполнения в оставшуюся в Петрограде часть синодальной канцелярии. Таким образом, из текущего делопроизводства по Святейшему Синоду за время пребывания его в Москве часть дел возвращалась в Петроград, а другая – важнейшая – оставалась в Москве.

В начале октября 1917 года, в связи с предполагавшейся эвакуацией Петрограда⁶⁷⁵, возникла мысль о переводе в Мо-

⁶⁷⁵ Революционные события 1917 г. и наступление немцев к Нарве и на Петроград поставили вопрос об эвакуации петроградских учреждений и предприятий. В начале декабря 1917 г. из Петрограда началась эвакуация предприятий. В глубь страны вывозилось оборудование с самых больших и самых важных заводов, преиму-

скву и остальных делопроизводств синодальной канцелярии, оставшихся там. Предположение не осуществилось, но не без его влияния в Москву были дополнительно переведены брачные и судные делопроизводства вместе с бывшими в их ведении делами.

Кроме того, независимо от текущего делопроизводства, в Москву были взяты многие дела Святейшего Синода принципиального и общего содержания, имевшие связь с вопросами, намечавшимися к рассмотрению на предстоящем Соборе.

Наконец, во все время деятельности Святейшего Синода в Москве по мере надобности из Петрограда, из синодальных архива и канцелярии, получали по особому на каждый случай требованию отдельные дела, необходимые для справок при текущем делопроизводстве. Таким образом и составила группа дел Святейшего Синода, оказавшаяся в распоряжении Высшего церковного управления в Москве.

С 1/14 февраля 1918 года начали действовать новые органы Высшего церковного управления – Священный Синод и Высший Церковный Совет. Постепенно у новых органов церковного управления стали образовываться по мере накопления отработанных дел свои архивы: 1) Священного Синода, 2) Высшего Церковного Совета и 3) соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета. В таком именно виде образовался архив Высшего церковного управления за 1918 год. Архив этот в 1919 году под личным наблюдением С.Г. Рункевича и непосредственном его участии был сформирован и приведен «в полный порядок». Позднее ввиду последовавших сокращений в штатах канцелярий Высшего церковного управления третья группа была распределена по первым двум, а еще позднее все делопроизводство по Высшему церковному управлению составило одну группу.

щественно оборонного значения, вывозились архивы. После заключения в марте 1918 г. мира с немцами эвакуация прекратилась.

«С началом действия новых органов Высшего Церковного Управления и образованием новых делопроизводств в Канцеляриях Священного Синода и Высшего Церковного Совета, – писал в одной из своих записок С.Г. Рункевич, – дела Святейшего Синода, разгруппированные по определенным прежним делопроизводствам бывшей Синодальной канцелярии, лишились ввиду несовпадения объема содержания новых делопроизводств Высшего Церковного Управления с прежними, ответственного досмотра со стороны новых делопроизводителей, так как не были формально включены и приняты в новые делопроизводства, оставшись, таким образом, бесхозяйственным имуществом. Исключение представляли дела брачные и судные, которые в отношении делопроизводства оставлены были, согласно соборному определению, временно, до нового Собора, на прежних основаниях в Священном Синоде, и потому вошли в текущий инвентарь брачного и судебного делопроизводств»⁶⁷⁶.

В начале осени 1918 года все оставшиеся без ответственного досмотра синодальные дела, «после утомительной и напряженной полуторамесячной работы, по собственному почину», С.Г. Рункевичем были «лично разобраны и размещены в хронологическом и групповом порядке в двух шкафах в помещении Канцелярии Священного Синода». Когда же в связи с окончанием Собора и ликвидацией Соборной канцелярии освободился занятый в ее делопроизводстве штат переписчиц, С.Г. Рункевич предпринял попытку к сформированию остальных оставшихся синодальных дел.

Необходимо подчеркнуть, что текущее делопроизводство Святейшего Синода в Москве, действовавшего во время Собора, когда все рабочие силы синодальной канцелярии были отданы делопроизводству Собора, не давало, да и не могло давать той сформированности для отработанных дел, какую должно было давать по действовавшему порядку. Отработанные

⁶⁷⁶ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 438.

бумаги зачастую оставались неразобранными. При перемещении синодальной канцелярии из здания Московской Синодальной конторы в Кремле, после занятия Кремля большевиками, в Епархиальный дом, перевезенные дела значительно перепутались. А последующее пользование ими в справочных целях при таком их положении с каждым днем увеличивало их перепутанность.

Предпринятая С.Г. Рункевичем попытка формирования синодальных дел в послесоборные дни, из-за быстрого ухода переписчиц в другие учреждения вне ведомства Высшего церковного управления, осуществлена была лишь в незначительной степени.

Архивы Святейшего Синода в это время хранились в шести шкафах двух комнат второго этажа Епархиального дома, где работала синодальная канцелярия. Архивы Высшего Церковного Совета помещались в комнатах нижнего этажа, где работала канцелярия Высшего Церковного Совета и регистра тура. В сентябре 1919 года бывший Епархиальный дом уже был занят Московским народным политехникумом. Так как занятия политехникума проходили по вечерам, то Высшее церковное управление продолжало функционировать в доме по-прежнему, но с небольшим лишь стеснением, лишившись зала заседаний, который был приспособлен для сцены. Собрания Высшего церковного управления стали проходить в маленькой комнате патриаршего кабинета.

По свидетельству С.Г. Рункевича, конец 1919 года «стал выявлять признаки, угрожающие сохранности архивов»⁶⁷⁷. С развитием событий внутри страны и все более усиливающимися гонениями на Церковь для него становилось уже очевидным, что архивам Высшего церковного управления грозит «неминуемая гибель»⁶⁷⁸. Он понимал, что сохранить архивы теперь можно было, только передав их под опеку самого же

⁶⁷⁷ Там же. Л. 439 об.

⁶⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 9. Л. 2.

государства, а именно – в Единый государственный архивный фонд.

В начале 1920 года С.Г. Рункевич предпринял поездку в Петроград, где имел объяснение с К.Я. Здравомысловым о судьбе архивов Высшего церковного управления. Там же было выяснено и «о необходимости возвращения взятых из Петрограда и препровождения, законченных Св[ятейшим] Синодом в Москве дел Св[ятейшего] Синода, взятых к Собору в Москву»⁶⁷⁹. «Отсутствие конца синодальных дел с августа 1917 по 1 февраля 1918 в архиве, – писал С.Г. Рункевич, – сохранившем дела за двухсотлетний период, не могло не казаться неестественным. Ввиду этого и выраженного мною согласия мне было поручено исходатайствовать у Главархива перевозку дел Св[ятейшего] С[инода] из Москвы в Петербург к синод[альным] делам и у ВЦУ согласие на это»⁶⁸⁰. В результате от 2-го отделения IV секции ЕГАФ в Петрограде последовало представление от 23 февраля 1920 года №155 на имя Святейшего патриарха «о необходимости передачи в Государственный Фонд находившихся в Высшем Церковном Управлении в Москве дел Святейшего Синода, начатых до 25 октября 1917 года, в целях гарантии сохранности дел и предоставления возможности как общественно-научного пользования ими в Архиве, так и сообщения их, в случае надобности, Высшему Церковному Управлению»⁶⁸¹.

Дело это было доложено С.Г. Рункевичем Высшему церковному управлению, которое в соединенном заседании 4 марта 1920 года постановило «передать имеющиеся в Высшем Церковном Управлении в Москве, оконченные производством, дела Святейшего Синода, начатые до 25 октября 1917 года, в Государственный Архивный Фонд с тем, чтобы расходы по изготовлению передаточной описи, досформированию, упаковке

⁶⁷⁹ Там же. К. 9. Д. 9. Л. 2.

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 439 об.

и пересылке дел были приняты на средства Государственного Архивного Фонда»⁶⁸².

7 марта 1920 года С.Г. Рункевич обратился по этому вопросу с докладной запиской в Главархив. Он предложил свое руководство делом и даже личное выполнение работы, однако с условием предоставления ему «прав советской службы», которых он тогда не имел. Главархив согласился на это предложение и тогда же зачислил Рункевича своим научным сотрудником. При этом, по словам самого С.Г. Рункевича, к нему была проявлена редкая внимательность и назначено содержание «со времени фактического исполнения обязанностей, каковым признан был день официального возбуждения дела в Петрограде – 20 февраля»⁶⁸³.

Служба при Высшем церковном управлении не давала С.Г. Рункевичу статуса советского служащего, что естественно отражалось на его гражданских правах и положении. Вот почему он с таким удовольствием отмечал проявленное к нему в Главархиве внимание. Кроме того, это был и дополнительный заработок. Здоровье Рункевича в это время было уже серьезно расстроено, и на лечение требовались средства. Так, в марте 1920 года он даже просил Высшее церковное управление о выделении ему денег на лечение. Несмотря на свое крайне скудное финансовое положение, Высшее церковное управление на заседании в соединенном присутствии (31 марта) все же постановило оказать ему материальную помощь в размере 3000 рублей⁶⁸⁴. Сумма эта конечно по тем временам была небольшая, но все-таки служила некоторым подспорьем при общей дороговизне цен.

Несмотря на проблемы со здоровьем, С.Г. Рункевич продолжал работать.

⁶⁸² Там же. Л. 439 об.–440.

⁶⁸³ Там же. Л. 440.

⁶⁸⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 26. Л. 60.

По его замыслу передача синодальных дел в Государственный архивный фонд предполагалась в виде перевозки их в Петроград, причем им были указаны два основных мотива: «а) отсутствие в Петербурге в Синодальном Архиве целой группы важнейших, принципиальных дел Святейшего Синода, обесцвечивало Синодальный Архив последних лет, делая в нем досадную брешь в ущерб науке и культуре, и б) Московская группа синодальных дел не обладала цельностью, которая бы давала ей право на обособленное хранение»⁶⁸⁵.

Получив назначение в Главархив, С.Г. Рункевич в целях охраны синодальных дел, бывших в бесхозяйственном положении «от разорения и утраты», перенес их в занимаемую им комнату (№1), – в том виде и количестве, в каком они в это время были. При этом он обнаружил, по пустующим местам в рядах дел, некогда им самим расставленных, что некоторые дела отсутствуют. На двери комнаты и на шкафах, куда были сложены дела, он прикрепил объявления с бланком и печатью Главархива от 14 апреля 1920 года №778: «Здесь временно помещаются дела Единого Государственного Архивного Фонда. За справками обращаться к С.Г. Рункевичу»⁶⁸⁶.

Вечером 26 мая, в связи с произведенным накануне арестом патриарха и заседавших у него членов Высшего церковного управления, в бывший Епархиальный дом явился вооруженный наряд ВЧК под командой заведовавшего учетно-юридическим отделом Федора Маркова, «руководимый» протоиереем А.Н. Станиславским, для опечатания дел Высшего церковного управления. Занимаемая С.Г. Рункевичем в здании Епархиального дома комната располагалась между патриаршим кабинетом и кабинетом управляющего канцелярией. После опечатания патриаршего кабинета, люди, производившие опечатание, зашли и к С.Г. Рункевичу, который, со своей стороны, дал им соответствующие разъяснения и показал имеющиеся

⁶⁸⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 440–440 об.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 440 об.

от Главархива удостоверения. Тогда следователь Фортуна-тов и три других сопровождавших его лица, удовлетворенные полученными разъяснениями, признали помещенные в комнате С.Г. Рункевича дела Святейшего Синода не подлежащими опечатанию, о чем и заявили Ф. Маркову, не присутствовавшему при разговоре. Однако Ф. Марков, знавший С.Г. Рункевича по прежнему представительству от Высшего церковного управления в «Исполкомдухе», где сам некогда работал, заявил, что Рункевич «влиятельный член Высшего Церковного Управления» и имеющиеся у него дела «требуют просмотра». Он предложил вынести все дела в опечатанное помещение, но так как они все уже были уложены в условном порядке для удобства описи и разбора, то Рункевич на перенос дел в другое помещение не согласился. Тогда Ф. Марков, «ссылаясь на крайнюю усталость всех находившихся в наряде после долгой уже работы и поздний час» (было 11 часов вечера), предложил опечатать комнату Рункевича до 11 часов утра следующего дня, когда они снова явятся в Епархиальный дом. При этом С.Г. Рункевичу было предложено провести вне своего помещения всего лишь одну ночь. Чтобы устранить возможность всякого рода предположений о сокрытии «не подлежащих передаче в Государственный Фонд документов и сохранить дела в том порядке, в который они были приведены», С.Г. Рункевич согласился на предложение Ф. Маркова и, видя явную усталость всех, не настаивал на немедленном пересмотре бывших в его комнате синодальных дел. Комната была опечатана⁶⁸⁷.

На следующий день Ф. Марков не явился. Тогда на другой день (28 мая) С.Г. Рункевич сам пошел к нему, где узнал, что все это дело уже взято от Маркова в VIII отдел Наркомюста. Чтобы решить проблему, С.Г. Рункевич отправился в VIII отдел, имея еще по званию члена делегации ВЦУ пропуск в Кремль. Однако не застав там никого из ответственных лиц,

⁶⁸⁷ Там же. Л. 441–441 об.

он оставил записку с просьбой распечатать его комнату. На другой день С.Г. Рункевич снова направился в VIII отдел, где имел объяснение с его руководителями И.А. Шпицбергом⁶⁸⁸ и П.А. Красиковым. Последний поручил И.А. Шпицбергу на следующий день, в воскресенье, на Троицу (30 мая), открыть комнату С.Г. Рункевича. Однако И.А. Шпицберг не прибыл ни 30, ни 31 мая, объяснив впоследствии, что не мог найти представителей ВЧК для снятия печатей. 1 июня Рункевич связался со Шпицбергом по телефону, и тот заявил, что «пребудет в тот же день в 4 часа, в 5-м часу», а раньше, о чем просил С.Г. Рункевич, «не может». Но опять не прибыл.

Вообще И.А. Шпицберг был известен как инициатор ряда судебных процессов против представителей Церкви и, в частности, сыграл одну из ведущих ролей в организации известного Звенигородского дела, по которому были привлечены к суду и пострадали члены делегации ВЦУ А.Д. Самарин и Н.Д. Кузнецов⁶⁸⁹. Поэтому особо благосклонного внимания от этого человека ждать не приходилось.

2 июля С.Г. Рункевич снова отправился в VIII отдел Наркомюста, и после долгих объяснений И.А. Шпицберг поручил следователю К.И. Бураку отправиться с Рункевичем и открыть его комнату, но с условием выноса из нее всех дел Святейшего Синода, которые должны оставаться в опечатанном помещении. Пришлось подчиниться, и дела были перенесены в

⁶⁸⁸ Шпицберг Иван Анатольевич (1881–1933) – до 1917 г. чиновник Св. Синода по бракоразводным делам, присяжный поверенный. С 1918 г. – антирелигиозный лектор-пропагандист, одновременно «товарищ народного комиссара» в Петрограде. С 1922 г. – глава научного общества и издательства «Атеист». Один из руководителей VIII «ликвидационного» отдела Наркомюста; следователь по особо важным делам. Зарекомендовал себя как «специалист по борьбе с религией» и ожесточенный антирелигиозный агитатор; инициатор ряда судебных процессов против представителей Православной Церкви. В 1918 г. инициировал дело об «антисемитской агитации» в соборе Василия Блаженного, по которому был арестован и пострадал священномученик Иоанн Восторгов. Вел расследование по делу Саввина монастыря и др., принимал участие в компании по вскрытию мошей. В 1920 г. вел следствие по делу Св. патриарха Тихона. Допросы проводил с пристрастием и в оскорбительной форме, о чем не раз свидетельствовал сам патриарх, ходатайствуя о его отстранении.

⁶⁸⁹ Подробно см.: *Голубцов С.* Московское духовенство в преддверии и начале гоений 1917–1922 гг. – М., 1999. – С. 57–84.

патриарший кабинет. Следователь К.И. Бурак, ссылаясь на то, что ему ничего не известно о причинах опечатания комнаты и что он «по правилу обязан провести обыск в опечатанном помещении», произвел у С.Г. Рункевича «тщательный осмотр бумаг и вещей и взял с собой портрет Петра Великого и корректурные оттиски портретов русских государей из книги «Александро-Невская Лавра»»⁶⁹⁰.

После неоднократных личных и по телефону объяснений со стороны С.Г. Рункевича, И.А. Шпицберг и К.И. Бурак 12 июня, произведя осмотр опечатанных дел, освободили их от печатей. Дела снова были перенесены в комнату С.Г. Рункевича. Позже Шпицберг вернул и взятые у него снимки русских государей.

18 июля по требованию И.А. Шпицберга (записанному в протокол с распиской С.Г. Рункевича в немедленном исполнении) Рункевичем было «представлено ему из дел Святейшего Синода дело о прославлении митрополита Иосифа Астраханского (6 отд. 3 ст. 1912 г. №298 на 300 листах), для следственного Отдела Наркомюста по особо важным делам»⁶⁹¹. С.Г. Рункевич со своей стороны доложил в Главархив о передаче дела и там ему разъяснили, что для этого необходимо было разрешение Главархива.

Дела, которые С.Г. Рункевич поместил в своей комнате, постепенно были приведены в порядок, сформированы, пронумерованы и снабжены индивидуальными описями на обложках, только не сшиты, за невозможностью взять им на себя лично этот длительный труд. Всем делам была составлена общая опись. Здесь оказались дела учебные, административные, приходские и епархиальные, земельные, миссионерские и церковно-практические, а также отдельные дела и других делопроизводств. Опись на 100 листах содержала «740 дел и книг, заключающих в себе 41.894 исписанных листа»⁶⁹².

⁶⁹⁰ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 442–442 об.

⁶⁹¹ Там же. Л. 442 об.

⁶⁹² Там же. Л. 443.

Дела судебные и бракоразводные, как говорилось выше, оставались в действующих делопроизводствах (судебные дела – два делопроизводства⁶⁹³, бракоразводные – четыре делопроизводства⁶⁹⁴). 2-е судебное делопроизводство в течение 1918 и отчасти 1919 года под руководством С.Г. Рункевича и при его участии было «вполне сформировано и приведено в порядок делопроизводителем Н.А. Соловьевым». По неоднократным и усиленным просьбам С.Г. Рункевича, делопроизводителем М.М. Гребинским начало приводиться в порядок и 1-е судебное делопроизводство, но работа эта закончена не была. С сокращением штатов канцелярий Высшего церковного управления, после ухода Н.А. Соловьева на военную службу, его место не было занято новым лицом, и все судные дела остались в делопроизводстве М.М. Гребинского. На «особенно усиленные» просьбы С.Г. Рункевича летом 1920 года о передаче ему судных дел, хотя бы лишь счетом по списку номеров в хронологическом порядке, Гребинский, видимо, начал работу, перенеся дело об Афонских «имябожниках» в помещение, соседнее с комнатой С.Г. Рункевича, – кабинет управляющего канцелярией. Туда же, по предположению Рункевича, были перенесены и некоторые другие судные дела.

Осенью 1920 года в бывшем Епархиальном доме на смену политехникуму обосновался Рабфак, отношение которого к церковному ведомству было явно враждебное. Домовая церковь была закрыта, ее зал обращен в факультетскую аудиторию, а Высшее церковное управление совершенно выдворено из здания. Покидая Епархиальный дом, делопроизводители взяли с собой лишь текущие дела, а все отработанное делопроизводство осталось в четырех шкафах, помещавшихся в прежних комнатах канцелярии Священного Синода. Остальные два шкафа из шести еще в апреле были передвинуты с делами в комнату С.Г. Рункевича. Дела были брошены в

⁶⁹³ Бывшее 5-е отделение – 1-й и 2-й столы.

⁶⁹⁴ Бывшее 4-е отделение – 1, 2 и 3-й столы и 3-е отделение – 2-й стол.

беспорядке, шкафы закрыты неаккуратно, а сквозь разбитые стекла торчали кипы оставшихся без употребления патриарших воззваний последних дней Собора. Рабфак видимо заинтересовался содержанием хранившегося в шкафах материала, и С.Г. Рункевич стал замечать «в этом направлении кой какие угрожающие признаки». Тогда он подал патриарху записку «с выяснением необходимости убрать свои дела, а переходящие в Государственный Фонд» – неотлагательно передать ему, Рункевичу. Однако ответа получено не было. Между тем в одно утро в конце октября убиривший аудитории бывший швейцар Епархиального дома Сергеев вызвал С.Г. Рункевича. Придя по просьбе швейцара, Рункевич увидел печальную «картину разбитых и раскрытых шкафов и совершенно разорванных дел, устилавших весь пол комнаты». Вместе с Сергеевым он собрал бумаги, или, как сказано в докладной записке, «мусор», сложил в шкафы и забил их гвоздями.

В «предчувствии гибели Архива» С.Г. Рункевич еще раз все подлинные постановления, некогда отобранные им при сформировании дел Высшего церковного управления за 1918 год, перенес в свою комнату. Сохранилось и несколько дел, частично взятых им и «присоединенных, по сродности, в качестве продолжения, к делам Святейшего Синода, а частью делопроизводством Высшего Церковного Управления»⁶⁹⁵.

Несколько раз С.Г. Рункевич принимался разбирать оставшийся архивный материал. Отобрал несколько подлинных постановлений по судным делам, однако вскоре понял, что «в этом разрушении видимо погибли все судные дела, перевезенные в Москву, кроме уцелевших случайно».

Уцелевшие дела «об Афонских иноках имябожниках, согласно описи (№2, на одном листе)», составили 9 томов, заключавших в себе 4121 печатный лист.

В свое время дела брачные, по просьбе С.Г. Рункевича, бывшие в делопроизводстве П.П. Смердынского – о разводе по

⁶⁹⁵ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 444–444 об.

прелюбодеянию, были собраны самим же П.П. Смердынским, хотя и не сформированы. Дела́м этим была составлена опись, охватывающая, с внесенным Рункевичем дополнением, 340 дел и книг. Дела брачные о разводе по другим причинам и о признании браков недействительными, бывшие в делопроизводстве Т.П. Губарева, под руководством С.Г. Рункевича начали приводиться в порядок и сформировываться еще в 1919 году, но за уходом Т.П. Губарева на службу в Петроград это дело прекратилось. За него взялся П.П. Смердынский, но успел сделать очень немного. По предположению С.Г. Рункевича дела погибли «при разгроме архивов Высшего Церковного Управления Рабфаком». Дела брачные, собранные П.П. Смердынским, Рункевич оставил без сформирования, так как они, по его мнению, в то время «не вызвали по своему относительному значению приложения к ним этой сложной и нелегкой работы»⁶⁹⁶.

Особо от дел С.Г. Рункевичем было выбрано и разложено в порядке 1248 подлинных определений Святейшего Синода с 1913 года, 2 журнала, 9 чинов исповедания и обещания архиерейского, за подлинными подписями, и 14 циркулярных указов Святейшего Синода, изданных в Москве.

Согласно архивному декрету, дела Святейшего Синода объявлялись принадлежащими Государственному архивному фонду по 26 октября 1917 года. Между тем Святейший Синод существовал по 1/14 февраля 1918 года и действовал по инерции на прежних основаниях, и только с 1/14 февраля 1918 года вступили в действие новые органы Высшего церковного управления. Таким образом, оставался небольшой участок синодального архива за 3 месяца, не принадлежащий ни Государственному архивному фонду, ни Высшему церковному управлению. По докладу С.Г. Рункевича, Высшее церковное управление согласилось передать (постановлением от 7 сентября 1920 года №286), а Главархив принять в Государственный

⁶⁹⁶ Там же. Л. 444 об.–445.

архивный фонд и этот остаток синодального архива. Он и был включен Рункевичем в соответствующие вышеупомянутые описи.

6 декабря 1920 года С.Г. Рункевич докладом «О делах Святейшего Синода, находящихся в Москве и подлежащих передаче в Петроград в Архив 2 Отделения IV Секции Единого Государственного Архивного Фонда» уведомил Главархив, что синодальные дела, предложенные с самого начала к отправке в Петроград, уже подготовлены. В докладе он снова повторил мотивы, по которым эти дела не могут быть оставлены в Москве, а должны быть отправлены в Петроград. При этом он добавил, что «прежде всякого сдвига дел необходимо увязать их в связки, так как значительная их часть не сшита и не скреплена по листам и при переносе и перекладке легко может рассыпаться».

21 декабря 1920 года Главархив ответил С.Г. Рункевичу, что коллегия текущих дел Главархива на заседании 16 декабря постановила признать, что ввиду транспортных затруднений дела бывшего Святейшего Синода «немедленному перевозу их в Петроград не подлежат и временно должны быть оставлены в Москве и по возможности сосредоточены в Архиве Печатного Двора»⁶⁹⁷.

Кроме того, в Главархиве даже не оказалось веревок для увязки дел. Рункевичу пришлось обратиться за помощью в Наркомпрод, где после долгих хождений одна «дама», к которой его направили, сказала: «Малыми количествами мы не отпускаем, вам надо обратиться в Наркомпрос, чтобы он выдал из своего фонда. Впрочем, подайте заявление, хотя по всей вероятности вам откажут». При посредстве Главархива С.Г. Рункевич обратился в фонд Наркомпроса, но там веревок не оказалось. Тогда, взяв из Главархива требовательную записку, он снова направился в Наркомпрод и напомнил «даме» прежний с ней разговор. На этот раз «дама» направила его к

⁶⁹⁷ Там же. Л. 446.

заведующему, а тот кратко ответил: «У меня веревок нет». После настойчивых расспросов, где же можно достать веревку, «он указал на М.П.О., Мясницкая, 47». Оттуда С.Г. Рункевича направили на Мясницкую, 45. Там, после некоторых неудачных попыток, удалось, наконец, найти последнюю действительную инстанцию – некоего товарища Сидорова, который ясно ответил: «По декрету мы отпускаем Главкам и Центрам, но не их подразделения. Нужно внести в смету на 1921 год по Наркомпросу, и тогда вы веревку получите»⁶⁹⁸.

После этого, оставив попытки достать веревки в Москве, С.Г. Рункевич, будучи по делам в Петрограде, получил пакет веревок от К.Я. Здравомыслова, которых хватило ему на 40 связок. Остальная 21 связка была увязана веревками, добытыми в Москве частным путем.

Далее предстояла «нелегкая задача добиться, чтобы в шкафах Печатного Двора были расширены вместилища между полками для установки связок с делами стоймя, по подобию книг, и была вытерта накопившаяся на полках многолетняя пыль». Об этом С.Г. Рункевичем уже неоднократно велись переговоры, но безуспешно.

27 января 1921 года «в прекрасный солнечный день» С.Г. Рункевич перевез дела Святейшего Синода на Печатный Двор, находившийся на дворе бывшей Московской синодальной типографии по Никольской улице. Из-за неподготовленности для них места и ввиду ожидавшейся их скорой отправки в Петроград, дела были сложены в проходе между шкафами, возле шкафа с архивом Всероссийского Церковного Собора, привезенного туда Рункевичем еще в сентябре минувшего года⁶⁹⁹. Этот архив также был обязан своим спасением и сохранностью заботам С.Г. Рункевича.

Соборный архив в свое время был в порядке сформирован секретарем Собора В.П. Шеиным, имел опись и помещался в

⁶⁹⁸ Там же. Л. 446 об.

⁶⁹⁹ Там же. Л. 447.

большом шкафу одной из комнат первого этажа Епархиального дома. Ближайшее наблюдение за ним в первое время было поручено митрополиту Арсению (Стадницкому) и В.Н. Самуилову⁷⁰⁰. Комната, где стоял шкаф с Соборным архивом, располагалась между большой комнатой, в которой некогда работала Соборная канцелярия, и двойной комнатой, где работали отделы Собора. В этой же комнате с сентября 1917 года по январь 1918 года жил С.Г. Рункевич. С сокращением штата канцелярий Высшего церковного управления архив Собора оказался в пустующем помещении. В это время стали происходить вскрытия дверей шкафа, хотя никакой порчи дел не замечалось.

Летом 1920 года, «ввиду выявления признаков, угрожающих сохранности Соборного Архива», С.Г. Рункевичем был также возбужден вопрос о передаче его под охрану Государственного архивного фонда. Поместить Соборный архив предполагалось в забронированном архивной охраной здании Печатного Двора. По докладу С.Г. Рункевича, Главархив согласился принять Соборный архив под свою охрану⁷⁰¹.

6 сентября 1920 года С.Г. Рункевич направил Святейшему патриарху Тихону докладную записку, в которой писал: «Архив Всероссийского Церковного Собора в настоящее время в таком положении, которое совершенно не обеспечивает его сохранности и в будущем не обещает улучшения. Среди лиц, научно заинтересованных в сохранении Архива, возникла мысль о необходимости помещения его в условия, обеспечивающие его целость. Высказаны были предложения о помещении Соборного Архива: а) в Петербурге при Синодальном Архиве, б) Патриаршей Библиотеке в Кремле, в) Библиотеке Религиозно-Исторического Отделения Исторического Музея в

⁷⁰⁰ Самуилов Вячеслав Никандрович, протоиерей (ок. 1862 – ?) – выпускник дух. семинарии, служил правителем дел Учебного комитета при Св. Синоде, затем настоятелем Смоленского кафедрального собора. 1917 г. – член Поместного Церковного Собора.

⁷⁰¹ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 448–448 об.

Епархиальном Доме по Лихову переулку и г) здании Печатного Двора, что во дворе Синодальной Типографии в Москве. Наиболее целесообразным признаю последнее предложение. Здание находится под охраной Государства, в качестве музейного памятника, и не подвержено опасности занятия посторонним учреждением; достаточно просторно и светло; наполнено церковными книгами и рукописями и старопечатными книгами и, наконец, обеспечено компетентным штатом хранителей.

Главное Управление Архивным Делом выражает согласие на принятие Архива Всероссийского Собора в состав Единого Государственного Архивного Фонда с помещением на Печатный Двор. В случае если не будет разыскана опись Соборного Архива, возможна передача его ныне же без описи, с составлением таковой (вновь) уже по переводе Архива в предназначенное ему помещение»⁷⁰².

7 сентября 1920 года Высшее церковное управление постановлением №286 определило: «Принимая во внимание а) что Архив Всероссийского Собора 1917–1918 г.г. является непосредственным завершением Синодального Архива, с которым он неразрывно связан, б) что Синодальный Архив декретом Правительства включен в состав Единого Государственного Архивного Фонда по 26 Октября 1917 года и в) что Архивы Государственного Архивного Фонда обеспечены в достаточной мере в отношении их сохранности в интересах науки и культуры, – передать Архив Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 г.г. в Единый Государственный Архивный Фонд, с помещением его на Печатном Дворе в Москве. Передачу осуществить, в случае нерозыскания описи Архива, ныне же, без описи, с возложением на С.Г. Рункевича, в виду выраженного им согласия на то, попечение о составлении передаточной описи в возможно непродолжительном времени по передаче

⁷⁰² РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 450–450 об.

Архива в Государственный Фонд и о представлении одного экземпляра таковой в Высшее Церковное Управление»⁷⁰³.

22 сентября 1920 года С.Г. Рункевич совместно с В.Н. Самуиловым перевез Соборный архив на Печатный Двор. К сожалению, во время перевозки неожиданно начался сильный дождь, и дела были частью замочены. Архив сложили в шкафу по мере выгрузки связок. Однако и сам шкаф не был приспособлен для «правильного размещения дел (не были раздвинуты полки в шкафу и не убрана многолетняя пыль, лежащая густым слоем)». Ввиду отсутствия описи, дела были переданы в Государственный архивный фонд счетом, по списку, всего 88 связок, заключающих в себе 461 дело, 133 тома, 18 тетрадей, 18 книг, 7 конвертов, 1 доклад, 1 папку и 5 печатей⁷⁰⁴.

Во второй половине января 1921 года В.Н. Самуилов принес Рункевичу найденную у себя еще одну соборную печать и грамоту. Оба эти предмета, а также висевший в комнате Рункевича большой портрет патриарха, «из прежнего зала заседаний», Рункевич 27 января отвез на Печатный Двор, присоединив их к соборному архиву⁷⁰⁵.

После передачи архивов Высшего церковного управления в Государственный архивный фонд на руках у С.Г. Рункевича оставался еще один архивный комплекс, а именно архив Московской духовной семинарии, попавший к нему после реквизиции семинарского здания.

Когда в 1918 году здание Московской духовной семинарии было занято под 3-й Дом Советов, семинарские архив и библиотека оставались на месте. Однако к какому-то празднику управление Домом решило очистить зал, занимаемый библиотекой и старым семинарским архивом. Библиотека была разобрана, а архив оставался нетронутым. Было объявлено, что он

⁷⁰³ Там же, л. 448–448 об.

⁷⁰⁴ Там же. Л. 448 об.–449.

⁷⁰⁵ Там же. Л. 449.

не нужен, и если его не уберут, то он будет сожжен. Узнав об этом, С.Г. Рункевич отправился к коменданту Дома, которому предоставил удостоверение, присланное К.Я. Здравомысловым, о том, что он состоит членом Союза российских архивных деятелей, в обязанности которого входит забота об охране всякого рода архивных фондов, где бы они ни находились. Комендант с охотой разрешил С.Г. Рункевичу забрать архив. Тотчас же при помощи одного из своих сотрудников по службе Н.В. Соловьева и «ребятишек», архив вручную был перевезен С.Г. Рункевичем из здания семинарии в Епархиальный дом и сложен в «укромных уголках» вестибюля. Состоял архив из тщательно переплетенных в большие книги дел, обозначенных номерами.

Некоторое время спустя, при дальнейшем занятии семинарских зданий, тем же комендантом был передан С.Г. Рункевичу новый архив семинарии (семинарского правления), находившийся в канцелярии, которая размещалась в одном из флигелей. Этот архив также был перевезен С.Г. Рункевичем в Епархиальный дом.

Из вестибюля оба архива были перенесены в несоргаемую комнату и там уложены. Однако новый архив вызвал некоторые хлопоты. Дело в том, что многие семинаристы стали приходить за своими документами, и при перепутанности архива розыски их вызывали значительную затрату времени и труда. Поначалу Н.В. Соловьев охотно удовлетворял просьбы о розыске и выдаче документов, но вскоре эта работа стала его утомлять. Тогда С.Г. Рункевич обратился в Высшее церковное управление с просьбой взять семинарские архивы в ведение школьно-просветительного отдела ВЦУ. По его докладу, Высшее церковное управление дало согласие на это, но при подписании постановления, уже после подписания патриархом и архиепископами, два члена Высшего Церковного Совета – протоиереи

А.Н. Станиславский и А.В. Санковский – заявили, что прием этих архивов доставит много беспокойства Высшему церковному управлению. Дело было снято, и семинарские архивы остались в распоряжении С.Г. Рункевича.

После этого Рункевич пытался передать их в Епархиальный совет, но тот не мог принять архивы за недостатком помещения. Тогда С.Г. Рункевич настоял, чтобы Епархиальный совет взял, по крайней мере, дела с документами последних пяти лет, что и было исполнено.

Остававшиеся в распоряжении С.Г. Рункевича дела семинарского архива были им со временем также переданы в Государственный архивный фонд⁷⁰⁶.

О своей работе в Москве, связанной с церковными архивами, С.Г. Рункевич написал четыре доклада в Комиссию по описанию документов и дел 2-го отделения IV секции ЕГАФ в Петрограде, членом которого числился как бывший член Комиссии по описанию синодального архива. Препровождая 19 января 1920 года доклады в Петроград, он писал К.Я. Здравомыслову: «Ваше сообщение, что при оглашении моего старейшего имени в Комиссии некто спросил, жив ли он, навело меня на мысль сделать Комиссии сообщения о своей здешней работе, – думаю, не подлежащей осуждению. На первый раз посылаю вам 2 доклада, по предметам в хронологическом порядке. Я воспользовался для их написания сегодняшним днем, когда комендант всех домов Отдела Съездов Наркомпроса дал строгий приказ всем жильцам домов по Лихову 6 явиться к нему за получением пропусков в 1 час, для чего прибудет на Лихов. Ждали и не дождались. А я, подобно Архимеду, решил принять удар варвара среди занятий своим делом и, вместо домашних дел, занялся писанием докладов в Комиссию, каких и написал 3. Благодетельная рука одной дамы в

⁷⁰⁶ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 102–103.

благодарность за валенки преподнесла огромный пирог, по особым обстоятельствам был приготовлен и суп, – так что не пришлось вовсе выходить из дому, чем и объясняется столь крупная производительность дня.

Будьте здоровы и веселы. Пишите две строчки о получении докладов, ибо перспектива писать для домашнего употребления агентов нарсвязи не очень привлекательна.

Жму Вашу руку.

P.S. Всем привет.

С. Рункевич»⁷⁰⁷.

28 января он снова писал К.Я. Здравомыслову: «Многоуважаемый Константин Яковлевич. Посылаю Вам еще два доклада для Комиссии. Мое желание, чтобы Вы докладывали в заседании по одному докладу, дабы продлить о мне воспоминание, видимо угасающее. Крепко жму Вашу руку и желаю всех благ. Искренне уважающий Вас С. Рункевич»⁷⁰⁸.

При чтении докладов С.Г. Рункевича в Комиссии по описанию документов и дел 2-го отделения IV секции ЕГАФ были сделаны интересные дополнения. Когда речь шла об архиве Московской духовной семинарии, спасенном Рункевичем, приглашенный в заседание Комиссии В.Н. Бенешевич⁷⁰⁹ заявил, что в том же 1918 году «стараниями митрополита Арсения [Стадницкого] и чиновника А.И. Оранского сожжены в Москве

⁷⁰⁷ Там же. Л. 434–435.

⁷⁰⁸ Там же. Л. 433.

⁷⁰⁹ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) – доктор церковного права, византист, археограф и историк канонического права, член-корреспондент АН СССР и ряда зарубежных академий наук. В 1897 г. окончил С.-Петербургский университет, слушал лекции в Лейпцигском, Берлинском и Гейдельбергском университетах. 1905–1917 гг. – приват-доцент С.-Петербургского университета, 1918–1922 гг. – профессор. Сын обрусевшего белоруса и внук священника Виленской губернии, был женат на католичке, дочери филолога Ф.Ф. Зелинского, и из-за этого обстоятельства, а также из-за лекций по истории церковного права, в которых было обнаружено «свободомыслие», вынужден был оставить преподавание в С.-Петербургской духовной и Военно-юридической академиях и даже был посажен в «Кресты», откуда освобожден по ходатайству университета. В 1922 г. отстранен от преподавания в университете. После 1922 г. неоднократно арестовывался. 1925–1928 и 1933–1937 гг. – главный библиотекарь в ГПБ. В 1937 г. вновь арестован; расстрелян.

архивы прот[оиерея] И. Восторгова⁷¹⁰, бумаги Грингмута⁷¹¹ и часть архива Союза Русского Народа⁷¹², хранившиеся в подвалах Епархиального Дома в Москве по Лихову пер[еулку] д[ом] 6».

Когда речь шла об архиве Всероссийского Церковного Собора и констатировано, что «Архив значительно пострадал

⁷¹⁰ Восторгов Иоанн Иоаннович, протоиерей (1864–1918) – священномученик. Родился на Кубани в семье священника. Окончил Кавказскую дух. семинарию в Ставрополе (1881–1887). 6 августа 1889 г. рукоположен во священника. Служил законоучителем сначала Ставропольской, а затем Елисаветпольской гимназии. Проявил себя как яркий проповедник и нес послушание епархиального миссионера Грузинского экзархата, в последствии был переведен в Москву и назначен Св. Синодом синодальным миссионером-проповедником. В связи с обязанностями миссионера очень много путешествовал по России. Во время революции 1905–1907 гг. принимал деятельное участие в православных патриотических организациях и монархических союзах. Был организатором пастырских курсов, ставивших своей задачей восполнить нехватку в священнослужителях. Благодаря его деятельности в 1916 г. в Москве начинает работу Женский Богословский институт. После Октябрьской революции 1917 г. служил настоятелем храма Василия Блаженного в Москве. В начале лета 1918 г. по вымышленному обвинению арестован. 23 августа 1918 г. расстрелян.

⁷¹¹ Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – педагог, публицист, политический деятель. Родился в Москве в семье педагога, выходца из Германии. В 1876 г. принял русское подданство и православие. После окончания курса филологического ф-та Московского университета преподаватель греческого языка в лицее цесаревича Николая, в 1894–1896 гг. – директор. Писал сначала в «Современных Известиях», «Кругозоре», «Русском Обозрении», «Московских Ведомостях». После смерти редактора «Московских Ведомостей» М.Н. Каткова сделался ближайшим сотрудником его приемника С.А. Петровского. С 1897 г. стал редактором газеты, которая при нем стала органом самого ожесточенного черносотенства. Этим эпитетом он гордился (известно его «Руководство черносотенцу-монархисту», М., 1911). Грингмут становится первым инициатором создания Русской монархической партии. Именно в его газете от 2 марта 1905 г. в статье «Организация монархической партии» говорится об объединении революционных, разрушительных сил в стране и указывается на необходимость противопоставить анархии единую, сильную монархическую партию, «создать общую всероссийскую дружину вокруг царского престола». При редакции «Московских Ведомостей» создается Центральное бюро. Первыми вождями партии становятся Грингмут и протоиерей И. Восторгов, талантливый публицист и оратор. Главное отличие от других правых организаций состояло в том, что партия не признавала самого принципа народного представительства и выступила категорически против славянофильского лозунга: «Народу мнение – Царю власть». Последние годы жизни стоял во главе того «монархизма», который поставил своей целью вести непримиримую борьбу с манифестом 17 октября. Глава «Русской Монархической партии», затем монархического «Союза Русского Народа». Организатор съездов «Союза Русского Народа».

⁷¹² «Союз Русского Народа» – массовая крайне правая (черносотенная) монархическая организация, возникшая в октябре 1905 г. для борьбы с революцией. Основатели: А.И. Дубровин, В.А. Грингмут, В.М. Пуришкевич и др. После Февральской революции 1917 г. прекратила свою деятельность.

от хищений», тем же В.Н. Бенешевичем было сделано еще одно любопытное замечание. Он, как в свое время бывший помощник Секретаря Собора и близко стоявший к делу, добавил, «что при закрытии Собора настроение многих членов Собора было настолько недоброжелательное по отношению ко всей деятельности Собора, что вполне естественным являлось желание поскорее забыть о Соборе и не оставить следов его деятельности. Отсюда – полнейшее невнимание и презрение к архиву Собора»⁷¹³. В.Н. Бенешевич уведомил Комиссию, что совместными заботами его и В.П. Шеина была составлена опись Соборного архива, и экземпляр ее хранится в Москве в принадлежащих ему, Бенешевичу, бумагах.

Отношение Комиссии к докладам С.Г. Рункевича и постановление по ним было выражено в письме К.Я. Здравомыслова, датируемого, правда, 31 декабря 1921 года, между тем как постановление записано в протоколах 17 мая 1921 года. Какая-то неизвестная причина задержала ответ более чем на полгода. Вот что сообщал К.Я. Здравомыслов в письме С.Г. Рункевичу: «Заслушав в нескольких заседаниях Комиссии четыре присланных Вами и прочитанных делопроизводителем Комиссии доклада о находящихся в Москве архивах б[ывшего] духовного ведомства, Комиссия постановила выразить Вам глубокую благодарность за Ваши труды и заботы о спасении и охране ценных документов и дел ведомства, интересные сообщения Ваши принять к сведению, письменные доклады Ваши, по их важности, хранить при протоколах Комиссии и просить Вас не отказать в дополнительном извещении о том, составлена ли опись делам Соборного Архива, насколько пострадали архивные дела во время перевозки их во время сильного дождя и сохранилось ли полностью дело о гонениях на православную церковь, а равно не отказать собрать и сообщить сведения об

⁷¹³ РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 156. Л. 413.

архивах б[ывших] Московской Духовной Академии, Духовной Консистории и Синодальной Конторы»⁷¹⁴.

После первого же заслушания доклада С.Г. Рункевича Комиссия просила В.Н. Бенешевича «при первой же возможности дать опись Соборного Архива, для снятия с нее копии». Однако, судя по тому, что связь Комиссии с Рункевичем по неизвестным причинам прервалась почти на год, он не смог получить копию описи.

Надо отметить, что в очень нелегкой обстановке приходилось С.Г. Рункевичу хранить архивы и заниматься работой по их разбору все это время. Неоднократно различные организации, размещавшиеся в бывшем Епархиальном доме, требовали выселения С.Г. Рункевича из занимаемой им комнаты. Иногда эти требования звучали в ультимативной форме с угрозами принудительного выселения. В подобных ситуациях С.Г. Рункевич обращался в райжилотдел, где ему категорически указывали, что при принудительном выселении закон требует предоставления «соответствующего» помещения и предоставления способов переезда. Однако в те времена представителю церковных кругов, бывшему синодальному чиновнику, нелегко было защитить свои гражданские и человеческие права. В тех случаях, когда требования о выселении становились более настойчивыми, С.Г. Рункевич направлял письма «Луначарскому и в орган Наркомпроса по поводу допущения некоторыми агентами их, слепого формального отношения» к его выселению⁷¹⁵. Естественно, что выселение Рункевича без предоставления ему соответствующего помещения для хранения огромного архивного комплекса ставило под угрозу не только его дальнейшую работу по приведению в порядок архивов, но и саму их сохранность.

24 июня 1921 года С.Г. Рункевичу поступило обращение центра Центрального института инструкторов-организаторов

⁷¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 12.

⁷¹⁵ Там же. К. 6. Д. 18. Л. 1.

народного просвещения: «Так как Институт крайне нуждается в помещениях для ученых целей и квартир сотрудников, которым необходимо жить в Институте, просим Вас в двухнедельный срок от сего числа, т.е. к 8 июля 1921 г., освободить занимаемую Вами в здании Института комнату»⁷¹⁶.

Со своей стороны С.Г. Рункевич направил письмо в оргцентр института, в котором ответил, что выполнить предложение в данное время не может «за неимением в виду для себя комнаты, сколько-нибудь пригодной для продолжения научных занятий»⁷¹⁷. Он выразил надежду, что оргцентр отнесется к этому делу «культурно и разумно». Кратко сообщая о своих трудах на научном и педагогическом поприще, С.Г. Рункевич писал: «В последнее время, будучи сотрудником Главарх. Про-са выполнял для Главархива работу, незаменимую в научном отношении по передаче в Гос[ударственный] фонд группировавшихся в д[оме] №6 архивов. Работа эта, требовавшая моего оставления в д[оме] №6, правда, заканчивается, хотя все же еще и не закончена. Одновременно в последнее время работаю по организации Кустпросвета для кустарей. <...> Наконец, комната, занимаемая мною, по своему расположению, не м[ожет] б[ыть] приспособлена для офиц[иальных] служебн[ых] целей. Я и прошу рассудить, будет ли польза для науки в моем удалении, сопровождаемом перерывом, и даст ли Оргцентр комнате назначение с большей пользой <...>»⁷¹⁸.

Вот что сообщает в своей записке С.Г. Рункевич о состоянии архивов на это время:

1. Архив Святейшего Синода, «находящийся ныне в Москве, мною приведенный в порядок и зарегистрированный в описях, в количестве 86 связок при 20-и описях, временно помещен на Печатном Дворе, в проходе между шкафами, и должен быть

⁷¹⁶ Там же.

⁷¹⁷ Там же.

⁷¹⁸ Там же.

немедленно перевезен в Петроград, к бывшему Синодальному Архиву, в 2-й Отдел IV Секции Е.Г.А.Ф. в целях обеспечения его сохранности и неразрывности с находящимся там огромным архивным материалом, коего он представляет собой завершение. Опыт – с точки зрения, которого я, как свыше 30-и лет работающий не бесследно по архивоведению, имею право говорить, – опыт показывает, что время легко может разбить связи безместного постояльца, перепутать дела и уничтожить работу, которая не без настойчивых усилий привела дело в порядок. Так уже и было не с одним архивом. Необходимо поэтому в первую очередь закончить дело перевозом архива в Петроград.

2. Для Архива Всероссийского Собора, перевезенного также на Печатный Двор, необходимо ныне же, воспользовавшись летним временем, когда только и возможна работа на Печатном дворе, составить опись, какой он не имеет, будучи передан по описи инвентарной. Та работа, которую в настоящее время можно бы выполнить в 3–4 месяца, через десяток лет, с утратой воспоминаний и связей с материалом Архива, потребует для себя затраты гораздо большего времени и средств. Я приступил уже к этой работе и часть ее уже выполнил. Этот Архив надлежит оставить в Москве навсегда и уложить его в соответствующем помещении.

3. Архив Священного Синода за 1918 год и подлинные “протоколы” – постановления Высшего Церковного Управления за 1918 и 1919 годы, собранные мною и зарегистрированные в описях А, Б и В, в количестве 6[-] и связок, подлежат оставлению в Москве при Архиве Собора, как его непосредственное продолжение и дополнение, и должны быть уложены вместе с Соборным Архивом»⁷¹⁹.

Остаток лета и осень С.Г. Рункевич трудился на Печатном Дворе, занимаясь разбором и приведением в порядок архива

⁷¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.

Собора⁷²⁰. Само управление Главархива было заинтересовано, чтобы переданный в ЕГАФ Соборный архив был приведен в порядок человеком – участником Собора. И здесь С.Г. Рункевич оказался наилучшим исполнителем для этой цели. Прекрасно осведомленный о соборном делопроизводстве, досконально знающий весь механизм работы Собора в его отделах, совещаниях и комиссиях, он отлично представлял себе логические связи между массами разрозненных, находящихся в беспорядке документов. Уже к концу осени он подготовил сохранный опись⁷²¹.

Приблизительно в начале 1922 года московский архив Святейшего Синода был переправлен в Петроград и передан во 2-е отделение IV секции ЕГАФ.

Когда именно С.Г. Рункевич оставил службу при канцелярии Высшего церковного управления – неизвестно. По крайней мере, Н.В. Нумеров в письме к митрополиту Антонию (Храповицкому) от 1/14 сентября 1921 года уже не упоминает его среди служащих канцелярии⁷²².

С 1920 года до, предположительно, середины 1922 года С.Г. Рункевич состоял научным сотрудником Главархива. В апреле 1921 года из производственного отдела Главкустпрома он перешел на работу в Культкомиссию, где исполнял обязанности по личным сношениям с учреждениями, разработке принципиальных и общих вопросов, а также обязанности секретаря. Помимо этого С.Г. Рункевич принял на себя исполнение должности библиотекаря организованной по его инициативе при Культкомиссии «в культурно-просветительных целях» библиотеки. Уже в течение нескольких месяцев он привлек в библиотеку более двухсот читателей, а ежедневный обмен составлял 40–50 лиц⁷²³.

⁷²⁰ Ионов А.С. Указ. соч. – С. 130.

⁷²¹ Там же.

⁷²² История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. – М.: ПСТГУ, 2006. – С. 872.

⁷²³ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 12. Л. 3.

В Москве С.Г. Рункевича держали дела, связанные исключительно с судьбой церковных архивов, и в частности с архивами ВЦУ. Еще в 1920–1921 годах его звали в Воронежский университет занять профессорскую кафедру на историко-филологическом факультете.

Университет в Воронеже был основан в июле 1918 года на базе Юрьевского университета (г. Юрьев, ныне Тарту). В марте 1918 года, после оккупации Эстонии германскими войсками, местные власти начали осуществлять политику превращения Дерптского университета в немецкое учебное заведение. Русские профессора и студенты были лишены всяких источников существования, им было предписано покинуть территорию Эстонии. Закрытие университета вызвало среди преподавателей тревогу за его судьбу. Тогда было принято решение о перемещении университета в Центральную Россию, и в качестве желательного пункта, где могла бы возобновиться деятельность университета, назывался город Воронеж, куда он и был эвакуирован в том же году. Университету было присвоено имя Ленинского Комсомола. Первым ректором университета стал ученый-историк профессор В.Э. Регель (1856–1932). Именно он предложил С.Г. Рункевичу занять кафедру в университете. Надо сказать, что с Воронежем Рункевич был связан уже достаточно давно, еще в 1908 году он был избран почетным членом местного Церковного историко-археологического комитета⁷²⁴.

«С благодарным чувством принял я приглашение проф[ессора] В.Э. Регеля, – писал Рункевич в начале февраля 1921 года в Воронеж⁷²⁵, – и в наст[оящее] время, получив отношение факультета от 28 янв[аря] за №25, спешу подтвердить о своем согласии и желании вступить в состав профессоров Ворон[ежского] Университета. Curriculum vitae и список

⁷²⁴ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 4. Л. 8.

⁷²⁵ Это черновик, написанный на оборотной стороне письма, полученного из Петрограда от брата Николая.

научных трудов при сем прилагаю, самые же книги вышли из Петрограда, где предполагаю быть в ближайшие дни. Вместе с тем, как я и сообщал уважаемому проф[ессору] В.Э., считаю необходимым оговорить, что в настоящее время я предполагаю читать не курс истории, а курс истории русской литературы, который в значит[ельной] части мною уже и подготовлен, <...> незаконченные научные работы некоторое время задержат меня в Москве, так что лекции в Воронеже могли бы быть читаемы мною лишь в опред[еленный] срок»⁷²⁶. Однако Рункевичу так и не пришлось занять профессорскую кафедру в Воронежском университете, «научные работы» в Москве задержали его еще на несколько лет. Ответственность за церковные архивы не позволила ему оставить Москву и уехать устраивать собственную судьбу.

Закончив свои контакты с Главархивом и уладив еще некоторые дела, Рункевич в конце 1922 года или начале 1923 года вернулся в Петроград.

О последних днях жизни историка в Петрограде почти ничего не известно. Видимо находился он там не в самых лучших условиях и, кажется, искал работу. Сохранилось письмо его младшего брата Николая к академику С.Ф. Платонову, датированное 18 февраля 1924, из которого видно, что он хлопотал перед академиком о работе за себя и за брата⁷²⁷.

12 марта (не ясно, по старому или новому стилю) 1924 года Степан Григорьевич Рункевич в возрасте пятидесяти семи лет скончался⁷²⁸. Где был похоронен – неизвестно.

Память о нем быстро затерлась. Видимо, мало кому было тогда дела в «красном» Петрограде до человека «из бывших».

В Петрограде оставался жить со своей семьей младший брат историка – Николай Рункевич. До 31 августа 1918 года он служил преподавателем в Училище правоведения – до самого дня

⁷²⁶ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 5. Л. 2 об.

⁷²⁷ ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4068.

⁷²⁸ ОР РНБ. Ф. 194 (Глубоковский Н.Н.). Оп. 1. Д. 1329.

его закрытия властями⁷²⁹. После этого он занимал должность управляющего Торговых комитетов союза международного торгового товарищества⁷³⁰ (по другим источникам с сентября 1918 года по 1 февраля 1919 года служил делопроизводителем в Комиссии финансов)⁷³¹.

15 февраля 1919 года Николай Рункевич поступил на службу старшим делопроизводителем канцелярии Музея города, размещавшегося в Аничковом дворце⁷³², где впоследствии был и ученым секретарем коллегии.

В начале 1930-х годов он работал в Артиллерийской технической школе руководителем профессионального обучения завода №7. В этот же период подвергался аресту по делу Ленинградской контрреволюционной организации. Дальнейшая судьба его и его семьи неизвестна.

Вместе с тем неизвестной остается и судьба части научного наследия С.Г. Рункевича – личного архива ученого. Безусловно, он представляет собой огромный интерес для исторической науки.

Согласно записке, написанной Рункевичем 20 июля 1918 года на обороте собственной визитки, «в случае смерти» все его литературное и архивное достояние должно было быть передано «в народное достояние», в Румянцевский музей⁷³³. Часть принадлежавших ему исторических материалов и документов он передал около 1921 года в Государственный Румянцевский музей. Еще ранее, в 1918 году, Рункевич пожертвовал туда дневники капитана М.А. Вержболовича, а также пересылал «Соборные материалы»⁷³⁴.

В 1930-е годы в Российской библиотеке СССР им. В.И. Ленина (бывший Румянцевский музей) вспоминали о С.Г. Рункевиче

⁷²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5499. Л. 2.

⁷³⁰ ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 907.

⁷³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 2. Д. 99. Л. 16.

⁷³² Музей города основан 4 октября 1918 г. и находился в ведении научного сектора Наркомпроса РСФСР.

⁷³³ НИОР РГБ. Ф. 257. К. 1. Д. 10.

⁷³⁴ Там же. К. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.

при разборе переданных им архивных материалов. Сотрудник библиотеки А.П. Савич, занимавшийся их разбором и описанием, напоминал в составленном им обзоре архивного фонда о завещании Рункевича – передать все свое литературное и архивное достояние в Румянцевский музей. «При жизни Рункевич передал только те материал, – писал А.П. Савич, – о которых говорится в настоящем обзоре. Во всяком случае, через лиц, которые знали Рункевича (их можно найти в Москве?), следовало бы получить наследство Рункевича С.Г., если он умер...»⁷³⁵.

Однако личный архив С.Г. Рункевича так и не попал в Ленинскую библиотеку. В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (бывшая библиотека им. В.И. Ленина) хранятся лишь те материалы, которые были переданы туда самим ученым, они-то и составляют его личный фонд (№257). Но где находится, собственно, весь архив историка и сохранился ли он вообще, остается неизвестным.

Волей судьбы С.Г. Рункевич оказался современником одного из сложнейших и чрезвычайно трагических периодов русской истории – страшного революционного разлома, в зияющей бездне которого безвозвратно исчезала старая Россия. Корабль монархического государства потерпел крушение, увлеченный в неумолимый водоворот ужасающей русской смуты. В то же время революционная стихия со всей неистовой силой обрушилась и закрутила в своих смертельных объятиях и церковный корабль. Какое мужество и какая вера нужны были для того, чтобы выжить!

В начале 1919 года С.Г. Рункевич писал в одном из своих писем профессору Н.Н. Глубоковскому: «Поистине наступили времена, когда и приходится, и возможно жить только

⁷³⁵ Савич А.П. Характеристика материалов фонда С.Г. Рункевича. – НИОР РГБ. Ф. 257.

верою»⁷³⁶. Действительно, приходилось «жить только верою» и исключительно «только верою». Среди разгула зла, насилия, неправды и соблазнов, среди страшной неразберихи и путаницы, среди наступивших «сумерек», возможно было жить – «только верою».

Именно такая вера давала Рункевичу силы делать то дело, к которому он оказался причастен. Когда порой казалось, что волны революционной смуты опрокинут церковный корабль и что вот-вот он исчезнет в бушующей пучине, вера давала силы жить и силы трудиться.

Как последний и наиболее значимый штрих в жизни С.Г. Рункевича – была его работа по спасению церковных архивов.

В то время, когда многие находились в крайней растерянности и даже на грани отчаяния, С.Г. Рункевич сохранял бодрость духа. Это было отличительной чертой его характера, его внутренней христианской настроенностью. Рункевичу всегда был присущ оптимистический взгляд на жизнь. Еще в предреволюционные годы, когда вокруг очевидно умножалось всеобщее разложение и близилась катастрофа, его настроения были не близорукостью, а оптимизмом, имевшим свое основание в вере и надежде. Этот оптимизм он сохранил и в послереволюционные годы – годы хаоса и начавшихся жестоких гонений на Церковь. Рункевич верил, что наступит другое время, когда Церковь опять сможет жить полноценной жизнью и ей снова понадобятся ее архивы. Он верил в ее будущее.

⁷³⁶ ОР РНБ. Ф. 194 (Глубоковский Н.Н.). Оп. 1. Д. 762.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Каждый верующий – церковный человек – призывается и поставляется Богом на свое особое служение. Оно может быть малым, великим, общеизвестным или неприметным, совершаться в тишине монашеской кельи или в «миру», среди житейской суеты. Иногда служение бывает кропотливым делом всей жизни, а иногда один поступок, одно дело может стоить целой жизни.

Как известно, многие дела и события проверяются временем. Если окинуть взором жизненный путь С.Г. Рункевича, то можно видеть определенную цельность его судьбы. Образование, научные занятия, служебная деятельность и все те специфические знания, которые приобрел он в жизни, подготовили его к самому главному его служению для Церкви. Этим служением, бесспорно, было его участие в судьбе церковных архивов в послереволюционные годы и, в частности, спасение архива Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов.

В годы разворачивающихся гонений на Церковь, когда массово гибло церковное достояние, разрушалось ее культурное и научное наследие, попытки сохранить все это были настоящим подвижничеством. И, как правило, попытки эти зависели лишь от личной инициативы лиц, которые, не взирая ни на что, считали своим долгом бороться за церковное достояние. Своим делом С.Г. Рункевич оказал неоценимую услугу Церкви. Обеспечив во время лихолетья сохранность архивов Высшего церковного управления, он вместе с тем обеспечил и будущее разрешение многих церковных вопросов, связанных с материалами этих архивов.

Нужно заметить, что как ученому С.Г. Рункевичу в жизни пришлось развиваться не совсем традиционным путем. Условия, в которых ему приходилось заниматься своими на-

учными трудами, можно назвать не совсем благоприятными. Чрезвычайно загруженный по службе он имел возможность посвящать научным занятиям лишь свой досуг, и только исключительная работоспособность помогала ему многое сделать. Как правило, церковные ученые трудились при учебных заведениях (в основном духовных академиях), имея благоприятную возможность для научных занятий, находились в научной атмосфере и в кругу известных идей. Если бы в свое время Рункевич был оставлен при духовной академии, то наверняка имел бы более удобные условия для научной работы, однако судьба распорядилась иначе. Не случайно профессор Варшавского университета П.В. Верховский высказывал «глубокое сожаление по поводу того, что русские духовные академии, особенно же родная ему С.-Петербургская в свое время не оценили трудолюбия и знаний С.Г. Рункевича, когда был к тому удобный момент». Но если оценивать жизнь Рункевича в целом, и особенно с точки зрения его участия в спасении церковных архивов, то очевидно, что именно весь жизненный путь и подготовил ученого к его главному служению Церкви.

Как историк С.Г. Рункевич сформировался под влиянием исторических взглядов профессора Санкт-Петербургской духовной академии, уроженца Белоруссии, М.О. Кояловича. Историческая проблематика, обусловившая круг научных интересов С.Г. Рункевича, явилась прямым продолжением научных разработок его наставника и так же, как и у учителя, определялась его белорусским происхождением. Глубокий научный интерес к истории Минской епархии и всем проблемам, связанным с ее судьбой, явился также прямым продолжением его конфессиональных и национальных позиций и влился в общее русло историко-церковных разысканий историков западнорусской ветви российской историографии. Однако региональная тематика его исследований не носила сугубо краеведческого характера, а являлась составной ча-

стью общероссийской церковной истории. Его историческое наследие свидетельствует о научной зрелости ученого. Кроме церковной истории с именем Рункевича связана разработка церковной археографии и источниковедения.

Личность С.Г. Рункевича представляет собой явление незаурядное. Он соединил в себе ученого и церковного деятеля, имя которого навсегда войдет и историю Русской Православной Церкви.

Здание Минского духовного училища.
Фото начала XX в. (ИИМК РАН. Ед. хр. 0288-16)

Здание Минской духовной семинарии.
Фото начала XX в. (ИИМК РАН. Ед. хр. 0288-15)

Здание С.-Петербургской духовной академии.
Фото конца XIX – начала XX в.

Академическая церковь.
Фото конца XIX – начала XX в.

Рекреационная зала С.-Петербургской духовной академии.
Фото конца XIX – начала XX в.

Трапезная С.-Петербургской духовной академии.
Фото конца XIX – начала XX в.

ПИСЬМА

ВИКТОРА САДКОВСКОГО.

ИСТОРИЯ
МИНСКОЙ АРХИЕПИСКОПИИ

1793-1832 гг.

зала 18

шкафъ

полка

№ 33

232

7

ИСТОРИЯ МИНСКОЙ АРХИЕПИСКОПИИ

(1793—1832 гг.)

СЪ ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ ХОДА ВОЗСОЕДИ-
НЕНІЯ ЗАПАДНОРУССКИХЪ УПАТОВЪ СЪ ПРАВО-
СЛАВНОЮ ЦЕРКОВІЮ ВЪ 1794—1796 гг.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

СТЕФАНА РУНКЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Катавскаго и К^о. Невскій проспектъ, д. № 132.

1893.

зала 18
шкафт. 271.
полка 2
№ 26.

КРАТКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
СТОЛѢТІЯ
МИНСКОЙ ЕПАРХІИ
(1793—13 апрѣля—1893).

составилъ
С. Г. Рункевичъ.

МИНСКЪ.

Типо-литографія Б. П. Соловьева, Юрьевская ул., соб. д.
1893.

i-52203

*Митрополитом
В. Мисюлевичем
наказано выдать
напечатанным
22 июля 1895.*

**ЕПАРХИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРАВОСЛАВНЫМИ МОНАСТЫРЯМИ и ЦЕРКВАМИ
НЫНѢШНЕЙ ЛИТОВСКОЙ ЕПАРХІИ
ДО УЧРЕЖДЕНІЯ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТОВСКОЙ КАФЕДРЫ.**

Сообщеніе *С. Г. Руховича.*

(Изъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей).

В И Л Ъ Н А.
Губернская Типографія.
1894.

ПИСЬМА АСКЕТА.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ АРХИМАНДРИТА

ИГНАТІЯ БРЯНЧАНИНОВА

СЪ С. Д. НЕЧАЕВЫМЪ.

С. Г. Рункевичъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», Невскій, 131.
(Възможна телеграфія А. Л. Казанскаго и К°).
1895.

зала 18
шкафы
возле
№

ПЕРЕПИСКА

ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

—

С. Д. НЕЧАЕВЫМЪ.

1895.

зала 18

шкафъ

полка 8

№

257
332

НАЯ АКАДЕМІЯ.

5.

БРОЕ СЛОВО

КНИЖКА ПЯТАЯ.

СЕМЬ ВЕСВДЪ

О ХРИСТАНСКОЙ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИИ

ПРЕСВЯЩЕННЪЙШАГО МАКАРІЯ,

ЕПИСКОПА ТОМСКАГО И БАРНАУЛЬСКАГО.

ИЗДАНИЕ С. Г. РУНКЕВИЧА.

звѣд. 18
шкафъ 257
полка 8
№ 332

ОДНАЯ АКАДЕМІЯ.

2

ОБРОЕ СЛОВО.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

ИЗЪ ПОУЧЕНІЙ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО АНТОНІЯ,
архієпископа финляндскаго и выборгскаго.

ИЗДАНИЕ С. Г. РУНКЕВИЧА.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ

ВЪ СОЧИНЕНІЯХЪ

А. С. ПУШКИНА.

С. Г. Рункевичъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографъ А. П. Лопухина (Толковый пер. № 3-5).

1899.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

С. Г. РУНКЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина, Тельманна ул., д. № 5.

1901.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Учрежденіе и первоначаль-
ное устройство святѣй-
шаго правительствующа-
го синода (1721-1725 гг.).

СОЧИНЕНІЯ

С. Г. Рункевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Тихвинна ул., № 5.

1900.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ
ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ХРИСТІАНИНА

по наставленіямъ
СВЯТАГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

Индивидуальное рѣшеніе вопроса о цѣности
жизни. — Отношеніе къ понятіямъ мира и
покоя. — Христіанская бодрость.

РѢЧЬ

въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго Братства
Пресвятыи Богородицы доктора церковной исторіи
С. Г. Рункевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СУНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІА.
1905.

Епископ
Сергий (Страгородский)

Профессор
А.П. Лопухин

Профессор
П.Н. Жукович

Доцент
А.В. Карташев

Студент
С.-Петербургского университета
М.Д. Приселков

Студент
С.-Петербургского университета
А.В. Королев

Студент
С.-Петербургского университета
С.П. Исполатов

Студент
С.-Петербургского университета
Г.М. Рункевич

Здание Правительствующего Сената и Святейшего Правительствующего Синода. Фото начала XX в. (ЦГАК СПб. Ед. хр. В-4633)

Здание Императорского С.-Петербургского университета.
Фото начала XX в.

Группа профессоров, преподавателей и студентов С.-Петербургского университета.
За столом четвертый слева С.Г. Рункевич. Фото начала 1910-х гг. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Ж-361)

О ДОБРодѢТЕЛЯХЪ
И ПОДВИГАХЪ

по твореніямъ святаго ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО.

✠

Ни утраты, ни болѣзни, ни про-
чія неслгоды жизни не коснутся чело-
вѣка, если умъ его пребываетъ въ Богѣ.

ИЗДАНИЕ ДОКТОРА ЦЕР-
КОВНОЙ ИСТОРИИ С. Г.
РУНКЕВИЧА. СПБ. 1906.

Архіереи
петровской эпохи въ
ихъ перепискѣ съ
Петромъ Великимъ.

С. Г. Рункеничъ.

Выпускъ I. С.-Петербургъ. 1906.

(Печатано 100 экземпляровъ).

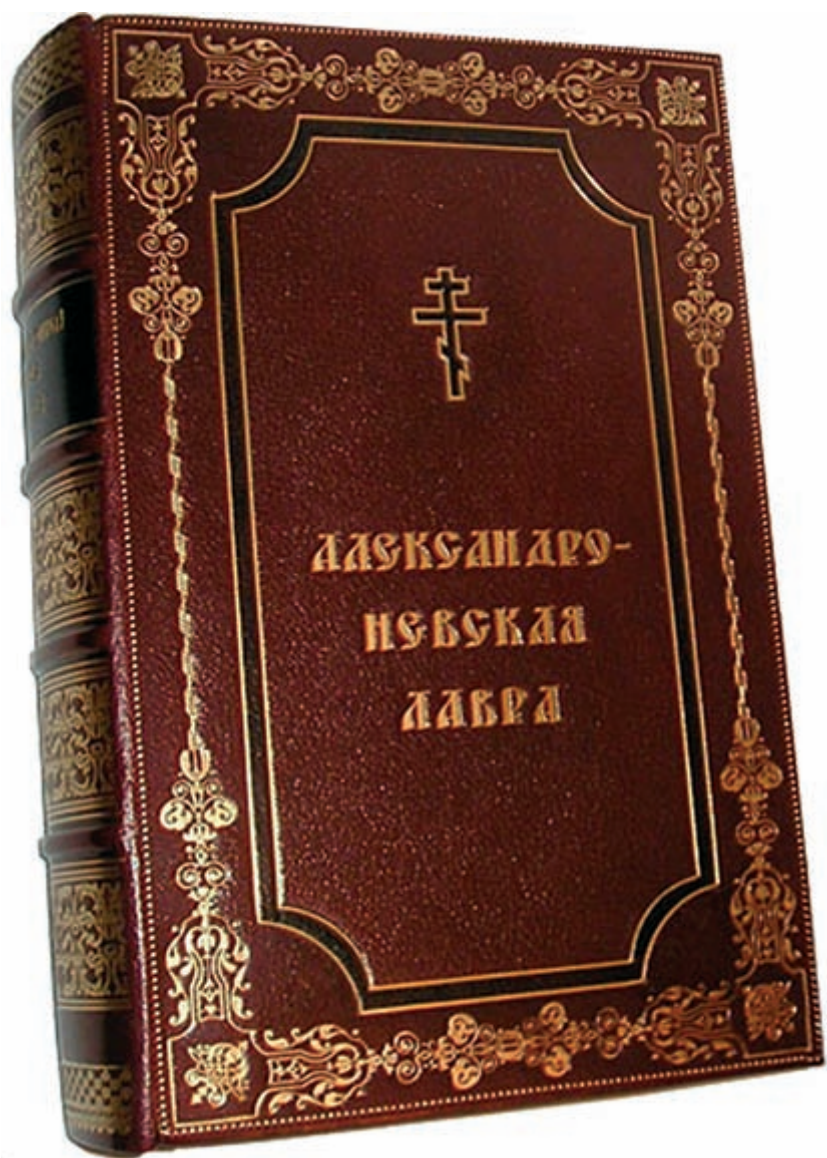
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский
Антоний (Вадковский).
Фото К.К. Буллы, 1911–1912 гг. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Е-12197)

Александрo-Невская Лавра.
Фото К.К. Буллы, 1913 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Д.16691)

Помещение архива Александрo-Невской Лавры.
Фото К.К. Буллы, 1913 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Д-12126)

АЛЕКСАНДРО-
НОВСКАЯ
ЛАВРА

АЛЕКСАНДРЪ-НЕВСКИЙ
ЛАВРА

1713 - 1913

Съ 277 портретами и снимками

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
Д-РА ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

С. Г. Рункевича

СВЯТЫЙ БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ

И ЕГО ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
НА ПОЛЬЗУ РОДНОЙ ЗЕМЛИ.

1914 г.

Изъ рѣчи въ собраніяхъ, посвященныхъ торже-
ственному воспоминанію 650-лѣтія дня кончины
святаго Александра Невского: въ Обществѣ
ревнителей исторіи, 13 ноября 1913 г., и въ
Александро-Невской Лаврѣ, 24 ноября 1913 г.,

доктора церковной исторіи
С. Г. Рункевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Синодальная типографія.
1913.

СВЯТЫЙ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКЪ
ИГНАТІЙ БОГОМОСЦЪ
И ЕГО ТВОРЕНІЯ.

И — шенида Божіа: пусть
измельчатъ меня зубы зѣрей,
чтобы стать мнѣ чистымъ хлѣ-
бомъ Христовымъ.

Составилъ
докторъ церковной исторіи
С. Г. Рункевичъ.

НОВЫЙ ОПЫТЪ
ОЖИВЛЕНИЯ
ПРИХОДСКОЙ САМОДѢЯТЕЛЬНОСТИ

СООБЩЕНИЕ ДОКТОРА ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

С. Г. РУНКЕВИЧА.

СВЯТЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
ВЛАДИМИРЪ РАВНОПРАВОСЛАВНЫЙ
и
СУЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЕГО ЗНАЧЕНІЯ.

Есть міра государственнаго
служенія народу, за которою
оно само по себѣ переходитъ
въ воднигъ святости.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Общества ревнителей исторіи 28 марта 1915 года,
посвященномъ девятистлѣтію со дня кончины
святаго князя Владиміра 15 іюля 1015 года,

доктора церковной исторіи
С. Г. Рункевича.

Михаил Григорьевич Рункевич

Группа служащих Главного управления почт и телеграфов.
Во втором ряду (на стульях) второй слева – М.Г. Рункевич. Фото К.К. Буллы, 1914 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Е-1677)

Николай Григорьевич Рункевич

Группа преподавателей и воспитанников в саду Императорского училища правоведения.
В первом ряду третий справа – Н.Г. Рункевич. Фото 1914 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Е-8602)

Патриотическая манифестация на Дворцовой площади перед Зимним Дворцом (со стороны Александровского сада) перед чтением царского манифеста о начале войны. Фото К.К. Буллы, 20 июля 1914 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Д-484)

Молебен о даровании победы у Казанского собора.
Фото К.К. Буллы, июль 1915 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Е-2218)

ВЕЛИКАА ОТЕЧЕСТВЕННАА ВОЙНА И ЦЕРКОВНАА ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
ДОКТОРА ЦЕРКОВНОИ ИСТОРИИ
С.Г. РУНКЕВИЧА.

КНИГА ПЕРВАЯ:
РАСПОРЯЖЕНІЯ И ДѢЙСТВІА
СВЯТѢЙШАГО СУНОДА
ВЪ 1914-1915 Г.Г.

Первые дни Февральской революции. Демонстрация на Невском проспекте у Аничкова моста. Март 1917 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Д-1816)

Петроград. Баррикада на Литейном проспекте. Петроград, начало 1917 г. (ЦГАК СПб. Ед. хр. Г-187)

✠

Копия
1917

ВЕРХНЕМУ ПАТРИАРХУ, ОБЩЕЦЕРКОВНОМУ СОВЕТУ И ВЕЩЕИ ЦЕРКОВНОМУ,
СОВЕТУ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Постановление 25 Августа / 7 Сентября / 1920 г.

№ 266. Запросом Его Святейшего Патриарха, Священника Синода и
Всего Присутствия Совета, на следствии присутствия, слушания
по делу Его Святейшества докладному записку научного со-
трудника Главного Архива С. Г. Рункина о необходимости обеспечения
полной сохранности Соборного Архива, при чем вкратце изложено
представленное положение Архива на административном Дворе
Дружбы Синодальной Типографии в Москве, на передачу из ве-
домств Императорского Архивного Фонда, на что уже, по
предварительному докладу его, С. Г. Рункина, и послужило по-
водом к делу.

При этом предлагается отозвать Главного Архивариуса от 25
10 года за № 1259.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е: Принимая во внимание а/ что Архив
Всероссийского Собора 1917-1918 г.г. является непосредственным
завершением Синодального Архива, с которым неразрывно связаны
б/ что Синодальный Архив является Присутствием, состоящим из
составляющих Государственного Архивного Фонда по 25 Октября
1917 года и в/ что Архив Государственного Архивного Фонда
обеспечивает достаточный запас в отношении их сохранности
на интересах науки и культуры, - передать Архив Всероссийского
Церковного Собора 1917-1918 г.г. из Императорского Архивного
Фонда, на хранение его на Печатьный Двор в Москву.
Передачу осуществлять, в случае перенесения списков Архива, т.е.
на, без списков, с обеспечением же С. Г. Рункина, в виду за-
явленного им согласия на то, поощрения о составлении передаточ-
ного списка на возможно предварительном времени по передаче
Архива в Государственный Фонд и о представлении одного

Фрагмент постановления Высшего церковного управления
о передаче архива Всероссийского Собора 1917-1918 гг.
в Единый государственный архивный фонд

Фонд в целом, по списку, всего 88 свезок,
защиточных в сев. 461 дело, 133 тома, 18 ме-
тажей, 18 книг, 7 конвертов, 1 доклад, 1 папка
и 5 перамент.

На днях В. К. Самуилов принес мне как-
то делную у себя еще одну собранную перамент и
спрагалу. На эти предметы, а равно висевших
в последние время у меня в комнате Волной
портрет Намучарова, он претензия за не-
являющийся, ищет от себя, прислушал, делал
мне к Соборному Архиву на Перламунт
Двор.

С. Г. Рункевич

19 Января 1921
6

Р. С. Упомянутые в последнем заказе
предметы привезены на Перламунт Двор
27 сего Января.

Р. С. Для ознакомления прислалась
копия моего доклада на имя Намучарова
о передаче Соборного Архива в Государственный
Архивный фонд.

27 Янв. 1921.

Фрагмент записки С. Г. Рункевича о передаче соборного архива
в Единый государственный архивный фонд

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Опубликованные

1.1. Печатные труды С.Г. Рункевича

1. Кирилло-Мефодиевское братство при церкви Минской Духовной Семинарии // Минские Ев. – 1886. – №20. – С. 472–477.
2. Материалы для истории Минской епархии. Материалы к биографии преосвященного Виктора Садковского // Минские Ев. – 1891. – №23. – С. 692–697.
3. Материалы для истории Минской епархии (продолжение). Письма к разным лицам преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа // Минские Ев. – 1891. – №24; 1892. – №1 – 12, 15–24 и отдельно: Письма к разным лицам преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа (I–CL) / Собр. и объясн. С.Г. Рункевичем. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1892. – 201, XVI с., алф. указ. 16 с.
4. Студенты проповедники / С.Г. Р[ункевич]. – СПб., 1892. – 16+58 с.
5. Памяти преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа. Дело об арестовании поляками преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 года // Минские Ев. – 1892. – №14. – С. 401–422 и отдельно: Дело об арестовании преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 г. – Минск, 1892. – 22 с.
6. Памяти преосвященного Виктора Садковского. К столетию со дня освобождения преосвященного из Ченстоховской крепости 21 июля 1892 г. // Прибавления к Ц Вед. – 1892. – №29. – С. 1022–1028.

7. Материалы для истории Минской епархии / Собр. и объясн. С.Г. Рункевичем. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1892.
8. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апр. 1893). – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1893. – 127, IV с.
9. Материалы для истории Минской епархии. К истории Минского кафедрального собора // Минские Ев. – 1893. – №21. – С. 517–529 и отдельно: К истории Минского кафедрального собора. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1893. – 12 с.
10. История Минской архиепископии (1793–1832): С подробным описанием хода воссоединения западно-русских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг.: Исслед. Стефана Рункевича. – СПб.: Тип. А. Катанского и К., 1893. – 16, 572, XXXVIII с.
11. Материалы для истории Минской епархии. К истории монастырей Минской епархии // Минские Ев. – 1894. – №1–12. – С. 50–59, 90–98, 115–120, 171–181, 221–225, 256–260, 286–293, 578–582, 621–626, 668–670 и отдельно: К истории монастырей Минской епархии. Вып. 1: Описание монастырских земельных владений и угодий, составленное в 1800 году. – Минск, 1894. – 25 с. – (Минские Ев. – 1894. – №2–5); Вып. 2: Историческое описание монастырей, составленное в 1800 г. – Минск, 1894. – 27 с. – (Минские Ев. – 1894. – №7–11).
12. Епархиальное управление православными монастырями и церквями нынешней Литовской епархии до учреждения православной литовской кафедры // Литовские Ев. – 1894. – №42. – С. 381 и отдельно: Епархиальное управление православными монастырями и церквями нынешней Литовской епархии до учреждения православной литовской кафедры. – Вильно: Губ. тип., 1894. – 16 с.

13. Протоиерей Трофим Егорович Куцинский, первый из духовных кавалер Георгиевской ленты // ИВ. – 1894. – Т. LVII (июль). – С. 134–152.
14. Речь, произнесенная С.Г. Рункевичем, во время отпевания профессора И.Ф. Нильского / А. Лопухин. Памяти покойного доктора богословия И.Ф. Нильского, заслуженного ординарного профессора С.-Петербургской Духовной Академии. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1894. – С. 16.
15. Когда настанет конец века, с каких пор начались новогодние визиты и откуда ведет начало обычаев встречать новый год в церкви // Новое Время. – 1894. – №6409.
16. Служебный путь преосвященного Виктора, первого Минского архиепископа // Минские Ев. – 1894. – №21–23; 1895. – №7, 8 и отдельно: Служебный путь преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа. – Минск, 1895. – 23 с.
17. Материалы для статистического обозрения Минской епархии // Минские Ев. – 1895. – №1–24. – С. 285–289.
18. Переписка Филарета, митрополита Московского, с С.Д. Нечаевым. – СПб., 1895. – VI, 288 с. (Под редакцией С.Г. Рункевича).
19. Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия Брянчанинова с С.Д. Нечаевым // ХЧ. – 1895. – Ч. I. – С. 553–595 и отдельно: Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия (Брянчанинова) с С.Д. Нечаевым. – СПб., 1895. – 45 с.
20. Доброе слово. Кн. 1-я. Из поучений Высокопреосвященнейшего Палладия, митрополита С.-Петербургского и Ладожского / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Яковлева, 1895. – 160 с.
21. Доброе слово. Кн. 2-я. Из поучений Высокопреосвященного Антония, архиепископа Финляндского и Выборгского

- / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Яковлева, 1895. – 144 с.
22. Доброе слово. Кн. 3-я. Из поучений Высокопреосвященного Владимира, экзарха Грузии. Вып. 2-й / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 76 с. (2-е издание. Митрополита Московского. – СПб., 1899. – 78 с.).
23. Доброе слово. Кн. 4-я. Из поучений прот. И.И. Сергиева / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 144 с.
24. Доброе слово. Кн. 5-я. Из поучений Преосвященного Макария, епископа Томского и Барнаульского / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 64 с.
25. Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия. Письма выдающихся церковно-общественных деятелей А.С. Стурдзы, Ф.А. Голубинского, архимандрита Фотия и С.А. Пушкина к Обер-Прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву / Сообщил С.Г. Рункевич // ХЧ. – 1896. – Ч. I. – С. 118–155 и отдельно: Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия. Письма к бывшему Обер-Прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву А.С. Стурдзы, Ф.А. Голубинского, архимандрита Фотия и С.А. Пушкина. – СПб.: Печатня Яковлева, 1896. – 38 с.
26. Современные проповедники. Критические очерки // ЦВ. – 1896. – I. Отец Иоанн Кронштадтский. – №2. – С. 42–45; №3. – С. 70–73. II. Высокопреосвященный Сергей, митрополит Московский. – №6. – С. 183–187; №7. – С. 214–218 и отдельно: Современные проповедники. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. – 14 с.
27. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 1: (1470–1700). – СПб.: Синод. тип., 1897. – VIII, 502 с., IV л. ил.

28. Иакинф (Логановский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 156.
29. Иакинф (Пелкинский), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 156–157.
30. Иаков (Воронковский), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 159.
31. Иаков (Шубский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 160–161.
32. Ианнуарий (Попов), епископ Балтский // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 161–162.
33. Иасон (Никольский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 162.
34. Ивановская Александра Васильевна // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 5.
35. Игнатий (Гозадинов), митрополит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 46.
36. Игнатий (Рождественский), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 48–49.
37. Игнатий (Семенов), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 49–51.
38. Игнатий, архимандрит Ясского Трехсвятительского монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 54.

39. Иероним (Алякринский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 165–166.
40. Иероним (Визерский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 166.
41. Иероним (Загоровский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 167.
42. Иероним (Кирилов), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 167.
43. Иероним (Лукин), иеромонах // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 168.
44. Иероним (Малицкий), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 168.
45. Иероним (Семивский), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 169.
46. Иероним (Сретенский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 169–170.
47. Иероним (Яновский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 170.
48. Иероним, архимандрит Соловецкого монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 170–171.
49. Иерофей (Лобачевский), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 171–172.

50. Иерофей (Малицкий), митрополит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 172.
51. Израиль (Данилов), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 69.
52. Иларий, строитель Коренной Рождества-Богородицкой пустыни // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 78–79.
53. Иларий (Илия), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 79.
54. Иларион (Кондратковский), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 82–83.
55. Иларион (князь Вачнадзе), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 79.
56. Илиодор, игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 89.
57. Илия (Шумилевич), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 91.
58. Иннокентий (Моруев), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 117.
59. Иннокентий (Покровский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 120.
60. Иннокентий (Порецкий), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 122.

61. Иннокентий (Сельнокринов), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 122–123.
62. Иннокентий, флотский иеромонах // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 123–124.
63. Иоаким, архимандрит Крестного монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 178.
64. Иоаким, епископ Ахтальский // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 179.
65. Иоанникий (Бураковский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 179.
66. Иоанникий (Васильев), схимонах // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 179.
67. Иоанн (Золотов), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 277–278.
68. Иоанн (Козлович), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 278–279.
69. Иоанн (Терликов), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 282.
70. Иоанн, схимонах соловецкий // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 287.
71. Иоанникий (Образцов), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 182–183.

72. Иоанникий (Орловский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 183.
73. Иоанникий, архимандрит Спасо-Мирожского монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 184.
74. Иоанникий, митрополит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 184.
75. Иоанникий, архимандрит, настоятель Клопского монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 184.
76. Иоасаф (Лебединский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 290.
77. Иоасаф (Миткевич), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 291.
78. Иоасаф (Мохов), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 291.
79. Иоасаф (Роменский), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 292.
80. Иоасаф (Сретенский), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 293.
81. Иоасаф, архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 298.

82. Иоасаф, архимандрит Богоявленского монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 299.
83. Иоасаф, игумен Колоцкого монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 299.
84. Иов (Базилевич), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 300–301.
85. Иов (Потемкин), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 301–303.
86. Иов (Челюсткин), строитель // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 303.
87. Иов, игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 311.
88. Иоиль (Воскобойников), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 311.
89. Иоиль (Котович), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 311–312.
90. Иоиль (в схиме Иона), строитель Новосоловецкой пустыни // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 312.
91. Иона (Лушаков), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 317.
92. Иона (Павинский), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 317–318.

93. Ионафан, игумен Соловецкого монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 320.
94. Иосиф (Величковский), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 335.
95. Иосиф (Дроздов), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 336–337.
96. Иосиф (Зинкевич), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 337.
97. Иосиф (Оранский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 339.
98. Иосиф (Серебрянский), иеромонах // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 340–341.
99. Иосиф (Хржонович), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 344.
100. Ипполит (Авринский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 126–127.
101. Ираклий (Комаровский), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 129.
102. Иринарх, архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 132.
103. Иринея (Боголюбов), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 132–133.

104. Ириней (Ключарев), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 134.
105. Иродион (Жураковский), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 137–138.
106. Исаия, архимандрит, наместник слущкого Троицкого монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 142.
107. Кадомский Василий Петрович // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 377.
108. Капустин Платон Иванович // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 481–482.
109. Карманов Диомид Иванович // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 527.
110. Карпов Василий Николаевич // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 534–535.
111. Карчевский Иосиф // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 539.
112. Киприан (Кармазинский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 644.
113. Киприан (Островский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 644–645.
114. Кирилл (Киприанов), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 659.

115. Кирилл (Куницкий), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 659.
116. Кирилл, архимандрит Курковского монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 665–666.
117. Кирилл, архимандрит Корсунского монастыря // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 666.
118. Кирилл, иеромонах // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 666.
119. Климент (Мажаров), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Ибак – Ключарев». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. – С. 735–736.
120. Правила богоугодной жизни. Из творений святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподакийской. Изд. 1. – СПб., 1898. – VIII, 152 с. (Изд. 2. – СПб.; Изд. 3: Училищного Совета при Св. Синоде. – СПб., 1903).
121. Богоявленная вода // Душеполезное чтение. – 1899. – I. – С. 87–96.
122. Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина // ХЧ. – 1899. – Ч. I. – С. 968–994 и отдельно: Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина. – СПб.: Тип. Лопухина, 1899. – 29 с.
123. Приходская благотворительность в Петербурге: Ист. очерк С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1900. – XVI, 313, VI с., 2 вкл. и табл.
124. Московские городские попечительства о бедных в Москве в 1898 г. – СПб., 1900.
125. Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // ХЧ. – 1900.

126. Новая жизнь // Душеполезное чтение. – 1900. – I. – С. 327–334 и отдельно: Новая жизнь / С.Г. Р[ункевич]. – М.: Унив. тип., 1900. – 15 с.
127. Истинное поклонение кресту Христову // Душеполезное чтение. – 1900. – I. – С. 491–501.
128. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. – II, 429, II с.
129. Святейший Кир Адриан, Патриарх царствующего великого града Москвы и всея России и всех северных стран. К двухсотлетию со дня кончины (16 октября 1700 года) // Прибавления к Ц Вед. – 1900. – №42. – С. 1691–1698.
130. Русская Церковь в XIX веке // История Христианской Церкви в XIX веке / Под ред. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – Т. 2. – 232 с., 12 л. ил.
131. Русская Церковь в XIX веке. (Оттиск из изд. «История Христианской Церкви в XIX веке»). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – 232 с., 12 л. ил.
132. Фотий (Спасский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Фебар – Цявловский». – СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1901. – С. 206–209.
133. Академическая паломническая поездка ко святым местам Востока // Прибавления к Ц Вед. – 1902. – №22. – С. 699–708.
134. К вопросу об учреждении Святейшего Синода // Странник. – 1903 (апрель). – С. 619–632.
135. Новые материалы для истории Русской Церкви начала XVIII века / Рецензия на кн. «Описание архива Александро-Невской Лавры за Время царствования императора Петра Великого». Т. I. 1713–1716 гг. – СПб., 1903 // Странник. – 1903. – №12. – С. 957–965.

136. Константин (Бродский), архимандрит // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 241.
137. Константин (или Константиий), епископ Бузевский // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 242.
138. Корнилий (Чернявский), игумен // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 258.
139. Коссаковский Ян Непомук, римско-католический епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 299–300.
140. Криницкий Павел Васильевич, протопресвитер // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 444.
141. Крутовский Афанасий Максимович, протоиерей // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 465.
142. Куземский Михаил, Холмский униатский епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 530.
143. Кулов Параскева, диакон // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 543.
144. Кунинский Михаил Иванович, протоиерей // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 550–551.
145. Куцинский Тимофей Егорович, протоиерей // Русский Биографический Словарь. Т. «Кнаппе – Кюхельбекер». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1903. – С. 697–698.

146. Епархиальные архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим // Странник. – 1904. – №10. – С. 490–502; №11. – С. 609–624; №12. – С. 771–784.
147. Преосвященный Алексей (Титов) и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №1. – С. 49–57.
148. Тихон (Воинов), митрополит Казанский и Свияжский, и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №2. – С. 218–232; №3. – С. 384–400.
149. Аарон (Еропкин), епископ Карельский и Ладожский, и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №4. – С. 580–597.
150. К биографии патриарха Адриана (По документам Государственного Архива) // Странник. – 1905. – №5. – С. 731–748.
151. Митрополит Сильвестр (Холмский или Волынский) и его переписка с Петром Великим // Странник. – 1905. – №7. – С. 619–631.
152. Митрополит Стефан Яворский в его переписке с Петром Великим (По док. Гос. Архива) // Странник. – 1905. – №9. – С. 320–336; №10. – С. 437–454; №11. – С. 662–675.
153. Иосиф, митрополит Псковский, в его переписке с Петром Великим (По документам Государственного Архива) // Странник. – 1905. – №12. – С. 796–813.
154. Об условиях деятельности христианина по наставлениям святого Василия Великого / Речь в общем собрании С.-Петербургского братства Пресвятыя Богородицы доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1905. – 19 с.
155. Платон (Левшин) // Русский Биографический Словарь. Т. «Плавильщиков – Приос». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1905. – С. 49–54.
156. Платон (Любарский), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Плавильщиков – Приос». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1905. – С. 54–55.

157. Платон (Малиновский), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Плавильщиков – Приос». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1905. – С. 55–56.
158. Платон (Петрункевич), епископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Плавильщиков – Приос». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1905. – С. 56–57.
159. Платон (Фивейский), архиепископ // Русский Биографический Словарь. Т. «Плавильщиков – Приос». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1905. – С. 58–60.
160. Черниговские архиереи в их переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №1.
161. Феофан Прокопович в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №2.
162. Митрополит Иов в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №3–5.
163. Преосвященный Феофилакт (Лопатинский) в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1906. – №9. – С. 333–346.
164. Протоиерей Николай Федорович Раевский // Русская старина. – 1906 – Т. СХХVI, (июнь). – С. 549–595.
165. Кому принадлежит право избрания имени младенцу // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №35. – С. 2520.
166. Приходское вспоможение // Церковный Голос. – 1906. – №7. – С. 210–214.
167. Просветительная деятельность прихода // Церковный Голос. – 1906. – №10. – С. 302–304.
168. Начало нового периода истории Русской Церкви // Церковный Голос. – 1906. – №11. – С. 335–342.
169. Приходские средства // Церковный Голос. – 1906. – №12. – С. 371–373.
170. О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого. – СПб.: Тип. Фроловой, 1906. – 166 с.
171. Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Вып. 1. – СПб.: Тип. Монтвида, 1906. – IV,

- 194 с.; Вып. 2. – [1907]. – 144 с. – Экз. деф.: текст обрывается на с. 144.
172. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 2: (1701–1839). – СПб.: Синод. тип., 1907. – VIII, 1631 с.
173. А[лексей] А[лександрович] З[авьялов] (некролог) // Прибавления к Ц Вед. – 1907. – №7. – С. 314–317.
174. Преосвященный Георгий (Дашков) в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1907. – №7–8. – С. 54–63.
175. Митрополит Филарет и его время // Вера и Церковь. – 1907. – IX. – С. 421–438 и отдельно: Митрополит Филарет и его время / С. Р[ункевич]. – М.: Тип. Штаба Моск. воен. Окр., 1908. – 21 с., 1 л. портр.
176. Преосвященный Нижегородский Питирим в его переписке с Петром Великим // Странник. – 1908. – №2. – С. 231–247.
177. Новый храм Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в Петербурге // Прибавления к Ц Вед. – 1908. – №51–52. – С. 2525–2528.
178. Издания Александро-Невского общества по предметам трезвости. (Из отчета члена Учебного Комитета при Святейшем Синоде, доктора церковной истории С.Г. Рункевича) // Прибавления к Ц Вед. – 1908. – №46. – С. 2208–2210; 1909. – №1. – С. 37–38; №3. – С. 128–130; №4. – С. 175–176.
179. Разъяснительные сепаратные определения Святейшего Синода по предметам церковного суда // Ц Вед. – 1909. – №4–11, 15.
180. О преподавании в семинариях. (По материалам Учебного Комитета) // Прибавления к Ц Вед. – 1910. – №3. – С. 94–97; №12. – С. 546–549; №16–17. – С. 728–731.
181. Н.Ф. Марков (некролог) // Прибавления к Ц Вед. – 1911. – №21. – С. 868–870.

182. Двухсотлетний юбилей Невского проспекта // Новое время. – 1912. – №1341.
183. Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли // Прибавления к Ц Вед. – 1913. – №47. – С. 2162–2169.
184. Александро-Невская Лавра, 1713–1913 / Ист. исслед. д-ра церков. истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 17+999+62+45 с. – 277 снимков; Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – 686 с., ил.; Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, 1713–1913: Ист. исслед. С.Г. Рункевича: в 2 кн. – СПб.: Logos, 2001. – Кн. 1. – 631, [1] с. ил., цв. ил., портр.; Кн. 2. – 588, [2] с. ил., цв. ил., портр.
185. Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли / Из речи в собрании, посвященном торжественному воспоминанию 650-летия дня кончины св. Александра Невского в Обществе ревнителей истории 13 ноябр. 1913 г. и в Александро-Невской Лавре 24 ноябр. 1913 г. доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 27 с., ил.
186. Феодосий (Бывальцев), митрополит // Русский Биографический Словарь. Т. «Яблонский – Фомин». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – С. 325–327.
187. Феодосий, архиепископ Новгородский // Русский Биографический Словарь. Т. «Яблонский – Фомин». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – С. 361.
188. Феофил, архиепископ новгородский // Русский Биографический Словарь. Т. «Яблонский – Фомин». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – С. 478–479.
189. Феофилакт (Губин), епископ Кавказский и Черноморский // Русский Биографический Словарь. Т. «Яблонский – Фомин». – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – С. 459–457.

190. Новый опыт оживления приходской самодеятельности // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №3. – С. 142–158 и отдельно: Новый опыт оживления приходской самодеятельности / Сообщение доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 19 с.
191. Газетное недоразумение о Духовном Регламенте // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №20. – С. 935–936.
192. О составе Святейшего Синода // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №25. – С. 1109–1113.
193. Святой священномученик Игнатий Богоносец и его творения. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 44 с.
194. Приходская благотворительность в С.-Петербурге // Приходское чтение. – 1914 и отдельно: Приходская благотворительность в Петербурге. К вопросу о приходе / Из лекции в Гатчинском Благотворительном Обществе доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 19 с.
195. Святой великий князь Владимир Равноапостольный. Речь // Прибавления к Ц Вед. – 1915. – №14. – С. 437–443.
196. Святой великий князь Владимир Равноапостольный и сущность исторического его значения / Речь в торжественном собрании Общества ревнителей истории 28 марта 1915 г., посвященного девятистолетию со дня кончины св. кн. Владимира 15 июля 1015 г. доктора церковной истории С.Г. Рункевича. Изд. 1–2. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 30 с.; Изд. 3. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 31 с.
197. На Новый год // Вестник императорского общества ревнителей истории. – 1916. – Вып. III. – С. 98–101.
198. Великая отечественная война и церковная жизнь: Ист. очерки д-ра церков. истории С.Г. Рункевича. Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Синод. тип., 1916. – (2), 358 с.
199. Великая отечественная война и церковная жизнь / Доклад в Императорском Обществе Ревнителей Истории

- на чрезвычайном собрании в день пятилетия Общества 11 ноября 1916 г. // Прибавления к Ц Вед. – 1917. – №1. – С. 10–14.
200. Великая отечественная война и церковная жизнь в 1914–1915 гг. // Прибавления к Ц Вед. – 1916. – №1–52; 1917. – №2–27.
201. На память о почившем Михаиле Григорьевиче Рункевиче (21 авг. 1916 г.) – Пг.: Синод. тип., 1916. – 10 с., 1 л. портр.
202. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 гг. // Православный календарь на 1919 год. – М., 1919. – С. 17–19.
203. Устройство управления в Православной Российской Церкви. (По соборным определениям) // Православный календарь на 1919 год. – М., 1919. – С. 19–21.
204. Состав Высшего Церковного Управления // Православный календарь на 1919 год. – М., 1919. – С. 21.
205. Иерархия Российской Православной Церкви // Православный календарь на 1919 год. – М., 1919. – С. 21–23.
206. The Russian Church in years 1915–1918 // The Anglican and Eastern Churches: A Historical Record (1914–1921). – London: The Anglican and Eastern Churches Association, Society for Promoting Christian Knowledge, 1921. – P. 30–55.
207. О кодификации церковных законов // Церковь и время. – 2005. – №2. – С. 223–242.

Издания под редакцией С.Г. Рункевича

208. Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого. Т. 1: (1713–1716 гг.). – СПб.: Синод. тип., 1903. – VI, 1119, 114 с.; Т. 2: (1717–1719 гг.). – СПб.: Синод. тип., 1911. – X,

- 1928 с.; Т. 3: (1720–1721 гг.). – Пг.: Синод. тип., 1916. – VI, 848 с.
209. Святой благоверный великий князь Александр Невский и Александро-Невская лавра. – СПб., 1913. – 16 с.
210. *Благовещенский П.А.* О борьбе с хулиганством. Из епархиальной жизни / Под ред. С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 12 с.

Готовились к печати (в 1914 г.)

211. Святая великомученица Варвара.
212. *Благовещенский П.А.* В борьбе за трезвость / Под ред. С.Г. Рункевича. – (Извл. из Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №42. – С. 1781–1785).
213. Газетное недоразумение о Духовном Регламенте.

Статьи С.Г. Рункевича в «Православной богословской Энциклопедии»

214. Абрюцкий Дмитрий Семенович // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 81–82.
215. Аввакум (Честной), архимандрит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 94–96.
216. Августин (Виноградов), архиепископ Московский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 113–115.
217. Августин (Сахаров), епископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 115–117.
218. Агафангел (Соловьев), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 255–257.
219. Агафодор (Преображенский), епископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 263–264.
220. Адриан, патриарх Всероссийский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 355–356.

-
221. Александр I, Благословенный, император // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 461–480.
222. Александр II, Царь-Освободитель // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 480–491.
223. Александр III, Царь-Миротворец // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 491–500.
224. Александр (Светлаков), епископ Калужский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 500–503.
225. Алексей (Блинский), иеросхимонах // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 532–534.
226. Алексеев Александр, обращенный из евреев (Вульф Нахлас) // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 535–536.
227. Амвросий (Зертис-Каменский), архиепископ Московский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 588–590.
228. Амвросий (Подобедов), митрополит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 590–592.
229. Амвросий (Ключарев), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 594–598.
230. Амвросий (Орнатский), епископ Пензенский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 598–599.
231. Амвросий (Гренков), иеросхимонах // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 599–601.
232. Амфилохий, преподобный, игумен Глушицкий // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 633–634.
233. Амфилохий (Шапошников), схимонах // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 634–636.
234. Амфилохий (Сергиевский), епископ Казанский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 638–641.
235. Амфитеатров Егор Васильевич, профессор // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 641.
236. Амфитеатров Яков Космич, профессор // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 641–642.
237. Анастасий (Братановский), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 670–671.

238. Анатолий (Мартыновский), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 676–678.
239. Ангелина (фон-Розе), основательница и строительница Свято-Троицкого Творожковского женского монастыря // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 708–710.
240. Аникита (князь Ширинский-Шихматов), иеромонах // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 787–788.
241. Антипа (Лукиан), иеросхимонах // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 812–815.
242. Антонин (Капустин), архимандрит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 870–871.
243. Антоний (Смирницкий), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 885–887.
244. Антоний (Зубко), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 887–889.
245. Антоний (Амфитеатров), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 889–891.
246. Антоний I (Рафальский), митрополит С.-Петербургский // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 891–892.
247. Антоний (Храповицкий), епископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 903–905.
248. Антоний (Медведев), архимандрит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 905–906.
249. Антоний (Путилов), игумен // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 906–907.
250. Аркадий (Федоров), архиепископ Олонецкий // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1027–1028.
251. Арсений (Мацевич), митрополит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1062–1063.
252. Арсений (Брянцев), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1064–1068.
253. Арсений (Могиланский), митрополит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1071.

-
254. Арсений (Москвин), митрополит // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1071–1073.
255. Арсений (Минин), иеромонах // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1073–1078.
256. Архангельская епархия // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1087–1117.
257. Архангельские Епархиальные Ведомости 1885–1899 гг. // ПБЭ. – 1900. – Т. 1. – С. 1117–1124.
258. Астраханская епархия // ПБЭ. – 1900. – Т. 2. – С. 103–122.
259. Астраханские Епархиальные Ведомости 1875–1899 гг. // ПБЭ. – 1900. – Т. 2. – С. 122–132.
260. Афанасий (Любимов), архиепископ // ПБЭ. – 1900. – Т. 2. – С. 181–182.
261. Бажанов Василий Борисович, протопресвитер // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 247–249.
262. Барсов Елпидифор Васильевич // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 270–271.
263. Благовещенская епархия // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 623–632.
264. Благовещенские Епархиальные Ведомости (1899–1900 гг.) // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 632–634.
265. Блудова Антонина Дмитриевна // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 716–718.
266. Бобровский 1) Михаил Кириллович, протоиерей; 2) Павел Осипович, сенатор // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 719–722.
267. Богословский вестник – духовный журнал (1892–1900 гг.) // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 810–819.
268. Богословский Михаил Измайлович, протопресвитер // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 822–825.
269. Белгородская или Белгородская епархия // ПБЭ. – 1901. – Т. 2. – С. 1241–1244.
270. Валаамский монастырь // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 91–95.

271. Варлаам (Петров), архиепископ Тобольский // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 157–158.
272. Варлаам (Высоцкий), архимандрит // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 158–159.
273. Варлаам (Денисов), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 159–162.
274. Варлаам (Надежин), пустынный-игумен // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 162–164.
275. Василиск, пустынножитель // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 175–177.
276. Василий (Лужинский), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 215–216.
277. Вениамин (Благонравов), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 294–297.
278. Вениамин (Платонов), епископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 297–299.
279. Вениамин (Румовский-Краснопевков), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 299–302.
280. Вениамин (Смирнов), архимандрит // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 302–304.
281. Вершинский Дмитрий Степанович // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 318–319.
282. Весин Петр Леонтьевич, протоиерей // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 319–320.
283. Виктор (Садковский), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 471–475.
284. Вильна [губернский город] // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 482–490.
285. Виссарион (Нечаев), епископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 513–516.
286. Виталий (Гречулевич), епископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 517–519.
287. Вишневский Виктор Петрович, протоиерей // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 525–526.

-
288. Владивостокская епархия // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 533–542.
289. Владимир (Алявдин), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 569–570.
290. Владимир (Мусатов), иеромонах // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 571–572.
291. Владимир (Петров), архиепископ // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 572–578.
292. Владимир (Богоявленский), митрополит // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 578–586.
293. Владимирская епархия // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 589–626.
294. Владимирские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 626–630.
295. Владимирский Александр Поликарпович // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 630–631.
296. Волобуев Николай Иванович, протоиерей // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 704.
297. Вологодская епархия // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 705–750.
298. Вологодские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 750–757.
299. Волынская епархия // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 763–798.
300. Волынские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 798–803.
301. Вонифатий (Виноградский), игумен // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 818–819.
302. Воронежская епархия // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 837–867.
303. Воронежские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 867–876.
304. Воронцов Александр Иванович // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 882–883.

305. «Воскресение», еженедельный иллюстрированный журнал // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 938.
306. Воскресенский Михаил Абрамович // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 938–939.
307. «Воскресное чтение» // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 945–952.
308. «Воскресные листки» // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 952–954.
309. «Воскресные листки», бесплатное приложение к журналу «Воскресный День» // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 954–956.
310. «Воскресный День», журнал // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 982–987.
311. «Вера и Разум», журнал // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 1133–1144.
312. «Вера и Церковь», журнал // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 1144–1151.
313. Вера Александровна, девица-молчальница // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 1151–1153.
314. «Вестник военного духовенства» // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 1162–1166.
315. «Вестник благотворительности», журнал // ПБЭ. – 1902. – Т. 3. – С. 1166–1168.
316. Гавриил (Банулеско-Бодони), митрополит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 8–11.
317. Гавриил (Бужинский), епископ // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 11–12.
318. Гавриил (Воскресенский), архимандрит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 12–13.
319. Гавриил (Городков), архиепископ // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 13–15.
320. Гавриил (Петров), митрополит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 16–18.
321. Гаретовский Василий Иванович, протоиерей // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 104–105.

-
322. Гвоздев Иван Петрович, профессор // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 138–139.
323. Георгий Затворник (Машурин) // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 234–237.
324. Георгий, игумен // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 237.
325. Георгий (Пионткевич), иеромонах // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 237–238.
326. Герасим (Добросердов), епископ // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 241–242.
327. Гervasий (Линцевский), епископ // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 243–245.
328. Герман, монах-миссионер // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 262–264.
329. Гермоген (Добронравин), епископ // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 833–834.
330. Геронтий (Кургановский), архимандрит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 338.
331. Глинка Федор Николаевич // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 407–408.
332. Гобчанский Иоанн Миронович, священник // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 441–442.
333. Голицын Александр Николаевич, князь // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 474–477.
334. Голубев Александр Васильевич // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 482–483.
335. Григорий (Постников), митрополит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 690–692.
336. Григорий (Митькевич), архиепископ // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 692–693.
337. Григорий (Воинов), архимандрит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 693–694.
338. Григорий (Борисоглебский), архимандрит // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 694–696.

339. Григорович Иоанн Иоаннович, протоиерей // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 696–698.
340. Гродненская епархия // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 701–711.
341. Гродненские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 711–712.
342. Грузинский экзархат // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 717–750.
343. Грузинский духовный вестник // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 750–752.
344. Гуляев Михаил Спиридонович, профессор // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 799–800.
345. Гумилевский Александр Васильевич, священник // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 800–802.
346. Гурьев Вах Васильевич, протоиерей // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 815–816.
347. Гурьев Виктор Петрович, протоиерей // ПБЭ. – 1903. – Т. 4. – С. 816–817.
348. Донская епархия // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 1–22.
349. Донские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 22–24.
350. Друг Истины (газета) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 49.
351. Друг трезвости (журнал) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 49–50.
352. Дух христианина (журнал) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 82–84.
353. Духовная беседа (журнал) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 127–128.
354. Духовный вестник (журнал) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 128–129.
355. Духовный Вестник Грузинского экзархата // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 129.
356. Духовный Дневник (журнал) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 129–130.

-
357. Душеполезное чтение (журнал) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 139–141.
358. Душеполезные Размышления (периодическое издание) // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 141–142.
359. Екатеринбургская епархия // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 345–354.
360. Екатеринбургские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 354.
361. Екатеринославская епархия // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 355–365.
362. Екатеринославские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 366.
363. Енисейская епархия // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 433–440.
364. Енисейские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 441–442.
365. Епархиальные ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 451–554.
366. Забайкальская епархия // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 613–618.
367. Забайкальские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 618.
368. Иркутская епархия // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 1027–1036.
369. Иркутские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1904. – Т. 5. – С. 1036.
370. Кавказская епархия // ПБЭ. – 1906. – Т. 7. – С. 641–643.
371. Кавказские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1906. – Т. 7. – С. 643–644.
372. Калужская епархия // ПБЭ. – 1907. – Т. 8. – С. 109–126.
373. Калужские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1907. – Т. 8. – С. 126–135.
374. Камчатская епархия // ПБЭ. – 1907. – Т. 8. – С. 230–235.
375. Камчатские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1907. – Т. 8. – С. 235.

376. Карталинская и Кахетинская епархия (Грузинская) // ПБЭ. – 1908. – Т. 9. – С. 44–58.
377. Кекгсгольмские архиереи // ПБЭ. – 1908. – Т. 9. – С. 372–373.
378. Кишиневская епархия // ПБЭ. – 1908. – Т. 9. – С. 525–546.
379. Кишиневские Епархиальные Ведомости // ПБЭ. – 1908. – Т. 9. – 546–555.

1.2. Отзывы на труды С.Г. Рункевича

380. *Верховский П.В.* Заметка о книге С.Г. Рункевича «Александро-Невская Лавра. 1713–1913 гг.». С.-Петербург, 1913. – Варшава: Тип. Варшавского Учеб. Округа, 1914. – 6 с.
381. *Горчаков М.И., протоиерей.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). Сочинение С.Г. Рункевича. СПб. 1900. Стр. 429+II / Отчет о сорок третьем присуждении наград графа Уварова // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1902.
382. *Жукович П.Н.* Отзыв о сочинении г. Рункевича: «История Минской архиепископии (1793–1832 гг.), с подробным описанием хода воссоединения западнорусских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг.». СПб., 1893. – СПб.: Тип. Акад. Наук, 1896. – 10 с.
383. *Харламович К.В.* Александро-Невская Лавра 1713–1913. Историческое исследование доктора церковной истории С.Г. Рункевича. СПб., 1913. – Казань: Центр. тип., 1914. – 8 с.
384. *Michnowiecki Modest.* Runkiewicz Stefan: Istorja minskoj archijepiskopii. Petersburg 1893 // Kwartalnik Historychny. – 1895. – S. 123–124.

1.3. Делопроизводственная документация

385. Алфавитный указатель к Журналам и протоколам заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. – СПб.: Синод. тип., 1909. – 8, 462 с.
386. Высочайше утвержденные определения Св. Синода об учреждении Предсоборного Совещания // Ц Вед. – 1912. – №9. – С. 53–54.
387. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви [1–180]. – М.: Новоспасский монастырь, 1994–2000. – Тома 1–11.
- Том 1. Документы и материалы. Деяния 1–16. – М., 1994 [Репринт. воспр. кн. 1 (вып. 1–3) изд. 1918 г.].
- Том 2. Деяния 17–30. – М., 1994 [Репринт. воспр. кн. 3 (вып. 1–2) изд. 1918 г.].
- Том 3. Деяния 31–40. – М., 1994 [Репринт. воспр. кн. 3 изд. 1918 г.].
- Том 4. Деяния 41–51. – М., 1996 [Репринт. воспр. кн. 4 (вып. 1–2) изд. 1918 г.].
- Том 5. Деяния 52–65. – М., 1996 [Репринт. воспр. кн. 5 изд. 1918 г.].
- Том 6. Деяния 66–77. – М., 1996 [Репринт. воспр. кн. 6 (вып. 1–2) изд. 1918 г.].
- Том 7. Деяния 83–101. – М., 1999.
- Том 8. Деяния 112–117. – М., 1999.
- Том 9. Деяния 118–136. – М., 2000.
- Том 10. Деяния 137–151. – М., 2000.
- Том 11. Деяния 152–170. – М., 2000.
388. Извлечение из журнала Правления Минского Духовного Училища // Минские Ев. – 1877. – №14. – С. 368; №19. – С. 505–513.
389. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. – М.: ПСТГУ, 2006. – 925 с.

390. Журналы заседаний Совета Академии за 1887–1888 год.
391. Журналы заседаний Совета Академии за 1890–1891 год.
392. Журналы заседаний Совета Академии за 1893–1894 год.
393. Журналы заседаний Совета Академии за 1901–1902 год.
394. Журналы и протоколы высочайше учрежденного Председательского Присутствия. – СПб., 1906–1907. – Т. I–IV.
395. Записки Религиозно-Философских Собраний в С.-Петербурге. Заседание XVII и XVIII // Новый путь. – 1903. – С. 421–472.
396. Записки Религиозно-Философских Собраний в С.-Петербурге. Заседание XIX // Новый путь. – 1903. – С. 421–472.
397. К вопросу об изменении формы наградного списка священнослужителей и клировых ведомостей // Ц Вед. – 1909. – С. 421–426.
398. Книжная летопись. – СПб. (Пг.), 1907–1916.
399. Копия письма Ст. Рункевича на имя Его Преосвященства // Минские Ев. – 1894. – №8–9. – С. 181–183.
400. Краткий список лицам, служащим по ведомству Православного Исповедания на 1915 год. Изд. Св. Синода. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 134, XIV с.
401. Магистерский коллоквиум // ЦВ. – 1894. – №8. – С. 123.
402. Об ознакомлении воспитанников духовно-учебных заведений с губительными последствиями алкоголизма. (Из доклада члена Учебного Комитета при Св. Синоде С.Г. Рункевича) // Прибавления к Ц Вед. – 1909. – №26. – С. 1182–1186.
403. Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1892–1893 г. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893.
404. Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1894–1895 г. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1895.

405. Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви за 1895–1896 г. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896.
406. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1890 год // ХЧ. – 1891. – Ч. I. – С. 333–335.
407. Отчет о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии за 1891 год // ХЧ. – 1892. – Ч. I. – С. 311–312.
408. Отчет о тридцать седьмом присуждении наград графа Уварова // Записки Императорской Академии Наук. – СПб., 1895. – Т. 2. – №1.
409. Отчет по Русскому Собранию за 1912 год. – СПб.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1913.
410. Отчет по Русскому Собранию за 1913 год. – СПб.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1914.
411. Отчет по Русскому Собранию за 1914 год. – Пг.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1915.
412. Отчет по Русскому Собранию за 1916 год. – Пг.: Тип. Редакции период. изданий Министерства Финансов, 1917.
413. Отчеты о состоянии и деятельности Императорского СПб. университета за 1901–1907 гг. – СПб., 1902–1908.
414. Памятная книжка ведомства учреждений Императрицы Марии 1914 г. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1914. – ХСVII, 417 с.
415. Православный календарь на 1919 г.: 7427–7428 от Сотворения мира. Год 5-й. – М.: Высш. Церковн. Совет, 1918. – 24 с.
416. Предсоборное присутствие Всероссийской церкви. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия. – СПб.: Синод. тип., 1906. – Т. II. – 674 с.
417. Разрядный список учеников Минской Духовной Семинарии, окончивших курс учения в 1887 году // Минские Ев. – 1887. – №12. – С. 274–275.

418. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
419. Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. – М., 1921.
420. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений: в 4 вып.: Прил. к «Деяниям» 2-е. – М.: Собор. Совет, 1918 [Репринт: М., 1994].
421. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 1015 с.
422. Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. – СПб.: Борей, 1994. – 464 с.
423. Список лиц, служащих по ведомству министерства внутренних дел. – СПб., 1912. – 330, X с.
424. Циркуляр по Духовно-учебному ведомству. – СПб.: Синод. тип., 1911. – №26.

2. Архивные материалы

425. Архив РАН (СПб.). Ф. 764 (Бычков А.Ф.). Оп. 2. Д. 384.
426. ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 63, 320.
427. НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35071, 36111, 40884, 41162.
428. НИАБ. Ф. 136. Оп. 18. Д. 51.
429. НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевича). К. 1. Д. 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 19, 20, 25.
430. НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевича). К. 6. Д. 17, 18.
431. НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевича). К. 8. Д. 2, 8, 9.
432. НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевича). К. 9. Д. 9.
433. НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевича). К. 12. Д. 20.
434. ОР РНБ. Ф. 91 (Борис (Плотников В.В.)). Д. 496.
435. ОР РНБ. Ф. 120 (Бычковы). Д. 2133.

436. ОР РНБ. Ф. 194 (Глубоковский Н.Н.). Оп. 1. Д. 762, 1329.
437. ОР РНБ. Ф. 244 (Делянов И.Д.). Д. 91.
438. ОР РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 900, 907.
439. ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С.Ф.). Д. 4069.
440. ОР РНБ. Ф. 874 (Шубинского). Оп. 1. Д. 56, 62.
441. РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 36, 37.
442. РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 269, 778.
443. РГИА. Ф. 797. Оп. 31. I отд. I ст. Д. 138.
444. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 112, 497, 528, 537.
445. РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 110, 156, 161, 181, 191, 192.
446. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 26.
447. ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 2. Д. 99.
448. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9540, 9788.
449. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35209, 36417, 37459, 39581, 40124, 50665.
450. ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 5499.

3. Фотоматериалы

451. Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. – СПб.: Лики России, 2003. – 429 с.
452. Библиотека Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии и Семинарии. Альбомы: «Выпуск LIV С.-Петербургской Духовной Академии 1893–1897»; «LX. 1899–1903»; «LXII курс С.П.Б. Духовной Академии 1901–1905»; «LXIII курс С.П.Б. Духовной Академии 1902–1906»; «С.-Петербургской Духовной Академии выпуск LXVI курс 1905–1909».
453. ИИМК РАН. Ед. хр. 0288-15, 0288-16.
454. ЦГАК СПб. Ед. хр. В-4633; Г-187; Д-484; Д-1816; Д-12126; Д-16691; Е-1677; Е-2218; Е-8602; Е-12197; Ж-361.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А.К.* О программах преподавания в духовных семинариях и училищах // Прибавления к Ц Вед. – 1915. – №4. – С. 112–115.
2. *Алексеев А.А., Пирютко Ю.М.* Александро-Невская лавра в описаниях и исследованиях / Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 3–26.
3. *Айвазов И.* «Новый путь» в его отношении к старым путям и к православной Церкви // Миссионерское Обозрение. – 1903. – №8, 9, 14, 16.
4. *Афанасьев Н.И.* Современники. Т. II. – СПб., 1910.
5. *Белякова Е.В.* Вопрос о церковном суде на поместном Соборе 1917–1918 гг. – <http://www.pravoslavie.ru>
6. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни: Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. – М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. – 664 с.
7. *Бердяев Н.* Сборник сочинений. Т. I. – Париж, 1989. – 424 с.
8. Библиография // Русский Вестник. – 1900. – Т. 266 (март). – С. 256–261.
9. Библиография // Русский Вестник. – 1902. – Т. 277 (январь). – С. 246–250.
10. *Благовещенский П.* В Борьбе за трезвость // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №42. – С. 1781–1785; №43. – С. 1821–1823.
11. *Бычков С.* Русская Церковь и императорская власть. (Очерки по истории Православной Российской Церкви 1900–1917 годов). Т. 1. – М., 1998. – 318 с.
12. В церковных кругах перед революцией. (Из писем архиепископа Антония Вольнского к митрополиту Киевскому Флавиану) // КА. – 1928. – №6. – С. 204–213.

13. *Верховский П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении Церкви и государства в России. Исследование в области истории русского церковного права. Т. 1–2. – Ростов-на-Дону: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916.
14. Вестник императорского общества ревнителей истории. Вып. 3. – Пг.: Тип. П.П. Сойкина, 1916.
15. *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863–1864 гг. – <http://www.portal-slovo.ru>
16. *В.С.* Державная воля Государя Императора (о созыве чрезвычайного Собора Всероссийской Церкви) // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №2. – С. 41–44.
17. *Гиппиус З.Н.* Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – 460, [1] с., [2] л. ил.
18. *Голубцов С.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. – М., 1999. – 208 с.
19. *Голубцов С.* Профессора МДА в начале XX века. – М., 1999. – 124 с. + портр.
20. *Гринякин Н.* «Кого ищите»? К ищущим «новопутейцам» о «Новом пути», «плоти» и «браке» // Миссионерское Обозрение. – 1903. – №9, 10.
21. *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений: православие и русская литература в XVII–XX веках. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. – 1056 с.
22. Заседание членов Высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию Синодального Архива // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №10. – С. 513–514.
23. *Здравомыслов К.* О мерах к охранению вещественных и письменных памятников родной старины // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №8. – С. 392–394.
24. *Здравомыслов К.* Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по описанию Архива Святейшего Синода // Приложение к Ц Вед. – 1915. – №49. – С. 2446–2452.

25. *Иларион (Алфеев), епископ.* Священная тайна Церкви. Т. 1–2. – СПб.: Алетейя, 2002.
26. *Ильин И.А.* Русские писатели, литература и искусство. – Вашингтон, 1973. – 285 с.
27. *И[оанн] П[ашин], священник.* Протоиерей Василий Иоаннович Завитневич (некролог) // Минские Ев. – 1817. – №19–20.
28. *Ионов А.С.* Архивы Русской Православной Церкви в 1917–1921 гг.: Дипломная работа выпускника Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Научн. руководитель – проф. Е.В. Старостин. – М., 2003. – 149 л. + 77 л. прил. (рукопись).
29. История Владикавказской епархии. – <http://ive1875.narod.ru>
30. История исторической науки в СССР Дооктябрьский период. Библиография. – М.: Изд. Наука, 1965. – 703 с.
31. История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933). Материалы конференции. – г. Сэнтендре (Венгрия): изд. Обители Преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 2002. – 580 с.
32. Жертвы шляхетско-ксендзовского мятежа // Вестник Юго-Западной и Западной России, 1863. – Т. II. – С. 91–93; Т. IV. – С. 56–58.
33. К 200-летию юбилею Святейшего Синода // Прибавления к Ц Вед. – 1912. – №25. – С. 1046.
34. *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Православной Церкви. Т. II. – СПб.: Библиополис, 2004. – 589 с.
35. *Катанский А.Л.* Воспоминания старого профессора (с 1847 по 1913 гг.) // ХЧ. – 1916. – Ч. I. – С. 184–212, 283–308, 394–420; 1917. – С. 58–90, 163–191, 362–378.

36. *Кашиеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2005. – 348 с.
37. Книга Беларусі. Зводны каталог. 1517–1917. – Мінск.: Беларуска Савецк. Энцыкл., 1986. – 615 с.
38. *Крестовский В.В.* Кровавый пуф. Кн. 2. – М.: Современный писатель, 1995.
39. *Мануил (Лемешевский), митрополит.* Русские православные иерархи (992–1892). Т. I–III. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2002–2004.
40. Материалы к истории трехлетнего заключения православного епископа Виктора Садковского в польских тюрьмах / П.Ф. Николаевский // Христианское чтение. – 1892. – Ч. 2. – С. 165–201.
41. *Митрофанов Георгий, протоиерей.* История Русской Православной Церкви 1900–1927. – СПб.: Сатисъ, 2002. – 443 с.
42. *Мухина С.Л.* Архивы С.Д. Нечаева, поэта, писателя, историка и археолога. – <http://www.lipetsk.ru>
43. На пути к Поместному Собору (февраль – август 1917 года). – <http://www.rusoir.ru>
44. *Н[иколай] Г[ригорьевич] Р[ункевич].* Великий царь-миротворец и его заветы. – СПб.: Тип. И.В. Леонтьева, 1909. – 132.
45. *Николай (Трусковский), архимандрит.* Историко-статистическое описание Минской епархии. – СПб., 1864.
46. *Никон (Рклицкий), епископ.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. II. – Нью-Йорк, 1957. – 352 с.
47. Новая программа по истории русской Церкви для Духовных Семинарий // Прибавления к Ц Вед. – 1916. – №30. – 752–753.

48. О нашем высшем церковном управлении // Русский Вестник. – 1891. – Т. 213 (апрель). – С. 4–42.
49. О преобразовании церковного управления в России // Прибавления к Ц Вед. – 1914. – №45. – С. 1897–1905.
50. О религиозно-философских собраниях // Миссионерское Обозрение. – 1903. – №8. – С. 1240–1243.
51. *Ореханов Георгий, иерей*. На пути к Собору. – М.: Изд. Правосл. Свято-Тихоновского Богослов. института, 2002. – 221 с.
52. О[тец] Иоанн Кронштадтский о старом и новом пути спасения // Миссионерское Обозрение. – 1903. – №5. – С. 690–692.
53. Открытие заседаний особого присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского собора // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №10. – С. 469–681.
54. План исторических изданий к 200-летию Святейшего Синода // Прибавления к Ц Вед. – 1913. – №26. – С. 1243–1249.
55. Православие. Библиографический указатель книг на русском и церковнославянском языках 1818–1993 гг. – М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского Богословск. Института, 1999. – 504 с.
56. Православная Богословская Энциклопедия. Т. I. – Пг.: Изд. А.П. Лопухина, 1900.
57. Предсоборное совещание // ЦВ. – 1912. – №19. – С. 580–581.
58. Профессор М.О. Коялович (некролог) // ЦВ. – 1891. – №35. – С. 556–560.
59. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 томах. Т. 2. Стихотворения 1825–1836. Примеч. Т. Цявловской. – М.: Худож. лит., 1974. – 684 с.

60. Пятидесятилетие высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. – Пг.: Синод. тип., 1915. – VI, 454 с., портр.
61. *Регильсон Л.* Трагедия Русской Церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 629 с.
62. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Около церковных стен / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1995. – 558 с.
63. Романовский высший женский Педагогический Институт с сельско-хозяйственным курсом в Ляличском дворце // Прибавления к Ц Вед. – 1916. – №40. – С. 978–981.
64. Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.). Материалы по истории Церкви. Кн. 8. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 271 с.
65. *Ростовский А.* О сохранении памятников старины // Прибавления к Ц Вед. – 1908. – №24. – С. 1124–1127; №25. – С. 1158–1161; №26. – С. 1226–1228.
66. *Рункевич Н.Г.* Краткая записка о С.-Петербургской духовной семинарии за сто лет (1809–1909 гг.). – СПб., 1909.
67. *Рункевич Н.Г.* Памяти просвещенного благотворителя. – СПб.: Тип. «Россия», 1912. – 31 с.
68. [*Рункевич С.Г.*]. Русская Церковь в XIX веке / История Православной Церкви в XIX веке (славянские церкви). – М.: Изд. Московского Подворья Свято-Троицкой Лавры, 1998 [Репринт. воспр. изд. 1901 г.].
69. *Саран А.Ю.* История почты Орловского края. – <http://www.ufps.orel.ru>
70. *С[вященник] П[авел] А[фонский]*. Торжественное празднование в г. Минске столетия со времен учреждения самостоятельной Минской епархии (1793 – 13 апреля – 1893) // Минские Ев. – 1893. – №9–10. – С. 247–256.
71. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия / Сост. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, Гизела-Афанасия Шредер,

- Гюнтер Шульц. – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2002. – 452 с.
72. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия / Сост. А.А. Плетнева, Гюнтер Шульц. – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2001. – 542 с.
73. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Третья сессия / Сост. А.Г. Кравецкий, Гюнтер Шульц. – М.: Изд. Крутицкого подворья, 2000. – 430 с.
74. Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за (1888–1904) / Сост. Б.М. Городецкий. – СПб., 1908.
75. Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за (1905–1911) / Сост. Е. Рудаков и Г. Мартемьянов. – СПб., 1915.
76. *Слободнюк С.Л.* «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1880–1930 гг.). – СПб.: Алетейя, 1998. – 427 с.
77. Словарь псевдонимов русских писателей / И.Ф. Масанов. – М., 1958. – Т. 3.
78. *Смолич И.К.* История Русской Церкви 1700–1917. Т. 8. Ч. 2. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 799 с.
79. *Соболевский А.И., академик.* По поводу думского законопроекта о мерах к охранению памятников древности // Прибавления к Ц Вед. – 1912. – №23. – С. 943–947.
80. С.-Петербургский исторический очерк. – СПб., 1909. – 92 с., 13 л. ил., 1 отд. л. план.
81. *Тарасов К.К.* К 80-летию восстановления патриаршества // Богословские труды. – 1998. – Вып. 34. – С. 186–192.
82. *Теплова В.А.* М.О. Коялович и русская православная историография / М.О. Коялович. История воссоединения

- западнорусских униатов. – Минск.: Лучи Софии, 1999. – 399 с.
83. *Тихомиров Д.* О типе духовной школы // Прибавления к Ц Вед. – 1909. – №22. – С. 982–990.
84. *Успенский В.* Вопрос о «догматическом развитии» на Петербургских Религиозно-Философских Собраниях // ХЧ. – 1904. – №11–12.
85. *Фирсов С.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). – М., 2002. – 623 с.
86. *Флоровский Георгий, протоиерей.* Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – 599 с.
87. Церковно-приходская жизнь (Новые духовные журналы) // Прибавления к Ц Вед. – 1906. – №2. – С. 73–74.
88. Церковные вести // Колокол. – 1916. – №3051. – С. 3.
89. *Чехов А.П.* Собрание сочинений. Т. 12 (Письма 1893–1904). – М.: Художественная литература, 1964.
90. *Чистяков П.* Минские Епархиальные Ведомости конца XIX – начала XX столетия как источник по церковному краеведению Беларуси // Минские Ев. – 2003. – №1. – С. 51–54.
91. *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. – М.: Артос-Медиа, 2005. – 510 с.
92. *Щеглов Г.Э.* 1863-й. Забытые страницы. – Мн.: Православное Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске, 2005. – 60 с.
93. *Z[инченко И.К].* О нашем высшем церковном управлении // Русский Вестник. – 1891. – Т. 213 (апрель). – С. 4–42.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Труды С.Г. Рункевича, вышедшие отдельными изданиями

1. Студенты проповедники / С.Г. Р[ункевич]. – СПб., 1892. – 16+58 с.
2. Письма к разным лицам преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа (I–CL) / Собр. и объясн. С.Г. Рункевичем. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1892. – 201, XVI с., алф. указ. 16 с. – (Извл. из: Минских Ев. – 1891. – №23, 24; 1892. – №1 – 12, 15–24).
3. Дело об арестовании преосвященного Виктора Садковского 18 апреля 1789 г. – Минск, 1892. – 22 с.
4. Материалы для истории Минской епархии / Собр. и объясн. С.Г. Рункевичем. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1892.
5. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апр. 1893). – Минск: Типо-лит. Б. И. Соломонова, 1893. – 127, IV с.
6. К истории Минского кафедрального собора. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1893. – 12 с. – (Извл. из: Минских Ев. – 1893. – №21).
7. История Минской архиепископии (1793–1832): С подробным описанием хода воссоединения западно-русских униатов с Православной Церковью в 1794–1796 гг.: Исслед. Стефана Рункевича. – СПб.: Тип. А. Катанского и К., 1893. – 16, 572, XXXVIII с.
8. К истории монастырей Минской епархии. – Вып. 1: Описание монастырских земельных владений и угодий, составленное в 1800 году. – 1894. – 25 с. – (Извл. из: Минских Ев. – 1894. – №2–5); Вып. 2: Историческое описание

- монастырей, составленное в 1800 году. – 1894. – 27 с. – (Извл. из: Минских Ев. – 1894. – №7–11).
9. Епархиальное управление православными монастырями и церквами нынешней Литовской епархии до учреждения православной литовской кафедры. – Вильно: Губ. тип., 1894. – 16 с. – (Извл. из: Литовских Ев.).
 10. Переписка Филарета, митрополита Московского, с С.Д. Нечаевым. – СПб., 1895. – VI, 288 С. (Под редакцией С.Г. Рункевича).
 11. Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия (Брянчанинова) с С.Д. Нечаевым. – СПб., 1895. – 45 с.
 12. Служебный путь преосвященного Виктора Садковского, первого Минского архиепископа. – Минск, 1895. – 23 с.
 13. Доброе слово. Кн. 1-я. Из поучений Высокопреосвященнейшего Палладия, митрополита С.-Петербургского и Ладожского / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Яковлева, 1895. – 160 с.
 14. Доброе слово. Кн. 2-я. Из поучений Высокопреосвященного Антония, архиепископа Финляндского и Выборгского / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Яковлева, 1895. – 144 с.
 15. Доброе слово. Кн. 3-я. Из поучений Высокопреосвященного Владимира, экзарха Грузии. Вып. 2-й / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 76 С. (2-е издание. Митрополита Московского. – СПб., 1899. – 78 с.).
 16. Доброе слово. Кн. 4-я. Из поучений прот. И. И. Сергиева / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 144 с.
 17. Доброе слово. Кн. 5-я. Из поучений Преосвященного Макария, епископа Томского и Барнаульского / Изд. Народная Академия С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Либермана, 1896. – 64 с.

18. Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия. Письма к бывшему Обер-Прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву А.С. Стурдзы, Ф.А. Голубинского, архимандрита Фотия и С.А. Пушкина. – СПб.: Печатня Яковлева, 1896. – 38 с.
19. Современные проповедники: (Крит. очерки). – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. – 14 с. – (Извл. из: ЦВ. – 1896. – №2–3).
20. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов.
Т. 1: (1470–1700). – СПб.: Синод. тип., 1897. – VIII, 502 с., IV л. ил.
Т. 2: (1701–1839). – СПб.: Синод. тип., 1907. – VIII, 1631 с.
21. Правила богоугодной жизни. Из творений святого Василия Великого, архиепископа Кесарии Капподакийской. Изд. 1. – СПб., 1898. – VIII, 152 с. (Изд. 2. – СПб.; Изд. 3: Училищного Совета при Св. Синоде. – СПб., 1903).
22. Религиозные мотивы в сочинениях А.С. Пушкина. – СПб.: Тип. Лопухина, 1899. – 29 с. – (Извл. из: ХЧ. – 1899).
23. Приходская благотворительность в Петербурге: Ист. очерк С.Г. Рункевича. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1900. – XVI, 313, VI с., 2 вкл. и табл.
24. Новая жизнь / С.Г. Р[ункевич]. – М.: Унив. тип., 1900. – 15 с.
25. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1900. – II, 429, II с.
26. Русская Церковь в XIX веке // История Христианской Церкви в XIX веке / Под ред. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – Т. 2 – 232 с., 12 л. ил.

27. Русская Церковь в XIX веке. (Оттиск из изд. «История Христианской Церкви в XIX веке»). – СПб.: Тип. А.П. Лопухина. – СПб., 1901. – 232 с., 12 л. ил.
28. Об условиях деятельности христианина по наставлениям святого Василия Великого / Речь в общем собрании С.-Петербургского братства Пресвятыя Богородицы доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1905. – 19 с.
29. О добродетелях и подвигах по творениям святого Василия Великого. – СПб.: Тип. Фроловой, 1906. – 166 с.
30. Архиеереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. Вып. 1. – СПб.: Тип. Монтвида, 1906. – IV, 194 с. – (Извл. из: Странник. – 1904. – Окт. – дек; 1905. – Янв. – дек.).
Вып. 2. – [19–]. – 144 с. – Экз. деф.: текст обрывается на с. 144.
31. Митрополит Филарет и его время / С. Р[ункевич]. – М.: Тип. Штаба Моск. воен. Окр., 1908. – 21 с., 1 л. портр. (Оттиск из: Вера и Церковь. – 1907). – Авт. установлен по изд.: Словарь псевдонимов рус. писателей / И.Ф. Массанов. – М., 1958. – Т. 3. – 61 с.
32. Александро-Невская Лавра, 1713–1913 / Ист. исслед. д-ра церков. истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 17+999+62+45 с. – 277 снимков.
33. Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли / Из речи в собрании, посвященном торжественному воспоминанию 650-летия со дня кончины св. Александра Невского в Обществе ревнителей истории 13 ноябр. 1913 г. и в Александро-Невской Лавре 24 ноябр. 1913 г. доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 27 с., ил.

34. Новый опыт оживления приходской самодеятельности / Сообщение доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 19 с. – (Оттиск из: Прибавления к Ц Вед. – 1914).
35. Святой священномученик Игнатий Богоносец и его творения. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 44 с.
36. Приходская благотворительность в Петербурге. К вопросу о приходе / Из лекции в Гатчинском Благотворительном Обществе доктора церковной истории С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 19 с. – (Оттиск из: Приходское Чтение. – 1914).
37. Святой великий князь Владимир Равноапостольный и сущность исторического его значения / Речь в торжественном собрании Общества ревнителей истории 28 марта 1915 г., посвященного девятистолетию со дня кончины св. кн. Владимира 15 июля 1015 г. доктора церковной истории С.Г. Рункевича. Изд. 1–2. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 30 с.; Изд. 3. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 31 с.
38. Великая отечественная война и церковная жизнь: Ист. очерки д-ра церков. истории С.Г. Рункевича. – Пг.: Синод. тип., 1916.
Кн. 1: Распоряжения и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. – Синод. тип., 1916. – (2), 358 с.
39. На память о почившем Михаиле Григорьевиче Рункевиче (21 авг. 1916 г.) – Пг.: Синод. тип., 1916. – 10 с., 1 л. портр.

Под редакцией С.Г. Рункевича

40. Описание архива Александро-Невской Лавры за время царствования Императора Петра Великого. Т. 1: (1713–1716 гг.). – СПб.: Синод. тип., 1903. – VI, 1119, 114 с.;

Т. 2: (1717–1719 гг.). – СПб.: Синод. тип., 1911. – X, 1928 с.; Т. 3: (1720–1721 гг.). – Пг.: Синод. тип., 1916. – VI, 848 с.

41. Святой благоверный великий князь Александр Невский и Александро-Невская Лавра. – СПб., 1913. – 16 с.
42. *Благовещенский П.А.* О борьбе с хулиганством. Из епархиальной жизни / Под ред. С.Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 12 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	5
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	10
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1867–1899)	11
1.1. Детство и годы учебы.....	11
1.2. Санкт-Петербургская духовная академия и первые научные труды	30
1.3. Определение на службу и расширение церковно-общественной деятельности.....	50
1.4. Магистерская диссертация	64
1.5. Последние труды по истории православия на Беларуси.....	83
1.6. «Народная Академия».....	86
ГЛАВА 2. НА ВЕРШИНЕ ТВОРЧЕСТВА (1900–1907).....	107
2.1. Большие замыслы и новые горизонты	107
2.2. Доктор церковной истории	130
2.3. Архив Александро-Невской Лавры. Религиозно-философские собрания. Взгляд на церковную жизнь Петровской эпохи	161
2.4. Предсоборное Присутствие	185
ГЛАВА 3. СЛУЖБА (1908–1914).....	201
3.1. Особые поручения.....	201
3.2. В Учебном комитете.....	207
3.3. К вопросу о кодификации церковных законов.....	225
3.4. В духовных семинариях	235
3.5. Юбилеи. Летописец Александро-Невской Лавры.....	246
ГЛАВА 4. ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ (1914–1924).....	273
4.1. Война. Утраты	273
4.2. Подготовка к Всероссийскому Поместному Собору	297
4.3. Всероссийский Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов.....	305
4.4. Делегация Высшего церковного управления.....	326
4.5. Архивы Высшего церковного управления	346

ПОСЛЕСЛОВИЕ	380
БИБЛИОГРАФИЯ	383
ИСТОЧНИКИ.....	383
1. Опубликованные	
1.1. Печатные труды С.Г. Рункевича	383
Издания под редакцией С.Г. Рункевича	403
Готовились к печати (в 1914 г.)	404
Статьи С.Г. Рункевича в «Православной богословской Энциклопедии»	404
1.2. Отзывы на труды С.Г. Рункевича	414
1.3. Делопроизводственная документация.....	415
2. Архивные материалы	418
3. Фотоматериалы.....	419
ЛИТЕРАТУРА	420
ПРИЛОЖЕНИЕ	428
Труды С.Г. Рункевича, вышедшие отдельными изданиями.....	428
Под редакцией С.Г. Рункевича.....	432

Духовно-просветительное издание

Щеглов Гордей Эдуардович

Степан Григорьевич Рункевич
(1867-1924)

ЖИЗНЬ И СЛУЖЕНИЕ
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Научный редактор

В.А. Теплова

Художественное оформление

Г.Э. Щеглов, Е.В. Шабад

Фото на обложке

В.Ф. Сутягин

Верстка

А.Е. Шабад

Корректор

Л.В. Сутягина

Подписано в печать 10.06.2008. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Гарнитура "Times New Roman". Печать офсетная.
Усл.печ.л. 2.32. Тираж 700 экз. Заказ №
Издательство ООО «ВРАТА»

220099 г. Минск, ул. Брестская, д. 34, комн. 34
т. [017] 212-85-16

E-mail: nebo@vrata.by

Лицензия № 02330 / 0150259 от 08 апреля 2008 г.